ФЁДОР РАЗЗАКОВ

Марина Влади и Высоцкий

ФРАНЦУЖЕНКА И БАРД

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Я дышу, и значит — я люблю! Я люблю, и значит — я живу!» Эти строки родились из-под пера Владимира Высоцкого не случайно, а как итог его отношений с Мариной Влади. Поэтому в народной памяти эта пара до сих пор остается неразделимой. Считается, что именно Марина Влади в каком-то смысле «сделала» Высоцкого, подарив ему судьбу — яркую и красивую, как в кино. Но реальная жизнь, как известно, порой сильно отличается от того, что нам показывают на экране. Вот и в любви Высоцкого и Влади помимо одухотворенной и страстной стороны, о которой пел бард, была и другая, до сих пор таящая в себе множество тайн и загадок. Каких? Тем, кто хочет найти ответы на вопросы, следует читать книгу Ф. Раззакова, в которой автор показывает историю взаимоотношений Высоцкого и Влади с самых неожиданных сторон.

- Федор Ибатович Раззаков
  -
  - Четыре брака на двоих
  - Случайная встреча в неслучайное время
  - Любовь под «колпаком» и… черным флагом
  - Развод и женитьба в одном флаконе
  - «Нате, пейте кровь мою…»
  - Боливар не выдержит двоих
  - «Меня к себе зовут большие люди…»
  - «Потому что мы рвемся на Запад…»
  - «Я из народа вышел поутру…»
  - «Враг не ведал, дурачина…»
  - «Кто в фонтане купается — тот богач»
  - «Чувствую, сам сяду на иглу…»
  - «Я где-то точно наследил…»
  - «За что мне эта злая, нелепая стезя?..»
  - «Я из дела ушел, из такого хорошего дела…»
  - «Я когда-то умру…»
  - Использованная литература

Федор Ибатович Раззаков
Марина Влади и Высоцкий. Француженка и бард (Вечная история любви)

* * *
Я поля влюбленным постелю —
Пусть поют во сне и наяву!..
Я дышу, и значит — я люблю!
Я люблю, и значит — я живу!

Эти строчки родились из-под пера Владимира Высоцкого не случайно, а стали плодом его отношений с Мариной Влади. Поэтому в народной памяти эта пара до сих пор остается неразделимой. Считается, что именно Марина Влади в каком-то смысле сделала Высоцкого, подарив ему судьбу, яркую и красивую, как кино. Но реальная жизнь, как известно, порой сильно отличается от того, что нам показывают на экране. Вот и в любви Высоцкого и Влади, помимо одухотворенной и страстной стороны, о которой пел бард, была и другая, до сих пор таящая в себе множество тайн и загадок. Каких? Тем, кто хочет найти ответ на этот вопрос, следует прочитать эту книгу, в которой делается попытка рассказать историю взаимоотношений Высоцкого и Влади с разных сторон, в том числе и самых неожиданных.

Четыре брака на двоих

Прежде чем связать стать мужем и женой, Владимир Высоцкий и Марина Влади уже успели дважды побывать в официальных браках. Причем первой это сделала Влади, которая еще в 1955 году вышла замуж за знаменитого актера и режиссера российского происхождения Робера Оссейна (1927) — своего «крестного отца» в большом кинематографе. Отметим, что и сама Влади является русской по происхождению.

Она родилась на три с половиной месяца позже Высоцкого, 10 мая 1938 года, в Париже, в семье Владимира Полякова-Байдарова — артиста оперных театров в Париже и Монте-Карло, уроженца Москвы, переехавшего во Францию во время Первой мировой войны, и Милицы Энвальд, балерины, дочери русского генерала. Псевдоним «Влади» Марина взяла в честь отца.

Свою карьеру в кино Марина начала в 11-летнем возрасте — в 1949 году, сыграв небольшую роль в фильме «Летняя гроза». Причем в большое кино ее привела родная мама, которая именно в ней увидела задатки будущей кинозвезды; остальные три ее дочери — Ольга (1928), Татьяна (1930) и Милица (1932) — были в этом отношении куда скромнее). Вот как об этом рассказывает Татьяна Марет-Фролофф (1923) — женщина, которая была вхожа в их семью и дружила с родителями Влади, поскольку ее родители тоже были из России:

«Марина даже девочкой была очень раскованной. Красивой, дерзкой и настойчивой. Помню случай: Маринке было лет пять, и кто-то из друзей Поляковых подарил ей куклу в русском костюме. Естественно, другие дети захотели поиграть с таким подарком. Но Маринка прижала куклу к себе, топала ногами, плакала и не позволила никому дотронуться до игрушки. Я тогда очень на нее рассердилась, потому и запомнила тот случай. Вся семья Поляковых была творческой: мать — балерина, отец пел романсы. И дочерей они заставляли заниматься танцами. Особенно нравилось это Маринке. Она всегда танцевала с элементами стриптиза. И ее родители это поощряли, они хотели, чтобы их красивая дочка стала известной, снималась в кино. Хорошо помню один Рождественский праздник. На Маринке было голубое платье с синим бантом на поясе. Когда она танцевала, то поднимала платье и ноги так высоко, что были видны ее трусики. И делала она это сознательно. Взрослые хлопали и хвалили ее. Она очень рано научилась соблазнять нужных мужчин, и стать актрисой было ее призванием…

Мама внушала девочке, что для достижения известности все

средства хороши. И она внимала этим урокам. Ольга, сестра Марины Влади, рассказывала мне, что Марина потеряла девственность в 15 лет. А первым мужчиной будущей актрисы стал, разумеется, кинопродюсер, причем с благословения матери. Именно таким образом будущая звезда получила свою первую роль в фильме «Черные перья». После выхода этой картины у нее испортился характер…

На этой же картине она познакомилась с 27-летним Марчелло Мастроянни. Она потом признавалась, что он преподал ей первые уроки флирта. Уже опытный в сердечных делах Мастроянни ввел юную подружку в кинотусовку. А Марина тут же переключилась на Марлона Брандо. Влюбилась в него и всерьез строила планы. Но она ему была совершенно не нужна, Брандо хватило ума не связываться с малолеткой. И тогда ее охватила сильнейшая депрессия. Марина закрывалась в комнате, рыдала, швыряла посуду… Однажды, когда девушка в очередной раз закрылась, близкие всерьез испугались, что она что-то сделает с собой, и им пришлось выламывать дверь. Прибегли и к помощи врача, лечил ее мой отец…

Она — настоящая хищница…»

После успешного дебюта в «Летней грозе» фильмы с участием юной Марины Влади стали выходить один за другим. Достаточно сказать, что за пять последующих лет (1950–1954) она снялась почти в 20 фильмах, где играла как главные, так и второстепенные роли. Поэтому в первой половине 50-х она уже стала одной из самых снимаемых молодых актрис французского кинематографа. Впрочем, снималась она не только во Франции, но и в соседней Италии, где только в период 1953–1955 годов сыграла сразу несколько ролей. Там же она сблизилась с коммунистами, что чуть позже скажется на ее дальнейшей судьбе. По ее же словам:

«Мне вспоминается начало 50-х, когда я работала в Италии с режиссерами-коммунистами — Висконти, Пепе де Сантисом, Уго Пирро, Тонино Гуэрра, Карло Лидзани… Мы участвовали в антифашистских демонстрациях, и иногда дело доходило до драк на улицах. Этот пройденный вместе с ними путь сблизил меня тогда с Итальянской коммунистической партией…».

С Робером Оссейном Влади познакомилась, когда ей было всего 11 лет. Напомним, что Оссейн имел русские корни, вернее, корни из России. Дело в том, что его отец — Аминулла Гусейнов — имел азербайджано-таджикские корни, а мама — Анна Миневская — еврейские. Так выйдет, что в последующем почти все мужья Влади обязательно будут иметь еврейские корни: и Бруйе, и Высоцкий, и Шварценберг. Впрочем, и у Высоцкого будет

похожая история — он тоже будет выбирать себе в жены евреек. Даже последняя его возлюбленная, на которой он собирался жениться перед самой смертью — Оксана Афанасьева, имела еврейские корни. Но об этом мы расскажем чуть позже, а пока вернемся к Оссейну. По его же словам:

«Встретились мы с Мариной благодаря моей знакомой актрисе Одиль Версуа. В те годы я активно снимался, жил в небольшом отеле на рю Сен-Лэр. Одиль как-то попросила меня сходить с ней за компанию в гости в один большой дружный дом в «Мезон-Лаффитс», где проживало милое русское семейство Поляковых. Одиль уверяла — будет весело. Поляковы чудные люди… Ну, я и пошел.

Едва переступил порог, сразу же обратил внимание па четырех прелестных дочек хозяйки, особенно на Марину, которой в ту пору было всего 11 лет. Но при этом талантливая девочка уже успела дебютировать в кино — успешно снялась в картине «Летняя гроза». Она была похожа на ангела! Золотые вакиты, лучистые глаза, бледная кожа! Такая хрупкая, эмоциональная, нежная! Но какие могут быть взаимоотношения между взрослым мужчиной и ребенком? Наши пути разошлись на несколько лет…

И вот однажды, случайно повстречав на улице Одиль, пригласил ее в театр «Ренессанс» на свой спектакль «Веревка», в котором играл главную роль. Она попросила разрешения прийти с подругами — сестрами Поляковыми: «Оставь билеты и на их имена — Олю, Лену и Марину»».

После представления прелестные создания шумной, душистой стайкой прилетели ко мне в гримерку. Они смеялись, отпускали мне комплименты, а я опять, как много лет назад, все никак не мог отвести глаз от Марины. Она подросла и расцвела, став настоящей красавицей.

Когда девушки ушли, моя коллега, снимавшая грим за соседним зеркалом, как бы невзначай бросила:

— А знаешь, ты ведь женишься на Марине.

— Ты что? — вскрикнул я. — Ей всего 16!

— Увидишь…

После бессонной ночи, тревожно задремав на рассвете, я проснулся совершенно влюбленным. Стал бегать по Парижу, скупать журналы с фотографиями Марины (о ее юном таланте тогда активно писали). Принялся навязываться в гости, и мы с ней часами бродили но городу, по паркам… Нам удалось даже вместе сняться в моем фильме «Мерзавцы попадают в ад» (1954). Помню, съемки проходили в курортном местечке, и в свободное время мы гуляли с Мариной по пляжу Эспигетт. Босиком. Я был совершенно очарован, одурманен ею. А она вела себя сдержанно.

И как-то раз заявила: «Перестань стараться понравиться мне, Робер, ты совсем не в моем вкусе. Впрочем, у меня есть к тебе предложение. Чтобы заполучить меня в жены, тебе надо будет чайной ложечкой вычерпать океан. Вот тогда я скажу тебе «да»».

Я не растерялся: «Потребуется очень много времени, но я это сделаю!»…

После того объяснения наш роман стал развиваться стремительно. Я чуть ли не жил в сказочном доме Поляковых, литрами поглощая ароматный чай из их уютного, вечно дымящегося самовара, растроганно слушал задушевные песни сестер и матери. Мы все играли в прятки, бегая наперегонки по заросшему парку… Казалось, в этом теплом оазисе я вдруг неожиданно обрел новую семью…

Вскоре Марина впервые надолго уехала сниматься в Швецию, в фильме «Колдунья» (в 1955 году, фильм снимал режиссер Андре Мишель по мотивам рассказа А. Куприна «Олеся». — *Ф. Р.*). Я за это время ни разу не позвонил и не написал ей ни строчки. Общие друзья передавали, что она переживает, грустит, и это заметно сказывается на ее актерской работе. Режиссер якобы кричал: «Дозвонитесь до ее мужа, потребуйте, чтобы навестил ее! Она же сохнет на глазах». Но меня что-то прочно удерживало на расстоянии, и я не предпринимал никаких шагов. Мне по сей день трудно подыскать слова, чтобы объяснить своё тогдашнее поведение… Возможно, где то глубоко в сердце я чувствовал, что наша любовь продлится недолго, и Марина — совсем не та женщина, о которой я мечтал. Эта «колхозная» жизнь — невозможность никуда спрятаться от пристальных глаз, самовар и песни хором — серьезно расшатывала и мою нервную систему. Мы с женой были вместе и одновременно врозь… Впрочем, я никогда не был уверен, что она испытывала ко мне такую же сильную любовь, как я к ней…

В тот же день я уехал на съемки, понимая, что больше у меня нет ни любимой, ни дома. Впрочем, это было лишь началом новых, непростых отношений — вечных ссор-примирений. Марина последовала за мной, купив билет на поезд, в котором ехал я, в соседнее купе. Мы помирились…

В 1956 году режиссер Жорж Лампен пригласил нас с Мариной и Жана Габена сниматься в картину «Преступление и наказание». Я был Раскольниковым, Марина — Сонечкой, а Жан Габен — Порфирием Петровичем. На съемках этого фильма мы и решили пожениться. В день свадьбы мы не снимались, но пришли с утра на съемочную площадку сообщить Габену счастливую новость. Потом взялись за руки и побежали, смеясь, черезз весь Булонский лес — расписываться…

Мы поселились у Марины, в «Мезон-Лаффите». И это, пожалуй, стало нашей самой главной ошибкой… Марина не хотела расставаться со своими привычками, сестрами, мамой и дорогой сердцу обстановкой, а я и не предполагал, что в результате окажусь единственным мужчиной в большой и дружной женской семье! Когда, например, я звал Марину: «Дорогая!», на мой призыв отзывались все четыре сестры: «Да-да?». Так что мне искренне казалось, что женился я не на одной сестре из семьи Поляковых, а сразу на всех четырех. Мы практически никогда не оставались наедине, у нас не было нашей тайны, нашего мира, нашего интимного пространства… И я стал чувствовать себя крайне неуютно. Мы стали ссориться, потом снова мириться. В таком ритме, постоянно выясняя, кто прав, кто виноват, прожили четыре года. Но были и победы: мы вместе снялись в девяти фильмах и произвели на свет двух сыновей — Игоря и Пьера…

Окончательно расстались уже в 1959 году — за один вечер, после долгой ссоры. Мне кажется, она так и не сумела расстаться со своим детством, мамой и домом, ничего не хотела менять в своей размеренной жизни ради меня. По этой причине мы не сумели свить общее гнездо. Нельзя строить отношения, когда лишь один человек готов на все ради другого, а второй… Я искренне и беззаветно любил Марину. А что испытывала ко мне она, так и осталось для меня загадкой…

Потом я собрал свои вещи, Марина вызвалась проводить меня до моста, где ждали друзья, согласившиеся приютить меня у себя на какое-то время. Шли молча. Попрощались. Я пошел через мост. Встретившись с друзьями, обернулся — она так и стояла одна, такая одинокая и потерянная… Увы, назад пути не было…

«Колдунья» сделала Марину звездой, я же продолжал отрабатывать в кино прочно закрепившийся за мной образ сомнительной личности, играл фашистских офицеров, бандитов, преступников и прочий сброд…»

Кстати, имя Роббера Оссейна в СССР было хорошо известно. Советский период славы этого актера начался в 1968 году, когда на наши экраны выйшел фильм «Анжелика и король», в котором Оссейн исполнил главную мужскую роль — возлюбленного Анжелики Жоффрея де Пейрака. Как заметил чуть позже сам актер: «…Как-то моя вторая жена сказала: «Когда тебя не станет, на твоём надгробии не напишут о твоих спектаклях, о романе, который ты написал… Из всего, что ты сделал, не останется ничего, кроме Жоффрея… маленькой фотографии Пейрака со шрамом на лице. И возможно, маленькая девочка положит цветок…»»

Итак, первый брак Влади продлился почти пять лет (1955–1959). В это же время встретил свою первую жену и Владимир Высоцкий. Звали его избранницу Иза Жукова (1937), они вместе учились в Школе-студии МХАТ. Правда, Иза была на год старше своего избранника и училась на курс старше — на третьем. К тому же, на момент знакомства она пребывала в законном браке. И хотя тот брак длился всего лишь… две недели, но факт остается фактом.

Между тем, в результате настойчивых ухаживаний Высоцкого Иза, еще не разведясь официально с первым мужем (он был против этого), осенью 1957 года переехала из московского общежития на Трифоновке в квартиру Высоцкого на Первой Мещанской, где он жил с матерью и отчимом. Жили молодые в отдельной комнатке, которая была проходной: на ночь ставили ширму, а днем ее убирали, и в нее мог зайти кто угодно — в ней даже соседи завтракали.

Летом 1959 года, когда Высоцкий пребывал в неофициальных отношениях с Жуковой, в Москву впервые приехала Марина Влади. Ее пригласили принять участие в Первом Московском международном кинофестивале, куда она привезла свой последний фильм «Приговор», который снял ее супруг Робер Оссейн, и он же сыграл в этой ленте главную мужскую роль — с ним Влади на тот момент была уже в шаге от развода. Приглашение Влади не было случайностью — «Приговор» был фильмом, по советским меркам, правильным. Влади играла в нем участницу Сопротивления, партизанскую связную Катрин Дерош — простую нормандскую девчонку, готовую на смерть ради победы над врагом.

Однако не этот фильм сделал Марину Влади знаменитой на просторах СССР. В том же 59-м на советские экраны вышла картина «Колдунья» (1956) по А. Куприну. В ней рассказывалась история любви городского инженера и провинциальной красавицы, роль которой исполняла Влади. По сюжету, приехав на укладку дорог в шведский городок, французский инженер Лоран Брюлар знакомится с местными обычаями. Люди здесь очарованы древними легендами, верят в сказочных нимф и поклоняются лесным духам. Разгадывая удивительные тайны волшебного мира, Лоран встречает красавицу Ингу — милую девушку из леса, парящую как ангел над голубыми просторами. Их дружба вызывает бурю толков и пересудов: по преданию местных, бабушка Инги — древняя колдунья, и дружба с её внучкой не сулит Лорану ничего хорошего.

Фильм имел ошеломительный успех у нас, породив даже моду на женщин с длинными волосами — как у Инги-Влади. На

какое-то время французская дива стала эталоном женской красоты в СССР, после чего многие наши мужчины стали выбирать себе спутниц жизни, ориентируясь на этот эталон. Что касается Высоцкого, то он тоже видел «Колдунью», как и многие, был пленен красотой Влади, однако жил в те годы с женщиной, которая внешне ничем на нее не походила — с Изой Жуковой. Причем в марте 1960 года ее бывший муж все-таки дал ей развод (к этому делу приложила свою руку бабушка Высоцкого, которая жила в Киеве, работала врачом-косметологом и имела весьма обширные связи среди руководящих работников города), и Жукова прилетела в Москву из столицы Украины, куда ее распределили после окончания Школы-студии МХАТ, чтобы сыграть запоздалую свадьбу с Высоцким. Она состоялась 25 апреля в доме жениха на Большом Каретном. Расписали молодых в Рижском ЗАГСе, под патефон, где почему-то был не марш Мендельсона, а музыка из фильма «Укротительница тигров».

Как покажет ближайшее будущее, официальная регистрация отношений не добавит им крепости. Так сложились обстоятельства, что молодые вынуждены были жить порознь — Высоцкий работал в Москве, а Жукова — сначала в Киеве, затем в Ростове-на-Дону. В итоге, спустя полтора года, в сентябре 1961 года, находясь в Ленинграде на съемках фильма «713-й просит посадку», Высоцкий встретил другую женщину — 22-летнюю актрису из Москвы Людмилу Абрамову. У них вспыхнул роман, который привел к тому, что после возвращения в столицу молодые стали жить вместе — в двухкомнатной квартире у деда Людмилы. А в начале марта новая возлюбленная сообщила Высоцкому, что… забеременела. Скрывать эту новость они не стали. В результате про это узнала одна из подруг Изы Высоцкой и позвонила ей в Ростов-на-Дону. Та немедленно связалась с Высоцким: «Это правда?». «Нет, — соврал он. — Я вылетаю к тебе и все объясню». «Как влетишь, так и вылетишь», — последовал лаконичный ответ, после чего оскорбленная жена повесила трубу. А чтобы муж-изменник ее не нашел, она уволилась из ростовского театра и переехала в Пермь. И в течение двух лет она с Высоцким не общалась, он даже адреса ее нового не знал. Чуть позже они официально развелись.

Между тем, именно в браке с Людмилой Абрамовой Высоцкий стал отцом — у них родились двое сыновей: Аркадий (29 ноября 1962 года) и Никита (8 августа 1964 года).

Что касается творческих свершений Высоцкого, то они в те годы были не слишком значительны. В песенном жанре наш герой был мало известен, в Театре на Таганке тоже делал свои первые шаги — он поступил туда летом 1964 год), а в кино играл в

основном проходные роли. Например, в первой половине 60-х на его счету были небольшие роли в фильмах «Карьера Димы Горина» (1961, монтажник Софрон), «Увольнение на берег» (1962, матрос Петр), «713-й просит посадку» (1962, американский морской пехотинец), «Живые и мертвые» (1964, солдатик в грузовике), «Штрафной удар» (1964, гимнаст Юра Никулин), «На завтрашней улице» (1965, бригадир строителей Петр Маркин), «Наш дом» (1965, радиотехник), «Стряпуха» (1965, тракторист Андрей Пчелка).

Совсем иначе складывалась в эти же годы судьба Марины Влади. Причем в личной жизни она была похожа на судьбу Высоцкого. Так, Влади тоже снова вышла замуж, во второй раз. Но на этот раз не за артиста, а за человека, который вообще не имел никакого отношения к миру искусства. Ее супругом стал бывший летчик гражданской авиации Жан-Клод Бруйе (1925). Они познакомились 13 апреля 1963 года во время одного из авиаперелетов Влади, когда ее кресло оказалось рядом с креслом Бруйе. Он поразил актрису не только своим шармом, но и тем, что был богат — Бруйе владел собственной авиакомпанией в Габоне. В результате непродолжительного романа они поженились, у них родился сын Владимир, названный в честь отца Марины.

Именно с Бруйе Влади в июле 1965 года в очередной раз приехала на Московский международный кинофестиваль, причем на этот раз в качестве члена его жюри, поскольку она тогда продолжала быть в фаворе, считаясь звездой мирового масштаба. В первой половине 60-х Влади снялась в 16 фильмах. Назову лишь несколько фильмов с ее участием, самые известные, в которых она исполняла главные роли.

Начну с «Принцессы Клевской» (1961) Жана Деланнуа — экранизации одноимённого романа французской писательницы Мари Мадлен де Лафайет. В нем Влади исполняла роль принцессы Клевской, а роль ее супруга, принца Клевского, сыграл Жан Марэ; сценаристом фильма выступил возлюбленный актера писатель Жак Кокто. Действие фильма происходило во Франции XVI века, во времена короля Генриха II. Согласно сюжету, мадемуазель де Шартр, воспитанная в строгих правилах, вызывает всеобщее уважение и восхищение. По настоянию матери она выходит замуж за принца Клевского, который страстно любит свою жену. Однако принц чувствует, что жена не отвечает ему взаимностью, и это омрачает его счастье. Принцесса Клевская влюбляется в герцога де Немура (Жан-Франсуа Порон) и рассказывает обо всём своему мужу. Несмотря на верность жены, принц Клевский не может вынести такого известия, он заболевает

и умирает. Измученная угрызениями совести, принцесса Клевская хранит верность любящему и уважаемому, но нелюбимому мужу даже после его смерти и вскоре умирает. Её недолгая жизнь стала примером неповторимой добродетели.

Совсем иное кино — фильм «Веские доказательства»: это детектив. Снял его Кристиан-Жак, автор таких фильмов как «Пармская обитель» (1947), «Фанфан-Тюльпан» (1952), «Бабетта идет на войну» (1959), «Черный тюльпан» (1964) и др. Практически все перечисленные фильмы показывались в СССР, в том числе и «Веские доказательства» (в 1965 году), где Марина Влади играла в паре со знаменитым французским комиком Бурвилем. Интрига фильма была закручена вокруг загадочной смерти и завещания Поля Дюпре. Загадки следуют одна за другой: месье Дюпре умирает после укола, сделанного его любовницей — медсестрой Джиной Бианки (Вирна Лизи), в пользу которой он переписал завещание, тем самым лишив наследства жену — мадам Катрин Дюпре (Марина Влади). Жена находится в любовной связи с известным адвокатом Кассиди, и в день смерти мужа будто бы подменила ампулу с лекарством на мгновенно действующий яд. Обе дамы находятся под подозрением у чудаковатого, но справедливого следователя — инспектора Годэ (Бурвиль).

Еще один фильм с участием Марины Влади — «Современная история: Королева пчёл» (другие названия: «Супружеская постель», «Пчелиная матка»), снятый режиссёром Марко Феррери. Фильм был удостоен приза МКФ в Каннах. Сюжет: супружеская жизнь молодожёнов Альфонсо (Уго Тоньяцци) и Реджины (Марина Влади) начинается счастливо, между ними есть согласие, они хотят завести детей. Но чем дальше, тем больше проявляются изменения в их здоровье: мужу становится всё хуже, а жена только хорошеет. А когда она уже ждёт ребёнка, муж настолько болен, что не встаёт с постели…

Наконец, фильм «Фальстаф» («Полуночные колокола») американского режиссера Орсона Уэллса, автора таких фильмов как «Гражданин Кейн» (1941, премия «Оскар»), «Леди из Шанхая» (1947), «Макбет» (1948), «Отелло» (1952), «Тайное досье» (1955), «Процесс» (1962) и др. В «Фальстафе» показана Англия времён феодальных междоусобиц в правление Генриха IV; при работе над сценарием были использованы пьесы Шекспира «Генрих IV», «Генрих V», «Ричард II», «Виндзорские насмешницы». В центре повествования — весёлый похабник, выпивоха и хвастун Джон Фальстаф (Орсон Уэллс), попадающий в истории и совращающий с пути истинного наследника престола — принца Хэла (Кит Бэкстер). Марина Влади (кстати, единственная француженка в

фильме) исполняла одну из ролей — жену Хотспера (Норманн Родуэй), Кейт Перси.

«Фальстаф» завоевал «Золотую пальмовую ветвь» на Каннском кинофестивале в 1966 году. А за год до этого, как мы помним, Влади была членом жюри Московского кинофестиваля, приехав туда в ореоле настоящей суперзвезды. Приехала она туда не одна, а со своим тогдашним супругом Жаном-Клодом Бруйе. Выглядели они вполне счастливой парой. А спустя всего лишь год супруги… развелись. Почему? Жан-Клод хотел видеть жену дома, а не на съемочных площадках, а она не хотела бросать профессию. Поэтому в выборе между работой и мужем она выбрала первое. Так что, когда в самом начале июля 1967 года судьба, наконец, свела Высоцкого и Влади воочию, он был официально женат, а вот Влади уже свободна от уз Гименея. Правда, это не означало, что ее сердце было никем не занято — отнюдь. На тот момент сердце красавицы принадлежало молодому румынскому актеру Кристе Авраму (1931), с которым Влади познакомилась в 1965 году во время совместных съемок во франко-румынском фильме «Мона, безымянная звезда» (режиссер Анри Кольпи, экранизация пьесы румынского драматурга Михаила Себастьяна «Безымянная звезда»).

Отметим, что в те годы одной из самых активных восточноевропейских стран, «окучивавших» Францию, была именно Румыния. Связано это было с тем, что первая всегда была близка последней: вот почему столицу Румынии, город Бухарест, называли «маленьким Парижем», многие румыны говорили по-французски, а румынская община Парижа была весьма многочисленна и влиятельна. Поэтому культурные связи двух стран развивались наиболее активно, в отличие от связей Франции с другими восточноевропейскими странами. Достаточно сказать, что в области кинематографии французы кооперировались исключительно с румынами; в советском прокате эти фильмы пользовались большим успехом — например, дилогия про индейцев «Приключения на берегах Онтарио» и «Прерия».

В итоге в одном из таких франко-румынских фильмов — той самой «Моне, безымянной звезде» — согласилась сниматься Марина Влади. По ее же словам, «Я играю Мону — красивую, избалованную, пресыщенную жизнью женщину, которая, может быть, даже не сознавая этого, стремится к настоящей жизни и истинной любви. Она случайно попадает в провинциальный румынский городок и встречает там скромного мечтателя, учителя астрономии Миройе (его играет Клод Риш). Благодаря ему Мона открывает в своей душе поэзию и чистоту, о которых

она и не подозревала. Но буржуазное общество, его нравы и предрассудки мешают их счастью. Мона уезжает, оставаясь для Миройе душевно близкой и такой же далекой, как «безымянная звезда». Это экранизация известной пьесы Михаила Себастьяна. Действие происходит в тридцатых годах нашего века. Но в фильме несколько модернизированы характеры героев. В частности, Мона из особы несколько капризной и легкомысленной превращается в серьезную и вдумчивую женщину, обладающую чувством собственного достоинства. Мне кажется, это произведение, пронизанное тревожной и острой тоской по иной, лучшей жизни, напоминает Чехова…»

Влади тогда еще была замужем за Бруйе, но их брак превратился уже в чистую формальность. Поэтому красавцу Авраму не стоило большого труда вскружить голову французской диве. И когда летом 1967 года Влади приехала в Москву, у нее не было каких-либо мыслей найти себе здесь жениха. А что получилось?

Случайная встреча в неслучайное время

Учитывая прежние контакты Влади с итальянскими коммунистами, а также то, что она имела русские корни и всегда в открытую выражала свои симпатии к России, на нее еще во второй половине 50-х мог обратить внимание КГБ как на возможного агента влияния по «линии ПР» (политическая разведка). Это внимание особенно усилилось летом 1959 года, когда актрису впервые пригласили на международный кинофестиваль в Москву после проката в том же году в СССР фильма с ее участием «Колдунья». Затем она еще несколько раз приезжала в СССР, где стала завсегдатаем светских тусовок в среде советской творческой интеллигенции. Для КГБ не было секретом, что у Влади в Москве имеется двоюродный брат — художник Николай Двигубский, вхожий в семейство Михалковых; он был другом А. Михалкова-Кончаловского. Послушаем мнение специалиста — Константина Мельника, который в 1959–1962 годах был куратором французских спецслужб в правительстве Шарля де Голля:

«Известно, что КГБ плотно работал в эмигрантской среде еще в 30-е годы. Его работу облегчало то, что эмигранты нуждались материально, страдали от разлуки с родиной, постоянно конфликтовали между собой… Что касается Французской компартии, то я не думаю, что КГБ использовал ее в качестве своей вербовочной шпионской базы. Однако агентов влияния там было немало. Скажем, назначают человека послом в Россию, пожив в ней, он влюбляется в страну и возвращается домой активным сторонником сближения с Москвой… Вообще наша контрразведка была небольшой и слабой, а советская разведка — сильной и профессиональной. Она работала во Франции очень свободно…».

Итак, Влади могла быть на хорошем счету у КГБ, который по мере своих сил и возможностей мог за ее спиной способствовать успешной кинокарьере актрисы как во Франции — через своих людей в творческих кругах Рима и Парижа, так и в СССР. Для этого к делу был подключен хороший знакомый чекистов (еще с 30-х годов, а в 40-е годы он вместе с Юрием Любимовым работал в ансамбле песни и пляски НКВД) режиссер Сергей Юткевич, который в 1967 году предложил Влади главную роль в своем фильме «Сюжет для небольшого рассказа», где речь шла о романе

А. П. Чехова с Ликой Мизиновой — именно ее и должна была сыграть Влади.

В самом начале июля 1967 года Влади прилетела в СССР, чтобы встретиться с Юткевичем и в очередной раз стать участницей Московского международного кинофестиваля. Днем 4 июля она отправилась на репетицию спектакля «Таганки» под названием «Послушайте» по произведениям В. Маяковского, где впервые увидела Высоцкого — он играл роль Маяковского. Как писал биограф героя нашего рассказа В. Новиков, «есть интерес у парижанки к актерам Таганки». Однако не объясняет, что это за интерес. Возьмем эту миссию на себя.

Интерес зиждился не только на слухах об этом театре как форпосте либеральной фронды, открытом весной 1964 года при активной поддержке КГБ (об этом чуть дальше), но и на тайном сговоре теневых деятелей советско-французских отношений, который еще с 20-х годов существовал в Кремле. Эмиссарами этих связей были евреи, что закономерно: во Франции у них самая большая диаспора в Западной Европе, а в Москве — не менее значительная — в кругах интеллигенции и среди чекистов. Итак, это были: в Москве — бывшая возлюбленная В. Маяковского Лиля Брик, журналист французской коммунистической газеты «Юманите» Макс Леон (отметим, что спонсорами этой газеты с самого начала, с 1904 года, выступали еврейские круги Франции), в Париже — член ЦК ФКП Луи Арагон, писательница Эльза Триоле (сестра Брик и жена Арагона).

Агентурная связь некоторых из этих людей (Брик, Арагон, Триоле) с советскими органами госбезопасности тянулась еще с 20-х годов. Собственно, под это дело ГПУ и позволил Лиле Брик организовать в Москве аристократический салон — причем деньги были не только гэпэушные, но и В. Маяковского, который ни о чем не догадывался, — где «столовались» не только многие видные деятели советской богемы, но и иностранцы, работавшие в столице. Курировали этот салон зампред ГПУ Яков Агранов (настоящие имя и фамилия — Янкель Соренсон) и замначальника иностранного отдела ГПУ, он же и куратор советской резидентуры во Франции Михаил Горб (настоящие имя и фамилия — Моисей Розман). Когда в конце 30-х обоих расстреляли, бриковский салон власти не тронули и, поменяв кураторов, продолжили его деятельность.

Более того, с конца 1935 года по личному распоряжению Сталина именно Брики стали официальными наследниками памяти В. Маяковского, организовав его музей в Гендриковом переулке. Их деятельность на этом поприще продолжалась десятилетиями. В итоге к концу 60-х Лиля Брик продолжала

содержать богемный салон-квартиру, только теперь уже по другому адресу — на престижном Кутузовском проспекте по соседству с гостиницей «Украина»; въехала она в эту квартиру в 1958-м. Там столовались многие видные советские либералы, которые не догадывались (а может быть, и наоборот, поскольку сами могли быть на крючке у КГБ) о том, что эта квартира находится «под колпаком» чекистов. Таких салонов в Москве было несколько, причем не только либеральных: например, один из них содержала жена Сергея Михалкова Наталья Кончаловская, и там собирались представители «русской партии».

Отметим, что одним из завсегдатаев бриковского салона был писатель Константин Симонов — большой друг не только Лили Брик, но и Луи Арагона с Эльзе Триоле, с которыми он встречался в Париже, выезжая туда в качестве сотрудника Всемирного Совета мира. Именно Симонов весной 1964 года был одним из тех, кто «пробивал» в верхах создание любимовской «Таганки».

Но вернемся к Высоцкому и Влади.

После репетиции один из друзей французской дивы приглашает ее поужинать с актерами, исполнявшими главные роли в спектакле. Они едут в ресторан ВТО на улице Горького, где, собственно, и происходит очное знакомство Высоцкого и Влади. По ее словам, выглядело это так:

«Краешком глаза я замечаю, что к нам направляется невысокий, плохо одетый молодой человек. Я мельком смотрю на него, и только светло-серые глаза на миг привлекают мое внимание. Он подходит, молча берет мою руку и долго не выпускает, потом целует ее, садится напротив и уже больше не сводит с меня глаз. Его молчание не стесняет меня, мы смотрим друг на друга, как будто всегда были знакомы… Ты не ешь, не пьешь — ты смотришь на меня.

— Наконец-то я встретил вас…».

Прервем мемуаристку и напомним, что на тот момент у Высоцкого была не только жена (Людмила Абрамова) и двое малолетних детей (пятилетний Аркадий и почти трехлетний Никита), но еще вдобавок и 26-летняя любовница — актриса «Таганки» Татьяна Иваненко. Но любителю острых ощущений Высоцкому неймется — в его наполеоновских планах имеется еще и покорение сердца французской кинодивы. Вернемся к мемуарам последней:

«Эти первые произнесенные тобой слова смущают меня, я отвечаю тебе дежурными комплиментами по поводу спектакля, но видно, что ты меня не слушаешь. Ты говоришь, что хотел бы уйти отсюда и петь для меня. Мы решаем провести остаток вечера у Макса Леона, корреспондента «Юманите». Он живет недалеко от

центра. В машине мы продолжаем молча смотреть друг на друга… Я вижу твои глаза — сияющие и нежные, коротко остриженный затылок, двухдневную щетину, ввалившиеся от усталости щеки. Ты некрасив, у тебя ничем не примечательная внешность, но взгляд у тебя необыкновенный.

Как только мы приезжаем к Максу, ты берешь гитару. Меня поражает твой голос, твоя сила, твой крик. И еще то, что ты сидишь у моих ног и поешь для меня одной… И тут же, безо всякого перехода, говоришь, что давно любишь меня.

Как и любой актрисе, мне приходилось слышать подобные неуместные признания. Но твоими словами я по-настоящему взволнована. Я соглашаюсь встретиться с тобой на следующий день вечером в баре гостиницы «Москва», в которой живут участники кинофестиваля…».

Короче, по словам Влади, это было красивое и романтическое знакомство. Однако есть еще одно воспоминание об этом событии, изложенное… той же Мариной Влади, но в пересказе друга Высоцкого — Давида Карапетяна. И вот там это знакомство уже не несет в себе столь ярко выраженного романтического флера:

«Сама Марина так рассказывала нам с Мишель (Мишель Кан — французская жена Д. Карапетяна. — *Ф. Р.*) о своих первых впечатлениях о Высоцком: «Чтобы снова увидеть меня, Володя приехал к моему приятелю Максу Леону — московскому корреспонденту «Юманите». Во-первых, Володя чисто внешне был вовсе не в моем вкусе. Мне нравятся мужчины латинского типа, а Володя — небольшого роста, ничего выдающегося, кроме глаз. Он тут же подсел ко мне, стал уверять, что давно меня любит. Больше всего меня поразило, что за каких-нибудь 10–15 минут любовных излияний он незаметно успел прикончить целую бутылку коньяка. И не опьянеть! Я тогда еще многого не понимала, только удивлялась: думала, может, в России они все так пьют. Когда я попыталась пройти в туалетную комнату, он настиг меня в коридоре, схватил бесцеремонно за руку и стал довольно неуклюже обнимать. Меня это, конечно, шокировало, ведь такой стиль ухаживания у нас не принят… Но когда он стал петь, я забыла обо всем на свете. Видела и слышала только его, чудесным образом моментально преобразившегося из простоватого парня в незаурядного творца…»».

И все же дальнейшие события ясно указывали на то, что Влади не была сильно очарована Высоцким, и его певческий талант забылся, едва она вернулась к себе на родину. Съемки фильма «Сюжет для небольшого рассказа» в 1967 году не состоялись из-за болезни Юткевича, поэтому в следующий раз

Влади должна была приехать в СССР лишь на следующий год ранней весной. Достаточное время для того, чтобы забыть о Высоцком. Однако сам он о ней забывать не собирался и с момента их расставания, которое произошло сразу после окончания кинофестиваля — 20 июля, и стал искать повод продолжить знакомство. Правда, вряд ли он сам тогда мог всерьез рассчитывать на то, что на этом поприще его мог ожидать успех. Ведь он прекрасно понимал, кто такой он — нищий и малообеспеченный артист, и кто такая она — французская кинодива. Но Высоцкий служит в Театре на Таганке, который курируется КГБ и является легальным оплотом советской либеральной фронды. Если правильно расставить акценты, то связь актера с Таганки и французской звезды, на которую в Москве смотрят как на перспективного агента влияния, вполне может быть одобрена на самом кремлевском верху. Тем более, что роман Влади с румыном весьма вовремя прекращается. Каким образом?

В начале 1968 года Влади и Аврам вместе снимаются в новом фильме — «Время жить». В нем Марина играла замужнюю женщину, которая крутит роман с неким доктором, роль которого и исполнял Аврам. Но именно во время съемок фильма Влади разрывает отношения с возлюбленным, причем не по своей воле. По словам самой актрисы, все дело было в ее… маме. Дескать, когда она познакомилась с молодым румыном, тот ей категорически не понравился — она нашла его никчемным красавцем-фанфароном, и она посоветовала дочери порвать с ним всяческие отношения. А мнением своей матери Влади дорожила. Так Аврам получил «от ворот поворот». А его место очень скоро суждено было занять Высоцкому, который матери Влади пришелся по душе, хотя она его до этого никогда в глаза не видела. Но зато она читала его письма, которыми он буквально бомбардировал Влади из Москвы. По словам Марины, «она (мама. — *Ф. Р.*) каждый день читала мне твои письма, потому что я еще не умела тогда бегло читать по-русски…».

Короче, это мама Влади первой поняла, что Высоцкий может стать для ее дочери хорошей и выгодной партией, с которой ее дочь имеет шансы стать в СССР «своим человеком». Мама вообще имела на Влади огромное влияние — вспомним, что и своей актерской карьерой Марина была обязана именно ей. Та же история происходила и в выборе мужей для дочери. Думается, и вступление Влади в ряды ФКП тоже не обошлось без влияния матери, которая увидела в этом хорошие перспективы для дочери как в личном плане, так и в творческом.

Отметим, что во второй половине 60-х Влади переживала

творческий застой — работы в кино у нее было немного. Например, если в первой половине того десятилетия она снялась в 13 фильмах, то во второй половине записала на свой счет всего пять картин, хотя имела шанс обрести вторую волну популярности, согласись она сниматься в фильмах про Анжелику — их будет пять. Однако главную мужскую роль в них исполнял ее бывший муж Робер Оссейн, которого она в тот период так сильно ненавидела, что не могла позволить себе сниматься с ним, да еще в постельных сценах. В итоге роль Анжелики исполнила Мишель Мерсье, а Влади оказалась в творческом простое. На его волне она и приняла предложение советской стороны о съемках в фильме С. Юткевича. Видимо, сделано это было не случайно, а по причинам, в которых творчество было тесно переплетено с большой политикой, когда актрисе могли быть обещаны хорошие бонусы как у нее на родине, так и в СССР. Например, именно тогда, весной 1968 года, Французская компартия субсидирует (а деньги для этой партии, подчеркнем, шли из Москвы — несколько миллионов франков в год) открытие кинокооператива, куда входит Влади, режиссер левой ориентации Бернар Поль и несколько десятков других сотрудников — актеры, техперсонал. Именно в стенах этого кооператива и был снят фильм «Время жить», который будет оперативно заявлен в программу Московского международного кинофестиваля в 1969 году, а чуть позже выйдет и в советский прокат. В нем рассказывалась драматическая история простого рабочего, который трудился сверхурочно, чтобы обеспечить своей жене комфортную жизнь.

Поэтому не случайно, что в разгар этих съемок, в июне 68-го, Влади вступает во Французскую компартию, а также становится членом правления Общества дружбы «Франция — СССР»; чуть позже она станет его вице-президентом. Эта организация была фактическим филиалом КГБ, играя главную роль в распространении советского влияния во Франции. Достаточно сказать, что прежние руководители этого Общества хотя и не являлись членами ФКП, но симпатии к ее идеям должны были иметь обязательно. Среди первых руководителей «Франция-СССР», которое было основано в 1945 году, значились знаменитый физик Фредерик Жюлио Кюри, коммунист Поль Ланжевен, генералы-голлисты Эрнест Пети и Пьер Пуйяд, дипломат Луи Жокс.

Последний был президентом «СССР-Франция» в первой половине 60-х, а в 1952–1955 годах являлся послом Франции в СССР, считался левым голлистом и симпатизировал ФКП. Чуть позже его даже подозревали в сотрудничестве с КГБ, но эти подозрения так и не были официально доказаны. Так что Влади,

соглашаясь на этот пост, прекрасно понимала, что она делает, и какие перспективы открывает перед нею ее новая должность.

В конце 60-х общество «Франция-СССР» возглавлял видный французский коммунист, член Политбюро ФКП Андрэ Ланглуа. Влади станет одним из его заместителей, курируя в основном культурную политику (общество было поделено на секции). И именно на волне этого сближения с СССР Влади решает связать свою дальнейшую жизнь с Владимиром Высоцким. Хотя до этого всячески его игнорировала, что весьма болезненно воспринималось актером, вплоть до попытки суицида.

Любовь под «колпаком» и… черным флагом

Когда в марте 1968 года Влади приехала в Москву, чтобы сниматься в фильме «Сюжет для небольшого рассказа» (16 марта в «Правде» об этом был фоторепортаж), Высоцкий попытался возобновить их отношения, но из этого ничего не вышло — на тот момент Влади еще не порвала с Аврамом. После этого актер впал в депрессию, а 20 марта даже явился нетрезвым на спектакль «Десять дней, которые потрясли мир», из-за чего директор театра Николай Дупак запретил ему выходить на сцену. Вместо него Любимов назначил другого исполнителя — Валерия Золотухина. А того будто черт дернул за язык сказать: «Буду играть только за 100 рублей». Это была шутка, но многие расценили это как предательство. Высоцкий стал срывать с себя костюм Керенского: «Я ухожу… Отстаньте от меня…». Золотухин бросился за другом, а тот у самого выхода его буквально ошарашил: показал ему записку, где черным по белому было написано «В моей смерти прошу никого не винить!..». Однако до суицида дело так и не дошло. На следующий день, протрезвев, Высоцкий улетел с концертами сначала в Куйбышев, а потом и вовсе в Магадан.

В театре его отъезд был расценен как издевательство. Вместо того чтобы прийти и покаяться за вчерашнее, он, видите ли, вздумал концерты давать. 22 марта в театре был вывешен приказ об увольнении Высоцкого по статье 47 КЗОТ. Перед его вывешиванием Золотухин ходил к Дупаку, чуть ли не в ногах у него валялся, умоляя не вешать приказ до появления Высоцкого, но директор и слышать ничего об этом не хотел. «Вот он у меня уже где! — резанул себя ладонью по горлу Дупак. — Хватит с ним нянькаться, хватит!».

А удары судьбы продолжали сыпаться на героя нашего рассказа. Во-первых, в актерский штат «Таганки» был принят новый актер — выпускник Щукинского училища Виталий Шаповалов. Фактурно он выглядел как копия Высоцкого, поэтому Любимов решил начать его вводить на роли последнего: начали с Маяковского в «Послушайте!». Во-вторых, в центральной прессе вышли сразу три зубодробительные статьи о песенном творчестве Высоцкого: дважды в «Советской России» (31 мая — «Если друг оказался вдруг…», 9 июня — «О чем поет Высоцкий») и в «Комсомольской правде» (16 июня — «Что за песней»).

В ответ Высоцкий 23 июня пишет письмо в ЦК КПСС, пытаясь защитить свое честное имя, после чего его вызывают на Старую

площадь к инструктору ЦК КПСС Б. Яковлеву. Тот предлагает Высоцкому выступить в центральной печати с проблемной статьей или публицистическими заметками по поводу состояния современной советской песни, мотивируя это тем, что такая публикация помогла бы реабилитировать певца перед широкой аудиторией. Высоцкий соглашается. Но в итоге обещанную статью так и не пишет. Почему? Сам Б. Яковлев уверен, что это случилось по вине Высоцкого, который «в очередной раз запил и так ничего и не написал».

На самом деле, никаких запоев у Высоцкого тогда не было — достаточно посмотреть на хронологию тогдашних событий: в конце июня — в середине июля 1968 года Высоцкий был в «завязке» и активно играл в театре, с 8 июля начал сниматься в «Хозяине тайги», а чуть позже, 19 июля, улетел на натурные съемки «Хозяина тайги» в Краснодарский край. Короче, времени для написания статьи у него было более чем достаточно. Но он ее не написал. Видимо, потому, что посчитал: ему и без публикации в центральных СМИ удастся выбраться из щекотливой ситуации. И ведь выбрался! Мало того, что остался в штате «Таганки», так еще и «звезду в лапы» заполучил — саму Марину Влади. Мог ли он проделать сей трюк без посторонней помощи? Думается, вряд ли.

Летом 1968 года Влади находилась в Москве, куда приехала не одна, а впервые привезла с собой почти всю свою семью: маму и трех сыновей от двух браков. С 4 июля Влади возобновила съемки в «Сюжете для небольшого рассказа» с 8 июля с 19 июня там был простой из-за болезни исполнителя главной роли — Николая Гринько. Высоцкий тоже находился в Москве, играл в театре и готовился к павильонным съемкам в «Хозяине тайги» на Мосфильме. В итоге между ним и Влади произошла судьбоносная встреча в гостинице «Советская», где Марина жила вдвоем со своей матерью; детей им помогли устроить в пионерский лагерь. Это дало возможность матери Влади составить свое мнение о Высоцком. Как гласит легенда, в первые минуты новый ухажер пожилой женщине показался не очень — у Влади бывали кавалеры и покруче, но после нескольких минут общения с ним Милица Энвальд поняла — у этого кавалера вся его сила кроется не во внешности. Да и письма его до сих пор будоражили память Милицы.

Окрыленный этим успехом, Высоцкий 19 июля вместе со съемочной группой фильма «Хозяин тайги» отправился в экспедицию — на натурные съемки в Сибирь, в село с дивным названием Выезжий Лог, в 300 километрах от Красноярска. Высоцкого и Золотухина (оба играли главные роли) пустила на

постой местная жительница Анна Филипповна, у которой пустовал дом ее давно уехавшего в город сына. Именно там Высоцкий вскоре и написал свою знаменитую песню «Охота на волков».

Полагаем, что нашим читателям хорошо известна эта песня — этакий гимн свободолюбивой интеллигенции. До сего дня спрятанный в песне подтекст расшифровывался следующим образом: дескать, власть пытается ограничить свободу интеллигенции разного рода запретами, но есть среди интеллигентов такие смельчаки, которые находят в себе силы и вырываются за «флажки» — на свободу. Одним из таких смельчаков был Высоцкий, что, собственно, и сподвигло его написать это эпохальное и эмоционально мощное произведение.

Между тем, в свете рассказанного нами выше позволим себе высказать свою точку зрения на историю создания этой песни. Поводом к ее написанию могло послужить то, что Высоцкого стали «крышевать» весьма влиятельные силы в советских верхах. Те самые силы, которые были заинтересованы в том, чтобы связь советского барда из либеральной «Таганки» с французской кинодивой развивалась успешно. Именно эти силы и способствовали тому, чтобы «егеря», обложившие барда, остались ни с чем.

Во время пребывания Высоцкого в Сибири случились известные всем чехословацкие события — ввод 21 августа 1968 года войск Варшавского Договора в Чехословакию с целью сменить тамошнее партийное руководство — вместо А. Дубчека придет Г. Гусак — и притормозить либеральные экономико-политические реформы, которые проводились там с начала 60-х. Реформы эти подразумевали существенную капитализацию чехословацкого общества, что невольно сближало его с Западом, причем сближало стремительно, чего Москва позволить тогда не могла — поэтому сближение растянется на два десятка лет.

Высоцкий встретил эти события как и положено истому либералу — критически. И хотя «сердце ему Прага не разорвала», как он сам потом напишет в одном из своих стихотворений, однако лишнюю толику ненависти к советскому режиму все же прибавила. Впрочем, не ко всему режиму, а только к тем его представителям, кто олицетворял собой брежневско-сусловское большинство, которое, собственно, и способствовало введению войск в Чехословакию. К прогрессивным деятелям советского режима вроде Юрия Андропова, который кстати, не входил в пятерку ведущих деятелей страны способствовавших вводу войск, и «птенцов его гнезда» Высоцкий по-прежнему относился с уважением. И только жалел об одном — что их слишком мало в

руководстве. Во всяком случае, пока мало. В глубине души Высоцкий вполне мог лелеять мечту, что рано или поздно таких «прогрессистов» в советском руководстве будет большинство, и они сделают то, что не получилось сделать у чехословаков. Это мог быть главный идейный стержень, который помогал Высоцкому в его тогдашней деятельности — как личной, так и творческой. Он ненавидел главного идеолога Михаила Суслова, но верил в прогрессиста-чекиста Юрия Андропова, о котором он знал много хорошего со слов своих либеральных друзей.

Ну и, конечно, в немалой степени Высоцким мог двигать еще один стимул — материальный. Жить «со звездою в лапах», по его же словам, посещая «скачки, пляжи, рауты и вернисажи» — это ли не стимул для человека, который совсем недавно «сшибал пятаки на пиво» и проходил по категории неудачников. Еще жива была в его памяти сценка, когда он за кулисами зеркального театра сада «Эрмитаж» он предлагал Иосифу Кобзону купить у него собственные песни, поскольку нищая жизнь буквально взяла за горло. Кобзон купить песни отказался — мол, сам их потом будешь исполнять, но денег дал, причем без всякого возврата. Высоцкий тогда подумал: живут же люди! Кобзон всего-то пару лет назад приехал с Украины покорять Москву и уже носил в карманах «котлеты» из денежных купюр. И дело было не только в певческом таланте, но также и в другом — в умении приспособиться к обстоятельствам, а то и заставить их работать на себя. У Высоцкого долго не получалось жить таким образом, но, кажется, теперь он поймал свою птицу удачи за хвост. Как пелось в одной из его песен, «И меня не спихнуть с высоты».

Неся в своем сердце уважение к «птенцам гнезда Андропова», Высоцкий не упускает возможности лишний раз выказать им это. Так, спустя две недели после чехословацких событий, 8 сентября 1968 года, он дает концерт дома у Льва Делюсина. Тот с 1960 года работал консультантом в Отделе соцстран ЦК КПСС под руководством Юрия Андропова и являлся одним из «крышевателей» Театра на Таганке. Однако в 1966 году, когда несколько пошатнулись позиции его шефа — Андропов на какое-то время впал в немилость к Брежневу Делюсину пришлось уйти из отдела. Но без работы он не остался: был замом у директоров Института экономики мировой соцсистемы АН СССР и Института международного рабочего движения, пока, наконец, в 1967-м не стал заведующим отделом Китая Института востоковедения АН СССР. В этом учреждении он слыл не меньшим либералом, чем во всех остальных, беря к себе на работу многих из тех, кого выгоняли из других мест за диссидентские мысли — например, известную правозащитницу и теперешнюю гражданку США

Людмилу Алексееву. Как пишет литературовед Ю. Карякин.

«Лев Петрович Делюсин — очень интересный человек… Один из самых близких друзей Юрия Любимова, и с Высоцким у него были хорошие отношения. Когда речь шла о Делюсине, Володя буквально теплел. Пожалуй, более надежного, более преданного «Таганке» человека просто не было…».

Отметим, что «Таганка» была отдана Юрию Любимову в апреле 1964 года с определенным прицелом — чтобы он создал театр с ярко выраженным либеральным (мелкобуржуазным) уклоном. При этом себе Андропов отвел себе роль закулисного кукловода, а для непосредственного контакта с руководством театра был отряжен один из его людей — тот самый Лев Делюсин, который до этого в течение нескольких лет работал в Праге, в пролиберальном журнале «Проблемы мира и социализма», который появился на свет благодаря стараниям все того же Андропова: он с марта 1957 года был заведующим Отделом по связям с социалистическими странами. Вообще стоит отметить, что именно Чехословакия считалась в те годы самым надежным союзником Москвы. Почему? Во-первых, у Хрущева были хорошие личные отношения с лидером чехословацких коммунистов Антонином Новотным. Во-вторых, Чехословакия была наиболее спокойным оазисом, в то время как в других соцстранах этого спокойствия не было. Так, в ГДР в 1953 году разразился кризис (еще один случится в самом начале 60-х), в Венгрии в 56-м возник профашистский мятеж с явным антисемитским уклоном, а в Польше антисемитизм и без того всегда был на высоком уровне. И только в ЧССР были сильны позиции евреев во власти и особенно в среде интеллигенции. И именно евреи выступали там главными двигателями реформ как в экономике, так и в идеологии. Вот почему редакцию журнала «Проблемы мира и социализма» было решено разместить именно в Праге — чтобы советские либералы, среди которых евреи тоже составляли значительное число, набирались опыта у чехословацких либералов, а те, в свою очередь, — у западных социал-демократов, с которыми у них были тесные связи. Впрочем, не только с ними.

Еще в конце 40-х в ФРГ возникла чехословацкая спецслужба «ОКАПИ», которую возглавил Франтишек Моравец. Эта структура действовала под крылом БНД (западногерманской разведки), которой руководил бывший нацист Рейнхард Гелен. Служба возникла не случайно, а как попытка расшатать самую просоветскую республику в Восточном блоке. И сделать это предполагалось через тамошнюю интеллигенцию, на большинство деятелей которой у «ОКАПИ» было обширное досье

(оно тщательно собиралось, пока чехословаки находились под пятой Третьего рейха). Пользуясь тем, что после смерти Сталина в Восточном блоке началась «оттепель», «ОКАПИ» с помощью своей агентуры стало вбрасывать в чехословацкое общество те либеральные идеи, которые должны были исподволь подтачивать идеологический фундамент общества. Именно с целью противостоять этому в Праге и был создан советский политический журнал, который на самом деле выполнял не только идеологическую роль, но и спецслужбистскую — был базой КГБ. Спрашивается, причем здесь «Таганка», Высоцкий и т. д.? Все очень просто.

На волне реформ в ЧССР на свет стали появляться театры, которые стали развиваться в пику театрам, исповедовавшим соцреализм. Эти театры были двух видов: безгражданские, которые они занимались чистым бытоописательством, ставя спектакли на темы частной жизни, не касаясь жизни общественной, и гражданско-критические или нонконформистские — эти могли касаться разных сторон общественной жизни, но в основном освещали их критически, используя «эзопов язык» или «фиги в кармане». Среди режиссеров последнего направления самым популярным был Отамар Крейча, который мастерски ставил чеховские пьесы — «Чайку», «Три сестры», «Иванова», проектируя их сюжеты на чехословацкую действительность, которую Крейча в основном критиковал; чуть позже автограф Крейчи украсит стену любимовского кабинета на «Таганке». Отметим, что с 1956 года этот режиссер возглавлял один из ведущих коллективов страны — Национальный театр в Праге, после чего в 1961 году ушел из него и создал театр малой формы «На забрадли» («На ступенях»). Подобные театры стали расти в ЧССР как грибы после дождя в конце 50-х, и к началу следующего десятилетия их насчитывалось уже не один десяток. Именно там чехословацкая интеллигенция и набиралась тех идей, которые легли в основу будущей «бархатной революции».

Советские либералы, работавшие в журнале «Проблемы мира и социализма», в целом положительно оценивали этот чехословацкий опыт, поэтому и стали ратовать за то, чтобы он был пересажен и на советскую почву. КГБ смотрел на это скептически, резонно подозревая, что за многими этими идеями стоит агентура «ОКАПИ». Однако чекисты после смерти Сталина были лишены многих своих властных полномочий — в этом деле в авангарде шел Международный отдел ЦК КПСС, славившийся своими пролиберальными настроениями, поэтому мало могли воздействовать на развитие ситуации, хотя и старались ее контролировать. В итоге, когда в Москве возникли два театра с

чехословацким опытом — «Ленком» с Анатолием Эфросом (в 1963 году, безгражданский) и «Таганка» с Юрием Любимовым (в 1964-м, гражданско-критический), то КГБ взял их под «колпак», но в идеологию обоих не вмешивался.

Отметим, что из почти десятка режиссеров, которые в первой половине 60-х пришли к руководству ряда ведущих московских театров, практически все имели большой опыт режиссерской работы. Например, тот же Эфрос к моменту назначения в «Ленком» 12 лет работал режиссером и имел за плечами не одну самостоятельную постановку. Другой режиссер — Борис Равенских, возглавивший Малый театр (1960), работал режиссером и того больше — 21 год. Среди других режиссеров значились Борис Львов-Анохин (возглавил драмтеатр имени Станиславского в 1963 году) — 13 лет режиссерского стажа, Александр Дунаев (главреж Театра Советской Армии с 1961 года) — 9 лет режиссерского стажа. А Евгений Симонов (возглавил Театр Вахтангова в 1962 году) и Андрей Попов (возглавил театр Советской Армии в 1963 году) были отпрысками режиссеров, руководивших этими театрами, и тоже имели опыт режиссуры, ставя спектакли вместе со своими родителями и поэтому по праву наследуя эти коллективы.

Ничего подобного не было у Юрия Любимова, который имел за плечами всего лишь одну полноценную самостоятельную режиссерскую постановку — спектакль «Много ли человеку надо» по пьесе А. Галича, которую он поставил в 1959 году в Театре Вахтангова. Второй его работой стал спектакль «Добрый человек из Сезуана» Б. Брехта, который он поставил со своими студентами в «Щуке» в 1963 году. Именно этот спектакль и стал поводом к тому, чтобы назначить Любимова руководителем «Таганки». Дело в том, что эта постановка была решена в русле чехословацкого опыта: действие пьесы, происходившее в Китае, Любимов повернул так, что в нем явственно угадывались современные советские реалии — настолько явственно, что ректор «Щуки» Борис Захава запретил демонстрировать спектакль в стенах своего училища, после чего Любимова и его студентов приютил либеральный Дом кино. Из киношной среды был послан и месседж «наверх», чтобы именно Любимову отдали «Таганку». «Толкачом» выступила тогдашняя гражданская супруга режиссера — киноактриса Людмила Целиковская, которая в 50-е годы была замужем за известным архитектором Каро Алабяном, и тот подружил ее с видным членом Политбюро, своим земляком Анастасом Микояном. Эта компания подключила к делу писателя Константина Симонова, который написал восторженный панегирик по адресу спектакля «Добрый человек из Сезуана», и

его тут же напечатала главная газета страны «Правда», руководил которой недавний главред журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге Алексей Румянцев. На нем, как говорится, круг замкнулся.

Обратим внимание еще и на следующий факт. Среди представителей советской творческой интеллигенции, рванувших к командным высотам во второй половине 50-х, после антисталинского XX съезда, было много людей двух категорий: первые — те, чьи родственники пострадали в годы сталинских репрессий, и вторые — те, чьи родственники работали в органах НКВД. Приведу лишь нескольких таких деятелей. Например, у барда Булата Окуджавы отец был видным партработником, который был расстрелян в 1937 году. У режиссера Георгия Товстоногова отца (он был из дворян) тоже расстреляли в том же 37-м. Та же участь постигла и отцов Льва Кулиджанова (его родитель был партработником) и Марлена Хуциева (его родитель был большевиком с дореволюционным стажем).

Иная история была с Олегом Ефремовым и Элемом Климовым: у первого отец был бухгалтером в ГУЛАГе, у второго — следователем по особо важным делам Комиссии партконтроля при ЦК КПСС, который вел дела репрессированных людей: он собрал 70 томов дел невинно осужденных. Короче, тогдашняя власть специально тянула наверх отпрысков репрессированных, чтобы иметь в их лице опору в будущих преобразованиях на антисталинском направлении.

Что касается Юрия Любимова, то с ним все было по-другому. Его дед и отец тоже были репрессированы, но по иным мотивам — они были кулаками. Обоих арестовали в 1930 году, и они просидели в тюрьме по четыре года, их обширное имущество было конфисковано. Короче, Любимов никак не подходил под категорию людей, родственники которых пострадали невинно и были социально близкими советскому строю. Однако это не помешало ему возглавить один из ведущих московских театров. Почему? Видимо, потому, что связь с НКВД прослеживалась и у него. Дело в том, что с 1940 по 1948 год он служил в должности конферансье в Ансамбле песни и пляски НКВД. А попасть в этот коллектив с таким пятном, какое было у Любимова (отпрыск кулаков), было нереально. Но он попал, да еще на ведущие роли. Произойти это могло только в одном случае: он сумел завоевать доверие чекистов некими действиями, которые затмили его кулацкую родословную. Кстати, и на пост главрежа «Таганки», которая, как мы помним, тоже была под «колпаком» КГБ, он мог попасть по той же самой причине. Вот почему и его судьба на этом посту сложилась столь благополучно. Например, пребывание

Анатолия Эфроса в «Ленкоме» продлилось всего четыре года, после чего он был изгнан со своего руководящего поста, и это учреждение на несколько лет вернулось в лоно гражданского театра, ведомого русским режиссером Владимиром Монаховым; в 1973 году его сменит режиссер-еврей Марк Захаров — тоже, кстати, сын репрессированного, и начнется уже иная история этого прославленного театра. Что касается «Таганки» Юрия Любимова, то она останется непотопляемой, несмотря ни на какие бури и потрясения. Помощь и влияние людей, большинство из них прошли «горнило Праги», вроде Юрия Андропова, Льва Делюсина, Федора Бурлацкого, Александра Бовина, Георгия Шахназарова, Лолия Замойского, одного из ведущих советских масоноведов, и т. д. окажет этому театру неоценимую услугу в деле превращения его в оплот либеральной фронды в СССР — причем не только в театре.

Владимир Высоцкий весьма точно охарактеризовал свой театр, назвав его «корсаром». Речь идет о песне «Еще не вечер» (1968), посвященной Ю. Любимову. Помните — «Четыре года рыскал в море наш корсар…». Высоцкий знал, что писал. Ведь что такое корсар? Это пиратское судно в XVI–XVIII веках во Франции, которое получало в военное время от властей своей страны каперское свидетельство (корсарский патент) на право грабежа неприятельской собственности; французские суда они грабить не имели права. А чем занималась любимовская «Таганка» в советской идеологии? Тем, что воевала с другим направлением в советском искусстве — социалистическим реализмом, получив на это дело «каперское свидетельство» от либералов во власти.

Спустя год Высоцкий родит еще одну похожую песню — «Пиратскую» (1969), где выразится еще более недвусмысленно:

> …Удача — здесь, и эту веру сами
> Мы создали, подняв черный флаг!

Именно под черным (а не красным) флагом все годы своего существования и бороздила просторы советской идеологии любимовская «Таганка». Корсар, который получил индульгенцию с самого «верха» на право разрушать (а вовсе не обновлять) советскую систему. Детище Любимова с первых же дней своего существования застолбило за собой звание своеобразного форпоста либеральной фронды в театральной среде, поскольку новый хозяин «Таганки» настолько искренне ненавидел Советскую власть, что воевал не за ее обновление, а за полное уничтожение. Любимов отказался от системы Станиславского, поскольку пресловутая «четвертая стена» мешала ему установить прямой контакт с публикой; в кругах либералов тогда даже

ходила презрительная присказка — «мхатизация всей страны». Кроме этого, он отказался от классической советской пьесы, которая строилась по канонам социалистического реализма, отдавая предпочтение либо западным авторам, либо авторам из плеяды «детей XX съезда» — Вознесенский, Войнович, Евтушенко, Трифонов и т. д. Вот почему один из первых спектаклей «Таганки» — «Герой нашего времени» по М. Лермонтову — был снят Любимовым с репертуара спустя несколько месяцев после премьеры, зато «Антимиры» по А. Вознесенскому продержались более 20 лет. Почему? Видимо, потому, что истинный патриот России Михаил Лермонтов, убитый полуевреем Мартыновым, был режиссеру неудобен со всех сторон, а космополит Андрей Вознесенский оказался как нельзя кстати, поскольку был плотью от плоти той части либеральной советской интеллигенции, которую причисляют к западникам, и к которой принадлежал сам Любимов.

Начиная с «Доброго человека из Сезуана», Любимов в каждом спектакле, даже, казалось бы, самом просоветском, обязательно держал «фигу» в кармане, направленную против действующей власти, которая стала отличительной чертой именно этого театра. В итоге зритель стал ходить в «Таганку» исключительно для того, чтобы в мельтешении множества мизансцен отыскать именно ту, где спрятана пресловутая «фига».

Задумывались ли над возможностью такого поворота те люди, которые пробивали в верхах создание подобного театра? Ведь, как известно, в идеологических центрах Запада уже тогда велись исследования на тему роли театра в разрушении культурного ядра социалистических стран. Был пример той же Италии 20-х годов, где театр Луиджи Пиранделло во многом способствовал приходу к власти фашистов. Судя по всему, все это учитывалось, однако верх в этих раскладах брало то, что плюрализм советской системе необходим, хотя бы в ограниченной форме. Тем более, что верховная власть собиралась зорко приглядывать за его носителями. Но что получилось в итоге? «Корсар» все сильнее наглел, а власть ничего не могла — или не хотела — с этим поделать. Более того, в 1968 году на «Таганке» появился расширенный художественный совет, который объединил с десяток видных либералов и отныне должен был стать надежным щитом этому театру для отражения будущих атак со стороны недоброжелателей — в основном из лагеря национал-патриотов или державников. В этот «щит» вошли Николай Эрдман, Александр Бовин (он в ту пору был консультантом ЦК КПСС), Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Дмитрий Шостакович, Альфред Шнитке, Эдисон Денисов, Белла

Ахмадулина, Эрнст Неизвестный, Фазиль Искандер, Родион Щедрин, Федор Абрамов, Борис Можаев, Юрий Карякин, Александр Аникст, Федор Абрамов и ряд других деятелей. Причем отметим, что подобных советов не было больше ни в одном советском театре. Почему же «Таганке» такой совет создать разрешили? Исключительно для того, чтобы данный театр нельзя было разрушить в будущем, поскольку в таком случае пришлось бы пойти против воли столь большого числа авторитетных людей, за спиной многих из которых стояли не менее авторитетные представители западной элиты. Короче, тронешь этих — поднимут вой западные.

О тогдашней позиции советских властей в идеологическом противостоянии двух течений вернее всего высказался писатель Сергей Наровчатов, который в приватном разговоре со своим коллегой поэтом Станиславом Куняевым заметил следующее: «К национально-патриотическому или к национально-государственному направлению советская власть относится словно к верной жене: на нее и наорать можно, и не разговаривать с ней, и побить, коль под горячую руку подвернется, — ей деваться некуда, куда она уйдет? Все равно в доме останется… Тут власть ничем не рискует! А вот с интеллигенцией западной ориентации, да которая еще со связями за кордоном, надо вести себя деликатно. Она как молодая любовница: за ней ухаживать надо! А обидишь или наорешь — так не уследишь, как к другому в постель ляжет! Вот где собака зарыта!..».

Даже в свете чехословацких событий в августе 1968 года Любимов усидел в кресле главрежа. Вернее, сначала его сняли с должности и даже собирались исключить из партии, но (о чудо!) кто-то с самого верха это решение горкома опротестовал, после чего Любимов благополучно вернулся на капитанский мостик своего «корсара».

Но вернемся к Владимиру Высоцкому.

Осенью 68-го его дела в театре складываются не самым лучшим образом. Так, он отказался от роли Оргона в «Тартюфе». Юрий Любимов за это на него так обиделся, что перестал с ним… здороваться. А чуть позже стал жаловаться на него другим актерам. Например, в разговоре со Смеховым режиссер признался, что Высоцкий ему разонравился. «Он потерпел банкротство как актер, — говорил Любимов. — Нет, я люблю его по-человечески, за его песни, за отношение к театру, но как актер Театра на Таганке он для меня уже не существует. Галилея он стал играть хуже, и тот же Губенко его бы прекрасно заменил. А от Оргона он отказался, потому что отвратительно репетировал.

Он разменивает себя по пустякам, истаскался и потерял форму. Надо либо закрывать театр, либо освобождать Высоцкого, потому что из-за него я не могу прижать других, и разваливается все по частям».

Заметим, говорит это главный режиссер театра, во власти которого — взять и выгнать Высоцкого, разлагающего труппу, из театра к чертовой матери. Но он этого не делает. Почему? Ответов может быть два: или ему было выгодно держать в труппе актера со скандальной славой — зритель шел на Высоцкого весьма охотно, или Любимову просто не позволяли этого сделать. Не позволяли те самые люди, которые с недавнего времени стали благоволить к Высоцкому. Особенно после спектакля «Жизнь Галилея» (1966) Б. Брехта, где актер исполнил главную роль — знаменитого ученого Галилео Галилея, который в любимовской интерпретации так неистово боролся с «системой».

С определенного времени трогать Высоцкого не дозволялось не только Любимову. Например, те люди, которые в июне 1968 года позволили себе «пропесочить» певца в прессе, очень скоро получили «по заслугам». Речь идет о главном редакторе «Советской России» Василии Московском и заместителе заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС Дмитрюке, который дал «добро» на статьи против Высоцкого в обход своего начальника — и. о. зав. Отделом пропаганды Александра Яковлева. В итоге последний пожаловался главному идеологу партии Михаилу Суслову и тот, не без влияния КГБ, вынужден был принять меры: Дмитрюк был снят (!) с должности и отправлен работать начальником Главного управления местного телевидения в Гостелерадио СССР, а Московскому было сделано официальное внушение: после него обычно следовал выговор, а если не помогало — понижение в должности.

Между тем 14 октября 1968 года Высоцкий и Влади публично продемонстрировали серьезность своих отношений. Это случилось в московской квартире хорошо известного нам журналиста газеты Французской компартии «Юманите» Макса Леона. Помимо хозяина там также присутствовали Валерий Золотухин со своей супругой Ниной Шацкой и… любовница Высоцкого Татьяна Иваненко, которая специально напросилась туда прийти, чтобы сделать попытку… отбить своего возлюбленного у Влади. Но шансы ее были невелики, поскольку на ее стороне не было ни одного весомого аргумента. А на стороне Влади, как пел Высоцкий, «поддержка и энтузиазм миллионов». О событиях того дня рассказывает Д. Карапетян:

«Увидев Шацкую с Иваненко, не чуявшая никакого подвоха Марина искренне обрадовалась:

— Как хорошо, что вы пришли, девочки.

И хотя само присутствие гипотетической соперницы в этом доме еще ни о чем не говорило, женский инстинкт и некоторые нюансы быстро убедили Татьяну, что никаким оговором здесь и не пахнет. И она не придумала ничего лучше, как объясниться с коварной разлучницей с глазу на глаз и немедленно. Настал черед удивляться Марине, которая резонно посоветовала Тане выяснить отношения непосредственно с самим виновником возникшей смуты. На та уже закусила удила:

— Марина, вы потом пожалеете, что с ним связались. Вы его совсем не знаете. Так с ним намучаетесь, что еще вспомните мои слова. Справиться с ним могу только я…

Пообещав конкурентке, что он вернется к ней, стоит ей пошевелить пальцем, разгоряченная воительница, развернувшись, вышла. В гостиной увидела подавленного, но не потерявшего головы Володю.

— Таня, я тебя больше не люблю, — спокойно вымолвил он и, схватив со стола бутылку, стал пить прямо из горлышка…».

Чтобы избежать скандала, испанский театральный режиссер Анхель Гуттьеррес увел Иваненко из дома. Хотела уйти и Влади, но Высоцкий удержал ее, причем случайно разорвал на ее шее бусы. Они их потом долго вместе собирали, ползая по полу. Около пяти утра они наконец покинули квартиру. Высоцкий остановил на улице какой-то молоковоз и отвез Влади в гостиницу, где с ней и остался. Днем пришел домой, а там никого. Тогда он взял денег и отправился в ресторан «Артистик». Затем позвонил своему другу Игорю Кохановскому, и тот забрал его к себе. Пока Высоцкий спал, Кохановский вызвал к себе и Влади, чтобы та отвезла его в театр, где вечером наш герой должен был играть в «Пугачеве». Кстати, там он встретился с Иваненко, которая, будучи на взводе после вчерашнего, объявила ему, что «она уйдет из театра и начнет отдаваться направо и налево». Но оба обещанья не сдержала: и в театре осталась, и с Высоцким не порвала, хотя тот не обещал ей, что расстанется с Влади.

С последней Высоцкий продолжал встречаться до тех пор, пока та находилась в Москве. Об одной из таких встреч сама М. Влади вспоминала следующее:

«В один из осенних вечеров я прошу друзей оставить нас одних в доме. Это может показаться бесцеремонным, но в Москве, где люди не могут пойти в гостиницу — туда пускают только иностранцев и жителей других городов, — никого не удивит подобная просьба. Хозяйка дома исчезает к соседке. Друзья молча обнимают нас и уходят.

Закрыв за ними дверь, я оборачиваюсь и смотрю на тебя. В луче света, идущем из кухни, мне хорошо видно твое лицо. Ты дрожишь, ты шепчешь слова, которых я не могу разобрать, я протягиваю к тебе руки и слышу обрывки фраз: «На всю жизнь… уже так давно… моя жена!».

Всей ночи нам не хватило, чтобы до конца понять глубину нашего чувства. Долгие месяцы заигрываний, лукавых взглядов и нежностей были как бы прелюдией к чему-то неизмеримо большему. Каждый нашел в другом недостающую половину. Мы тонем в бесконечном пространстве, где нет ничего, кроме любви. Наши дыхания стихают на мгновение, чтобы слиться затем воедино в долгой жалобе вырвавшейся на волю любви…».

Об этой любви на сегодняшний день написаны тонны литературы. Однако была ли она на самом деле такой, как об этом пишется? Или там всем верховодила страсть и голый расчет, связанный с большой политикой? Ведь слухи о романе Высоцкого с французской кинодивой Мариной Влади моментально распространились по кругам столичной богемы и даже вышли за ее пределы. Вкупе с наездами на Высоцкого в центральной прессе, эти слухи явились мощным стимулом к тому, чтобы интерес к барду стали проявлять даже западные журналисты и дипломаты. Что, собственно, и могло входить в планы людей, дававших «добро» на этот роман. И вот уже в ноябре 1968 года Высоцкого пригласили выступить в московском офисе одного американского издания в районе Кутузовского проспекта. Отметим, что на том концерте была тогдашняя супруга нашего героя Людмила Абрамова, которая фактически «доживала» в этом качестве свои последние недели.

В те же ноябрьские дни решалась судьба очередной кинороли Высоцкого. Речь шла о том самом большевике-подпольщике Николае Коваленко, он же — актер варьете Жорж Бенгальский, который в дореволюционной Одессе ловко водил за нос ищеек из царской охранки в уже упоминаемом выше фильме «Опасные гастроли». 19 ноября на Одесской киностудии состоялся худсовет по актерским пробам, где кандидатура Высоцкого победила всех остальных кандидатов на эту роль. И именно там режиссер будущего фильма Г. Юнгвальд-Хилькевич произнес символическую фразу, которая имела отношение не только к Бенгальскому, но и к самому Высоцкому: «Тут говорили, что у Высоцкого усталый взгляд. Но Бенгальскому и невесело, потому что вся жизнь на острие ножа…».

В тот же день весьма характерный эпизод случился у Высоцкого в родной «Таганке». Любимов запретил ему играть в «Послушайте!», да еще наорал на него: «Если ты не будешь

нормально работать, я выгоню тебя из театра. Я лично пойду к Романову (министру кино) и добьюсь, что тебя и в кино перестанут приглашать. Ты доиграешься…».

И что же сделал Высоцкий? Он просто наплевал на угрозы режиссера. 29 ноября, то есть спустя десять дней после угроз Любимова, артист отправился играть концерт вместо того чтобы выйти в роли Маяковского в «Послушайте!». Когда об этом узнал Любимов, он чуть не задохнулся от гнева. Даже Золотухин этого не понял, выведя в своем дневнике лаконичную строку: «Это уже хамство со стороны друга».

А хамство это могло прямо вытекать из того, о чем мы уже говорили: Высоцкий знал, кто стоит за его спиной, поэтому мог позволить вести себя с Любимовым так, как ему заблагорассудится. И тот в очередной раз вынужден был отбросить обиды, поскольку не в его воле было изменить ситуацию. Режиссера, видимо, пригласили куда следует и без всяких угроз, но просто и доходчиво объяснили: Высоцкий должен играть именно в вашем театре и точка. Ведь уход актера в любой другой столичный театр мгновенно разрушал планы кураторов «Таганки»: полудиссидент Высоцкий должен был стать «знаменем» фрондерской «Таганки», а та, в свою очередь, должна была стать для него легальным трамплином для будущей творческой легализации на Западе под патронажем Марины Влади. Вот почему на ближайшем же худсовете, посвященном Высоцкому, Любимов встал на его защиту и заявил следующее:

«Есть принципиальная разница между Губенко и Высоцким. Губенко — гангстер, Высоцкий — несчастный человек, любящий, при всех отклонениях, театр и желающий в нем работать».

В это же время от Высоцкого уходит и его жена — Людмила Абрамова. Свою миссию рядом с Высоцким она выполнила — за шесть лет совместной жизни родила ему двух сыновей, и теперь была ему уже не нужна. Все мысли Высоцкого теперь были связаны с Мариной Влади, которой предстояло стать для него трамплином в новую жизнь с «раутами, вернисажами и вояжами».

А Высоцкому тем временем продолжает везти с благословенной помощью верховных кураторов. Например, некий чиновник из Министерства культуры РСФСР, возмущенный ростом числа «левых» концертов Высоцкого по Москве и области, звонит в ОБХСС УВД г. Москвы и требует, чтобы против Высоцкого возбудили уголовное дело. Певца вызывают в УВД на знаменитой Петровке, 38, однако после непродолжительной беседы отпускают восвояси, причем даже не сделав ему внушение и не пригрозив карами, если он продолжит свое «левачество».

Другой случай произошел уже в Одессе, где Высоцкий

снимался в фильме «Опасные гастроли». Послушаем режиссера Г. Юнгвальд-Хилькевича:

«Все артисты — и великие и не великие — жили в гостинице «Аркадия». В то время Высоцкий был в самой крутой опале у властей. Когда я начал снимать, секретарь местного обкома издал распоряжение «не пускать в Одессу Высоцкого». Правдами и неправдами Высоцкого поселили в «Аркадии». Я сильно тогда намучился с этими делами…».

Итак, по словам режиссера, Высоцкий тогда был в «крутой опале», на него «катил бочку» секретарь Одесского обкома, а с Высоцкого как с гуся вода: он селится в запрещенной для него «Аркадии» и даже дает в ее ресторане никем не санкционированные концерты с привлечением большого количества зрителей. Спрашивается, почему? Видимо, все по той же причине: местный УКГБ (начальник — А. Кувалдин), получив соответствующие инструкции из Москвы, дает Высоцкому «зеленый свет», нейтрализуя партийные власти города. Попутно запускаются слухи о гонимости Высоцкого, чтобы набить ему цену как одному из глашатаев либеральных свобод в СССР.

Видимо, под надзором Одесского УКГБ прошло и первое официальное паблисити звездной четы в лице Владимира Высоцкого и Марины Влади. Последняя приехала в Одессу в середине марта 1969 года, и на глазах у сотен людей они в течение почти двух недель «крутили любовь». Правда, жили при этом не в гостинице, а на даче все того же Юнгвальд-Хилькевича. Но город был наводнен слухами о том, что роман Высоцкого с «колдуньей» — доказанный факт.

О тех днях вспоминает Л. Пырьева: «Когда мы снимались с Высоцким в «Опасных гастролях», в Одессу приехала Марина Влади. Подкатила на «Волге». Володя тотчас увидел ее, подлетел к ней, затем последовал долгий-долгий поцелуй, как иной раз бывает в фильмах. Одесситы, окружившие их, были в полнейшем восторге: «Ой, вы посмотрите сюда, это же Марина Влади!». Поселилась наша романтическая пара не в гостинице, а на даче, — или у Говорухина, или у Юнгвальд-Хилькевича. И вот когда они, после недавней встречи, сидя на скамейке, радостно ворковали о чем-то своем, я торжественно подошла к ним с пачкой телефонных счетов, которые Володя наговорил с моего телефона, и произнесла: «А за любовь надо платить, ребята!». Марина тотчас отреагировала: «Конечно, конечно…»».

Чувства Высоцкого к Влади тогда были столь нежными, что он посвятил ей сразу несколько стихотворений, в одном которых признался в следующем:

…Не видел я любой другой руки,
Которая бы так меня ласкала, —
Вот по таким тоскуют моряки, —
Сейчас моя душа затосковала.
Я песен петь не буду никому —
Пусть, может быть, ты этому не рада, —
Я для тебя могу пойти в тюрьму —
Пусть это будет за тебя награда…

В 20-х числах марта Высоцкий и Влади приезжают в Москву, где наш герой отмечается загулом — то есть даже французская кинодива ему в этом деле не препятствие. В итоге 25 марта 1969 года он в очередной раз срывает спектакль («Жизнь Галилея») и снова оказывается на грани увольнения из театра. Почти вся труппа возмущена его поведением, но не верит, что Высоцкого наконец-то отчислят. Золотухин записывает в своем дневнике следующий пассаж:

«Все наши охи, ахи — как мертвому припарка, все наши негодования, возмущения, уговоры, просьбы — все на хрен. А что мы должны после этого переживать, почему мы должны мучиться и сгорать перед зрителем от стыда?..».

В течение месяца Высоцкий не появляется в театре, после чего приезжает-таки в «Таганку» и встречается сначала с Любимовым (28 апреля), а потом и с директором театра Николаем Дупаком (29 апреля). Те настроены к нему благожелательно, но ссылаются на мнение партбюро: мол, как оно решит, так и будет. И как же решило судьбу Высоцкого партийное бюро? Естественно, положительно. Оно простило Высоцкого и вынесло окончательное решение по его судьбе на общее собрание труппы. Однако все прекрасно понимали, что это собрание — чистая формальность, поскольку спорить с партбюро себе дороже. А то, судя по всему, ориентировалось на самый верх — на горком, а тот, в свою очередь, — на ЦК КПСС. Видимо, именно там принималось решение в энный раз простить Высоцкого, поскольку его уход из «Таганки», как уже говорилось выше, мог сломать не только его судьбу, но и те виды, которые на него имели теневые воротилы советской идеологии и спецслужб.

Тем временем Влади, будучи в Москве, поднимает вопрос на уровне ЦК КПСС о покупке дачи под Москвой. Отметим, что у нее едва-едва завязались отношения с Высоцким, они еще официально не расписаны, а ею уже ставится вопрос о постоянном месте жительства в СССР. Цена дачи — в пределах 7–8 тысяч рублей. Доля Высоцкого в этом деле может быть существенна, поскольку его заработки уже достаточно высоки.

Например, в 1967–1969 годах за съемки в трех фильмах, где у него главные роли, он заработал в общей сложности 5 тысяч рублей: за «Интервенцию» и «Хозяина тайги» — по 1,5 тысячи рублей, за «Опасные гастроли» — 2 тысячи, самый крупный гонорар Высоцкого в кино на тот момент.

Кстати, не обделена по части гонораров и Влади. Например, за роль Лики Мизиновой в фильме «Сюжет для небольшого рассказа» она удостоилась 4 465 полновесных советских рублей. Из всех актеров, занятых в этой картине, Влади получила больше всего: даже ее партнеру Николаю Гринько (он играл А. П. Чехова) выдали на руки 3 400 рублей, а режиссеру фильма С. Юткевичу — 4 102 рубля.

Отметим, что во второй половине 60-х Высоцкий и Влади поменялись звездными статусами в плане кинокарьеры. Если раньше впереди была Марина, то теперь в лидерах оказался Владимир.

Я уже упоминал о том, что где-то с середины 60-х у Влади в ее кинематографической карьере наступил застой — работы в кино у нее стало значительно меньше. Так, если в 1960–1965 годах она снялась в 16 фильмах, то в последующие пять лет (1966–1970) она смогла записать на свой счет 10 фильмов, причем в подавляющем большинстве из них она исполняла второстепенные роли. При этом даже главные роли у нее выпадали в фильмах, которые скорее можно отнести к развлекательному жанру, а не к серьезному. Например, в фильме «На прицеле у смерти» (1967) по Ж. Брюсу режиссера Мишеля Буарона. Сюжет у ленты был следующий. В Тихом океане была уничтожена американская военно-морская база «ЮС-24». Юбер Бониссёр де ля Бат, французский аристократ, а по совместительству секретный агент OSS-117, послан в Токио, чтобы расследовать, кто это сделал. Вскоре он выясняет, что шифровальщица в американском посольстве Ева Давидсон (Марина Влади) передавала ценную информацию японской банде. Она признаётся ему, что делала это по принуждению, а теперь готова сотрудничать. OSS-117 притворяется мужем Евы, чтобы лучше расследовать контакты между ней и бандой, которая добывает информацию о второй базе…

Еще один похожий фильм — «Сирокко» (1969), снятый венгерским режиссером Янчо Миклошем. Его действие разворачивается в первой половине 1930-х годов, незадолго до убийства югославского короля Александра. Главный герой, Марко (Жак Шаррье), является членом хорватской националистической организации. Вместе с группой своих товарищей он скрывается на территории Венгрии. Идеализм и свободолюбивый дух Марко

вызывают опасение у других членов организации. Они делают все возможное, чтобы Марко больше никогда не вернулся в Югославию. Марина Влади играла роль возлюбленной Марко — Марии.

Совсем другое кино — фильм «Две или три вещи, которые я знаю о ней» (1967), который снял Жан-Люк Годар, автор таких фильмов как «На последнем дыхании» (1960), «Жить своей жизнью» (1962), «Маленький солдат» (1963), «Карабинеры» (1963), «Безумный Пьеро» (1965), «Далеко от Вьетнама» (1967) и др. В «Вещах…» рассказаны истории нескольких персонажей, ключевым образом связанных с главной героиней — Жюльет Жансон (Марина Влади) и городом, в котором происходит действие фильма — Парижем шестидесятых годов.

Наконец, советский фильм «Сюжет для небольшого рассказа» — тоже кино из разряда серьезного. Не случайно картина получила Памятную медаль Международного кинофестиваля в Венеции. В фильме рассказывалась история создания пьесы А. П. Чехова «Чайка» и её провала на сцене Александринского театра. Эта история перемежается с рассказом о взаимоотношениях Чехова с Ликой Мизиновой и Игнатием Потапенко.

Что касается киноролей Владимира Высоцкого, то о, после длинной череды второстепенных и эпизодических ролей во второй половине 60-х наконец-то «дослужился» до ролей центральных. А началось все в 1967 году, когда на экраны страны вышли сразу два фильма с его участием: «Короткие встречи» (режиссер К. Муратова, главная роль — геолог Максим) и «Вертикаль» (реж. С. Говорухин, радист Володя). В последнем фильме роль у Высоцкого была не главная, зато в нем звучали четыре его песни в собственном исполнении, которые тогда же вышли на пластинке-миньоне, сделав из Высоцкого певца официально разрешенного.

После этого главные роли у него последовали одна за другой в следующих фильмах: «Служили два товарища» (1968, поручик Брусенцов), «Интервенция» (1968, революционер-подпольщик Воронов-Бродский; фильм был положен на полку и выйшел на экраны в 1987 году), «Хозяин тайги» (1969, бригадир сплавщиков Иван Рябой; в фильме звучали две песни Высоцкого в его же исполнении), «Опасные гастроли» (1970, большевик-подпольщик Николай Коваленко/Бенгальский; в фильме звучали три песни Высоцкого в его же исполнении).

Но вернемся к событиям весны 1969 года.

Едва Влади уехала к себе на родину, как Высоцкий тут же начал… крутить «амуры» со своей бывшей пассией — актрисой «Таганки» Татьяной Иваненко. Пару месяцев назад он посвятил

Влади проникновенное стихотворение, где были такие строки: «Не видел я любой другой руки, которая бы так меня ласкала…». Как показала действительность, видел — это были руки Татьяны Иваненко. С ней он, не стесняясь, вместе ходил по городу, посещал знакомых. Как написал свидетель тех событий Д. Карапетян,

«Судя по всему, в Марине Влади серьезной соперницы Татьяна никогда не видела и поступаться своим в угоду суровой реальности не намеревалась…».

То, что Высоцкий был «ходок», ни для кого не было секретом. Но нас интересует другое: почему он в открытую романит с Иваненко, зная о том, что найдутся недоброжелатели (а таковых у него было множество, в том числе и в родном театре), которые донесут об этом Влади? И тогда его роман с французской кинодивой, с таким трудом «выцарапанный» у судьбы и у высших инстанций, мог «сыграть в ящик». Однако Высоцкий этого не боится. Почему? Видимо, потому, что прекрасно отдает себе отчет в том, что их роман с Влади, выгодный многим сторонам, не может закончиться по такой смехотворной причине, как банальный адюльтер. Тем более накануне обострения отношений между КПСС и ФКП.

В июне 1969 года в Москве проходило международное Совещание коммунистических партий, на которое съехались представители 75 компартий со всего мира. Была на нем и Марина Влади, которая, как мы помним, была не только членом ФКП, но и активисткой общества «Франция — СССР». Это совещание в какой-то мере стало поворотным: именно с него началось серьезное расхождение во взглядах между ведущими европейскими компартиями — итальянской, испанской, французской — с КПСС по вопросам строительства социализма. Европейцы, осуждая кремлевское руководство за вторжение в ЧССР и сворачивание тамошних реформ, настаивали не на конфронтационном пути, а на реформистском; локомотивом здесь были испанцы и итальянцы — особенно их возмутило апрельское смещение с поста 1-го секретаря ЦК КПЧ А. Дубчека и назначение на этот пост антисемита Густава Гусака. Этот путь в итоге родил еврокоммунизм, то есть смычку коммунистов с буржуазными партиями. Марина Влади была еврокоммунисткой и должна была ввести Высоцкого как в парижские эмигрантские, так и еврокоммунистические круги на правах либерального «мостика». А Юрий Любимов чуть позже стал таким же «мостиком», но уже между кремлевскими либералами и итальянской компартией. Так московская корпоратократия «окучивала» Европу посредством своих ведущих культуртрегеров

с дальним прицелом — в нужный момент использовать их в период конвергенции, идея которой давно уже витала в воздухе — с конца 50-х, когда Хрущев объявил о мирном сосуществовании с Западом.

Одну из ведущих скрипок в этом процессе играл КГБ во главе с Юрием Андроповым. Это ведь он на официальных мероприятиях громил с трибуны загнивающий капитализм, а в тишине лубянских кабинетов разрабатывал замысловатые операции, целью которых было наведение мостов с западной корпоратократией. В конце 60-х его люди установили связи с рядом учреждений, влияющих на мировую расстановку сил: Римским клубом и Международным институтом прикладных системных исследований. Оба этих учреждения появились на свет во второй половине 60-х при активном участии американцев. Так, МИПСИ было создано по распоряжению президента США Линдона Джонсона и курировалось его советником по национальной безопасности Маком Банди. От СССР созданием института руководил Джермен Гвишиани — сын генерала КГБ и зять председателя Совета Министров СССР А. Косыгина; имя Джермен было образовано из двух фамилий знаменитых чекистов: Дзержинский и Менжинский. Но главной фигурой института был барон-еврей Солли Цукерман, женатый на маркизе Джоанн Руфусс Исаакс — дочери замминистра иностранных дел при У. Черчилле и внучке вице-короля Индии.

Забегая вперед, отметим, что через МИПСИ в скором будущем пройдут будущие российские реформаторы: Г. Попов, А. Чубайс, Е. Гайдар, А. Шохин, Е. Ясин, И. Нечаев и др.

Но вернемся к Высоцкому.

С 7 по 20 июля 1969 года в Москве проходил очередной Международный кинофестиваль. Марина Влади, как все еще звезда мирового масштаба плюс к тому же член Французской компартии, была приглашена на него как почетный гость, а Высоцкий оказался как бы при ней. Однако ничем хорошим для него это не обернулось. Уже в конце фестиваля, 18 июля, Влади должна была участвовать в очередном фестивальном мероприятии и взяла с собой мужа. Но когда Высоцкий попытался пройти вместе с ней в фестивальный автобус, ретивый контролер актрису пропустил, а ее супруга бесцеремонно выставил за дверь. Через минуту автобус уехал, а Высоцкий, униженный и оскорбленный, остался стоять один на пустынном тротуаре.

Домой он вернулся поздно ночью сильно подшофе — видимо, решил таким образом справиться с постигшим его унижением. В итоге ему стало плохо — лопнул сосуд в горле. Вызвали «скорую», которая доставила Высоцкого в Институт

Склифосовского. Эта история потом обрастет массой слухов, которые живы до сих пор, в основном со слов самой Влади. На основе этих слухов поэт А. Вознесенский даже написал поэму про Высоцкого, зашифровав его под «гитариста Владимира Семенова», которую напечатал пролиберальный журнал «Дружба народов»; в литературных кругах это издание называли «Дружба народа» за то, что он в основном ориентировался на поддержку одного богоизбранного народа, к которому по отцу имел отношение и Высоцкий.

Едва наш герой выписался из больницы, как Влади пробила в московских верхах для него и себя длительный отпуск. Отметим, что они не являлись официальными супругами — не были расписаны, а были всего лишь любовниками, но советские власти угождали им как только могли. Звездная чета уехала сначала в Белоруссию, а оттуда Крым, в Алушту. Знакомый Высоцкого Леонид Елисеев (они познакомились в 1966 году на съемках «Вертикали») оставил о той встрече свои воспоминания:

«Мы были рады приезду Высоцкого и Влади. Слава проявил большую заботу, чтобы как можно лучше их устроить. Встреча моя с ними произошла в гостинице (название не помню), куда я тут же приехал. Мы обнялись, пожали друг другу руки, а потом он представил меня Марине, сказав, что это «тот самый Леня Елисеев».

Присматриваясь к Марине, я менял свое представление об ее красоте. Во-первых, у нее не было той юности, которая так очаровала нас всех в «Колдунье»; во-вторых, на первый взгляд, это была обычная, умудренная большим жизненным опытом женщина, в облике которой присутствовало много русского. Было видно, что Марина устала с дороги. Володя находился в заботах об устройстве, Слава тоже суетился… Чтобы не мешать им, я стал прощаться, Володя дал мне паспорта, свой и Маринин, и попросил передать их администратору. Передав паспорта, я поехал в гостиницу…

На следующий день, во второй половине, мы вчетвером на моей машине поехали на один из пляжей недалеко от Алушты. Володя и Марина сидели сзади. Когда мы проезжали мимо лотка, где торговали молоком, Володя сказал, что хочет молока. Остановились, я взял две литровые бутылки. На пляже купающихся оказалось не так много, Володю и Марину никто не узнавал. Марина блистала своей фигурой, несмотря на то, что родила троих детей, на ней был модный розовый купальник. Володя меня тоже поразил своей фигурой: за полтора года она стала более атлетической, и в движениях он стал более спортивным. Без всякого сомнения, он занимался атлетической

гимнастикой. У него стала более мощная грудь, накачанные плечи, походка стала более легкой и спортивной. Раньше у него в походке было что-то от «Карандаша», знаменитого нашего клоуна.

Пока мы купались, я наблюдал за реакцией окружающих нас мужчин на известную кинозвезду. Никто из них долго свой взгляд на Марине не задерживал. Все они воспринимали ее как обычную красивую женщину. Но не как «сногсшибательную», от которой, как говорят, глаз не отвести. Слава говорил об эпизодической роли, сыграть которую предложил Володе, на что он тут же дал согласие. (В «Белом взрыве» Высоцкий сыграет роль комбата. — *Ф. Р.*). А я думал, что если бы не Марина, то Володя был бы сейчас в «Белом взрыве» на главной роли… К тому же у меня перед глазами, как назло, стояла Маринина старая продуктовая капроновая сумка типа «авоськи», которая была аккуратно залатана во многих местах. И эти заплатки почему-то раздражали меня.

На пляже никто есть не стал, даже Володя, который захотел молока, не выпил и глотка. И что самое главное, отсутствовало радушие… «Пристегнутый» к Влади Володя был не тот парень-рубаха, с душой нараспашку, готовый первым оказаться там, где труднее и опаснее, как это было в горах. А здесь что-то надломилось. Может быть, эта натянутость была еще оттого, что Слава высказал свои сомнения по поводу двух, на мой взгляд, хороших песен, которые Володя специально написал к нашему фильму…».

Натурные съемки эпизода, где должен был сниматься Высоцкий (командный пункт батальона), проходили недалеко от перевала, через который проходит дорога Алушта-Симферополь. Однако они едва не сорвались из-за аварии, которая произошла на горной трассе. В тот день за рулем машины, которая везла Говорухина, Высоцкого и Влади к месту съемок, сидел Елисеев. Где-то на середине пути он на большой скорости обогнал грузовик, за что был немедленно остановлен инспектором ГАИ, вынырнувшим из-за укрытия. Елисеев стал прижиматься к обочине, как вдруг тот самый грузовик, который он обогнал ранее, догнал их и ударил бампером в багажник. Хорошо, что удар пришелся вскользь, иначе кто-нибудь из находившихся в машине людей наверняка бы пострадал. А так все они отделались только испугом. Инспектор, узнав, кто едет в остановленной им машине, на стал «качать права» и отпустил киношников с миром.

Вспоминает Л. Елисеев: «На съемочной площадке все было уже готово: сделано небольшое укрытие, изображающее командный пункт батальона. Пока актеров готовили к репетиции и съемке, я немного отрихтовал смятое крыло, а когда пришел на

съемочную площадку, Говорухин с оператором заканчивали отработку и репетицию встречи Артема (Армен Джигарханян) с комбатом (Высоцкий) и рядовым Спичкиным (Сергей Никоненко). Меня поразило, как правдиво, легко, уверенно работал Высоцкий. Это был актер, совершенно не похожий на того, каким я его видел в «Вертикали» или на первом его творческом вечере в ВТО в 1967 году…

Слава снял два или три дубля, все они были удачными. На этом съемки закончились, стали собираться в обратную дорогу. Мне было не по себе, когда Марина, одна из первых, села в киношный автобус, а следом, естественно, рядом с ней сел и Володя. После того как уехал автобус, я подумал, что это не он, а Марина увозит Высоцкого.

В Алушту мы возвращались вдвоем с Говорухиным. Видя мое настроение, Слава рассказал мне, что Марина недавно была в довольно крупной автоаварии, а потом, после длительного молчания, смеясь, добавил: «А знаешь, мы с тобой могли бы прогреметь на весь мир! Представляешь, как завтра, многие газеты мира напечатали бы: «Вчера на горной дороге Алушта — Симферополь в автокатастрофе погибла звезда французского кино Марина Влади и известный певец-поэт Владимир Высоцкий, а также режиссер-постановщик Говорухин и консультант фильма Елисеев»».

Именно в 1969 году Высоцкий написал песню «07» — про свои международные телефонные переговоры с Мариной Влади. Отметим, что связь эта происходила через Международный телефонный узел (МТУ) в Москве, который был… под «колпаком» все того же КГБ. То есть все разговоры звездной пары тщательно контролировались советской спецслужбой — за это отвечал 12-й отдел КГБ СССР. Причем до ноября 1967 года отдел входил в оперативно-техническое управление, но Андропов, ставший шефом КГБ в мае того же года, предпочел вывести этот отдел из ОТУ и сделать самостоятельным подразделением, поскольку придавал «прослушке» особое значение. Поэтому руководителями отдела он назначал «своих» людей: сначала это был Алексей Кривошеев (1967–1970), который работал инструктором в возглавляемом Андроповым Отделе социалистических стран (1961–1967), а затем Юрий Плеханов (1970–1983), который был секретарем Андропова в ЦК КПСС (1965–1967), а потом его старшим офицером в приемной КГБ (1967–1970). Короче, это были преданные лично шефу КГБ люди. Судя по всему, именно благодаря их распоряжениям, а не из-за доброты телефонисток, которые были людьми подневольными, Высоцкому установили льготный тариф — он оплачивал определенный лимит времени, а

говорить с Парижем мог сколько душе заблагорассудится. Кроме этого, другом звездной четы стала Людмила Орлова — начальник смены МТУ.

Развод и женитьба в одном флаконе

Год 1970-й начался для Высоцкого с… развода. Речь идет о разводе с Людмилой Абрамовой. Как мы помним, осенью 1968 года Высоцкий ушел от нее и двух своих детей к Марине Влади, но развод официально не оформлял. 10 февраля 1970 года эта проблема благополучно разрешилась. Л. Абрамова вспоминает:

«Мы с Володей по-хорошему расстались… У нас не было никаких выяснений, объяснений, ссор. А потом подошел срок развода в суде. Это февраль семидесятого. Я лежала в больнице, но врач разрешил поехать. Я чувствовала себя уже неплохо. Приехали в суд. Через пять минут развелись… Время до ужина в больнице у меня было, и Володя позвал меня на квартиру Нины Максимовны (мать Высоцкого. — *Ф. Р.*). Я пошла. Володя пел, долго пел, чуть на спектакль не опоздал. А Нина Максимовна слышала, что он поет, и ждала на лестнице… Потом уже позвонила, потому что поняла — он может опоздать на спектакль.

Когда я ехала в суд, мне казалось, что это такие пустяки, что это так легко, что это уже так отсохло… Если бы я сразу вернулась в больницу, так бы оно и было…».

Спустя пару недель после этого события в Москву прилетает Марина Влади, окрыленная новостью о том, что ее возлюбленный официально освободился от уз Гименея. В ее планах в скором времени стать официальной супругой Высоцкого, ради чего, собственно, он и развелся с Абрамовой. Все это не случайно. Дело в том, что в 1969 году в советское законодательство были внесены изменения, которые упрощали браки между советскими и иностранными гражданами. Этим обстоятельством и решили воспользоваться Высоцкий и Влади. Правда, будущий супруг собственноручно едва не похоронил не только эту затею, но и саму… Марину Влади. В их доме разгорелись поистине шекспировские страсти, причем разгорелись они на алкогольной почве.

17 марта Высоцкому захотелось выпить горячительного, но жена буквально вырвала у него из рук бутылку с водкой и вылила ее содержимое в раковину. Этот демарш настолько возмутил певца, что он устроил в квартире форменный дебош. О результатах его можно судить по рассказу самого актера, который в те дни жаловался своему приятелю и коллеге Валерию Золотухину: «У меня такая трагедия. Я ее (Влади. — *Ф. Р.*) вчера чуть не задушил. У меня в доме побиты окна, сорвана дверь… Что она мне устроила… Как живая осталась…».

Вот такая метаморфоза приключилась с нашим героем:

каких-нибудь два года назад он буквально пылинки сдувал со своей возлюбленной, посвящая ей проникновенные стихи («Без нее, вне ее — ничего не мое…»), а тут вдруг едва не задушил собственными руками. Впрочем, во всем виноват был алкоголь, который в большинстве своем всегда оказывает на своих поклонников негативное воздействие. Высоцкий в этом плане не был исключением: водка увеличивала его природную злость многократно.

В результате разразившегося скандала Влади на следующий же день улетела в Париж, клятвенно обещая навсегда порвать отношения с Высоцким. Но, как мы уже и отмечали, не порвала, а спустя какое-то время вновь их возобновила. Кто-то скажет, что это любовь, а кто-то может всерьез усомниться в ее наличии, разглядев вместо нее нечто иное. Ведь трудно заподозрить в столь рациональном и трезвомыслящем человеке как Марина Влади (она Телец по гороскопу) легкомысленную и романтически настроенную девчонку — все-таки до Высоцкого она дважды успела побывать замужем, родила троих детей. Ей было уже за тридцать, а это отнюдь не тот возраст, когда человек может броситься в пучину любви с такой самоотверженностью, что готов простить своей второй половине даже попытку собственного убийства.

По этому поводу уместно привести слова человека, который, что называется, вблизи наблюдал за этими отношениями и уже тогда поражался их деланности — режиссера Г. Юнгвальд-Хилькевича:

«Я никогда не видел Высоцкого страстным с Мариной. С Таней (Иваненко. — *Авт.*) он не скрывал своих чувств, был самим собой (потому что там, судя по всему, была настоящая, а не постановочная любовь. — *Авт.*), а с Мариной вел себя как западный человек: сдержан, предупредителен. Я не узнавал Володю и тяготился, когда мне приходилось быть с ними одновременно. Мы были открыты друг перед другом. Я говорил:

— Володь, ну не получится ничего, такие вы разные, это просто невозможно. Вы оба играете в какую-то игру (как это точно подмечено — именно в игру и, видимо, по велению неких структур. — *Авт.*).

— Что ты х… несешь? Как ты можешь? — Высоцкий обижался на меня, но эти перепалки не меняли наших отношений (можно представить себе, как испугался Высоцкий того, что их «постановку» могут разоблачить — значит, что-то они недорабатывают, хотя оба актеры. — *Авт.*)…

Почему, имея Танину любовь, такую, о которой всякий нормальный мужик может только мечтать, Высоцкий сделал

выбор в пользу Влади — для меня загадка. (Мы эту загадку раскрываем, высказывая версию о том, что связь с Влади давала Высоцкому возможность стать знаменитым и под крылом влиятельных структур объездить полмира, в то время как любовь с Татьяной Иваненко могла предложить ему всего лишь счастливую семью и не более того. Для Высоцкого первый вариант, видимо, оказался гораздо предпочтительнее. — *Авт.*). Тем более что, судя по всему, Володя не так уж сильно любил Марину. Говорил, что обожает, но я-то вместе их видел! И так же видел их вместе с Таней: какие там были страсти как с одной, так и с другой стороны. Он ей, сидя за столом в ресторане, руку невзначай на бедро клал, она загоралась вся и трепетала так, как иные женщины не способны на вершине самого великолепного секса. Она и без того невероятной, божественной красоты девочка, но от малейшего его прикосновения преображалась. Невозможно было это наблюдать — завидно…

А Марина — очень холодная женщина… Она ему другом не стала. Володе все время в ней чего-то не хватало. И сильно не хватало. С Влади он себя насиловал, уподоблялся ей, застегивался, ограничивался и метался, потому что его самого все это тяготило и не могло не раздражать…».

Так что для многих людей, которые наблюдали вблизи за отношениями между Высоцким и Влади, некая постановочность этого романа была налицо. Со стороны это напоминало скорее бизнес-проект, чем семью в привычном понимании этого слова.

Итак, после мартовского скандала Влади улетела в Париж, пообещав Высоцкому больше никогда не возвращаться. Но слово свое не сдержала, о чем, кстати, Высоцкий был прекрасно осведомлен с самого начала, поэтому особо и не расстраивался. О причинах этой его уверенности можно только догадываться. Медом, что ли, он был намазан? Или действительно обладал какой-то магической силой, заставлявшей женщин смотреть на него, как кролик смотрит на удава? А может, это был такой «бизнес-проект», который просто не мог быть разрушен по прихоти одной из сторон и мог быть ликвидирован только по желанию тех структур, кто его создал?

Короче, Влади улетела восвояси, а Высоцкий даже бровью не повел, уверенный в том, что никуда его французская дива от него не денется. Поэтому загул мог быть продолжен. В итоге Высоцкий, прихватив с собой приятеля Давида Карапетяна, решил отправиться развеять грусть-тоску в Минск, к кинорежиссеру Владимиру Турову; именно в его фильме «Я родом из детства» впервые в кино прозвучали песни Высоцкого. Поскольку до отправления поезда было еще несколько часов, друзья решили

скоротать время неподалеку — в ресторане ВТО на улице Горького, что в пяти-семи минутах езды от Белорусского вокзала. Там с Высоцким приключилась забавная история. К ним за столик подсадили смутного возраста даму из театральных кругов, которая с места в карьер обрушила свое раздражение на артиста. Она заявила, что только что приехала из Ленинграда, но уже сыта по горло разговорами про Высоцкого. «Надоели эти бесконечные слухи о вашей персоне, — клокотала дама. — То вы вешаетесь, то режете себе вены, но почему-то до сих пор живы. Когда вы угомонитесь? Почему все должно вращаться вокруг вас? Чего вы добиваетесь? Дайте людям спокойно жить!».

Отметим, что разного рода слухи про Высоцкого барражировали тогда по стране со скоростью пожара. Причем их массовое появление началось как раз с момента знакомства артиста с Мариной Влади. Природа возникновения этих слухов весьма туманна. Некоторые из них рождались спонтанно в недрах народных масс, которые всегда были охочи до такого рода «информации», касающейся знаменитых людей. Однако существенную толику таких слухов вбрасывали в общество и спецслужбы, преследуя свои интересы. Например, в случае с Высоцким это было желание представить певца в глазах широких масс полузапрещенным и гонимым артистом — этакой жертвой системы: у обывателей гонимые всегда вызывают повышенное сочувствие.

Как ни странно, но эта гневная речь не возымела на виновника происходящего никакого действия — видимо, он уже привык к подобного рода эскападам. Высоцкий только добродушно ухмылялся и кивал головой. В этот момент мысли его были далеко: то ли в Париже, куда укатила его супруга, то ли в Минске.

Когда друзья приехали к Турову, тот был обескуражен, поскольку совершенно не ожидал приезда Высоцкого, да еще в компании с приятелем. Но согласно законам гостеприимства встретил их хлебом-солью. Отмечать приезд сели в кухне. Вскоре к режиссеру один за другим стали приходить друзья и коллеги, прослышавшие откуда-то о приезде столичной знаменитости. Батарея пустых бутылок угрожающе росла. Так продолжалось до вечера. Затем было решено продолжить застолье в каком-нибудь ресторане возле вокзала — обратный поезд в Москву отходил ночью 22 марта. Когда Высоцкий садился в поезд, он уже был прилично «нагружен», однако чувства реальности еще не потерял. Карапетян, который хорошо знал привычки своего друга, понял, что ночь ему предстоит адова. Так и вышло.

Едва поезд тронулся, как Высоцкий стал буквально наседать

на приятеля: мол, найди что-нибудь выпить. Тот юлил, как мог: дескать, где же я найду выпить ночью? Но приятель был неумолим. В итоге Карапетяну пришлось делать вид, что он пошел переговорить с проводником. Вернувшись, объяснил: проводник — женщина, надо терпеть до утра. Высоцкий вроде бы угомонился и лег на полку. Но каждые полчаса просыпался, громко стонал, после чего хватался за сигареты. Пассажиры их купе (а с ними ехали девушка и какой-то командировочный мужчина) то и дело просили прекратить это безобразие. Но Высоцкий их мало слушал.

Утром, мучимый похмельным синдромом, артист опять насел на друга: найди мне выпить. «Потерпи до Москвы», — отбрыкивался Карапетян. «Не буду», — упрямо бубнил Высоцкий. Затем предложил: «Займи у нашего соседа. Объясни, что вопрос жизни и смерти». Карапетян вышел в коридор, где находился их сосед по купе. «Выручите нас, пожалуйста, — обратился он к мужчине. — Это артист Высоцкий. Ему очень худо. Одолжите десятку и оставьте адрес. Мы обязательно вышлем сегодня же телеграфом». Но сосед оказался настолько далек от творчества Высоцкого (хотя чуть ли не вся страна в эти дни любовалась его творчеством в фильме «Опасные гастроли»), что наотрез отказался одалживать не то что десятку, но даже захудалую трешку. Тогда Высоцкий стал уговаривать друга отдать ему по дешевке свою электробритву «Филипсшейв». Карапетян, скрепя сердце, согласился. Но сосед продолжал артачиться. Тогда Высоцкий, трубы которого к тому моменту уже представляли чуть ли не раскаленные сопла космической ракеты, кинул в бой последний козырь — свою пыжиковую шапку. Козырь сработал, что вполне объяснимо — мало того, что такая шапка по тем временам была вещью остродефицитной, она еще и стоила пару сотен рублей, а Высоцкий согласился продать ее за пару червонцев. Допекла, видно, жажда.

Между тем приключения друзей на этом не закончились. Приехав в Москву, вечером того же дня Высоцкий потащил друга все в тот же ресторан ВТО. Там они мило посидели, после чего завалились домой к Карапетяну на Ленинский проспект, возле универмага «Москва». Уложив гостя в гостиной на диване, хозяин вместе с женой удалился в крохотную спальню. Однако под утро их разбудил Высоцкий, который сообщил, что… спалил матрац. Оказывается, он лег спать с сигаретой в руке, и та упала на диван. Огонь тлеющей сигареты насквозь прожег матрац и перекинулся на обивку дивана. К счастью, Высоцкий в этот миг проснулся и принялся в одиночку бороться с огнем. Сначала он стал бегать на кухню за водой (он носил ее в ладонях), а когда это не помогло,

схватил матрац в охапку и выпихнул матрац в узенькую боковую створку окна. И только потом помчался оповещать о случившемся хозяев.

К чему я столь подробно рассказал об этих приключениях Высоцкого? Только лишь для того, чтобы читателю стало понятно, какой «подарок» заполучила Марина Влади, которая, будучи уже дважды замужем, ранее такого рода «вулканических» мужчин еще не встречала. Однако, повторимся, этот «вулкан» отнюдь не пугает Влади и даже, наоборот, притягивает, поскольку она в том же 70-м соглашается стать его официальной женой. Впрочем, до этого еще есть время. А пока, 1 июня 1970 года, в широкий прокат выходит фильм Сергея Юткевича «Сюжет для небольшого рассказа», где возлюбленная Высоцкого исполнила роль другой возлюбленной, а именно — Лики Мизиновой, в которую был влюблен Антон Чехов. Спустя двенадцать дней после премьеры Влади прилетела в Москву на очередное рандеву со своим мужем. Как раз к ее приезду в Москве запустили еще один фильм с ее участием — «Время жить» (1969), который крутили на малой спортивной арене в Лужниках 15–21 июня.

В этот приезд Влади Высоцкий показывает ей свою новую песню, навеянную их отношениями — «Нет меня — я покинул Расею…». В ней Высоцкий развеивал слухи о своем якобы возможном бегстве из страны. Эти слухи стали особенно интенсивно муссироваться в народе именно в этом году на почве любовного романа, который у Высоцкого был с Мариной Влади. Вполне вероятно, слухи эти специально вбрасывали в общество недоброжелатели певца, надеясь таким образом подтолкнуть его к такому шагу. Тем более, что тогда уже намечалось открытие еврейской эмиграции. Вот именно против этих слухов и протестовал Высоцкий:

…Кто-то вякнул в трамвае на Пресне:
«Нет его — умотал наконец!
Вот и пусть свои чуждые песни
Пишет там про Версальский дворец»…
Я смеюсь, умираю от смеха:
Как поверили этому бреду?! —
Не волнуйтесь — я не уехал,
И не надейтесь — я не уеду!

Это был недвусмысленный ответ тем, кто и в самом деле рассчитывал, что Высоцкий навсегда уедет из страны со своими «чуждыми песнями». Однако напомним, что наш герой был евреем лишь наполовину, и если эта часть еще могла «дать слабину», то русская, сильнее привязанная к России, — вряд ли;

во всяком случае, на момент написания песни она этому активно сопротивлялась, чего не скажешь о позднем Высоцком, о чем мы еще поговорим. К тому же он прекрасно понимал, что как певец и артист он имеет шанс проявить себя по самому высокому разряду лишь здесь, а за границей в этом плане ему мало что светит.

Пробыв в Москве несколько недель, Влади вернулась на родину. А к Высоцкому в середине августа внезапно заявилась… его бывшая жена Иза Жукова. Она работала на Украине в одном из театров, а в столицу ее привела служебная необходимость. Попутно она также хотела переговорить с бывшим супругом относительно судьбы своего нынешнего мужа — тот тоже был актером, но в данный момент сидел без работы. Весть о том, что в город приехала его бывшая жена, застала Высоцкого врасплох: он находился у себя дома, на улице Телевидения, 11, вместе с матерью Ниной Максимовной и другом — сценаристом Давидом Карапетяном. Иза позвонила ему по телефону и попросила разрешения приехать. Высоцкий ее принял.

Встреча была короткой, — длилась минут 10–15 и произвела на присутствующих не самое приятное впечатление. Бывшие супруги переговорили о своих делах в соседней комнате, поле чего Жукова покинула дом. Как вспоминает Д. Карапетян, он никогда еще не видел Высоцкого таким раздраженным. Высоцкий клокотал: «Черт-те что! Пришла просить за своего парня. Устроить на работу. Что же это за мужик такой, который согласен на помощь бывшего мужа своей бабы?!». Друг попытался возразить: дескать, откуда ты знаешь, что он в курсе? Но Высоцкий только отмахнулся: «Все он знает. Она же наверняка с ним приехала. Небось, дожидается внизу…». Как пишет далее Д. Карапетян,

«Странное впечатление осталось у меня от этой мимолетной сцены. Как часто Володя помогал людям случайным, зачастую вовсе этого не заслуживающим. Здесь же — родная жена (пусть бывшая), юные годы, общие воспоминания. Даже мои азиатские мозги отторгали этот странный максимализм в духе Синей Бороды».

Как выскажется в одном из своих интервью тот же Карапетян, когда Высоцкий был пьяным, в нем оживал щедрый русский, когда трезвый — рациональный еврей. Видимо, описанный случай — из этого же ряда.

Кстати, именно Карапетян познакомил Высоцкого с женщиной, которая на какое-то время стала его… очередной любовницей. Звали ее Галина Бирюкова. Она работала манекенщицей в Доме моделей на Кузнецком мосту, была замужем за геологом и воспитывала сына. Поскольку супруг часто

пропадал в экспедициях, Галина часто оставалась дома одна и в итоге летом 1970 года, когда муж уехал в командировку на полгода, познакомилась с Высоцким, который оказался ее… соседом — они жили на улице Телевидения (сейчас это улица Шверника), только в разных домах. У нее была подруга, Аня, которая в то время крутила роман с Карапетяном. И вот однажды Аня позвала подругу в гости к своему любовнику, сообщив, что туда же придет и Владимир Высоцкий. При этом успокоила: «Ты не бойся! Володя не будет к тебе приставать. У тебя муж, но и у него невеста — сама Марина Влади. Скоро они поженятся. Просто Володя с Давидом такие хорошие ребята, с ними так интересно!». Далее послушаем рассказ самой Г. Бирюковой:

«Не успели мы об этом поговорить — звонок в дверь. Приехал Высоцкий. Пьяный. Взгляд какой-то бешеный, руки ходуном, жадно затягивался сигаретой — помню, я еще удивлялась, как он ее не выронит… На меня Володя тогда и внимания не обратил — не до того ему было, он все больше искал, чего бы выпить. Вдруг звонит телефон. Звонки частые, значит, межгород. Давид берет трубку, говорит: «О, здравствуй, дорогая. Да, он у меня». Высоцкий сразу понял, кто это, — выхватил телефон и давай орать: «Марина, я люблю тебя, Марина!». Он и дальше что-то ей кричал, все более неразборчиво. В какой-то момент сорвался на мат, упал с кресла, уронил телефон. И из лежащей на полу трубки я услышала женский голос: «Володя, Володя, ты что, заболел? Я завтра приеду…». Потом Давид Володю увел, объяснив нам, что тому сейчас остро требуется коньяк, а в Смоленском гастрономе у них свои тетеньки, которые постоянно держат бутылку коньяка для Высоцкого. Мы с Аней тоже поехали по домам. И уж конечно, меньше всего мне хотелось продолжать это знакомство. Я была уверена, что больше никогда с Высоцким не увижусь, и представляла, как удивлю мужа, когда тот вернется, рассказом о том, как я увидела его кумира, и каким малосимпатичным типом он оказался. Да и хриплый Володин голос мне совсем не понравился…».

Но история на этом не закончилась. Вскоре в Москву прилетела Влади, и у нее произошла встреча с… Галиной. Встреча случайная. Бирюкова опаздывала в Дом моделей и взяла такси. Вдруг на перекрестке машину остановила какая-то женщина. Интересная блондинка, лицо показалось Галине знакомым, — где-то она ее точно видела, но не помнила где именно. Женщина спросила: «Вы в центр? Меня заодно не подбросите?». Она села рядом с Галиной на заднее сиденье. Вдруг попутчица спросила Бирюкову: «Девушка, вы актриса?». «Нет», — ответила она попутчице, хотя когда-то сам Андрей Тарковский

пробовал ее в «Андрея Рублева». А незнакомка не отстает: «А вы на улице Телевидения живете?» — «Да. И вы тоже?» — «Нет, я живу в Париже». Вот тут Бирюкова вспомнила, где именно она видела эту женщину: во французском фильме «Колдунья», в главной роли. Короче, она узнала в попутчице Марину Влади. «Извините, — смутилась Бирюкова, — неловко вышло. Я вас сначала не узнала». После чего Влади вышла, а Галина поехала дальше, на Кузнецкий Мост.

Прошла еще пара-тройка дней. Все та же Аня спрашивает подругу, не хочет ли она сделать «алаверды» — позвать их с Давидом к себе в гости. Бирюкова соглашается. Она пристроила своего сына Павлика к маме и стала ждать гостей. А те пришли не одни, а с Высоцким. Только теперь он был абсолютно трезв, поскольку Влади вывела его из запоя и улетела обратно в Париж. Короче, на этот раз Галина увидела совсем другого Высоцкого — трезвого, уверенного в себе, одетого с иголочки во все заграничное. На нем была импортная рубашка, кожаные брюки, и пахло от него французским парфюмом. В руках — гитара. Он с порога огорошил хозяйку заявлением: «Это та самая девушка, о которой мне рассказывала Марина?». Галина удивилась: «Что она вам обо мне рассказывала?» — «Подтрунивала надо мной. Мол, живет рядом такая красавица, как ты мог ее прозевать?». Из этого следовало, что Влади была прекрасно осведомлена о любвеобильности своего супруга — о том, что тот ей периодически изменяет, когда она его покидает. И снова послушаем рассказ Г. Бирюковой:

«Мы посидели, потом я предложила гостям чаю, вышла на кухню. Следом за мной туда отправился Высоцкий и сразу полез целоваться. Ничего себе, думаю, «не будет приставать»! Оттолкнула я этого Высоцкого так, что он отлетел к стене. Он кричит: «Давид, чего ты меня сюда привел? Здесь никто ничего не хочет!». Ах вот как, думаю. Значит, это Давид специально нас сводит. Ну так не на ту напали! А Давид из комнаты Володе отвечает: «Да ты садись и пой!». Что ж. Послушать, как Высоцкий поет, мне было интересно. Мы переместились в большую комнату, и Володя взял гитару. И началось! Его голос, звон струн заполнили все пространство. Словно какая-то бешеная энергия вырвалась наружу. Куда девался невысокий человек заурядной наружности, которым Высоцкий представлялся мне часом раньше? Теперь передо мной сидел кто-то невероятно значительный, притягательный. И от его хрипотцы у меня мурашки по спине бегали. Теперь-то я знаю: именно так, с гитарой в руках, Высоцкий обычно и обольщал женщин. В том числе и Марину Влади. Ведь когда он пел, рядом с ним меркли

любые красавцы, таланты и вообще все.

А дом-то у нас мидовский, кругом дипработники живут, все друг на друга «стук-стук». Мой сосед сверху работал в секретариате министра иностранных дел Громыко. Решил, что это у меня магнитофон орет, спустился, звонит в дверь. Открываю, сосед видит Высоцкого живьем, головой качает. И я понимаю, что у меня могут быть неприятности. Решили переместиться к Давиду на Ленинский. И там нам Высоцкий пел до пяти утра. Спать не хотелось, хотелось его слушать и слушать. Утром мы с Аней засобирались на работу. Помню, Володя выдал нам 10 рублей на такси. На эти деньги тогда можно было всю Москву объехать…».

С этой встречи и начались отношения Высоцкого и Бирюковой. Причем женщина сдалась не сразу, хотя и была очарована Высоцким. Тот несколько раз приходил к ней домой, когда ее мужа не было, и пытался остаться у нее ночевать. Но Галина его вежливо «отшивала». Высоцкий удивлялся: «Галь, а ты что, своему мужу никогда не изменяешь?» — «Что ты, нет, конечно!» — «Чудная ты какая-то…». Не зная, что сказать, она спрашивала с невинным видом: «Володя, хочешь чаю?» — «Галя, пей сама свой чай!». И уходил, чтобы вскоре прийти снова. Он явно поставил перед собой цель уломать эту красавицу, которую в Доме моделей прозвали Олененком Бэмби за ее красивые глаза. Для этого он доставал ей с Аней билеты в «Таганку», чтобы уже окончательно сломать сопротивление женщины. Если она оказалась очарована им как певцом, она наверняка не устоит и перед ним как актером. И он оказался прав.

Отметим, что Влади знала о том, что ее супруг пытается «охмурить» Галину. По ее же словам,

«Давид говорил мне потом, что Марина знала. Она ведь и из Парижа, по телефону, старалась отслеживать каждый Володин шаг. И ей рассказали о том, что он проявляет слишком большой интерес к девочке-манекенщице с глазами олененка. Но, видимо, происходящее было Марине на руку. И если вначале она подогрела Володин интерес ко мне невольно, то потом, когда все у нас закрутилось, намеренно не стала препятствовать, что-то Володе выговаривать, выяснять. Ведь у Высоцкого в это же время, оказывается, продолжался роман с Татьяной Иваненко — актрисой Театра на Таганке, и Марина хотела любой ценой переключить его внимание. Видимо, она считала Татьяну своей соперницей, а меня — нет. А я-то по наивности думала, что нашу с Володей зарождающуюся любовь никакая Марина Влади не в силах одолеть…».

В итоге Высоцкий и Бирюкова все-таки стали любовниками. Это случилось в Таллине, куда певец и его приятель Карапетян

приехали с целью заработать на концертах (но они так и не состоялись), а Галина, прихватив Аню, приехали туда следом. В гостиничном номере все и случилось. Наутро Высоцкий написал любовнице стихи, из которых в памяти Галины сохранилась пара строчек: «Когда в угол швыряют шиншилловые шубы, ночь нас в тени упрячет, как гигантский колосс» и «Эти руки, словно упругие змеи, обоймут мою душу и задушат меня…».

Самое интересное, что после того как вожделенная женщина оказалась в его постели, Высоцкий… потерял к ней интерес. В сентябре к нему вновь приехала Влади, и под это дело Высоцкий взял в театре краткосрочный отпуск, чтобы съездить в Брест и встретить там свою благоверную. Первыми словами, сорвавшимися с губ Высоцкого при виде жены, были: «Здравствуй! Кажется, я уже Гамлет». Это означало: Юрий Любимов окончательно утвердился в мнении, кто должен играть в его постановке принца датского — Высоцкий, а не Золотухин. Марина от души поздравила супруга с этим событием. Однако их взаимная радость была вскоре омрачена. Когда звездная чета остановилась на ночь в Смоленске, в гостинице «Россия», и ужинала в тамошнем ресторане, неизвестные вскрыли их автомобиль и вынесли все, что там было ценного. А было там много чего: демисезонное пальто Влади, медвежья шкура, должная украшать квартиру звездных супругов в Матвеевском, пара десятков импортных дисков и еще кое-что по мелочи. К счастью, сумку с документами у Влади хватило ума оставить при себе, поэтому они не пострадали. Но все равно настроение было испорчено.

Супруги отправились в милицию, чтобы заявить о пропаже вещей, хотя в душе мало надеялись, что там им помогут. Но ошиблись. Следователь по фамилии Стукальский, который принял от них заявление, воспринял происшедшее как личное оскорбление и заверил звездную чету, что преступление будет раскрыто в самые короткие сроки. «Но мы утром уже уезжаем», — напомнили ему супруги. «Значит, найдем за ночь», — последовал ответ. Жертвы отнеслись к этому заявлению как к шутке. А что получилось? Прошел всего лишь час, как им уже представили для опознания их исчезнувшие вещи; безусловно, у сыщиков были свои выходы на местный криминалитет. Все было на месте: и пальто, и шуба, и даже пластинки — все до единой. Чтобы отблагодарить сыскарей за их доблестный труд, Высоцкий и Влади подарили им свою фотографию с дарственной надписью.

В том году пребывание Влади в СССР растянулось почти на два (!) месяца, чего раньше с ней никогда не было. Но советские власти, когда давали ей подобное разрешение, прекрасно были

осведомлены, что в этот раз французская кинодива приехала не просто так, а с дальним прицелом — чтобы узаконить свои отношения с Высоцким. То есть ровно два года (с лета 1968 года) они «присматривались» друг к другу, после чего, наконец, решили скрепить свои отношения официально. Самое интересное, что это «присматривание» со стороны Влади ничем хорошим завершиться не должно было. Если сама она вела себя по отношению к Высоцкому корректно, то про него сказать этого было нельзя — вспомним, к примеру, его пьяный дебош в начале года и любовные связи, о которых Влади знала. Короче, с нормальной точки зрения брак с таким супругом был чреват одними сплошными проблемами. Но французскую диву это не остановило. Может быть, и вправду сильно любила Высоцкого? Тогда как объяснить следующий рассказ Д. Карапетяна:

«В мае 1970 года я возил Марину в больницу на Каширке, где в то время лежал Володя: на обратном пути она несколько раз повторила одну и ту же мысль в разных вариациях: «Одно не пойму — зачем мне все это нужно?!»…»?

Как видим, ни о какой любви речь здесь не идет. Если бы Влади любила, то так бы и сказала Карапетяну: мол, проблемный человек Володя, но я его так люблю, что ничего не могу с собой поделать. Но вместо этого, по сути, крик боли и отчаяния: на кой черт мне эти отношения? Сказать же правду актриса, видимо, не может.

Обратим внимание на следующий факт. В начале октября 1970 года, 6-13-го, в СССР с официальным визитом приезжал президент Франции Жорж Помпиду, чтобы подписать в Москве важнейшие двухсторонние соглашения. А спустя полтора месяца Высоцкий и Влади стали мужем и женой. Их брак был зарегистрирован 1 декабря 1970 года в московском ЗАГСе на улице Грибоедова. Со стороны невесты свидетелем выступал ее давний и хороший приятель — журналист коммунистической газеты «Юманите» Макс Леон, со стороны жениха — его старинный друг Всеволод Абдулов. В своих мемуарах Влади проговаривается: «Мы немного удивлены той поспешностью, с какой нам было позволено пожениться». Однако в этой поспешности нет ничего удивительного, если учитывать то, о чем мы говорили выше — советские власти были заинтересованы в этом браке.

Торжество по поводу бракосочетания прошло в субботу, 12 декабря, в малогабаритной однокомнатной квартирке на Котельнической набережной — ее снимала Марина Влади. Поскольку небольшая площадь квартиры не позволяла позвать много гостей, решили обойтись особо приближенными, среди

которых были журналист Макс Леон, режиссер Юрий Любимов с супругой Людмилой Целиковской, поэт Андрей Вознесенский с супругой Зоей Богуславской, кинорежиссер Александр Митта с супругой Лилей, художник Зураб Церетели. Обратим внимание на слова последнего, который назвал эту свадьбу «более чем скромной и скучной». Причем жених вовсе не радовался свалившемуся на него счастью, а, по словам Церетели, «настроения нет, Володя на диване лежал, на гитаре играл…».

В свете всего изложенного выше понятно, почему у жениха было столь безразличное настроение к этому торжеству: он знал, что это — спектакль, постановка, в которой они с Влади выступали как статисты. Однако играть свои роли они были обязаны, поскольку только это могло гарантировать им существенные бонусы от постановщиков этого действа: материальный интерес, по нашему мнению, был одним из ведущих мотивов этого брака.

Спустя сутки тот же Церетели увез молодоженов к себе на родину, в Грузию, чтобы вдохнуть в них хоть толику счастья. Но там уже Влади постаралась. Во время застолья в грузинском селе Багеби она случайно ударила ногой по столешнице, из-за чего огромный дубовый стол, заставленный посудой, бутылками, сложился вдвое, и все полетело на пол. А на Кавказе есть примета: если на свадьбе потолок или стол начинают сыпаться, значит, у молодых жизнь не заладится. Вроде бы случайность — удар по столешнице, но по нашему мнению — закономерность. Можно обмануть людей, разыграв перед ними спектакль, но Всевышнего не обманешь. Он обязательно подаст знак о том, что происходящее — туфта, имитация.

Вернувшись в Москву, Влади предприняла очередную попытку добиться через ОВИР разрешения для своего мужа выезжать за границу, теперь уже на официальных основаниях. Однако ей в этом было отказано в весьма деликатной форме: дескать, этот вопрос рассматривается. Рассматривание затянулосьь на два года, что, судя по всему, не было случайностью.

Кстати, в своих мемуарах Влади вообще не рассуждает на этот счет, не давая никаких объяснений по поводу того, почему после свадьбы ее мужу еще столько времени не позволяли выезжать к ней в Париж. А ведь Влади в ту пору была достаточно влиятельным функционером ФКП, активистом Общества дружбы «Франция-СССР». Неужели не могла включить свои большие связи, как французские, так и советские, и добиться того, чтобы ее супруга сделали побыстрее «выездным»? Молчание Влади может объясняться просто: она могла прекрасно догадываться о

закулисных интригах вокруг Высоцкого и поэтому особенно не усердствовала в своих попытках поскорее вытащить его к себе во Францию; ей, видимо, это обещалось, но не сразу. Тем более, в советском ОВИРе ей заявили, что лично она может приезжать в СССР, когда ей заблагорассудится — с визами у нее действительно проблем не будет никогда. С этими мыслями Влади в начале декабря покинула Союз.

«Нате, пейте кровь мою…»

Наступление нового 1971 года Высоцкий встретил не слишком радостно. Влади рядом не было, поэтому он праздновал это событие в доме у своей мамы, на улице Телевидения, 11. Как вспоминает Д. Карапетян, «в новогоднюю ночь Володя позвонил нам с Мишель (жена Карапетяна. — *Ф. Р.*) и поздравил с наступающим. Он был трезв, грустен, серьезен. Меня еще удивило, что он не поехал в какую-нибудь компанию, а остался дома с Ниной Максимовной…».

Однако проблема с компанией уже очень скоро разрешилась. И Высоцкий так «гульнул», что мало никому не показалось. И особенно — его жене Марине Влади, которая вновь прилетела в Москву в субботу, 2 января. Планы у нее были самые радужные — отдохнуть вместе со своим супругом в сочинском санатории Совета Министров СССР; путевки в эту элитную здравницу пробил знакомый Высоцкого — заместитель министра Константин Трофимов. Увы, но эти планы вдребезги разбил сам актер, пустившись в очередной загул.

Собрав вещи, Влади переехала жить к своей подруге — актрисе Ирине Мирошниченко, которая вместе с мужем — драматургом Михаилом Шатровым, известным автором театральной ленинианы, жила на Ленинградском проспекте. Уходя, Влади бросила мужу фразу: «Вернусь, когда придешь в норму». Думаете, Высоцкий сильно расстроился? Вот уж нет. Более того, дабы не сгорели добытые с таким трудом путевки, он пригласил разделить с ним компанию своего друга Давида Карапетяна. Того это предложение застало врасплох, поскольку на его личном фронте тоже было неспокойно — там тоже кипели страсти сродни шекспировским. На днях его любовница Аня после очередного выяснения отношений, не смущаясь присутствия малолетнего сына, наглоталась таблеток и угодила в психиатрическую клинику. Карапетян чуть ли не ежедневно навещал ее и совсем не рассчитывал куда-то уезжать. Но Высоцкий продолжал настаивать на их совместном отъезде. Времени у них оставалось всего-то ничего — каких-то пара дней.

Не мытьем, так катаньем, но герой нашего рассказа уговорил-таки своего друга отправиться с ним в Сочи. Но прежде чем уехать, они заскочили на Ленинградский проспект, к Ирине Мирошниченко, у которой теперь жила Марина Влади. Высоцкий тешил себя надеждой все же уломать ее поехать с ним вместо Карапетяна. Но вышло совсем не то, на что он рассчитывал.

Едва они переступили порог квартиры, как тут же поняли, что

угодили в ловушку. Оказывается, предупрежденная заранее, Влади вызвала подмогу в лице известной поэтессы Юнны Мориц и врача-нарколога. Пока супруги закрылись в соседней комнате для выяснения отношений, Карапетян оказался с глазу на глаз с врачом и поэтессой. Те принялись ни много ни мало уговаривать его примкнуть к заговору с целью немедленной госпитализации Высоцкого. Карапетян возмутился: «Без его согласия это невозможно! Он сам должен решиться на это».

Видя, что их попытки не увенчались успехом, заговорщики пошли другим путем. Поэтесса внезапно попросила у Карапетяна разрешения взглянуть на авиабилеты, якобы для того, чтобы уточнить время вылета. Не видя в этом подвоха, Карапетян извлек на свет билеты. И те тут же перекочевали в карман поэтессы. «Никуда вы не полетите!» — торжественно провозгласила она. Но Мориц явно поторопилась в своих выводах. К тому времени переговоры Высоцкого и Влади завершились безрезультатно, и раздосадованная Влади заявила мужу, что он может ехать куда захочет — хоть к черту на куличики. «Мы бы с удовольствием, но у нас отняли билеты», — подал голос Карапетян. После этого Влади попросила Мориц вернуть билеты их законным владельцам. Окрыленные успехом друзья бросились вон из дома, еще не подозревая, что на этом их приключения не закончились.

Когда спустя полчаса они примчались во Внуково и протянули билеты юной стюардессе, стоявшей у трапа, та внезапно попросила зайти их к начальнику смены аэропорта. «Зачем это?» — удивились друзья. «Там вам все объяснят», — лучезарно улыбаясь, ответила девушка. Глядя на ее сияющее лицо, у друзей даже мысли не возникло о чем-то нехорошем. А оказалось…

Начальник смены огорошил их заявлением, что лететь они никак не могут. Он сообщил: «Звонили из психбольницы и просили вас задержать до прибытия скорой помощи. Она уже в пути. Говорят, что вы, Владимир Семенович, с помощью товарища сбежали из больницы». «Из больницы?! — чуть ли не разом воскликнули друзья. — В таком случае, где же наши больничные пижамы?». Начальник вроде бы засомневался: «Да, действительно. Но и вы меня поймите: я не могу проигнорировать этот звонок». Видя, что начальник дал слабину, Высоцкий использовал безотказный аргумент: пообещал сразу после возвращения дать бесплатный концерт для сотрудников аэропорта. И начальник дрогнул: «А, черт с ними. Скажу, что не успели вас перехватить. Счастливого пути!».

В совминовском санатории приятелей приняли по самому высшему разряду, поскольку ждали приезда не кого-нибудь, а

самой Марины Влади, которая была известна не только как знаменитая актриса и жена Высоцкого, а также как вице-президент общества «Франция-СССР». Именно поэтому был выделен номер «люкс» со всеми полагающимися ему прибамбасами: широченными кроватями, золочеными бра, хрустальными вазами с отборными фруктами и т. д. В таких условиях можно было отдыхать припеваючи. Однако полноценным отдыхом пребывание друзей назвать было нельзя. Все испортил Высоцкий. Чуть ли не в первый же вечер он стал клянчить у друга деньги на выпивку (все деньги хранились у Карапетяна), а когда тот отказал, бросился названивать в Москву своей любовнице — актрисе «Таганки» Татьяне Иваненко. Но та упорно не подходила к телефону, разобидевшись на Высоцкого; незадолго до этого она отбрила его фразой: «Ты женился на своей Марине, вот к ней и иди!».

На следующий день история повторилась: день Высоцкий продержался более-менее сносно, а ближе к вечеру снова стал «обрабатывать» друга. «Давай съездим в город, — говорил Высоцкий. — Ведь здесь тоска смертная». Но приятель отказал, понимая, что в городе его друг обязательно найдет момент, чтобы напиться. Видя, что приятель непробиваем, Высоцкий взорвался: «Не дашь денег? Ну и не надо!». И выскочил из номера, сильно хлопнув дверью. На часах было около девяти вечера.

Вернулся Высоцкий в первом часу ночи, будучи в изрядном подпитии. Причем был не один, а в компании с водителем такси, которому задолжал 15 рублей. Деньги, естественно, должен был выложить Карапетян. Но тот колебался: покажи он Высоцкому свои рублевые запасы, и от них вскоре ровным счетом ничего бы не осталось. Поэтому Карапетян нашел иной выход: он всучил таксисту… два доллара. Однако история на этом не закончилась. Всю ночь пьяный Высоцкий метался по номеру, стонал и кричал, как будто его кто-то резал. Естественно, этот шум не остался без внимания соседей по этажу, которые сплошь принадлежали к номенклатуре. Утром они пожаловались на Высоцкого администрации санатория. И та попросила актера вместе с его другом немедленно уехать с их территории.

Поселиться в любой сочинской гостинице не составляло труда, были бы деньги. А их у Высоцкого не было. Тогда он срочно телеграфировал в Москву своему коллеге по театру Борису Хмельницкому, и тот выслал им 200 рублей. И друзья отправились селиться в интуристовский отель. Но там вышла осечка: администраторша наотрез отказалась вселять Высоцкого по актерскому удостоверению, апаспорт он забыл дома. Не помогло даже обещание Высоцкого лично попеть для

администраторши в номере отеля. Тогда друзья позвонили главврачу совминовского санатория и сообщили ему, что собираются вернуться обратно, поскольку их отказываются поселить в отеле. А тому страсть как не хотелось их возвращения. Поэтому он тут же примчался в отель и уже оттуда позвонил главному милицейскому начальнику Сочи, с которым был на приятельской ноге. Только слово последнего и убедило администраторшу прописать гостей в отель. Там они прожили несколько дней.

Вернувшись в Москву, Высоцкий продолжил свои «художества». В результате были сорваны репетиции «Гамлета», где у Высоцкого была главная роль — принц датский, на протяжении нескольких (!) дней. Поэтому руководство театра решило заменить загулявшего другим актером, Валерием Золотухиным, а штрафника выгнать из «Таганки». Думаете, выгнали? Кто же посмеет проделать такое с человеком, которого могли «крышевать» самые высокие структуры? В Советском Союзе таких смельчаков отродясь не было. В результате в театре были снова собраны партбюро, местком и даже ячейка ВЛКСМ по поводу недостойного поведения Высоцкого. Ему было вынесено очередное стотысячное предупреждение, после чего он благополучно был оставлен в театре и допущен к репетициям «Гамлета» в главной роли.

Примерно в это же время из-под пера Высоцкого на свет появляется очередная песня — «Мои похорона», где он в шутливой форме описывает, как у него пьют кровь его близкие и знакомые — в песне они выступают в образах вампиров и вурдалаков:

…Многие знакомые, —
Живые, зримые, весомые —
Мои любимые знакомые.
Вот они, гляди, стоят —
Жала наготове —
Очень выпить норовят
По рюмашке крови…
Ну нате, пейте кровь мою,
Кровососы гнусные!

Эта песня, как и многие другие у Высоцкого, окажется пророческой. Когда наш герой уйдет из жизни, на его похороны соберутся многие из тех, кого он при жизни, мягко говоря, недолюбливал. Те самые «вампиры», которые пили его кровь и всасывали из него последние остатки здоровья.

Впрочем, не следует идеализировать и самого Высоцкого,

который в свою очередь, тоже немало «попил крови» как у своих родных и близких — у тех же жен, так и у друзей. Любой человек, кто имел несчастье жить с алкоголиком и наркоманом, не даст соврать — такая жизнь не из легких. Приведу на этот счет слова последней жены Высоцкого Марины Влади:

«…Начинается трагедия. После одного-двух дней легкого опьянения, когда ты стараешься во что бы то ни стало меня убедить, что можешь пить, как все, что стаканчик-другой не повредит, что ведь ты же не болен, — дом пустеет. Нет больше ни гостей, ни праздников. Очень скоро исчезаешь и ты…

Как только ты исчезаешь, в Москве я или за границей, начинается «охота», я «беру след». Если ты не уехал из города, я нахожу тебя в несколько часов. Я знаю все дорожки, которые ведут к тебе. Друзья помогают мне, потому что знают, время — наш враг, надо торопиться…

Обычно я нахожу тебя гораздо позже, когда твое состояние начинает наконец беспокоить собутыльников. Сначала им так приятно быть с тобой, слушать, как ты поешь, девочки так польщены твоим вниманием, что любое твое желание для них — закон. И совершенно разные люди угощают тебя водкой и идут за тобой, сами не зная куда. Ты увлекаешь их по своей колее — праздничной, безумной и шумной. Не всегда наступает время, когда, наконец, уставшие, протрезвевшие, они видят, что вся эта свистопляска оборачивается кошмаром. Ты становишься неуправляем, твоя удесятеренная водкой сила пугает их, ты уже не кричишь, а воешь. Мне звонят, и я еду тебя забирать… После двух дней пьянки твое тело начинает походить на тряпичную куклу. Голоса почти нет — одно хрипенье. Одежда превращается в лохмотья…».

Но вернемся к событиям начала 1971 года, когда Марина Влади в очередной раз покинула Союз, клятвенно пообещав больше туда не возвращаться. И Высоцкий в те дни не случайно сообщил Валерию Золотухину о том, что «Марина улетела, и кажется, навсегда. Хотя посмотрим, разберемся…». Последнее замечание окажется верным: с Влади действительно «разобрались» достаточно быстро, результатом чего стало ее очередное воссоединение с Высоцким. Оно состоялось 23 марта 1971 года. Причем слабая половина этой пары преподнесла сильной половине роскошный подарок в виде итальянского автомобиля «Фиат». Это был один из тех самых бонусов, о которых мечтал Высоцкий, когда строил планы относительно своей женитьбы на Влади.

Кстати, именно тогда случилась первая «зашивка» Высоцкого. Большую роль в принятии этого решения сыграла его супруга. Это

она поставила перед мужем вопрос ребром: если он хочет, чтобы они оставались вместе, если не хочет своей преждевременной смерти где-нибудь под забором или в пьяной драке — он обязан пойти на вшитие «торпеды» или «эсперали», что в переводе с французского означает «надежда». Это венгерское изобретение — капсула тетурама, вшиваемая в вену человека, и если больной принимает даже незначительное количество алкоголя, тут же возникает тяжелейшая реакция, могущая привести к смерти. Действие капсулы ограничивалось всего несколькими месяцами, однако Влади пошла на хитрость: сообщила мужу, что срок ее действия — два года. Высоцкий собственноручно пишет расписку следующего содержания: «Я, Владимир Высоцкий, сознательно иду на эту операцию. Ознакомлен со всеми возможными последствиями, а именно: паралич и даже остановка сердца. Обязуюсь спиртное не употреблять».

Вспоминает М. Влади: «Однажды мне случается сниматься с одним иностранным актером. Он, видя, как я взбудоражена, и поняв с полуслова мою тревогу, рассказывает, что сам сталкивался с этой ужасной проблемой. Он больше не пьет вот уже много лет, после того как ему вшили специальную крошечную капсулку…

Естественно, ты должен решить все сам. Это что-то вроде преграды. Химическая смирительная рубашка, которая не дает взять бутылку. Страшный договор со смертью. Если все-таки человек выпивает, его убивает шок. У меня в сумочке — маленькая стерильная пробирка с капсулками. Каждая содержит необходимую дозу лекарства. Я терпеливо объясняю это тебе. В твоем отекшем лице мне знакомы только глаза. Ты не веришь. Ничто, по-твоему, не в состоянии остановить разрушение, начавшееся в тебе еще в юности. Со всей силой моей любви к тебе я пытаюсь возражать: все возможно, стоит только захотеть, и, чем умирать, лучше уж попробовать заключить это тяжелое пари… Ты соглашаешься.

Эта имплантация, проведенная на кухонном столе одним из приятелей-хирургов, которому я показываю, как надо делать, — первая в длинной серии…».

Врачом был Г. Баснер, а операция прошла на кухне в доме его родственника — режиссера Александра Митты, проживавшего по адресу улица Удальцова, дом 16. Вскоре после операции Высоцкий решил попробовать, не обманула ли его жена, и выпил немного шампанского. Тут же началась реакция, которая настолько напугала Высоцкого, что он… почти на полтора года «завязал» со спиртным.

Между тем на киностудии «Мосфильм» двое молодых

режиссеров, Александр Стефанович и Омар Гвасалия, готовились к съемкам фильма «Вид на жительство» — 16 апреля начался подготовительный период. Это была их первая полнометражная картина в жизни, и право снимать ее они заслужили при следующих обстоятельствах. Закончив ВГИК, они сняли дипломный фильм «Все мои сыновья», который попался на глаза известному режиссеру и профессору ВГИКа Григорию Чухраю. Картина настолько потрясла его воображение, что он с ходу пригласил ее авторов к себе на работу — а Чухрай тогда был художественным руководителем хозрасчетного Экспериментального творческого объединения киностудии «Мосфильм».

Окрыленные успехом, Стефанович и Гвасалия решили с ходу замахнуться на что-нибудь эпохальное. В частности, они выбрали для экранизации два произведения Михаила Булгакова — «Дьяволиада» и «Роковые яйца». Но главный редактор студии быстро остудил их пыл: «Задумка гениальная, но она не пройдет. Ищите другой материал». И тут судьба свела дебютантов с молодым, но уже прогремевшим на всю страну сценаристом Александром Шлепяновым — это он написал сценарий фильма «Мертвый сезон», который предложил им снять фильм про то, как некий эмигрант, уехавший из России в 20-е годы, после долгой разлуки возвращается на родину, чтобы здесь умереть. Причем в качестве «паровоза», который должен был пробить эту постановку на самом верху, Шлепянов взял не кого-нибудь, а знаменитого поэта Сергея Михалкова, державника из разряда русских монархистов.

Однако тот, согласившись пойти в соавторы к дебютантам, заставил их изменить концепцию будущего фильма, сообразуясь с тогдашними реалиями. А именно: надо было краеугольным камнем сюжета вывести тему никчемности диссидентства — в свете начавшейся еврейской эмиграции это было очень актуально. Короче, главного героя фильма — диссидента — следовало заклеймить позором за его измену родине. Поначалу дебютанты сделали робкую попытку отказаться от такой задумки — снимать очередную агитку они не хотели, но затем все же согласились. И главным аргументом в пользу такого решения стало то, что они надумали пригласить на главные роли в свою картину Владимира Высоцкого и его французскую жену Марину Влади. С такими актерами, думали они, их фильм из рядовой агитки сразу мог бы превратиться в серьезное произведение. Это была бы картина о том, как затравленный системой диссидент бежит на Запад и встречает там свою любовь, как они оба ностальгируют по России под песни, которые мог написать Высоцкий. Кроме этого

присутствие этих двух имен было бы стопроцентной гарантией того, что фильм соберет в прокате фантастическую кассу.

На удачу авторов фильма Марина Влади в те мартовские дни оказалась в Москве и смогла вместе с Высоцким прочитать присланный сценарий. Решение сниматься они приняли вместе, руководствуясь несколькими причинами. Во-первых, им очень хотелось сыграть в кино дуэтом, что давало бы возможность Влади подольше гостить в Советском Союзе. Особенно сильно хотел сниматься Высоцкий. До этого момента последней крупной работой актера была роль Коваленко/Бенгальского в «Опасных гастролях», съемки которого закончились еще два года назад. С тех пор актер снялся еще в двух фильмах, но в очень маленьких ролях — у С. Говорухина в «Белом взрыве» и Л. Головни в «Эхе далеких снегов», и откровенно маялся от своей киношной невостребованности.

Вторая причина — сам сюжет фильма, который предоставлял как его авторам, так и самому Высоцкому возможность с помощью пресловутых «фиг» в очередной раз повоевать с режимом. Ведь под эту тему тот же Высоцкий мог пристроить в картину либо свои старые песни, либо написать новые, и все с подтекстом, тем самым нивелируя любую агитпроповскую блажь.

Рандеву с авторами фильма, на котором предполагалось утрясти все нюансы, должно было состояться в Доме творчества в Болшево (27 км по Ярославскому шоссе), где Стефанович и Гвасалия дописывали сценарий. Однако чтобы доехать туда, актерам пришлось изрядно помучиться, выпрашивая разрешение на это в самом КГБ. Дело в том, что Марина Влади была иностранкой, а дорога в Болшево проходила мимо подмосковного Калининграда, в котором располагалось предприятие по выпуску межконтинентальных ракет. В итоге Высоцкому и его супруге все-таки разрешили пересечь эту зону, но не на своем, а на гэбэшном автомобиле под присмотром водителя-майора.

Встреча в Болшево прошла, что называется на высоком уровне, и оставила довольными обе стороны. Высоцкий буквально бурлил от переполнявших его чувств и забросал авторов фильма кучей полезных предложений по сюжету будущей картины — в частности, он сообщил, что специально под нее у него уже есть две старые песни: «Гололед, на земле, гололед…» и «Охота на волков», которые придадут ленте нужный настрой. Влади тоже выглядела счастливой и похвалила авторов за то, что они сумели очень правдоподобно описать нравы и быт эмигрантской жизни на Западе. В итоге стороны расстались в твердой решимости в скором времени встретиться вновь, чтобы вплотную приступить к работе над картиной. Знали бы они, что их ждет впереди,

наверняка не были бы столь наивными.

Поскольку в КГБ с самого начала знали об этой встрече и даже помогали ее проведению (видимо, когда чекисты это делали, они еще толком не знали, во что это выльется), там, узнав о сути фильма, тут же стали предпринимать соответствующие шаги с тем, чтобы не допустить осуществления этой затеи. В один прекрасный день Стефанович и Гвасалия были вызваны на Лубянку — не в главное здание, а в невзрачную двухэтажку на Кузнецком мосту, где два бравых полковника устроили им настоящую головомойку. Суть их претензий свелась к следующему: дескать, если вы хотите, чтобы ваша первая большая картина увидела свет, вы должны немедленно отказаться от приглашения на главные роли Высоцкого и Влади. Молодые люди в ответ удивились: дескать, Высоцкий является ведущим актером Театра на Таганке, а его жена — членом Коммунистической партии Франции! Но лучше бы они этого не говорили, поскольку именно это и было главной причиной претензий чекистов. Правда, претензий негласных. Ведь «Таганка» числилась оплотом либеральной фронды в стране, а Влади была членом той самой партии, лидеры которой в последнее время стали высказывать неудовольствие по поводу «негибкой политики» Кремля в отношении эмиграции советских евреев. Короче, в этом деле опять оказалась замешана большая политика. Впрочем, иначе и быть не могло, учитывая статус самого Высоцкого как певца протеста и партийную принадлежность Влади. Вот если бы они были рядовыми актерами, тогда все было бы гораздо проще.

Авторы фильма этого, видимо, не понимали ввиду своей молодости и неискушенности в делах большой политики, поэтому еще какое-то время пытались отстоять свою точку зрения. Но все было бесполезно. А после того, как их собеседники пригрозили им серьезными проблемами в их дальнейшей деятельности в кино, авторы фильма сочли за благо больше не спорить. Правда, они еще надеялись на заступничество Сергея Михалкова, который в силу своего статуса был вхож в высокие кабинеты. Но и он оказался бессилен. Вернее, он понял подоплеку запрета со стороны КГБ и… согласился с ним. После этого Стефанович отправился в Театр на Таганке, чтобы лично сообщить Высоцкому неприятную новость. По словам режиссера, у актера глаза налились слезами, и он с болью и мукой спросил: «Ну объясни мне — за что? Что я им сделал?». Но что мог ему ответить Стефанович — ничего.

В итоге вместо Высоцкого и Влади в картину были приглашены другие актеры, из разряда «без шлейфа» — Альберт Филозов и Виктория Федорова. Последняя, кстати, очень скоро…

сбежала в США.

Боливар не выдержит двоих

Влади покинула Москву в апреле, а в начале июня 1971 года снова приехала к мужу. Причем на этот раз не одна, а прихватив с собой сразу всех трех своих детей от предыдущих браков — Игоря, Петю и Володю. У последнего, младшего из всех, была сломана рука. Французские врачи взяли ее на спицу и наложили гипс, посоветовав матери давать парню антибиотики. Однако гипс вскоре стал плохо пахнуть, и Влади, уже в Москве, попросила Высоцкого сводить ребенка к хорошему хирургу, чтобы он наложил гипс заново. Выбор пал на врача Русаковской больницы Станислава Долецкого, к которому звездная пара пришла в середине июня. Мальчику сняли гипс, а там оказался бурный остиомиелит — гнойное воспаление. В итоге больному пришлось задержаться в больнице намного дольше, чем предполагалось. Высоцкий договорился с Долецким, чтобы парня положили в отдельную палату, где они с Влади могли бы дежурить посменно. Взамен наш герой дал небольшой концерт для медсестер, врачей и всех больных детей.

Сын Влади пролежал в Русаковке около недели и 20 июня был выписан. Чтобы не отпускать гостей с пустыми руками, Долецкий в качестве подарка преподнес им свою книгу «Рубежи детской хирургии», на которой собственноручно надписал: «Милым Володе и Марине в память невеселых дней, связанных с Русаковкой. С лучшими пожеланиями. С. Долецкий. 20.06.71».

Спустя месяц, 26 июля, Влади выписала доверенность на вождение своим автомобилем «Рено-16» на имя Высоцкого. Тот после этого был на седьмом небе от счастья, хотя автомобилист он был рисковый и постоянно попадал во всевозможные аварии, причем как на своих автомобилях, так и на чужих. Вот и «Рено-16» тем летом 71-го ждала печальная участь — Высоцкий его расколошматил. Послушаем рассказ самой М. Влади:

«Однажды, вернувшись домой, чтобы переодеться для вечера, я нахожу своих мальчиков очень занятыми импровизацией ужина, который должен был приготовить им ты, — в то время мы живем одни, твоя мать в отпуске на море.

Он говорят мне, что ты ненадолго отлучился, но подъедешь попозже. Тогда я беру такси, потому что машина у тебя — «Рено-16», которую я привезла из Парижа, и на которой ты научился водить, — и отправляюсь на званый вечер одна. Ты приезжаешь гораздо позже, в бледно-желтом свитере, с мокрыми волосами и чересчур беспечным видом. Заинтригованная, я спрашиваю тебя, где ты был. Ты говоришь, что объяснишь потом.

Я не настаиваю. Вечер проходит, симпатичный и теплый, но ты отказываешься петь, ссылаясь на хрипоту, чего я раньше никогда за тобой не замечала… Я буквально теряюсь в догадках. Мы выходим, и, когда наконец остаемся одни, ты рассказываешь, что из-за какого-то наглого автобуса потерял управление машиной, вылетел через ветровое стекло, вернулся домой в крови, мои сыновья заставили тебя пойти к врачу, машина стоит в переулке за домом немного помятая, но что касается тебя — все в полном порядке! И чтобы успокоить меня, ты быстро отбиваешь на тротуаре чечетку.

Только вернувшись домой, я понимаю всю серьезность этой аварии: весь перед смят, машины больше нет. Твоя голова, на которой прилизанные волосы закрывают раны, зашита в трех местах двадцатью семью швами. Правый локоть у тебя распух, обе коленки похожи на спелые баклажаны. Мои два мальчика не спали, чтобы присутствовать при нашем возвращении. Они потрясены твоей выдержкой. Особенно они гордятся тем, что не выдали вашей общей тайны. Соучастниками вы останетесь до конца. Став взрослыми, они будут лучшими твоими адвокатами передо мной и, как в этот вечер семьдесят первого года, всегда будут защищать своего друга Володю ото всех и наперекор всему…».

В начале августа Высоцкий и Влади отправились отдыхать в один из подмосковных Домов отдыха. А с 12 по 26 августа звездная чета находилась в круизе на теплоходе «Шота Руставели». Вернувшись в Москву, они 28 августа отправились в одну из столичных клиник, где находилась актриса Фаина Раневская, с которой Высоцкий был знаком еще с начала 60-х, они тогда работали в одном Театре — имени Пушкина. Цель визита была торжественная: Раневской в тот день исполнилось 75 лет. Однако гостей к именинице не пустили — та себя плохо чувствовала. Тогда супруги оставили для нее записку:

«Дорогая Фаина Георгиевна!

Сегодня у вас день рождения. Я хочу вас поздравить и больше всего пожелать вам хорошего здоровья… Пожалуйста, выздоравливайте скорее! Я вас крепко целую и надеюсь очень скоро вас увидеть и посидеть у вас за красивым столом. Еще целую.

Ваша Марина.

Дорогая наша, любимая Фаина Георгиевна!

Выздоравливайте! Уверен, что Вас никогда не покинет юмор, и мы услышим много смешного про Вашу временную медицинскую обитель. Там ведь есть заплечных дел мастера, только наоборот.

Целую Вас и поздравляю, и мы ждем Вас везде — на экране, на сцене и среди друзей.

Володя».

В начале сентября Влади с детьми остались в Москве, а Высоцкий отправился с «Таганкой» на гастроли в Киев; спустя несколько дней туда прилетит и Влади, но одна — чтобы повидать супруга, а также встретиться со своим партнером по фильму «Сюжет для небольшого рассказа» Николаем Гринько. Гастроли начались со спектакля «Десять дней, которые потрясли мир» по Джону Риду, где у Высоцкого было несколько ролей. Желающих попасть на спектакли скандального театра было столько, что представления впору было устраивать не в маленьком Театре оперетты, а на стадионе — и то места всем не хватило бы.

Тогда же произошел весьма показательный случай, который лучшим образом характеризует то, какое значение хозяин Украины придавал приезду в свою вотчину театра, именуемого «оплотом советской либеральной фронды». Случилось это во время первого спектакля — «Десяти дней…». На него помимо четы Шелестов (Петр Шелест был первым секретарем ЦК КП Украины) и почти всего украинского Бюро ЦК КПСС пришли также и многие министры, среди которых был и глава Минкульта республики Ростислав Бибийчук. После спектакля был устроен пышный банкет. Однако Бибийчук не захотел на него идти и уехал домой — один из всех «шишек». Утром ему домой позвонил секретарь по идеологии ЦК Федор Овчаренко и сурово спросил: «Почему вы ушли? Ариадна Павловна была очень недовольна». На что Бибийчук вполне резонно ответил: «Я знаю Ариадну Павловну только как жену первого секретаря». И повесил трубку. Спустя несколько дней его сняли с должности и отправили на пенсию, хотя ему на тот момент было всего 60 лет. Так что «мохнатые лапы» у «Таганки» и лично Высоцкого были не только в Москве, но и в ряде других советских республик.

В Киеве Высоцкий работал на два фронта: и в спектаклях участвовал — за официальную зарплату в 120 рублей, и концерты успевал давать — здесь его гонорары были примерно в два раза выше. Поэтому концерты он старался давать как можно чаще, благо власти этому не препятствовали, а даже наоборот — приветствовали. В итоге с 9 по 24 сентября он умудрился выступить в двух десятках (!) различных учреждений: в Институте электросварики имени Патона и ДК ОКБ имени Антонова (14-го), Институте электродинамики и Институте кибернетики (15-го), проектном институте Киев-ЗНИИПе (16-го), заводе «Арсенал» (17-го), ЦКБ при заводе «Ленинская кузница» и Институте ботаники

АН УССР (18-го), ВИСПе (19-го), НИИ РЭ (20-го) и др. Во вторник, 21 сентября, Высоцкий выступил сразу в трех учреждениях, среди которых был и домостроительный комбинат № 3. Спел полтора десятка песен различной тематики — как шуточных, так и социальных, своего рода «криков души».

Скажем прямо, эти «крики», вырывавшиеся из горла Высоцкого, находили положительный отклик у многомиллионной аудитории, которая в силу своей социальной пассивности всегда готова поклоняться любому, кто объявит себя бунтарем. Однако в самой богемной среде, которая именно во времена брежневского «застоя» начала стремительно обуржуазиваться, к Высоцкому было двоякое отношение. Там многие отдавали должное его несомненному таланту, но в то же время не понимали, почему он так «рвет глотку». Собственно, ради чего, если сам, как тогда говорили, полностью «упакован»? Жена у него — иностранка, деньги с концертов «капают» приличные, в кино снимают. Да, по-настоящему «зеленый свет» власти перед ним не зажигали, но это естественно, учитывая, какую стезю избрал для себя Высоцкий — социальное бунтарство. Поэтому заявления самого певца о том, что «меня ведь не рубли на гонку завели» (из «Горизонта»), этими людьми воспринимались скептически. Дескать, куда же без милых, без рубликов денешься? Не случайно и в самом Театре на Таганке таковых скептиков было предостаточно. Например, в те же сентябрьские дни Валерий Золотухин записал в своем дневнике следующее наблюдение:

«Володю, такого затянутого в черный французский вельвет, облегающий блузон, сухопарого и поджатого, такого Высоцкого я никак не могу всерьез воспринять, отнестись серьезно, привыкнуть. В этом виноват я. Я не хочу полюбить человека, поменявшего программу жизни. Я хочу видеть его по первому впечатлению. А так в жизни не бывает…».

Заметим, что в те же самые дни, вернувшись из Киева в Москву, Высоцкий встретился со своим бывшим преподавателем по Школе-студии МХАТ Андреем Синявским. Осенью 65-го тот был арестован КГБ по обвинению в распространении антисоветской пропаганды (статья 70 УК РФСР) и в феврале следующего года вместе со своим подельником Юлием Даниэлем приговорен к 6 годам колонии. В сентябре 71-го этот срок истек, и Синявский вернулся в Москву. Как вспоминал он сам,

«После лагеря он (Высоцкий. — *Ф. Р.*) пришел к нам и устроил нечто вроде «творческого отчета», спев все песни, написанные за те годы, пока я сидел. Были здесь песни очень близкие мне, но были и такие, которые я не принял. И тогда я сказал, что мне немного жаль, что он отходит от блатной песни и

уходит в легальную заказную тематику».

Здесь обратим внимание на слова «легальная заказная тематика». Угадано верно — от блатной тематики, которую можно было назвать узкозаказной (рассчитанной на небольшой слой слушателей), Высоцкий перешел к социально-политической, которую по охвату аудитории можно отнести к широкозаказной. Это было вызвано объективными причинами: во-первых, Высоцкий вырос из блатных «штанишек» как автор, ему просто стало в них тесно; во-вторых, он выполнял заказ определенных либеральных сил в верхах, которым Высоцкий был необходим именно как певец социально-политический. Обратим внимание на то, что именно с начала 70-х откроется канал качественного звукового воспроизведения песен Высоцкого благодаря стараниям специалистов в области звукозаписи; первым из них будет инженер-физик Константин Мустафиди, о котором мы расскажем подробно чуть позже.

Что касается Андрея Синявского, то вскоре после той памятной встречи с Высоцким он эмигрировал на Запад.

Тем временем 25 октября 1971 года Леонид Брежнев отправился с официальным визитом во Францию; как мы помним, ровно год назад с таким же визитом в Москве был французский президент Жорж Помпиду. Там с ним встретилась Марина Влади, которая была членом Французской компартии. Вот как она сама описывает аудиенцию с генсеком:

«Октябрьское утро семьдесят первого года. Я жду с сестрами в холле парижской клиники. Маме, которой я дорожу больше всего на свете, удалили раковую опухоль. Она не хотела нас беспокоить, и за несколько лет болезнь прочно обосновалась в ней. Мы знаем, что у нашей сестры Одиль тот же диагноз. Мы подавлены. Хирурги пока ничего не говорят. Я жду до последнего момента. Я вижу, как после операции маму провозят на каталке.

В такси я стараюсь успокоить свое перегруженное сердце. Я причесываюсь, пудрюсь — я еду на встречу активистов общества дружбы «Франция-СССР» с Леонидом Брежневым. Актерская дисциплина снова выручает меня. Я приезжаю в посольство СССР как ни в чем не бывало, готовая к рандеву, важность которого я предчувствую. Мы ждем в салоне, все немного скованны, потом нас впускают в зал, где стулья стоят напротив письменного стола. Входит Брежнев, нам делают знак садиться. Нас пятнадцать человек, мужчин и женщин всех политических взглядов — голлисты, коммунисты, профсоюзные деятели, дипломаты, военные, писатели — все люди доброй воли, которым дорога идея взаимопонимания между нашими странами.

Мы слушаем традиционную речь. Брежнев держится

свободно, шутит, роется в портсигаре, но ничего оттуда не достает, сообщает нам, что ему нельзя больше курить, и долго рассказывает об истории дружбы между нашими народами. Ролан Леруа (член Политбюро ЦК ФКП, руководитель общества «Франция-СССР» и в будущем — с 1974 года — главный редактор газеты ФКП «Юманите». — *Ф. Р.*) мне шепчет: «Смотри, как он поворачивается к тебе, как только речь заходит о причинах этой дружбы…». Действительно, я замечаю понимающие взгляды Брежнева. Я знаю, что ему известно все о нашей с тобой (имеется в виду Высоцкий. — *Ф. Р.*) женитьбе. Когда немного позже мы пьем шампанское, он подходит ко мне и объясняет, что водка — это другое дело, что ее нужно пить сначала пятьдесят граммов, потом сто и потом, если выдерживаешь, — сто пятьдесят, тогда хорошо себя чувствуешь. Я отвечаю, что мне это кажется много. «Тогда нужно пить чай», — заключает он, и я получаю в память об этой встрече электрический самовар, к которому все-таки приложены две бутылки «Старки» (была такая популярная в СССР водка. — *Ф. Р.*).

Прежде чем уйти, мы фотографируемся: группа французов вокруг советского главы. Этот снимок сделал гораздо больше, чем все наши хлопоты, знакомства и мои компромиссы, вместе взятые. Чтобы понять настоящую цену этой фотографии, мне было достаточно увидеть по возвращении в Москву неуемную гордость, внезапно охватившую твоих родителей, которые демонстрировали вырезку из газеты кому только возможно.

Вечером я в отчаянии возвращаюсь домой. Мама — моя подруга, мой единственный стержень в этой жизни — при смерти (она умрет через четыре месяца. — *Ф. Р.*). Я понимаю, как неуместна вся эта комедия, сыгранная во имя некоторого туманного будущего, по сравнению с неизбежностью предстоящей утраты…».

Отметим, что это был не только первый визит Брежнева во Францию в ранге Генерального секретаря за семь лет — до этого он приезжал туда в начале 60-х в качестве председателя Президиума Верховного Совета СССР, а вообще первый его выезд в капиталистические страны в новой должности — до этого он ездил только в соцстраны. И это не было случайностью. Как мы помним, после того, как к власти в США пришла администрация Ричарда Никсона, она взяла курс на «“разрядку» (фактически на «удушение социализма в объятиях»), поскольку поняла, что после чехословацких событий либеральная часть советской элиты может значительно растерять свое влияние под натиском державников. А разрядка могла помочь либералам не только вернуть утраченные позиции, но и самим начать широкое наступление по

всему фронту.

Судя по всему, в советском руководстве были люди, которые видели опасность подобного исхода, однако верх в итоге взяли не они, а те, кто подходил к этой проблеме не с идеологических позиций, а с экономических: расширение контактов с Западом гарантировало существенные вливания западных субсидий в советскую экономику. Тем более в тот момент, когда США оказались, мягко говоря, в луже. Дело в том, что война во Вьетнаме уже съела у американцев порядка 150 миллиардов долларов, поставив страну на грань дефолта. Чтобы избежать его, в августе 71-го американские власти вынуждены были пойти на беспрецедентный шаг: отказаться от золотого наполнения своего доллара, что подвигло многих экономистов сделать вывод о том, что социализм оказался гораздо эффективнее капитализма.

Все эти события только прибавили оптимизма советскому руководству и вынудили его на расширение контактов, как экономических, так и культурных, с Западной Европой. Главными партнерами СССР там выступали такие страны, как Франция, ФРГ, Италия, Великобритания. Так, в Париже был открыт советский «Евробанк», баланс которого в 1970 году составил 3 миллиарда французских франков, капитал — 130 миллионов франков, прибыль — 14,4 миллионов франков. Во Франкфурте-на-Майне был открыт советский «Торговый банк Восток-Запад» с основным капиталом 20 миллионов дойчмарок и неограниченной банковской лицензией. Другой советский банк — «Московский народный» в Лондоне — только в 1969 году получил чистый доход в размере 825 тысяч фунтов стерлингов. Все это ясно указывало на то, что СССР все сильнее интегрируется в мировую капиталистическую экономику и в дальнейшем собирается не сворачивать этот процесс, а наоборот, углублять и расширять, не понимая или, наоборот, хорошо понимая, чем это в итоге может закончиться. Ведь уже упомянутую книгу З. Бжезинского 65-го года выпуска «Альтернатива разделу..» в Кремле наверняка читали. А там отмечалось:

«Расширяя торговлю с Востоком, Запад должен стараться разрушить узкие идеологические взгляды правящих коммунистических элит и предотвратить ограничение ими близкого контакта (с Западом. — *Ф. Р.*) исключительно областью экономики и, таким образом, решение экономических затруднений при укреплении их власти…».

Так что визит Брежнева во Францию был не случаен. Как напишет спустя год сам Высоцкий, видимо, целиком и полностью одобряющий этот курс,

…Нынче по небу солнце нормально идет,
Потому что мы рвемся на запад…

На Запад рвалась советская корпоратократия, которая меньше всего была заидеологизирована и видела в этом расширении контактов исключительно практическую цель — накопление капиталов и постепенное слияние с западной корпоратократией. И роль КГБ в этом процессе была одной из главенствующих, поскольку это было наиболее мощное и информированное советское учреждение из всех существующих. КГБ, благодаря контролю над всеми советскими валютными счетами на Западе, направлял все эти финансовые потоки и создавал мощную базу для функционирования денежных средств, которые чуть позже получат название «золото партии».

Но вернемся к событиям осени 1971 года.

В те дни напомнила о себе Галина Бирюкова — мимолетная любовница Высоцкого из Дома моделей. Как мы помним, они расстались год назад, перед свадьбой Высоцкого, и с тех пор больше не виделись — этого не хотел Высоцкий. По словам Г. Бирюковой,

«Иногда я мельком видела Володю — жили-то рядом. Как-то раз наблюдала, как он вместе с Мариной выходит из машины. А однажды, когда мне было очень грустно, я решилась набрать номер Высоцкого. И услышала от него: «Галя, не звони сюда больше никогда. Марина меня к тебе ужасно ревнует!». Потом я случайно столкнулась с Володей, когда он парковал свою новенькую иномарку. Я хотела сделать вид, что не замечаю его, но Высоцкий сам ко мне подошел. Поздоровался, спросил, как дела. «Да вот, с мужем развожусь», — сказала я. Володя удивился: «А что такое?» — «Призналась ему, что ты был моим любовником». И тут он меня ошарашил: «Галь, а разве я был твоим любовником? Ты хоть знаешь, что такое любовник?». Я промолчала, едва сдерживаясь, чтобы не расплакаться. Что же это получается? Я за любовь расплатилась своей если не счастливой, то, во всяком случае, налаженной жизнью. А для Володи это ничего не значило? И я — только одна из множества женщин, которые роем вьются вокруг него и в любой момент готовы отправиться с ним в постель? Ну а как же его хождение под моими окнами, охапки цветов, стихи, влюбленные взгляды, прикосновения… Не почудилось же мне все это!

Видимо, после нашей встречи Володя тоже стал задавать себе подобные вопросы. Во всяком случае, он попытался что-то исправить. И вскоре пришел к моему мужу, когда меня не было дома. Мол, не нужно Галю слушать, наивная девочка, что-то себе

навыдумывала, а ничего толком и не было… Он пытался спасти мою семью. Но Андрея это только разозлило. Он решил, что ему морочат голову. И кто? Высоцкий! Муж и словом не обмолвился об их разговоре. Это сам Володя через несколько лет мне признался…».

Но вернемся к событиям осени 1971 года.

В ноябре Высоцкому суждено было выступить в роли свидетеля на свадьбе своего друга и коллеги по Театру на Таганке Ивана Дыховичного, пришедшего на Таганку за год до этого, который совершил шаг, очень даже понятный Высоцкому: как и он, его друг женился не на ком-нибудь, а на «принцессе» — на дочери самого Дмитрия Полянского, который в то время был членом Политбюро, первым заместителем Председателя Совета министров СССР.

Вскоре после этой свадьбы, в понедельник, 29 ноября 1971 года, в Театре на Таганке состоялась долгожданная премьера — «Гамлет» с Владимиром Высоцким в главной роли. Сказать, что в зале был аншлаг, значит, ничего не сказать — зал едва не трещал по швам от зрителей, которым посчастливилось попасть на эту премьеру. Еще бы: современный бунтарь Высоцкий играет средневекового бунтаря Гамлета! Есть на что посмотреть! На первом представлении в зале сплошь одна либеральная элита, начиная от поэта Андрея Вознесенского и актера Иннокентия Смоктуновского, киношного Гамлета, и заканчивая диссидентом Андреем Сахаровым и содержательницей еврейского салона Лилей Брик. Те же несколько сот страждущих, в основном из рядовых советских граждан, которые так и не сумели попасть на спектакль, практически все время показа продолжали стоять возле театра, надеясь неизвестно на что. Видимо, им просто хотелось дышать одним воздухом с актерами и теми, кому все-таки повезло очутиться в зале.

Как напишет театральный критик А. Смелянский, «Высоцкий вложил в Гамлета свою поэтическую судьбу и свою легенду, растиражированную в миллионах кассет… Высоцкий одарил Гамлета своей судьбой…».

Подмечено верно, но не все. Дело в том, что в этом спектакле Высоцкий играл не просто самого себя, а себя, как… вероятного агента влияния. Вспомним, на чем построен сюжет великой пьесы. Гамлет все время скрывает свои намерения от Полония, хотя тот активно пытается его разоблачить, даже подсылает к нему двух его друзей — Розенкранца и Гильденстерна — чтобы те вывели Гамлета на чистую воду. Но тех ждет провал: «Расспрашивать себя он не дает, и с хитростью безумства ускользает…». Вот и Высоцкий в реальной жизни был подобен

Гамлету: за многими его безумствами стояла ловкая имитация, уход от расспросов и подозрений с одной целью — скрыть свои тайные взаимоотношения с сильными мира сего.

А вот еще один пассаж Гамлета в сторону Гильденстерна: «На мне вы готовы играть, вам кажется, что мои лады вы знаете…». Это уже посыл от Высоцкого его возможным «крышевателям» в верхах, которые и в самом деле, «играя» с ним, могли предполагать, что актер слишком прост. Он же думал иначе и пытался показать это своим кураторам.

Спустя несколько месяцев Высоцкий родит на свет стихотворение «Мой Гамлет», где в первых же строках делает весьма любопытное заявление:

> Я только малость объясню в стихе —
> На все я не имею полномочий…

А спустя несколько месяцев из-под его руки появится на свет еще одно заявление:

> За что мне эта злая,
> Нелепая стезя —
> Не то чтобы не знаю, —
> Рассказывать нельзя…

То есть, Высоцкому было, что скрывать от широкой огласки, и эта тайна — его возможное участие в закулисных играх сильных мира сего. Эти «сильные» создавали Высоцкому все условия, чтобы ореол гонимого висел над ним как нимб.

Именно тогда в судьбе героя нашего рассказа происходят серьезные перемены на этом «фронте». Его возможные «крышеватели» расчищают ему дорогу наверх, одновременно «гася» конкурентов, в частности, барда Александра Галича. История темная, но осуществленная на самом высоком уровне.

Как мы уже упоминали, поздней осенью 1971 года приятель и коллега Высоцкого по «Таганке» Иван Дыховичный женился на «принцессе» — дочери члена Политбюро ЦК КПСС Дмитрия Полянского. Был там и Высоцкий — в качестве свидетеля со стороны жениха, а также участника культурной программы: он дал небольшой концерт, состоявший в основном из его военных песен («Братские могилы», «Мерцал закат…», «Песня о военном времени», «Песня о земле», «Аисты» и др.). Выбор произведений был вполне закономерен: отец невесты хорошо помнил войну (служил в Красной Армии в 1940–1942, после чего был переброшен на партийную работу), поэтому эти песни, что называется, легли бальзамом на его душу. На что, собственно, и

был рассчитан эффект. Полянский даже удивленно спросил у Высоцкого: а почему эти песни не звучат по радио или с пластинок? Бард в ответ лишь развел руками: дескать, это не моя вина. И тогда Полянский пообещал Высоцкому «пробить» этот вопрос на самом верху. Слово свое он сдержал: спустя несколько месяцев на «Мелодии» приняли к производству первый твердый миньон; до этого в 1967 году выходил его гибкий миньон с песнями из фильма «Вертикаль» — с четырьмя военными песнями Высоцкого из того репертуара, который он исполнил на свадьбе дочери Полянского. Спросите, причем здесь Галич?

Дело в том, что после мини-концерта Высоцкого кто-то из присутствующих, вроде бы случайно, включил магнитофон, а там были записаны песни Галича. Причем самые резкие по части критики советской номенклатуры — из его сатирического цикла. На контрасте с военными песнями Высоцкого эти произведения буквально резали слух. Услышав их, Полянский возмутился и приказал «прекратить безобразие». После чего сделал зарубку на своей памяти. И уже в ближайший четверг, на очередном заседании Политбюро, поднял вопрос о Галиче: дескать, сколько можно терпеть его антисоветские песни? Головы всех присутствующих повернулись к Андропову, который ответил коротко: если последует высшее решение, то ситуация с Галичем будет разрешена в ближайшее время. Такое решение последовало, и машина была запущена.

Уже спустя полтора месяца после свадьбы дочери Полянского, 29 декабря 1971 года, Галича исключили сначала из Союза писателей, а полтора месяца спустя и из другого Союза — кинематографистов, после чего бард оказался фактически без средств к существованию; за ним оставили право давать только «квартирные» концерты. А вот Владимира Высоцкого в Союз кинематографистов, наоборот, приняли — на место выбывшего Галича, что весьма символично, хотя до этого мурыжили вопрос с приемом в течение нескольких лет. Впрочем, об этом рассказ впереди.

Расширялась и география концертов Высоцкого: он, например, впервые поехал с гастролями в Молдавию, а также вместе с Влади посетил столицу Эстонии — город Таллин, где про него сняли первый (!) большой документальный телефильм — целых 55 минут, под названием «Парень с Таганки». Впрочем, об этой поездке подробный рассказ впереди.

Кроме этого, на «Мелодии» вышел его первый твердый миньон (второй появился осенью), а также Высоцкого включают в свои кинопроекты два корифея советского кинематографа, работающие на ведущих киностудиях: Александр Столпер

пригласил на главную роль в упомянутый выше фильм «Четвертый» («Мосфильм»), а Иосиф Хейфиц — опять же на центральную роль в картину «Плохой хороший человек» («Ленфильм»).

Но и это еще не все. Именно в начале 1972 года рядом с Высоцким появился человек, который первым начинает записывать его песни на высококлассной профессиональной аппаратуре системы «Akai», после чего эти записи молниеносно распространяются по стране. Речь идет о сотруднике Министерства связи СССР инженере-физике Константине Мустафиди, о котором мы уже мельком упоминали чуть выше. Теперь поговорим о нем более подробно.

Итак, Мустафиди имел отношение к связи. А та считалась в СССР отраслью стратегического значения: например, Минсвязи было полно как действующих сотрудников КГБ — обычно один из заместителей министра был на связи с Комитетом, так и его агентов. А Мустафиди в то время и вовсе занимался одним из важнейших направлений — космической видеосвязью, которое негласно курировал КГБ. Так что можно предположить, что рядом с Высоцким он объявился вовсе не случайно. Кстати, познакомила его с ним ни кто иная, как Людмила Орлова, которая, как мы помним, работала начальником смены… Международной телефонной станции, а последняя находилась под «колпаком» все того же КГБ (его 12-го отдела).

Дело в том, что с тех пор, как со второй половины 60-х концертные выступления Высоцкого стали широко распространяться по стране, главной проблемой этих записей было их качество — оно чаще всего было достаточно низким. Однако бороться с этим было бесполезно, поскольку дело упиралось как в техническую сторону вопроса (плохую техническую оснащенность залов, где выступал Высоцкий, и допотопность большинства магнитофонов, на которых производилась запись), так и в идеологическую (полуподпольность Высоцкого диктовала и выбор концертных площадок — повторимся, в большинстве своем они были убогими). Однако и оставлять все как есть тоже было нельзя — слава Высоцкого росла и требовала от его «крышевателей» более серьезного к ней отношения.

В итоге в конце 1971 года, видимо, и было принято решение наладить канал по качественному воспроизведению записей Высоцкого. Естественно, сделать это надо было тайно — чтобы, не дай бог, не бросить тень на полуподпольный статус барда. Сказано — сделано. И вот уже 7 января 1972 года на московской квартире Мустафиди на улице Обручева состоялась первая

музыкальная сессия Высоцкого — были записаны 20 его песен. Спустя месяц, 5 февраля, там же прошла вторая сессия. Всего таких сессий будет семь — они продлятся два года, во время которых будут записаны почти три сотни (!) песен Высоцкого — 288 штук. С технической стороны записи высокопрофессиональные, не чета концертным.

Отметим, что когда техническая миссия Мустафиди рядом с Высоцким закончится, рядом с бардом возникнет другой специалист — Бабек Серуш, который уже у себя на квартире, на высококлассной импортной аппаратуре, купленной именно под запись песен Высоцкого, возьмется записывать и тиражировать песни героя нашего рассказа. Причем Серуш будет ни кем иным, как одним из… сотрудников Управления «Т» КГБ СССР (научно-техническая разведка). Короче, длинные уши КГБ будут торчать и в этой истории со всей своей очевидностью.

Однако вернемся в год 1972-й и, что называется, «подобьем» факты. Итак, у нас выстраивается следующая конфигурация:

октябрь 1971 года — встреча Марины Влади с Брежневым в Париже;

ноябрь 1971 года — свадьба Дыховичного, на которой член Политбюро ЦК КПСС Полянский обращает свое внимание на песни Высоцкого (положительный эффект) и Галича (отрицательный эффект);

декабрь 1971 года — начало активных гонений на Галича — исключение его из Союза писателей СССР;

январь 1972 года — начало высокопрофессиональных записей песен Высоцкого у Мустафиди;

февраль 1972 года — продолжение гонений на Галича — исключение его из Союза кинематографистов СССР;

март 1972 года — принятие Высоцкого в Союз кинематографистов СССР;

апрель 1972 года — включение Высоцкого в два кинопроекта на центральных киностудиях страны у двух корифеев советского кинематографа — А. Столпера («Четвертый», киностудия «Мосфильм») и И. Хейфица («Плохой хороший человек», киностудия «Ленфильм»);

апрель 1972 года — выход миньона Высоцкого на «Мелодии» — первого после пятилетнего перерыва, после чего начнется популяризация «оркестрового» Высоцкого; позднее выйдет еще несколько миньонов с записью его песен под оркестр.

На основе всего вышеперечисленного мы делаем следующий вывод: это были целенаправленные действия КГБ по «зачистке» Галича перед его скорым выдворением из СССР и продвижению вверх Высоцкого. Делалось это по личной инициативе Ю.

Андропова, который с определенного момента, видимо, понял, что слава певца Высоцкого внутри страны уже достаточно велика, и теперь самое время выводить эту славу за пределы страны — как на Восток, так и на Запад. Именно с начала 70-х, после того, как были установлены негласные контакты советских корпоратократов с западными глобалистскими центрами в Европе вроде Римского клуба и началась перекачка советских денег в западные банки, такие люди как Владимир Высоцкий и Марина Влади могли сыграть весьма эффективную роль в операциях на «западном фронте» как на идеологическом направлении, так и на других.

«Меня к себе зовут большие люди…»

3 февраля 1972 года по ЦТ был вновь показан фильм «Сюжет для небольшого рассказа» (последний раз фильм демонстрировали всего лишь полтора месяца назад — 25 декабря 1971 года), где главную женскую роль играла Марина Влади. По злой иронии судьбы, именно в эти дни актриса потеряла свою мать — она умерла от рака 9 февраля. Далее послушаем рассказ самой М. Влади:

«Когда я сообщаю тебе (Высоцкому. — *Ф. Р.*) по телефону, что мы должны решиться отключить аппарат, который искусственно поддерживает ее жизнь, ты отвечаешь то, чего я жду: «Если жизнь больше невозможна, зачем поддерживать ее видимость?». Мы согласны — одна из сестер и я. После долгих споров две другие мои сестры тоже соглашаются, и мы прощаемся с мамой.

Рыдая у телефона, ты все-таки стараешься поддержать меня. В тот февраль семьдесят второго года были рассмотрены все возможные решения. Даже чтобы мне остаться в Москве с детьми. Но очень быстро мы наткнулись на непреодолимые трудности: отсутствие денег и моя работа, которую я хочу и должна продолжать. К тому же моих сестер и друзей приводит в ужас одна только мысль о возможности моего переезда в Москву. А главное — то, что мои дети, с удовольствием проводящие здесь летние каникулы, не хотели бы все-таки окончательно поселиться вдали от Франции…».

Горечь от этого события подсластили Высоцкому события, о которых упоминалось чуть выше: 30 марта его приняли в Союз кинематографистов, вручив членский билет 6 апреля.

Правда, в том же марте Высоцкому «закрыли» главные роли в двух фильмах: «Земля Санникова» (роль певца Крестовского, а в эпизодической роли планировалось снять и Марину Влади, которая тоже в картину не попала) и «Высокое звание» (роль Шаповалова). Отметим, что в своих воспоминаниях один из режиссеров «Земли Санникова» А. Мкртчян рассказывает, что на его вопрос о причинах непопадания Высоцкого в его картину директор «Мосфильма» Н. Сизов ответил: дескать, песни Высоцкого на днях прокрутили по «вражеским голосам», поэтому его участие в фильме нежелательно. Но в то же самое время на том же «Мосфильме» Высоцкий утверждается на главную роль в фильме «Четвертый»! Получается явная нестыковка — ведь если запрещать, то везде. А тут какая-то избирательность: в «Землю Санникова» нельзя, хотя фильм развлекательный, а в «Четвертый» — можно, хотя фильм серьезный. Значит, причины непопадания

Высоцкого в «Землю…» были иные, чем об этом вспоминает режиссер, и «вражьи голоса» здесь ни при чем.

Судя по всему, здесь сыграли свою роль вполне объективные причины. Дело в том, что оба фильма снимались на «Мосфильме», а Высоцкого до этого уже утвердили на роль в фильме «Четвертый», который тоже снимался на главной студии страны. Видимо, руководство посчитало слишком «жирным» для Высоцкого в один год сняться сразу в трех их фильмах сразу — таких привилегий не было даже у народных артистов.

Тем временем свои презенты преподносит Высоцкому и Влади, делая из него современного европейца, с которым не стыдно будет в скором будущем колесить по свету под видом любящих супругов и туристов. Так, летом 1972 года в гараже Высоцкого появляется очередная иномарка — автомобиль «Пежо», причем с дипломатическими номерами.

Кстати, на тот момент звездная чета живет в отдельных «хоромах» — в трехкомнатной кооперативной квартире по адресу улица Матвеевская, дом 6, квартира 27. Это жилище принадлежало другу Эдуарда Володарского — он жил в соседнем доме — Вячеславу Костикову, будущему пресс-секретарю Б. Ельцина. Он на несколько лет уехал работать во Францию и согласился, чтобы звездная чета пожила в его апартаментах, выплачивая взнос в кооператив во время своего там проживания. Квартиру обставили оригинальной пластиковой мебелью, которую Марина привезла из Франции вместе с занавесками и кухонной утварью.

В то время Влади сопровождает Высоцкого практически везде, благо поездок по СССР у него много. Так, 17 мая 1972 года они отправляются в столицу Эстонской ССР город Таллин. Высоцкого пригласили туда тамошние телевизионщики, в частности — ведущий субботней программы Мати Тальвик. Тот еще в апреле побывал в Москве и выбил у главрежа «Таганки» Юрия Любимова разрешение отпустить Высоцкого на несколько дней в Эстонию. В аэропорту дорогого гостя встретил сам Тальвик и отвез в гостиницу «Таллин», лучшую по тем временам, интуристовского разряда. По дороге Высоцкий огорошил Тальвика сообщением, что следующим рейсом в Таллин прилетает и его жена Марина Влади. Эстонцу пришлось срочно договариваться с администрацией отеля о выделении гостям двухместного номера (до этого был одноместный). Вопрос разрешился быстро — был выделен люкс на третьем этаже в крыле гостиницы, расположенном вдоль Палдисского шоссе с окнами во двор: Высоцкий особо на этом обстоятельстве настаивал. Через несколько часов, купив розы, Высоцкий и Тальвик вновь

отправились в аэропорт встречать Влади.

Приезд французской звезды внес некоторую нервозность в ситуацию. Дело в том, что вышестоящие инстанции разрешили приехать в Таллин только Высоцкому, а тут — иностранная подданная, мировая известность, член компартии Франции! Короче, Тальвику позвонили из самого ЦК КПЭ, и заведующий сектором пропаганды Маннермаа долго пытал его насчет Влади: мол, кто ее приглашал, почему не поставили в известность заранее и т. д. Тальвик еле отбрехался. А затем ситуацию разрядила сама Влади, которая сообщила, что в Таллин она приехала как частное лицо и попросила никого не волноваться.

В тот же день была обсуждена и культурная программа посещения. Гости попросили, чтобы все свободное время было посвящено знакомству с городом, и Тальвик предложил следующий маршрут: смотровые площадки Вышгорода, Ратушная площадь с прилегающими к ней улицами Виру, Пикк, Лай и другими, парк Кадриорг. С погодой в те дни повезло, было тепло почти по-летнему. Высоцкий и Влади вместе с Тальвиком и его женой Алисой пешком гуляли по городу. Кроме названных мест они также посетили и другие местные достопримечательности, в частности, рестораны и кафе-варьете «Астория», «Кянну Кукк», «Мюнди бар». Прогулки заканчивались поздно ночью. При этом супруги Тальвик уходили первыми: они оставляли гостей где-нибудь на Вышгороде или неподалеку от башни Длинный Герман около часа ночи и уходили, а Высоцкий с Влади еще некоторое время гуляли по городу.

18 мая в два часа дня звездная чета снималась на ТВ, причем вместе, чего ранее вроде бы не планировалось. Запись длилась чуть больше часа. После монтажа получился 55-минутный телесюжет, правда, заснятый на черно-белую пленку. Эту запись прокрутили на мониторе и все участники этого действа, включая Высоцкого и Влади, остались довольны результатами работы. Эту передачу прокрутят по эстонскому ТВ 15 июня и называться она будет просто и непритязательно — «Парень с Таганки».

Между тем вечером того же дня Высоцкий и Влади в компании супругов Тальвиков и еще одной пары — спортивного комментатора ЭТВ Тыну Таммару и его жены Лер — посетили финскую баню, которая была непременным «экзотическим» атрибутом при посещении Таллина в то время. Баня была оборудована на пятом этаже кооперативного дома на окраине Таллина Мяннику, расположенного в сосновом лесу. А в подвале дома хозяева оборудовали стрельбище, где гости упражнялись в стрельбе из старинного арбалета.

Спустя две недели, в самом начале июня, Влади уже

сопровождала Высоцкого в другой поездке — в Ленинград, где он должен был начать сниматься в фильме Иосифа Хейфица «Плохой хороший человек» по А. Чехову, где у Высоцкого была главная роль — зоолога фон Корена. Как будет позже вспоминать сам режиссер, Высоцкого он пригласил в свою картину по собственной инициативе: якобы он давно был пленен его песенным творчеством, но все никак не удавалось пересечься с ним на съемочной площадке. И вот весной 72-го такая возможность Хейфицу представилась. Правда, рост Высоцкого подкачал — у Чехова фон-Корен широкоплеч, смуглолиц, фигура его производит впечатление мощи. Однако на эти нюансы решено было закрыть глаза. Хейфица и Высоцкого смущало другое: полузапрещенная слава последнего. Наш герой даже по этому поводу заметил: «Все равно меня на роль не утвердят. И ни на какую не утвердят. Ваша проба — не первая, а ни одной не утвердили, все — мимо. Наверное, «есть мнение» не допускать меня до экрана».

Скажем прямо, такое мнение и в самом деле имело место быть в определенных советских «верхах». Однако были и другие «верхи» — те, которые «крышевали» Высоцкого и всячески продвигали его карьеру. В итоге последние «верхи» оказались посильнее первых, в противном случае вряд ли бы наш герой вообще когда-нибудь создал что-то заметное в кино. Он же за последние несколько лет сыграл пять главных ролей: в «Служили два товарища» (1967), «Коротких встречах» (1967), «Интервенции» (1968), «Хозяине тайги» (1969) и «Опасных гастролях» (1970). Значит, мнение недоброжелателей, причем недоброжелателей весьма влиятельных, можно было обойти… Читаем у М. Влади:

«Романов — твой заклятый враг, он питает к тебе личную ненависть, которая всегда отравляла тебе выступления в Ленинграде или в Ленинградской области, даже когда ты приезжал на гастроли с театром…».

А кто такой Григорий Романов? С 1970 года он был 1-м секретарем Ленинградского обкома КПСС, с 1966-го — членом ЦК КПСС, весной 1973 года он стал кандидатом в члены Политбюро, а три года спустя — членом высшего партийного ареопага. Короче, это был весьма влиятельный человек в стране, державший в своем кулаке всю Ленинградскую область. И что же получается? Этот человек, ненавидевший Высоцкого за его либеральную составляющую, не смог повлиять на руководство «Ленфильма» и лично на И. Хейфица и не закрыл артисту возможность сниматься в своей вотчине? По какой такой причине? Проглядел? А может, потому, что за Высоцким в Москве стояли куда более влиятельные силы, чем Романов? Разгадка,

судя по всему, кроется в последней версии. Ведь сама политическая конъюнктура была тогда на стороне Высоцкого. Именно тогда процесс уступок советским инакомыслящим из стана либералов начал значительно расширяться. Например, в недрах Госкино уже готовилась кадровая пертурбация: вместо продержавного Алексея Романова, который возглавлял Кинокомитет с 1963 года, к власти должен был прийти более либеральный Тимофей Ермаш: это случилось летом 72-го. Так что утверждение Высоцкого сразу на две главные роли в фильмах корифеев советского кино из лагеря либерал-евреев — А. Столпера и И. Хейфица, как и прием его в СК СССР, было вполне закономерно. Поэтому широко распространенная в среде высоцковедов версия, что роль у Хейфица Высоцкий получил благодаря ходатайству… космонавтов, является скорее мифологией: с таким же успехом за него могли просить и футболисты — главной здесь была политическая конъюнктура.

Именно поэтому власти закрыли глаза на то, что это были отнюдь не рядовые ленты. Обе они несли в себе острый политический и социальный заряд несмотря на то, что исследовали разные эпохи: если в «Четвертом» это была современность, то в «Человеке» речь шла о временах предреволюционной России. Однако, как уже отмечалось, оба режиссера пригласили на главную роль именно Высоцкого не случайно, а потому, что в глазах миллионов советских людей он олицетворял собой те протестные настроения, которые давно присутствовали в интеллигентских кругах, а в первой половине 70-х уже начинали охватывать и низы общества.

На съемки «Плохого хорошего человека» Высоцкий и Влади приехали в самом начале июня 1972 года. Говорят, Влади и самой тоже очень хотелось сняться в этом фильме, пускай даже в крохотной роли, но Хейфиц на это не пошел. Вообще-то фильм должен был начать сниматься с натурных эпизодов в Евпатории, однако из-за того, что власти города объявили там в июле карантин, пришлось срочно перестраиваться и снимать в павильоне, в Сосновых полянах. Там была построена декорация дома фон Корена, в которой и начались съемки. В частности, в те дни снимался эпизод, где Самойленко (Анатолий Папанов) просит у фон Корена денег для Лаевского, но тот сначала артачится, а затем все-таки дает ему требуемую сумму.

Съемки длились до глубокой ночи — до двенадцати, а порой и до часу ночи, поэтому Марина Влади обычно не ждала их окончания и уезжала в гостиницу «Астория» без пятнадцати десять. На вопрос «Почему так рано?» Влади как-то ответила — мол, я же актриса, я должна рано лечь спать, чтобы завтра хорошо

выглядеть.

В те дни на «Ленфильме» снималось еще несколько картин, в том числе боевик про первых советских милиционеров «Дела давно минувших дней». Режиссер фильма Владимир Шредель, узнав, что рядом снимается Высоцкий, внезапно воспылал мечтой уговорить его написать для фильма несколько песен. В качестве парламентера к Высоцкому был отправлен Александр Массарский. Далее послушаем рассказ последнего:

«Я зашел в съемочный павильон. Высоцкий в гриме фон Корена готовился к очередному кадру и о чем-то беседовал с красивой женщиной, лицо которой показалось мне очень знакомым, — так бывает, когда встречаешь артистов в обычной обстановке, без грима и в повседневной одежде. Я наблюдал, как она заботливо поправляет ему прическу, пытался вспомнить, где мы могли с ней встречаться, и понимал, что мы не знакомы. Она вела себя естественно, старалась не привлекать к себе внимание окружающих, никого не замечала вокруг и смотрела на Володю восторженным влюбленным взглядом. Они посмотрели в мою сторону, и я понял, что это Марина Влади. На ней было простое ситцевое платье, настолько скромное, что когда по студии прошел слух о присутствии Марины во втором павильоне и студийные девушки под любым предлогом заглядывали в декорацию, ожидая увидеть размалеванное «чудо», они равнодушно скользили взглядом по лицу актрисы, на котором не было вызывающей косметики, и разочарованно уходили, не узнав ее.

В тот раз поговорить нам не удалось — Володю позвали к камере. Но вечером мы встретились вновь, и я передал Володе просьбу режиссера Владимира Шределя, показав сценарий фильма. Он сказал, что не хотел бы отвлекаться от работы над своей ролью, но Марина напомнила ему несколько его последних песен, которые можно было бы обработать для этой картины.

Через несколько дней Володя нашел нашу съемочную группу на крыше пятиэтажного дома на набережной Фонтанки, где снималась сцена перестрелки бандитов с милиционерами, и спел песни для фильма. Шределю они понравились. Начались «согласования» с руководством студии. В результате с большим трудом удалось отстоять только один романс («Оплавляются свечи…»), да и то с условием не указывать в титрах фамилию автора…».

Отснявшись в Ленинграде, Высоцкий с женой вернулся в Москву, где 13 июля наш герой начал сниматься в фильме «Четвертый» А. Столпера. В разгар этих съемок, 25 июля, в Москве в расцвете лет (ему было 37) умер знаменитый клоун Леонид

Енгибаров. Он был знаком с Высоцким, поэтому последний воспринял его смерть как личную трагедию. Вот как описывает тот день М. Влади:

«Ты кладешь трубку и начинаешь, как мальчишка, взахлеб плакать. Я обнимаю тебя, ты кричишь:

— Енгибаров умер! Сегодня утром на улице Горького ему стало плохо с сердцем, и никто не помог — думали, что пьяный!

Ты начинаешь рыдать с новой силой.

— Он умер, как собака, прямо на тротуаре…». (На самом деле это всего лишь легенда: Енгибаров умер у себя дома — не выдержало сердце, о чем Высоцкий узнал чуть позже, а Влади, видимо, так и не узнала. — *Ф. Р.*).

Между тем 31 июля съемочная группа «Четвертого» отправилась для натурных съемок в Ригу. Высоцкий присоединился к ним чуть позже — день спустя. Он приехал на Рижское взморье, в город Кемери в хорошем настроении, что не случайно, учитывая участие сразу в двух фильмах, которые снимали не какие-то безвестные режиссеры, а мэтры. Причем в обоих это были главные роли.

Приехал в Кемери Высоцкий один и поселился в отдельном кемпинге в 200 метрах от пляжа. Однако в одиночестве прожил недолго. Дело в том, что уже в первый же день он стал нарушать сухой закон, чем здорово подвел группу — время экспедиции в Латвии было ограничено. Поэтому первые два дня Высоцкого не снимали и для подстраховки срочно вызвали на подмогу Марину Влади. Та примчалась чуть ли не на следующий день. Своего мужа она приводила в норму всеми известными ей способами и сообщала киношникам, когда те могли присылать за ним машину. Если иной раз этого не удавалось достичь, Влади, будучи человеком дисциплинированным и умеющим держать слово, сообщала киношникам о своей неудаче и те отменяли съемки.

Первый съемочный день Высоцкого в Латвии датирован 4 августа. В тот день на улице Киевской снимали эпизод, где он приходит в церковь. Съемки длились с восьми утра до шести вечера. На следующий день Высоцкий не снимался, видимо, приводимый в чувство своей женой.

6 августа съемки с Высоцким возобновились: снимали эпизод, происходивший в Неаполе с участием Высоцкого и Татьяны Ицыкович, впоследствии Васильевой, — она исполняла роль Бэтси, супруги героя Высоцкого. По сюжету, на террасе у моря Бэтси настоятельно рекомендует своему супругу не принимать предложение Гвичарди идти на митинг. На следующий день в Булдурах снимали все тех же Высоцкого и Ицыкович (он просит

прощения у Бэтси), но уже на яхте — последняя была взята из рижского яхтклуба в прокат. Съемки длились с восьми утра до шести вечера.

На этом латвийская экспедиция была завершена. Киношники отправились в Москву, а вот Высоцкий с женой еще на несколько дней остались для продолжения отдыха. В те дни они всегда появлялись вместе, либо прогуливаясь по взморью, либо заглядывая в Дом писателей в Дубултах. В те же дни там гостили Василий Шукшин и Сергей Параджанов, у которых с Высоцким и Влади были давние приятельские отношения. По словам очевидцев, Высоцкий и Влади одевались совсем просто: он — в джинсах и рубашке с отложным воротником, она — в ситцевых, хорошо сидящих, но не ярких платьях.

Спустя несколько дней Высоцкий отправился на другие съемки — в «Плохом хорошем человеке», которые проходили в Евпатории; они начались 13 августа. На этот раз Влади его уже не смогла сопровождать, оставшись в Москве, и это стало поводом к тому, чтобы Высоцкий закрутил роман на съемках с известной актрисой Ириной Печерниковой, которая прославилась главной ролью в фильме «Доживем до понедельника», 1968. Она, как и Высоцкий, на тот момент тоже была замужем — за польским рок-музыкантом, но этот брак был уже чисто формальным. Поэтому Печерникова ничем не рисковала, в отличие от Высоцкого, который расставаться с Влади не планировал. Однако устоять перед чарами молодой актрисы наш герой не сумел — или не захотел. Отметим, что Печерникову он близко знал с конца 60-х, познакомившись с ней в одной из актерских тусовок, но тогда их связывала чисто творческая дружба. Теперь все было совершенно иначе — это был настоящий любовный роман.

Вместе с Высоцким Ирина ездила на юг, в Сухуми, где он дал несколько концертов. Но однажды утром в их гостиничном номере раздался телефонный звонок. Звонила Марина Влади. Видимо, она что-то заподозрила, поэтому Высоцкий бросился объясняться супруге в любви, в своей верности. Услышав это, Печерникова тихо собралась и ушла, приняв решение прекратить эту связь. Она вдруг ясно осознала, что Высоцкий вряд ли бросит Влади, во всяком случае, тогда, а быть для него очередной мимолетной пассией Ирина не захотела. В итоге Высоцкий ее за это буквально возненавидел — ведь обычно бросал женщин он, а не наоборот, и при их последующих встречах даже не стал здороваться.

В начале сентября Высоцкий срывается в очередное «пике» — запивает. Поскольку супруги рядом нет — она умчалась в Париж спасать из наркотического омута своего старшего сына,

остановить его некому. 12 сентября Валерий Золотухин записывает в своем дневнике:

«Наш друг запил. Это может кончиться плохо, в кино особенно, и ему уже никто не поможет. Ложиться в больницу он не хочет. У Марины в Париже сбежал старший сын. Позвонил через несколько дней, когда его уже разыскивала полиция: «Не беспокойся, я проживу без тебя». У каких-то своих хиппи.

Теория, что «его надо загрузить работой, чтоб у него не было времени (и тогда он не будет пить)», полной ерундой оказалась. В двух прекрасных ролях, у ведущих мастеров (имеются в виду фильмы «Плохой хороший человек» и «Четвертый». — *Ф. Р.*)… в театре «Гамлет», «Галилей» и пр., по ночам сочиняет, пишет… Скорее от загруженности мозга, от усталости ударишься в водку, а не от безделья…».

Спустя день после этого Высоцкого все-таки уговорили лечь в больницу — уже хорошо ему знакомую психиатрическую клинику № 8 имени Соловьева. Для съемочной группы «Четвертого» его госпитализация была совсем некстати — из-за этого один день, 15 сентября, был записан в простой — убытки составили 358 рублей. А вот в родном для Высоцкого Театре на Таганке очередной его срыв был воспринят на удивление спокойно. Любимов как-то легко, без истерик отменил «Гамлета» и назначил вместо него другой спектакль, причем премьерный — «Под кожей статуи Свободы». Правда, сыграть его так и не довелось — отменили «сверху». По этому поводу Любимов поехал скандалить в Управление культуры, но добиться своего так и не сумел. В больнице Высоцкий пробыл чуть меньше недели. Там же посмотрел фильм с собственным участием — «Хозяин тайги», который демонстрировали по ЦТ 17 сентября.

Тем временем 26 сентября в одном из родильных домов столицы на свет появилась девочка, которую ее мама — актриса Театра на Таганке Татьяна Иваненко — назвала Настей. В свидетельстве о рождении новорожденной в графе «отец» стоял прочерк. Однако отец у девочки, конечно же, был, причем человек очень известный. Это был Владимир Высоцкий, с которым, как мы помним, у Иваненко тянулся роман еще с 1965 года. Его не смогла прекратить даже женитьба Высоцкого на Марине Влади. Более того, как только Влади уезжала из СССР на родину, Высоцкий тут же возобновлял отношения с Иваненко. Вот и ребенка они, судя по всему, «сделали» в самом конце 1971 года, когда Влади уехала в Париж. Как мы помним, это вообще было знаменательное время для Высоцкого. В ноябре он сыграл премьеру — «Гамлета», тогда же закрутилась история со свадьбой Дыховичного и опалой Галича. И, наконец, как кульминация —

«понесла» возлюбленная Высоцкого.

Кстати, наш герой узнал об этом от нее только спустя несколько месяцев — в начале 1972 года. Уж как Высоцкий ни уговаривал любимую не рожать, какие только угрозы не сыпал на голову бедной женщине, но та была непреклонна: заявила, что будет рожать в любом случае. И он испугался, что это событие переполнит чашу терпения Влади: ведь одно дело — «крутить амуры», и совсем иное — произвести на свет дитя от любовницы. Но эта ситуация не будет иметь плохих последствий для Высоцкого, поскольку на тот момент в «верхах» уже созрела идея сделать его выездным. И такой пустяк, как появление незаконнорожденного ребенка, никоим образом не могло погубить эту глобальную идею.

Между тем в том же сентябре случилось еще одно знаменательное событие, доставившее Высоцкому куда больше радости. Фирма грамзаписи «Мелодия» выпустила в свет несколько новинок, в частности, первый твердый миньон Владимира Высоцкого; до этого, в 1967 году, была выпущена гибкая пластинка с песнями из фильма «Вертикаль». Это было результатом все той же истории со свадьбой Дыховичного. Помните, на ней Высоцкий сумел понравиться своими военными песнями члену Политбюро Дмитрию Полянскому, он же — новоиспеченный тесть Дыховичного, который и «пробил» выход миньона? На нем звучали все те же военные песни, написанные Высоцким специально к фильмам: «Он не вернулся из боя», «Песня о земле» (из к/ф «Сыновья уходят в бой»), «Песня о новом времени» (из к/ф «Война под крышами»), «Братские могилы» (из к/ф «Я родом из детства»).

Выход миньона ясно указывал на то, что либералы в верхах продолжают частичную легализацию творчества Высоцкого. Эта пластинка с военными песнями должна была показать миллионам советских граждан, что Высоцкий — это не только автор социально-протестных песен, которые многие называли антисоветскими за тот скрытый подтекст, который в них содержался, но и создатель глубоко патриотических, но не трескучих произведений.

Выход пластинки добавил в бюджет Высоцкого несколько сотен рублей. Еще больше он получал за концерты и роли в кино. Например, если несколько лет назад он получал за свои главные киноролi 1 500 рублей, то теперь — значительно больше. За роль в «Плохом хорошем человеке» его удостоили гонорара в 2 360 рублей, в «Четвертом» — 2 340 рублей; общая сумма — 4 700 рублей. Тот же КГБ легко мог прикрыть эту «лавочку», ведь актер неоднократно давал поводы к этому, нарушая многие

идеологические запреты, установленные в СССР, однако не делал этого. Более того — способствовал раскрутке славы Высоцкого по всем направлениям.

Естественно, это вызывало лютую зависть у многих людей, начиная от коллег по театру и заканчивая рядовыми гражданами, которые с трудом соотносли тяжелую судьбу песенного Высоцкого с его повседневной реальностью. Дескать, «стреляют по колесам», а «Пежо» как новенький. Впрочем, число завистников среди простых граждан было не столь велико, поскольку большинство советских граждан ведать не ведали о том, какие гонорары получает их кумир, и какую жизнь он ведет вдали от их глаз. В советских СМИ не было рубрики «Светская жизнь», где живописались бы закулисные похождения артистов, в том числе и Высоцкого. Поэтому для большинства людей бард представлялся прежде всего гонимым артистом, который и горькую пьет исключительно по причине своей гонимости. А то, что Высоцкий вхож к сильным мира сего и со многими из них на короткой ноге, мало кто знал, поскольку песню «Прошла пора вступлений и прелюдий…» (1972) бард исполнил считанное число раз в год написания и больше нигде не пел. А в ней сообщалось:

…Уже три года в день по пять звонков:
Меня к себе зовут большие люди —
Чтоб я им пел «Охоту на волков».

В те дни Высоцкий трудился не покладая рук, хотя иной раз и жаловался своим коллегам на усталость. Например, 9 октября 1972 года В. Золотухин записывает в своем дневнике следующий монолог Высоцкого:

«Я не могу, я не хочу играть… Я больной человек. После «Гамлета» и «Галилея» я ночь не сплю, не могу прийти в себя, меня всего трясет, руки дрожат… После монолога и сцены с Офелией я кончен… Это сделано в таком напряжении, в таком ритме — я схожу с ума от перегрузок… Я помру когда-нибудь, я когда-нибудь помру… а дальше нужно еще больше, а у меня нет сил…».

А теперь взглянем на то, как этот «больной человек» проводил свое время. Спустя четыре дня после этого разговора, 14 октября, Высоцкий летит за тысячи километров от Москвы — в Киев, чтобы дать там всего несколько концертов. Через два дня, 16-го, он возвращается в Москву, чтобы принять участие в первой сессии озвучания в фильме «Четвертый». 19 октября проходит вторая сессия озвучания. Еще через пару дней Высоцкий снова садится в самолет, чтобы лететь в Крым, на съемки «Плохого хорошего человека». 25 октября он снова в Москве (проводит

очередную сессию озвучания в «Четвертом»), а спустя несколько дней опять летит в тот же Киев с концертами.

О чем говорит этот график? Либо о том, что Высоцкий просто набивал себе цену, жалуясь Золотухину на свое болезненное состояние, либо он был попросту двужильный: не спать ночами после тяжелых спектаклей и в то же время курсировать с крейсерской скоростью по стране, меняя республики и города — на такое был способен только физически очень крепкий человек с железными нервами. Вспомним слова Л. Елисеева образца лета 1969 года:

«Володя меня поразил своей фигурой: она стала более атлетической, и в движениях он стал более спортивным. Без всякого сомнения, он занимался атлетической гимнастикой. У него стала более мощная грудь, накачанные плечи, походка стала более легкой и спортивной…».

Если А. Галич был заперт КГБ в своих четырех стенах и имел право всего лишь на редкие «квартирники», то Высоцкий гастролировал по стране и с легкостью неимоверной «окучивал» не только рядовую публику, но и номенклатурную. Например, 10 декабря 1972 года дал очередной домашний концерт у Льва Делюсина, того самого выдвиженца Андропова. А в начале февраля 1973 года пел уже для сотрудника Международного отдела ЦК КПСС Анатолия Черняева. И тот записал в своем дневнике следующее:

«Высоцкий с новыми песнями. Одна из них о том, как два рабочих парня, друзья-забулдыги, решили ехать в Израиль (русский и еврей). Русского отпустили, еврей не прошел по пятому пункту. Марина Влади. Поговорили. Она мила…».

Однако Высоцкий не только пел для «больших людей», но и писал по их заказу песни. Началось это еще в середине 60-х, когда он написал своих «Антисемитов» и «китайский цикл» — последний был создан под влиянием все того же Льва Делюсина. В 1972 году Высоцкий добавил к сонму «заказных» песен еще несколько — на этот раз они были посвящен проблеме еврейской эмиграции из СССР. Отвечал за эту сферу деятельности КГБ во главе с Ю. Андроповым — непосредственным куратором Высоцкого. Как скажет шеф КГБ в одном из своих докладов, «Активность сионистов направлена не на то, чтобы обеспечить полную свободу эмиграции нашим евреям, а для того, чтобы создать у нас «еврейский вопрос»». Короче, Высоцкому, видимо, было дано «задание» эту проблему осветить, после чего на свет и появились его песня «Мишка Шифман» и стихотворение «Наш киль скользит…». В последнем произведении певец высказывал свое отрицательное отношение к отъезду его соплеменников из

СССР и весьма нелестно отзывался об Израиле, называя его «мизерным уголком», «раздутым до величия Израилем». И далее:

Меняете вы русские просторы,
Лихую безнадежность наших миль
На голдомеирские уговоры,
На этот нееврейский Израиль?!

Услышав эту песню, Андропов, (кстати, сам баловавшийся поэтическим творчеством, должен был мысленно похвалить автора за изысканность строки и точность политических формулировок и сделать очередную зарубку на своей памяти о Высоцком как о весьма исполнительном агенте. Эта зарубка дорогого стоила.

«Потому что мы рвемся на Запад…»

Наступление 1973 года Высоцкий и Влади встретили в доме кинорежиссера Александра Митты и его жены Лили. Кроме них среди гостей были Белла Ахмадулина с Борисом Месерером, Зоя Богуславская с Андреем Вознесенским, Галина Волчек, переводчик Брежнева Виктор Суходрев с Ингой Окуневской, вдова Марка Бернеса Лиля и др.

Отметим, что в течение последующих трех лет (1973–1976) Высоцкий и Влади будут встречать Новый год в этом же доме, правда, гости за столом будут меняться.

Между тем, 1973 год окажется переломным в жизни Владимира Высоцкого — его наконец-то сделают выездным. Скажем прямо, это было не случайно, а явилось целенаправленной стратегией людей со Старой площади (Международный отдел) и Лубянки (КГБ). Обратим внимание, что к началу 1973 года шеф КГБ Юрий Андропов стоял на пороге существенного повышения — должен был стать членом Политбюро, чего с главными чекистами не было ровно 20 лет, со времен Л. Берии. Это повышение было прямым следствием усиления влияния Андропова не только на внутреннюю политику посредством успешной борьбы с диссидентами, действенного контроля за элитой, но и на внешнюю — при помощи активизации операций против западных стран, установления контактов с западной корпоратократией. Практически весь предыдущий 1972 год Андропов настойчиво продвигал своих людей во власть, готовя плацдарм для своего возвышения. Читаем в дневнике у А. Черняева:

«С подачи Андропова и Цуканова (помощник Брежнева. — *Авт.*) Брежнев приблизил к себе интеллигентов «высшей советской пробы» — Иноземцева, Бовина, Арбатова, Загладина, Шишлина. Допущенные к сверхзакрытой информации, широко образованные, реалистически мыслящие и владеющие пером, они сумели использовать «разумное и доброе» в натуре Генсека для корректировки политики — там, где это было возможно в рамках системы…».

Из этой же категории, на наш взгляд, было и разрешение на выезд из страны Высоцкому. На протяжении четырех лет либералы во власти усердно расчищали ему дорогу к славе, попутно стреноживая недоброжелателей барда — Суслова, Романова и др., а также убирая с его дороги конкурентов, например, Галича. И к 1973 году, когда слава Высоцкого внутри СССР достигла заоблачных высот, назрела идея выпустить его за

рубеж на волне пресловутой разрядки, во время которой советские корпоратократы должны были начать внедряться в среду корпоратократов западных. Происходить это должно было по линии сырьевых нефтяных корпораций, для чего как нельзя кстати в октябре 1973 года в мире возник нефтяной кризис, из которого советские элиты извлекли для себя массу выгод — впрочем, и народу тоже кое-что перепало с этого «пиршества». Высоцкий об этом чуть позже даже несколько «нефтяных» песен напишет.

На семейную чету Высоцкий — Влади была возложена почетная миссия — под видом туристов быть агентами советского влияния в среде западного истеблишмента, причем не только французского. Это было своеобразным ответом КГБ на возросшую активность западных «туристов», которые агентурили в СССР в пользу Запада. Об этих «туристах», кстати, сказал в своем докладе Андропов на апрельском 1973 года Пленуме ЦК КПСС, где его и избрали в члены Политбюро. Отметим, что, выдвигая его кандидатуру в этом качестве, Брежнев произнес о нем проникновенную речь, сделав специальное отступление в своем докладе. Вот как это выглядит в изложении А. Черняева:

«Встречали его (Андропова. — *Авт.*) тепло, особенно после отступления от текста, которое сделал в своем докладе Брежнев в адрес Андропова и КГБ: в том смысле, что это — огромная помощь Политбюро во внешней политике, что, если обычно думают, что КГБ — это значит только кого-то хватать и сажать, то глубоко ошибаются. КГБ — это прежде всего огромная и опасная загранработа. И надо обладать способностями и характером… Не каждый может… не продать, не предать, устоять перед соблазнами. Это вам не так, чтобы… с чистенькими ручками (и провел ладонью по ладони)…».

В феврале 1973 года Высоцкому подняли зарплату в театре — «дотянули» ее до 150 рублей. Неплохие деньги, учитывая, что у нашего героя не было никакого официального звания, в то время как его коллеги со званиями, например, В. Золотухин, А. Демидова, имели зарплату всего на 15 рублей больше. Впрочем, для Высоцкого эти неплохие деньги смехотворны — он за один концерт имеет возможность зарабатывать свою новую ежемесячную зарплату. Что, собственно, и было подтверждено им в том же феврале, когда он отправился с короткими, на 5 дней, но максимально продуктивными по части заработка гастролями в Новокузнецк.

Поездка была незапланированной: просто в тамошнем драмтеатре имени Орджоникидзе горел план после того, как оттуда ушли три ведущих актера, и руководство театра, чтобы

выплатить труппе зарплату, выбило под это дело Высоцкого, который неизменно собирал аншлаги. И действительно, его приезд вызвал такой небывалый ажиотаж в городе, что все билеты на его концерты были раскуплены еще за несколько дней до начала гастролей.

Уже на следующий день после приезда, 4 февраля, Высоцкий дал четыре (!) концерта — в 12, 15, 18 и 21 час. В следующие два дня — еще восемь концертов, по четыре в день. 8 февраля от столь напряженного графика у Высоцкого лопнул сосуд в горле, но концерты он провел, правда, за кулисами дежурил врач. Уже очень скоро эти гастроли послужат основой для громкой пиар-акции, устроенной КГБ с целью лишний раз создать вокруг Высоцкого ореол диссидента под западные стандарты. Предшествовали же этой «легализации» следующие события.

Во второй половине февраля Высоцкий был занят оформлением документов для своего первого в жизни выезда за границу. Как пел он сам в одной из своих песен, «Не затем, что приспичило мне, — просто время приспело…». Время действительно приспело — на носу была разрядка международной напряженности, которая, как уже отмечалось, открывала широкие возможности перед Международным отделом ЦК КПСС и КГБ в деле активизации своих операций на Западе. Впрочем, это был обоюдный процесс: то же самое собирались делать и соответствующие западные структуры в отношении СССР, и паре Высоцкий — Влади в этих мероприятиях отводилась весьма значительная роль. По словам Высоцкого, «Спать ложусь я — вроде пешки, просыпаюся — ферзем!» (1972).

На момент прихода Андропова на Лубянку (1967) его ведомство на зарубежном направлении имело чуть меньше широких полномочий, чем Международный отдел ЦК КПСС, которым руководил Борис Пономарев. Например, КГБ было несколько ограничено в своих возможностях вербовать агентуру в среде восточных и западных компартий, в то время как «международники» в этом деле были абсолютно не стеснены; чаще всего чекистов использовали как курьеров — они возили деньги восточным и западным компартиям. Однако уже в начале 70-х из-за серьезных разногласий с западноевропейскими соратниками Брежнев разрешил Андропову расширить агентурную работу в зарубежных компартиях. И ведущим направлением в этом процессе было французское, а не, к примеру, испанское или итальянское. Ведь Франция еще при Шарле де Голле, в 1966 году, вышла из военной структуры блока НАТО — не без активного закулисного влияния КГБ, однако продолжала оставаться его политической составляющей.

В 1969 году к власти в Елисейском дворце пришел Жорж Помпиду, который взялся налаживать отношения со своими соседями — в частности, с Великобританией. В итоге 1 января 1973 года последовало расширение Европейского Экономического Сообщества: благодаря стараниям Франции Великобритания вошла в ЕЭС. Это сильно напрягло Москву, которая всегда относилась к Общему рынку как к своему главному экономическому конкуренту. Поэтому операции ПГУ в Европе по линиям политического и экономического шпионажа с первой половины 70-х стали заметно возрастать. И Франция, где КГБ давно пустил глубокие корни, проникнув во многие властные структуры, а также в ряды эмиграции, была главным плацдармом советского шпионажа в Западной Европе. Именно отсюда тянулись нити ко многим операциям КГБ в этом регионе.

Между тем с конца 60-х во французской экономике сложилась весьма благоприятная конъюнктура, которая продержалась несколько лет, когда ежегодные темпы роста валового национального продукта были выше, чем в других высокоразвитых капиталистических странах. В итоге к 1973 году Франция по объему экспорта догнала Японию и стала третьим после США и ФРГ мировым экспортером в капиталистическом мире. Этот рывок позволил руководству страны значительно повысить свой рейтинг доверия у населения, в том числе и у многомиллионной армии рабочего класса, отобрав очки у левых партий — Социалистической и Коммунистической. Чтобы вернуть себе утраченное, левые решили объединиться. Именно под это объединение в ФКП в 1972 году сменился лидер: вместо Вальдека Роше, который руководил партией с 1964 года, к власти пришел Жорж Марше, который с 1970 года являлся заместителем Генерального секретаря, а Роше был отодвинут на декоративный пост почетного председателя ФКП.

Кстати, смена «пажеского караула» происходила при весьма анекдотических обстоятельствах. Дело в том, что первоначально Роше должен был сменить другой человек, у которого была весьма неблагозвучная для русского уха фамилия — Жан Гондон. Естественно, когда об этом стало известно в Москве, там схватились за голову: можно себе представить, как комично могли выглядеть описания встреч Брежнева с новым руководителем ФКП в советских СМИ. Короче, Кремль самым категорическим образом настоял на том, чтобы руководителем ФКП был выбран другой человек. При этом повод был придуман следующий: дескать, Жан Гондон является отпрыском графского рода, который до сих пор владеет историческим замком в городке Сент-Гондон в департаменте Луаре. В итоге к руководству ФКП

был приведен Жорж Марше.

Здесь интересы КГБ и Международного отдела ЦК КПСС опять разошлись. Дело в том, что на Лубянке были подозрения, что Марше в годы войны сотрудничал с фашистами — в течение года он жил на оккупированной немцами территории и работал на одном из их предприятий, поэтому чекисты были против его кандидатуры как генсека. Но «международники» убедили Брежнева, что эта информация недостоверна.

В июне 72-го левыми партиями Франции был подписан объединительный пакт, с которым они должны были пойти на мартовские выборы следующего года. Свои подписи под ним поставили три партийных лидера: Ж. Марше (ФКП), Ф. Миттеран (ФСП) и Р. Фабр (ДЛР — Движение левых радикалов). Затем началась предвыборная гонка, во время которой ФКП оказалась в трудном положении.

Во-первых, против нее направили свои атаки правящие партии, во-вторых, с ними заодно порой выступала и ФСП, поскольку была заинтересована в ослаблении позиций коммунистов: как говорится, дружба дружбой, а табачок врозь. Главной фишкой этих атак были обвинения ФКП в том, что она является не самостоятельной партией, а филиалом КПСС. Дескать, поэтому в августе 68-го ее руководство испугалось осудить Москву за ввод войск в ЧССР, выполняя волю Кремля. Эти обвинения, во многом справедливые, о чем может свидетельствовать хотя бы история с выборами Марше, были поданы таким образом, что многие французы в них поверили. В итоге результаты выборов оказались за социалистами. Несмотря на то, что за ФКП проголосовало 5 миллионов человек (21,25 % избирателей), а за ФСП — 4 миллиона 580 тысяч (18,8 %), по сравнению с итогами выборов в 1968 году успех сопутствовал социалистам: прирост голосов у них оказался большим, чем у коммунистов.

Обо всех этих перипетиях предвыборной борьбы докладывали в Москву аналитики резидентуры КГБ в Париже; они же самым положительным образом оценивали возможный приезд туда Высоцкого в ореоле советского полудиссидента. Андропов все это учел, что и стало еще одним важным мотивом для того, чтобы подключить Высоцкого к идеологическим операциям. Ситуация для этого складывалась крайне благоприятная. Приезд полузапрещенного Высоцкого должен был символизировать тот самый демократизм советского режима, в признании которого ему так истово отказывали критики Французской компартии. Ведь буквально следом за Высоцким, в июне, во Францию с официальным визитом должен был приехать сам Брежнев,

который вовсе не был заинтересован в том, чтобы та же ФСП устроила ему обструкцию как душителю свобод.

Итак, для успешной популяризации Высоцкого на Западе его кураторы собирались использовать имидж барда как этакого творческого диссидента. Его полуподпольность была выгодна советской партэлите и спецслужбам, которым при желании не составляло большого труда сотворить из Высоцкого второго официозного Иосифа Кобзона — с ежемесячным показом концертов по телевидению, статьями в прессе, приглашением в правительственные концерты и т. д., но это не делалось из стратегических соображений. Высоцкого специально периодически «прессовали», а также создавали все условия, чтобы в своем жанре он не имел серьезных конкурентов. Особенно заметным это стало накануне разрядки, когда Высоцкому намеренно расчищали поле для его деятельности, параллельно убирая конкурентов. Под последним имеется в виду уже хорошо знакомый нам Александр Галич.

Не забывал КГБ и про другой фронт — диссидентский. Буквально накануне разрядки КГБ провел успешную операцию по расколу диссидентского сообщества. Летом и осенью 1972 года были арестованы двое видных советских диссидентов — Виктор Красин и Петр Якир, которых КГБ рассчитывал заставить отречься от своих прежних идеалов и покаяться. Этот расчет полностью оправдался: оба арестованных с января 73-го, что называется, «запели»: сдали все свои связи и согласились на предложение руководства КГБ, Андропова и Цвигуна, публично осудить диссидентское движение в СССР. Ими было написано покаянное письмо-обращение к советским диссидентам, а чуть позже, в сентябре, дана пресс-конференция в московском киноконцертном зале «Октябрь». Все эти события заметно деморализовали диссидентское движение и на какое-то время ослабили его.

Однако, нанеся удар по политическим диссидентам, советские власти провели обратные акции по отношению к инакомыслящим из творческой элиты с тем, чтобы показать Западу, что к социальному инакомыслию в Советском Союзе относятся иначе, чем к политическому. Под эту операцию угодили сатирик Аркадий Райкин и герой нашего рассказа — Владимир Высоцкий. Первому разрешили вернуться в родной город и не только возобновить там свои выступления, но и запустить на Центральном телевидении сразу два своих проекта: телефильмы «Люди и манекены» (4 серии) и «Аркадий Райкин».

С Высоцким ситуация выглядела несколько иначе. Долгие годы он вел изнурительную борьбу за то, чтобы легализовать свое творчество. Ему хотелось выступать в лучших концертных залах

страны с трансляцией этих выступлений по телевидению, выпускать диски-гиганты и миньоны, печатать в лучших издательствах книги своих стихов. Однако на все его просьбы разрешить ему это власти отвечали молчанием либо невразумительными отговорками. За всем этим стояли определенные интересы обоих политических течений в высшем советском истеблишменте: державного и либерального.

Дело в том, что, несмотря на серьезные разногласия, те и другие сходились в одном: в том, чтобы Высоцкий не получал полного официального признания. Почему так хотели вторые — понятно: они считали песни Высоцкого идеологической крамолой, прекрасно понимая весь подтекст, который в них содержался. А вот либералами двигало иное: они боялись, что полная легализация творчества их подопечного разом подорвет его статус главного бунтаря в среде творческой интеллигенции как на родине, так и за ее пределами. Эту же позицию разделял и Юрий Андропов, для которого бунтарский имидж Высоцкого был выгоден — к такому человеку было больше доверия со стороны потенциальных клиентов КГБ. Вот почему многие публикации, которые выходили о Высоцком на Западе, были написаны под диктовку Лубянки и представляли его именно как певца-сопротивленца.

1 марта 1973 года Высоцкий в сопровождении супруги отнес все необходимые документы в московский ОВИР, после чего звездная чета удалилась, прекрасно зная, что их визит закончится самым благоприятным образом. Начальник московского ОВИРа С. Фадеев уже получил все необходимые инструкции с самого «верха» относительно этой пары, но надо соблюдать формальные правила — по закону проверка должна занять около месяца. И она проходит для Высоцкого весьма успешно. Во-первых, партбюро родной «Таганки» пишет на него отличную характеристику. Во-вторых, свое положительное резюме выдают и другие высшие инстанции: Управление КГБ по Москве и Московской области и Первый спецотдел УВД Мособлисполкома, где проверялись данные не только на него, но и на его ближайших родственников — например, нет ли на них какого-либо компромата политического толка вроде родственников за границей, порочащих связей с иностранцами и т. д., а также отделение милиции по месту жительства Высоцкого, где на него мог быть компромат бытового характера — пьянки, скандалы и т. д.

30 марта начальник московского ОВИРа С. Фадеев подписывает главный документ — «заключение», согласно которому Высоцкий после уплаты госпошлины может получить

загранпаспорт с желаемой визой. В тот же день заместитель начальника УВД Мосгорисполкома Г. Сорочкин утверждает «заключение». На Высоцкого заводится «Выездное дело» с грифом «Секретно» под номером 115149.

Между тем в тот же самый день, 30 марта, в газете ЦК КПСС «Советская культура» на Высоцкого появляется убойный компромат — статья журналиста М. Шлифера «Частным порядком», где певца обвиняют в стяжательстве. О чем же писалось в злополучной заметке? Привожу ее полностью:

«Приезд популярного артиста театра и кино, автора и исполнителя песен Владимира Высоцкого вызвал живейший интерес у жителей Новокузнецка. Билеты на его концерты в городском театре многие добывали с трудом. У кассы царил ажиотаж. Мне удалось побывать на одном из первых концертов В. Высоцкого в Новокузнецке. Рассказы артиста о спектаклях столичного Театра на Таганке, о съемках в кино были интересными и по форме, и весьма артистичными. И песни он исполнял в своей, очень своеобразной манере, которую сразу отличишь от любой другой. Артист сам заявил зрителям, что не обладает вокальными данными. Да и аудитория в этом легко убедилась: поет он «с хрипотцой», тусклым голосом, но, безусловно, с душой.

Правда, по своим литературным качествам его песни неравноценны. Но речь сейчас не об этом. Едва ли не на второй день пребывания Владимира Высоцкого в Новокузнецке публика стала высказывать и недоумение, и возмущение. В. Высоцкий давал по пять концертов в день! Подумайте только: пять концертов! Обычно концерт длится час сорок минут (иногда час пятьдесят минут). Помножьте на пять. Девять часов на сцене — это немыслимая, невозможная норма! Высоцкий ведет весь концерт один перед тысячью зрителей, и, конечно же, от него требуется полная отдача физической и духовной энергии. Даже богатырю, Илье Муромцу от искусства, непосильна такая нагрузка!».

Далее шел комментарий «Советской культуры» следующего содержания:

«Получив письмо М. Шлифера, мы связались по телефону с сотрудником Росконцерта С. Стратулатом, чтобы проверить факты.

— Возможно ли подобное?

— Да, артист Высоцкий за четыре дня дал в Новокузнецке 16 концертов.

— Но существует приказ Министерства культуры СССР, запрещающий несколько концертов в день. Как же могло

получиться, что артист работал в городе с такой непомерной нагрузкой? Кто организовал гастроли?

— Они шли, как говорится, «частным» порядком, помимо Росконцерта, по личной договоренности с директором местного театра Д. Барацем и с согласия областного управления культуры. Решили заработать на популярности артиста. Мы узнали обо всей этой «операции» лишь из возмущенных писем, пришедших из Новокузнецка.

— Значит, директор театра, нарушив все законы и положения, предложил исполнителю заключить «коммерческую» сделку, а артист, нарушив всякие этические нормы, дал на это согласие, заведомо зная, что идет на халтуру. Кстати, разве В. Высоцкий фигурирует в списке вокалистов, пользующихся правом на сольные программы?

— Нет. И в этом смысле все приказы были обойдены.

Директор Росконцерта Ю. Юровский дополнил С. Стратулата:

— Программа концертов никем не была принята и утверждена. Наши телеграммы в управление культуры Новокузнецка с требованием прекратить незаконную предпринимательскую деятельность остались без ответа.

Так произведена была купля и продажа концертов, которые не принесли ни радости зрителям, ни славы артисту.

Хочется надеяться, что Министерство культуры РСФСР и областной комитет партии дадут необходимую оценку подобной организации концертного обслуживания жителей города Новокузнецка».

После появления этой статьи в Новокузнецке на Высоцкого заводится административное дело по факту получения артистом 3693 рублей 50 копеек (зарплата того же Высоцкого на «Таганке» за… 2 года!). Более того, материалы этого дела передаются и в следственные органы на предмет возбуждения уголовного дела по статье «Незаконная частнопредпринимательская деятельность». А певец почему-то и в ус не дует — 2 апреля отправляется в сберкассу и платит госпошлину для выезда за границу в размере 361 рубль. Однако на следующий день заместитель начальника УВД Мосгорисполкома Г. Сорочкин направляет в Московский городской комитет КПСС «дело» Высоцкого с сопроводительным письмом следующего содержания: «Направляется на решение Комиссии по выездам за границу при МГК КПСС дело Высоцкого В. С., ходатайствующего о выезде во Францию на 45 дней, с учетом статьи, напечатанной в газете «Советская культура» за 30 марта 1973 года». То есть, статья в «СК» сыграла роль шлагбаума, преградившего Высоцкому выезд в загранку.

Вполне вероятно, что именно для этого она и появилась на

свет, запущенная весьма высокими недругами певца. Например, главным редактором «Советской культуры» тогда был кандидат в члены ЦК КПСС Алексей Романов — тот самый, который в 1963–1972 годах руководил советским кинематографом. Известна стенограмма выступления Высоцкого на одном квартирнике в феврале 1970 года, где он рассказывает о том, как Романов, выбрасывая его песни из фильма «Мой папа — капитан», заявил: «Нельзя воспитывать нашу молодежь на песнях Высоцкого». То есть у Романова с певцом были личные счеты. Однако такие же счеты были у Высоцкого и с другими высокопоставленными советскими деятелями, которые, зная о том, что Андропов и К готовятся сделать Высоцкого выездным, вполне могли начать свою контригру. В итоге на свет и появилась статья «Частным порядком». Это был тот самый компромат, который проходил по категории серьезного. После него по советским нормам морали выпускать человека за границу просто не имели права. Это был нонсенс — отпускать за пределы страны (причем впервые!) человека, который был уличен в моральном грехе — стяжательстве. Плюс на него было заведено административное дело (суд состоится в июне и присудит Высоцкому, как уже говорилось выше, 900 рублей штрафа). Ведь не было твердой гарантии, что такой стяжатель не останется на Западе, погнавшись за красивой жизнью. Поэтому люди, которые брали на себя ответственность, выпуская Высоцкого (в том же КГБ или МВД-УВД и ОВИРе), должны были понимать, что они рискуют собственной карьерой. Тот же Андропов должен был отдавать себе в этом отчет. Ведь в 1967 году он возглавил КГБ именно после того, как его предшественника — Владимира Семичастного — обвинили в том, что он «проспал» бегство на Запад дочери Сталина Светланы Аллилуевой. Короче, статья в «СК» однозначно должна была автоматом отклонить отъезд Высоцкого.

Но если встать на точку зрения, что статью в «СК» запустили в массы высокие недруги Высоцкого, то тогда возникает резонный вопрос: почему после этого случая за последующие 7 лет жизни Высоцкого ни одна (!) такая статья в советской прессе, направленная против певца, больше на свет не появлялась? То есть эти высокопоставленные недруги (Романов и К) вдруг заткнулись раз и навсегда. Почему? Не потому ли, что в том же апреле 1973 года, если быть точным — 27 апреля, Андропов стал членом Политбюро и выступать как против него, так и против его креатур было уже опасно? Поэтому недоброжелатели Высоцкого вынуждены были оставить его в покое.

Кстати, Романов возглавлял «СК» до 1983 года, после чего Андропов отправил его на пенсию, видимо, припомнив и ту

давнюю историю со статьей «Частным порядком».

О том, как развивались события дальше, Марина Влади в своих мемуарах рассказывает следующее. Узнав от некоего доброжелателя о том, что статья в «СК» сыграла роль шлагбаума перед Высоцким, Влади решила использовать свои связи и позвонила в Париж другу семьи Ролану Леруа, члену Политбюро ЦК ФКП, руководителю общества «Франция — СССР»). Тот обещал помочь и обратился к Жоржу Марше. А тот, в свою очередь, связался по телефону с Брежневым и уговорил его выпустить Высоцкого за границу. В итоге ответственность за певца взял на себя лично Брежнев. Если это так, то это делает ему честь. А вот Высоцкому не делает чести его последующее отношение к Брежневу — в узких кругах он станет делать злые пародии на генсека.

Если история, рассказанная Влади правдива, возникает вопрос: что мешало Влади сделать Высоцкого выездным до этого? Как мы помним, они поженились в декабре 1970 года, и Влади имела все основания для того, чтобы добиться от советских властей регулярных выездов мужа к себе во Францию. Тем более, что она была не рядовым членом ФКП, и у нее были хорошие отношения с тогдашним лидером ФКП Вальдеком Роше. Более того, в октябре 1971 года она лично познакомилась с Брежневым, который находился с официальным визитом во Франции. Но все это не стало поводом к тому, чтобы Высоцкий стал выездным. И только в апреле 1973 года, когда Андропов стал членом Политбюро, герой нашего рассказа получил возможность впервые выехать во Францию. Думается, это не случайное совпадение, а главная причина всей этой «выездной» истории.

Между тем статья в «СК» оказалась не последней в те дни. 2 апреля 1973 года в самой влиятельной американской газете «Нью-Йорк таймс» появилась статья журналиста Хедрика Смита под броским названием «Советы порицают исполнителя подпольных песен». Речь в этой достаточно объемной заметке шла о «наезде» газеты «Советская культура» на Высоцкого. Приведем лишь небольшой отрывок из этой публикации:

«Владимир Высоцкий, молодая кинозвезда и драматический актер, завоевавший множество поклонников среди молодежи своими хриплыми подпольными песнями, зачастую пародирующими советскую жизнь и государственное устройство, получил официальный нагоняй за проведение нелегальных концертов.

«Советская культура», новый культурный орган Центрального Комитета Коммунистической партии (органом ЦК «СК» стала в январе 1973 года. — *Авт.*), подверг его в пятницу острой критике

за нарушение правил проведения гастролей. В публикации утверждается, что он присваивал нелегальные средства от организованных частным образом концертов при попустительстве официальных лиц в провинциальных городах.

Там был только косвенный намек на то, что реальной мишенью скорее было содержание некоторых его песен, а не его концертная деятельность. В любом случае, целью атаки, похоже, было как свернуть его деятельность, так и уменьшить его растущую популярность.

В последние годы г-н Высоцкий записывал популярные официальные хиты. Развивалась оживленная торговля магнитными лентами и компакт-кассетами с его остроумными и иногда дерзкими пародиями на советскую бюрократию, чинопочитающее чиновничество, всепроникающее воровство из общественных учреждений и обязательную гонку поглощенных вопросами престижа лидеров за победами на мировых спортивных аренах. Эти песни часто записываются. Как говорят москвичи, на проходящих поздней ночью встречах под гитару с друзьями и поклонниками.

Он стал фаворитом культурного мира Москвы благодаря приватным вечеринкам, и даже должностные лица Коммунистической партии и государства среднего звена осторожно признают, что имеют записи некоторых из его рискованных песен…».

Учитывая, что эта статья во влиятельной американской газете была первой пиар-акцией Высоцкого в США, можно предположить, что и она появилась не случайно. Тогда для чего? Отметим, что увидела свет за две недели до отъезда Высоцкого за границу. То есть если бы тот же Андропов положил ее на стол перед Брежневым, то не факт, что генсек разрешил бы выезд певца за границу. Но шеф КГБ, видимо, этого не сделал, поскольку был заинтересован в том, чтобы Высоцкий стал выездным. И статья в «Нью-Йорк таймс» могла выйти именно по заданию Андропова с одной целью. Она тут же разлетелась по всему миру, достигнув в том числе и Франции, после чего в Москве могли торжествовать победу: французский МИД, где только что сменился руководитель (им стал Мишель Жобер, который — впервые для Франции! — не был профессиональным дипломатом, но был личным другом президента страны Жоржа Помпиду) дал свое согласие на приезд Высоцкого. Причем не только в качестве супруга французской кинодивы, но и в ореоле гонимого советскими властями артиста.

Кстати, в «новокузнецкой» истории пострадали несколько человек. Так, директор театра Д. Барац и начальник Кемеровского

областного управления культуры И. Курочкин получили строгие дисциплинарные взыскания, а директор «Таганки» Н. Дупак едва не лишился своей должности — за плохую воспитательную работу в театре был поставлен вопрос о несоответствии его занимаемой должности. К счастью, до увольнения дело не дошло.

Что касается Высоцкого, то он пострадал материально — лишился 900 рублей. Зато приобрел другое. Во-первых, стал выездным, во-вторых, приказом № 224 Главного управления культуры исполкома Моссовета от 3 августа 1973 года ему присвоили как «артисту разговорного жанра» первую категорию с разовой филармонической ставкой 11 рублей 50 копеек; в 1978 году эту ставку повысили до 19 рублей, присвоив Высоцкому высшую категорию вокалиста-солиста эстрады.

На этом фоне явным диссонансом выглядит другая история — с популярным актером Борисом Сичкиным (Буба Касторский из «Неуловимых мстителей»), которого в декабре 1973 года обвинят в финансовых нарушениях при получении гонораров за «левые» концерты, арестуют и упекут за решетку на год. После этого его карьера рухнет, и он вынужден будет уехать из страны. Высоцкого эта участь счастливо миновала, поскольку за него было кому замолвить словечко.

В период ожидания визы с Высоцким и Влади произошла история, которая рассорила их с кинорежиссером Андреем Тарковским. Тот готовился к съемкам своего очередного фильма — «Зеркало» — и подыскивал актрису на роль собственной матери: фильм был автобиографический. В ходе этих поисков режиссер внезапно вспомнил о Марине Влади, которая, как он знал, находилась тогда в Москве. Вот как она сама описывает этот случай:

«Однажды утром ты (В. Высоцкий. — *Ф. Р.*) говоришь мне с напускной небрежностью:

— Знаешь, Андрей хотел бы поговорить с тобой тет-а-тет.

Я немного удивлена, тем более что мы виделись с Тарковским несколько дней назад. Он — твой друг юности и один из поклонников. Я знаю его уже много лет. Это невысокий человек, живой и подвижный, — замечательный гость за столом. Кавказец по отцу, он обладает удивительным даром рассказчика и поражает всех своим умением пить не пьянея. К концу вечера он обычно веселеет и почему-то каждый раз принимается распевать одну и ту же песню.

По твоему тону я понимаю, что речь идет о чем-то очень важном. Ты говоришь:

— Андрей готовит фильм, он хотел поговорить с тобой и, вероятно, пригласить тебя на пробы.

И тут на меня находит. Я не нуждаюсь в пробах, меня никогда не пробовали ни на одну роль, за исключением первого раза, когда я снималась в тринадцать лет у Орсона Уэллса. Но ты так долго уговариваешь меня не отказываться, что я соглашаюсь.

Андрей объясняет мне, что фильм «Зеркало» — автобиография. И он хочет попробовать меня в нем на роль своей матери. Усы у него всклокочены больше, чем обычно, и он, заикаясь, пересказывает мне весь сюжет.

Через несколько дней мы с небольшой съемочной группой выезжаем в деревню. Это даже не пробы. Мы просто снимаем несколько кусков. Андрей подробно объясняет мне сцену: на пороге избы женщина долго ждет любимого человека. Становится прохладно, она зябко кутается в шаль, последний раз в отчаянии смотрит на дорогу и, сгорбившись от горя, уходит в дом.

Андрей делает мне комплименты, я довольна собой. Я возвращаюсь и рассказываю тебе, как прошел день. Мы начинаем мечтать. Если я снимусь в этом фильме, сразу решится множество проблем — у меня будет официальная работа в Советском Союзе, я смогу дольше жить рядом с тобой, и потом, сниматься у Тарковского — это такое счастье!

Проходит несколько дней. Мы звоним Андрею, но все время попадаем на его жену, и та, с присущей ей любезностью, швыряет трубку. Я чувствую, что звонить бесполезно — ответ будет отрицательным. Но тебе не хочется в это верить, и, когда через несколько дней секретарша Тарковского сообщает нам, что роли уже распределены и что меня благодарят за пробы, ты впадаешь в жуткую ярость. Ты так зол на себя за то, что посоветовал мне попробоваться, да к тому же ответ, которого мы с таким нетерпением ждали, нам передали через третье лицо и слишком поздно… Тут уже мне приходится защищать Андрея. Наверное, у него слишком много работы, много забот, да и вообще, у людей этой профессии часто не хватает мужества прямо сообщить плохие новости. Ты ничего не хочешь слышать. Ты ожидал от него другого отношения. И на два долгих года вы перестаете видеться. Наши общие друзья будут пытаться помирить вас, но тщетно…»

Позднее Тарковский объяснит Высоцкому, почему он отказался взять на роль своей матери Влади: мол, зрители будут отвлекаться от фильма, увидев на экране Колдунью (самый знаменитый фильм Влади). Роль Матери в итоге досталась Маргарите Тереховой.

Заметим, что с тех пор как Влади снялась у С. Юткевича в «Сюжете для небольшого рассказа» (1970) прошло три года — кстати, фильм регулярно показывали по советскому ТВ: в 1972 году два раза, в 1973-м — один, поэтому по частоте показов он

явно выбивался в лидеры, а новых ролей в советском кино у Влади больше не случилось. Хотя попытки были. Так, в 1971 году ей и Высоцкому «зарубили» участие в фильме «Вид на жительство»: у обоих там должны были быть главные роли. Весной 1972 года они были «отцеплены» от фильма «Земля Санникова». И вот теперь — история с Тарковским. Вполне вероятно, были и другие «загубленные» проекты, о которых автору этих строк ничего не известно. Но факт остается фактом — карьера Влади в советском кинематографе так и не сложилась. Вопрос: почему? Судя по всему, у Влади изменились обстоятельства — как служебные, так и личные.

Во-первых, у нее стало много работы по линии общества «Франция-СССР», где она, как мы помним, была активисткой — сначала являлась членом правления, работала в секции культурных связей, а потом заняла пост вице-президента. Это общество напрямую взаимодействовало с ССОД (Союзом Советских Обществ Дружбы), проводя вместе с ним разного рода совместные мероприятия как во Франции, так и в СССР: ежегодно проводилось несколько сотен мероприятий, посвященных истории, науке, искусству обеих стран, юбилейным и памятным датам). Причем с обеих сторон общества дружбы возглавляли евреи: у «Франции-СССР» это был член Политбюро ФКП Андрэ Ланглуа, у «СССР-Франция» — историк Альберт Манфред, с 1966 года вице-президент, с 1972-го — президент.

Во-вторых, в начале 70-х у Влади возникли серьезные семейные проблемы — ее старший сын Игорь (1956) увлекся наркотиками и несколько раз попадал в клиники. Оставлять его одного надолго Влади не могла, поэтому порой отказывалась даже от съемок в западных фильмов. В итоге за четыре года (1970–1973) она записала на свой счет съемки только в пяти картинах, где у нее было две большие роли. Назовем все эти ленты.

Фильм «Всеобщее восстание» (1970) режиссера Луиджи Дзампы являл собой социальную сатиру из трех частей. В первой молодой человек устраивает беспорядки в студенческом городке. Во второй крупный бизнесмен третирует своего подчиненного во время деловой поездки в Нью-Йорк. В третьей части священник требует у епископа машину, жену и новую паству. Влади исполнила роль (Имма) в третьей новелле.

Следующий фильм — комедия Франка Дюпона-Миди «Две улыбки» (1970), где Влади сыграла роль Вероник. В третьей картине — «Сафо, или Ярость любви» (1971) Жоржа Фарреля — она исполнила роль Франсуазы Легран.

В комедии Жана Янна «Все такие милые, все такие добрые»

(1972) у Влади была небольшая роль Милли Тюль. Сюжет фильма был следующий. Радиожурналист Кристиан Жербер из-за своей профессиональной честности был уволен с радио. Но когда владелец радиостанции решает изменить ее формат, то Жербера назначают директором. Теперь на радио высмеивают политиков и публицистов, отсутствует цензура, а в эфир идет только проверенная правдивая информация, ведь Жербер ненавидит ложь…

Наконец, пятый фильм — «Заговор» (1973) Рене Гейнвилля — это политический детектив, действие которого разворачивалось в начале 1960-х. Согласно сюжету, Секретная Вооруженная Организация (ОАС) предпринимает отчаянные попытки помешать де Голлю освободить Алжир от господства метрополии. Небольшая группа военных крадет оружие и грабит банк, готовя побег генерала Шалля из Тюльской тюрьмы. Предполагается, что это спровоцирует гражданскую войну. Члены ОАС, внедренные в полицию, оказывают мятежникам посильную помощь. Операцию ОАС возглавляет орденоносный майор Клаве, противостоять которому приходится ставленнику правительства Паро и полицейскому Лелонгу. Командование операцией — дело чести для Клаве, но он не в силах контролировать события, вследствие чего начинается серия кровопролитных терактов. Полиция проводит задержания и закручивает гайки, выжимая все возможное из информаторов. Но осталась ли хоть одна капля чести в этом гиблом деле?

Поскольку тема фильма была мужская, в нем снимались практически одни мужчины (Жан Рошфор, Мишель Буке, Мишель Дюшоссуа, Раймон Пеллегрен, Раймон Жером и др.). Исключение — Марина Влади, у которой была небольшая роль женщины по имени Кристина.

В своих мемуарах Влади откровенно пишет о том, что «моя работа не позволяет мне строить долгосрочных проектов». Поэтому единственное, что эта работа ей позволяет — несколько раз в году навещать в СССР мужа. И только. Причем советские власти идут ей в этом навстречу. Ведь поначалу Влади приезжала в Союз как туристка, а это обязывало ее проживать в гостинице, внося полную плату за это. В итоге наши власти пошли ей навстречу: было дано указание советскому посольству в Париже беспрепятственно выдавать Влади визы для поездок в СССР. И за почти 10 лет таких ей будет выдано больше 70, причем часто — в день подачи заявления: привилегия для редких.

Что касается визы для Высоцкого, то ему пришлось ждать этого события четыре с половиной года (а не шесть, как пишет в своих мемуарах Влади). Последняя точка в этой эпопее была

поставлена 12 апреля 1973 года, когда курьер привозит Высоцкому долгожданную визу. И снова читаем у М. Влади: «По всем правилам оформленная виза, на которой еще не высохли чернила, и заграничный паспорт у тебя в руках. Не веря своим глазам, ты перелистываешь страницы, гладишь красный картон обложки, читаешь мне вслух все, что там написано. Мы смеемся и плачем от радости.

Лишь гораздо позже мы осознали невероятную неправдоподобность ситуации. Во-первых, посыльный был офицером, а во-вторых, он принес паспорт «в зубах», как ты выразился, а ведь все остальные часами стоят в очереди, чтобы получить свои бумаги! Приказ должен был исходить сверху, с самого высокого верха. Ты тут же приводишь мне пример с Пушкиным, персональным цензором которого был царь. Ему так и не удалось получить испрошенного разрешения поехать за границу (видимо, потому, что тогда никакой «холодной войны» не было, как и противостояния либералов и державников. — *Ф. Р.*)… Тебе повезло больше, чем Пушкину…».

В последнем своем выводе Влади абсолютно права. Ведь с Александром Пушкиным, как мы помним, в свое время лично разговаривал сотрудник Третьего отделения (охранка) Александр Ивановский, который от лица своего начальника — Александра Бенкендорфа — сделал поэту заманчивое предложение. Пушкина тоже тогда не выпускали во Францию, в Париж, и Ивановский предложил: будете с нами сотрудничать — станете выездным. Пушкин поначалу согласился, но утром следующего дня (он должен был ехать к самому Бенкендорфу) внезапно передумал. В итоге он не стал агентом Третьего отделения, но остался его идейным партнером, одобрявшим большинство инициатив отделения. Как видим, у Высоцкого все вышло иначе, и выездную визу в вожделенный Париж он благополучно получил. В отличие от Пушкина, ему, судя по всему, помогали люди, которые оказались гораздо более профессионально подкованными, чем Александр Ивановский. Эти умели и уговаривать, и заинтересовывать.

18 апреля Высоцкий и Влади выехали из Москвы в сторону Бреста. Ехали они на автомобиле «Рено» («Renault 16») — той самой машине, которую Влади привезла Высоцкому в подарок еще два года назад. За это время автомобиль успел побывать в нескольких авариях и являл собой не самое презентабельное зрелище (в Париже супруги эту машину продадут). Отметим, что высокопоставленные друзья Высоцкого обеспечили его чудо-справкой, которая позволяла ему на этой машине пересечь границу Советского Союза и Польши. В последней звездная чета

встречается с тамошней киношной интеллигенцией: режиссерами Анджеем Вайдой, Кшиштоффом Занусси, Ежи Гофманом, актером Даниэлем Ольбрыхским.

Специально под это дело, дабы обаять польских интеллигентов, Высоцкий исполняет им свою новую песню «Дороги… Дороги…», посвященную событиям далекого 1944 года. Речь в ней шла о знаменитом варшавском восстании, которое не было поддержано советскими войсками: наша армия около двух часов не вмешивалась в это сражение. Высоцкий описал те события, целиком и полностью сочувствуя полякам.

Дрались — худо-бедно ли,
А наши корпуса —
В пригороде медлили
Целых два часа.
В марш-бросок, в атаку ли —
Рвались как один, —
И танкисты плакали
На броню машин…

Это была еще одна «заказная» песня Высоцкого, должная обеспечить ему симпатии заинтересованных слушателей. Собственно, «заказных» песен в репертуаре у героя нашего рассказа было огромное количество: тут вам и песни про альпинистов, и про милиционеров, и про летчиков, и про шоферов, и про спортсменов и т. д. Но это все были заказы социальные. А «Дороги… Дороги…» (а также песни из «китайского цикла», «еврейского» и др.) были заказом политическим. Посредством такого рода произведений вероятный агент КГБ Высоцкий мог легко входить в доверие к нужной ему аудитории и, что называется, устанавливать не только «первичный контакт», но и работать на перспективу. С такими песнями он везде был свой, что очень ценно для любого секретного агента.

Из Польши путь звездной четы лежал сначала в Восточный, потом в Западный Берлин. В последнем Высоцкого ждало потрясение. Вот как об этом вспоминает все та же М. Влади: «Всю дорогу ты сидишь мрачный и напряженный. Возле гостиницы ты выходишь из машины, и тебе непременно хочется посмотреть Берлин — этот первый западный город, где мы остановимся на несколько часов. Мы идем по улице, и мне больно на тебя смотреть. Медленно, широко открыв глаза, ты проходишь мимо этой выставки невиданных богатств — одежды, обуви, машин, пластинок — и шепчешь:

— И все можно купить, стоит лишь войти в магазин…

Я отвечаю:

— Все так, но только надо иметь деньги.

В конце улицы мы останавливаемся у витрины продуктового магазина: полки ломятся от мяса, сосисок, колбасы, фруктов, консервов. Ты бледнеешь как полотно и вдруг сгибаешься пополам, и тебя начинает рвать. Когда мы наконец возвращаемся в гостиницу, ты чуть не плачешь:

— Как же так? Они ведь проиграли войну, и у них все есть, а мы победили, и у нас ничего нет! Нам нечего купить, в некоторых городах годами нет мяса, всего не хватает везде и всегда!

Эта первая, такая долгожданная встреча с Западом вызывает непредвиденную реакцию. Это не счастье, а гнев, не удивление, а разочарование, не обогащение от открытия новой страны, а осознание того, насколько хуже живут люди в твоей стране, чем здесь, в Европе…».

Приезд Высоцкого во Францию наверняка привлек к нему внимание тамошних спецслужб — контрразведки (УОТ или ДСТ), которая входила в структуру МВД, как и внешняя разведка. С тех пор, как Марина Влади вступила в ряды ФКП и стала другом СССР, этот интерес УОТ проявляла к ней, а теперь к этому добавился еще и Высоцкий, которого французские контрразведчики, наученные опытом, в том числе и горьким, общения с КГБ, подозревали в двойной игре: дескать, он вполне может быть певцом-диссидентом под «крышей» советской госбезопасности. Так что досье на него, как и на Влади, в УОТ имелось. Кроме того, как мы помним, Влади «засветилась» на стороне итальянских коммунистов еще в начале 50-х и попала в поле зрения еще и ЦРУ.

Интерес УОТ к приезду Высоцкого во Францию был подогрет событиями тех дней. Речь идет о «деле Волохова», истоки которого уходили в события двухлетней давности. Именно тогда УОТ сумел выйти на след 39-летнего инженера-атомщика русского происхождения Дмитрия Волохова — его родители эмигрировали из России как и родители Марины Влади, после событий 17-го года — и арестовать его. Как выяснилось, Волохов давно (целых 12 лет!) работал на советскую военную разведку ГРУ, передав за это время в СССР кучу секретных сведений об атомной промышленности Франции. Суд над ним проходил именно в те майские дни 1973 года, когда в стране гостил Высоцкий. Учитывая, что у Волохова были связи с русской эмиграцией в Париже, как и у Влади, французская контрразведка не могла оставить без внимания этот факт. Отметим, что русской эмиграцией она всегда занималась плотно, поэтому многие ее сотрудники были выходцами из этой среды. Как мы уже

упоминали, в начале 60-х французские спецслужбы в правительстве Шарля де Голля курировал Константин Мельник, он же Мельников — потомок русских эмигрантов.

Первые несколько дней пребывания в Париже ушли у Высоцкого на адаптацию: Влади водила его по городу, знакомила с достопримечательностями. А в середине мая супруги едут в Канны, где проходит традиционный международный кинофестиваль. И вот эта поездка была уже сопряжена с конкретным заданием — начать легализацию артиста Высоцкого в среде западной творческой интеллигенции. И здесь, судя по всему, весьма пришлись кстати активные мероприятия Отдела «А» ПГУ КГБ СССР, проведенные накануне зарубежного вояжа Высоцкого: речь идет о статьях в «Советской культуре» и «Нью-Йорк таймс» про «гонимого барда» Высоцкого; приплюсуем сюда еще и передачи «вражьих» радиоголосов, которые тоже обильно «потоптались» на этой теме. В итоге, когда наш герой объявился в Каннах, интерес к нему тамошней публики был огромным. Многие местные газеты напечатали огромные портреты Высоцкого в смокинге на открытии фестиваля. Про фильм Ильи Авербаха «Монолог», который был заявлен в конкурсную программу фестиваля, тамошняя пресса тоже писала, но куда сдержаннее, чем про появление Марины Влади с супругом.

Согласно разрешению ОВИРа, Высоцкий должен был пробыть за границей ровно месяц (с 18 апреля по 18 мая). Однако он нарушил установленное правило, что было, в общем-то, нетрудно, учитывая тот факт, кто именно посылал его за границу. Любого другого советского гражданина за подобные вольности (да еще в первой же поездке!) моментально сделали бы невыездным, но только не Высоцкого. Советское посольство в Париже легко уладило это проблему и артисту осталось только позвонить (19 мая) в Москву директору «Таганки» Николаю Дупаку и сообщить ему сногсшибательную, поистине предынфарктную для последнего новость: что он вернется на родину чуть позже (25 мая), и что репертуар надо сверстать исходя из этого.

Великолепно отдохнув во Франции, по возвращении на родину (23 июня), Высоцкий садится и пишет письмо секретарю ЦК КПСС, ведавшему вопросами культуры, П. Демичеву, где просит его о следующем:

«…Вы, вероятно, знаете, что в стране проще отыскать магнитофон, на котором звучат мои песни, чем тот, на котором их нет. Девять лет я прошу об одном: дать мне возможность живого общения со зрителями, отобрать песни для концерта, согласовать программу. Почему я поставлен в положение, при котором мое гражданско-ответственное творчество поставлено в

род самодеятельности? Я отвечаю за свое творчество перед страной, которая слушает мои песни, несмотря на то, что их не пропагандируют ни радио, ни телевидение, ни концертные организации.

Я хочу поставить свой талант на службу пропаганде идей нашего общества, имея такую популярность. Странно, что об этом забочусь я один… Я хочу только одного — быть поэтом и артистом для народа, который я люблю, для людей, чью боль и радость я, кажется, в состоянии выразить, в согласии с идеями, которые организуют наше общество…».

То есть Высоцкий мечтает о том, чтобы его узаконили как официального певца со всеми полагающимися при этом звании атрибутами внимания со стороны государства: гастролями по стране и за рубежом с филармонической (государственной) афишей, трансляциями его песен по ТВ и радио, присвоением званий и т. д. Однако, как уже отмечалось, это не входило ни в планы советских идеологов, ни в планы спецслужб, которые были заинтересованы именно в полуподпольном, любительском существовании певца Высоцкого. И это не было их ошибкой, как, например, 70 лет назад происходило с писателем Максимом Горьким. Он тоже был на особом учете у спецслужб как политический смутьян и возмутитель спокойствия (в охранке он проходил под псевдонимом «Сладкий») и однажды прямо сказал некоему высокопоставленному жандарму: «Вы поступили бы гораздо умнее, если бы дали мне орден или сделали губернатором, это погубило бы меня в глазах публики». Но охранка побоялась сделать Горького государственным человеком и продолжила его преследовать за вольнолюбивое творчество — писателя отправили в ссылку в город Арзамас.

В случае с Высоцким советская власть избрала иной вариант «репрессий»: создавалась видимость гонений на него — гонимых творцов в народе всегда уважают, а тем временем тихой сапой творчество Высоцкого легализовывалось посредством магнитофонных записей и концертов без филармонических афиш. Сам певец подобной ситуацией, смахивающей на тайный сговор, удовлетворен не был и хотел заключить с государством договор на законных основаниях. Скажем прямо, странное желание со стороны человека, хорошо осведомленного о подковерных играх в верхах вокруг его персоны.

Ведь как бы могло выглядеть официальное признание Высоцкого? Пришлось бы верстать ему программу, состоящую сплошь из идеологически безобидных песен вроде альпинистских или военных. А все остальные остались бы за бортом, поскольку все понимающая власть наверняка бы их не залитовала, то есть

запретила бы включать их в концертные программы из-за скрытого в них подтекста. И куда бы тогда он дел выброшенные песни? Стал бы исполнять их на неофициальных концертах, которые потом тиражировались бы по всей стране на магнитофонных лентах? То есть получалась бы все та же двойная жизнь? Но главное, перестал бы Высоцкий после такого отсева писать «забортовые» песни? Если да, то тогда бы он кончился как ВЫСОЦКИЙ. Ему это было надо — быть посаженым, как он сам пел, «на литую цепь почета»? Естественно, нет. Тогда зачем был весь этот спектакль с письмом Демичеву? Да просто для отвода глаз: дескать, мое дело предложить, ваше — отказаться.

Самое интересное, но эта мольба Высоцкого об отсутствии официального признания совпала с его… кипучей гастрольной деятельностью. В том приснопамятном 1973 году певец достиг пика (!) своей концертной деятельности — в одной только Украине побывал аж пять раз! да еще поставил рекорд в области поэтического вдохновения — написал более 60 новых произведений, которые, естественно, тут же и «обкатал» перед многотысячной аудиторией. И это, напомним, в том самом году, когда в газете ЦК КПСС его припечатали за стяжательство (погоню за длинным рублем) на почве неумеренных концертных выступлений.

Тем временем, резонанс от пресловутой статьи в «Советской культуре» продолжает разноситься по дальнему зарубежью. И вот уже в США выходят два первых диска-гиганта Высоцкого — раньше, чем на родине певца, о чем немедленно появляется рекламная публикация в эмигрантской парижской газете «Русская мысль». Там сообщалось следующее:

«Силами и стараниями нескольких энтузиастов среди русских эмигрантов были выпущены в этом году две пластинки с песнями Высоцкого. Первая из них выпущена фирмой «Войс рекордз» (в нее вошли 15 песен. — *Авт.*) и ее можно заказать… через газету «Новое Русское Слово». Стоит она пять долларов, с пересылкой. Вторая пластинка выпущена фирмой «Коллектор рекордз». В нее вошли, кстати, не только песни Высоцкого, но и песни некоторых других советских «бардов»…

Пластинка, выпущенная фирмой «Войс рекордз», хотя и не является, по понятным причинам, образцом высокого качества, но дает первое знакомство с Высоцким. В этом плане заслуживает еще большего уважения и внимания вторая пластинка с запрещенными советскими песнями, выпущенная фирмой «Коллектор рекордз». Пластинку эту напел талантливый грузинский актер Нугзар Шария, покинувший недавно СССР…».

Как видим, все это удивительным образом совпало с

моментом первого выезда Высоцкого за рубеж и активизацией «Отдела «А» в этом направлении. На Западе начала активно пиариться личность Высоцкого как талантливого, но гонимого за свой талант в СССР артиста.

«Я из народа вышел поутру…»

В октябре 1973 года (6-25-го) на Ближнем Востоке вновь разразилась война, которая стала прологом к поистине тектоническим сдвигам в мировой политике. Египет и Сирия совершили вооруженное нападение на Израиль, но после первоначальных успехов вынуждены были отступить. Во многом это случилось из-за позиции США, которые вынудили мировое сообщество осудить действия арабов. В ответ те предприняли ответные шаги: страны ОПЕК объявили эмбарго на поставки нефти в США и приняли решение о сокращении добычи нефти на 25 %. Так они пытались надавить на США и Западную Европу, а также заставить Израиль вывести свои войска с оккупированных арабских территорий.

Самое интересное, что СССР в этой ситуации поддержал не арабов, а… Запад. Еще во время войны он отказался возобновлять поставки оружия арабам (а США, наоборот, свое оружие Израилю усиленно поставляли), зато протянул руку помощи Западу, согласившись продавать ему сырую нефть по весьма щадящим ценам. Сделано это было, конечно же, не случайно. Дружба с арабами подразумевала под собой поступление куда меньших денег, чем ориентация на Запад. Ведь советская корпоратократия все сильнее брала крен в сторону чистого бизнеса, оставив идеологию лишь в качестве ширмы.

Такая ситуация складывалась во всех советских госструктурах, включая КГБ. В качестве ширмы Комитет все еще выставлял на авансцену своей работы все ту же идеологию, но на самом деле это уже было скорее бизнес-учреждение, где прагматизм стал доминировать над идеологией. Вот и возможный агент влияния Владимир Высоцкий тоже работал не столько ради идеи (хотя и она у него была — помочь таким деятелям как Андропов прийти к власти), сколько ради денег и красивой жизни. Профессиональные актерские навыки позволяли ему играть перед рядовыми гражданами роль «своего парня», хотя на самом деле ему были ближе миллионеры по-советски типа золотодобытчика Вадима Туманова, с которым он подружился в апреле 73-го. Как пел сам Высоцкий:

Я из народа вышел поутру —
И не вернусь, хоть мне и предлагали…

Пока многомиллионный советский народ продолжает относить Высоцкого к рангу несгибаемых сопротивленцев, власть

продолжает… делать реверансы в его сторону. Так, в начале 1974 года на фирме грамзаписи «Мелодия» выходят сразу два твердых миньона Высоцкого. Кроме этого, он приглашен писать песни количеством более трех десятков (!) в фильмы двух центральных киностудий — «Мосфильм» («Бегство мистера Мак-Кинли») и имени Горького («Иван да Марья»), а также одной периферийной — Рижской («Стрелы Робин Гуда»). Более того: высшие инстанции разрешают Высоцкому и Марине Влади записать на «Мелодии» их первый диск-гигант в СССР. Подчеркнем, что все это происходит в разгар кампании по высылке из страны Александра Солженицына, который решился опубликовать на Западе свой главный труд — «Архипелаг ГУЛАГ». В итоге в феврале 1974 года писателя выслал из страны.

Кстати, в эти же самые дни по советскому ТВ снова показали фильм «Сюжет для небольшого рассказа» с Мариной Влади в главной роли. Как мы помним, эту ленту по ЦТ крутят постоянно: в 1972 году ее показали два раза, в 1973-м — один, в 1974-м — еще раз. Все это ясно указывало на то, что кто-то из больших советских начальников так сильно влюблен в эту ленту (или в Марину Влади), что требовал показывать ее вновь и вновь.

Тем временем, пока все советские СМИ продолжают бурно клеймить «отщепенца Солженицына», Высоцкий занят другим — ждет очередного приезда жены из Франции. Причем за несколько часов до этого, 8 апреля, он отправляется в Ждановский райком КПСС, чтобы пройти собеседование на предмет своего поведения за границей: Высоцкий в скором времени должен был отбыть с женой во Францию. Рандеву длилось час с лишним: суровый инструктор на полном серьезе наставлял актера «что там можно, что нельзя» и как нужно себя вести, чтобы не угодить в сети коварных западных спецслужб. Чуть позже Высоцкий напишет об этом одну из лучших своих песен — «Инструкция перед поездкой за рубеж».

Зная о том, как вел себя Высоцкий год назад во время своего первого заграничного турне — выехал туда как фигурант административно-уголовного дела, да еще и задержался на неделю, можно предположить, что эта встреча была чистой фикцией. Наставлять Высоцкого можно было сколько угодно, однако вести он себя за границей мог так, как ему заблагорассудится, поскольку люди, которые его «крышевали» в любом случае гарантировали ему надежное прикрытие от любых неприятностей на родине.

Сразу после посещения райкома Высоцкий отправился в Шереметьево, чтобы встретить там свою супругу, прилетавшую из Парижа. Вечером Высоцкий был в театре, где играл в «Добром

человеке из Сезуана».

Утром следующего дня, 9 апреля, Высоцкий и Влади отправились в студию звукозаписи на улицу Качалова, чтобы записать там свои песни. Поводом к этому событию послужила фантастическая раскупаемость двух последних миньонов с песнями Высоцкого, которые вышли в свет в марте. На волне этого успеха фирма «Мелодия» и решила дать Высоцкому возможность записать сразу диск-гигант, да еще не одному, а со своей женой-француженкой. О том, как проходила запись, вспоминает сама М. Влади: «Мы записываем пластинку в большой аудитории. В противоположность кино здесь времени даром не теряют. В три захода дело сделано. Записывают целиком, без монтажа. Это очень тяжело, и ты срываешься, когда я ошибаюсь. Но мне правда трудно: во-первых, петь по-русски, во-вторых, без остановок, и к тому же я очень волнуюсь, когда пою твои песни у тебя на глазах.

Мы понимаем, что, если пластинка выйдет, это будет своего рода официальное признание твоего статуса автора-композитора. И потом — мы довольно скромно живем на твою актерскую зарплату, так что лишние деньги не помешают. Но самое главное — это то, что мы впервые работаем вместе. И все наши мечты могут осуществиться, если пластинка выйдет: гастроли, концерты, спектакли, фильмы. Да все, что угодно!..

Охрипшая, измотанная, на последнем нервном пределе, я все-таки записываю все песни в положенное время. Я этим здорово горжусь, особенно после того, как музыканты стали аплодировать мне, стуча смычками по скрипкам, как это принято на концертах классической музыки. Ты доволен и записываешь свою сторону с ходу и в отличном настроении. Наша пластинка наконец готова. Звукооператоры тут же микшируют звук, нас фотографируют на конверт. И все-таки, несмотря на предпринятые меры, пленка тайком переписывается и моментально расходится по рукам. И поэтому задолго до предполагаемого выхода пластинки мы уже знаем, что песни страшно понравились публике…».

В тот день были записаны следующие песни: в исполнении Марины Влади — «О двух автомобилях», «Так дымно», «Я несла свою беду», «Марьюшка», «Так случилось, мужчины ушли», «Как по Волге-матушке»; в исполнении Владимира Высоцкого — «Цыганская», «Белое безмолвие», «Лирическая», «Ноль семь», «Дом хрустальный», «Еще не вечер», «Москва — Одесса», «Скалолазка», «Она была в Париже», «Кони привередливые» и другие: всего он спел 26 песен. К сожалению, только четыре последние песни увидят свет в ближайшее время — через год — на пластинке-миньоне, а остальные пролежат в архивах «Мелодии» еще

несколько лет. И свой первый диск-гигант, выпущенный на родине, Высоцкий так никогда и не увидит — он выйдет только после его смерти.

В приведенном выше отрывке из мемуаров Влади обратим внимание на слова «мы довольно скромно живем на твою актерскую зарплату». На самом деле Высоцкий зарабатывал по несколько тысяч рублей в месяц, ч то по советским меркам считалось более чем хорошо. Эти деньги складывались из разных форм заработка: 1) зарплата в театре — 150 рублей; 2) гонорары за кинороли и написание песен и музыки к фильмам — несколько тысяч рублей); 3) отчисления от пластинок, а таковых в 1973–1974 годах у него вышло две, причем миллионными тиражами — несколько сотен рублей; 4) гонорары за концерты — сумма переваливала за тысячу рублей, учитывая, что за одно часовое выступление Высоцкий установил себе тогда таксу в 150 рублей. Так что Влади здесь лукавит, пытаясь представить своего супруга этаким бессребреником. Впрочем, подобные мифы ходили о нем тогда, в 70-е; обильно тиражируются они и сегодня с одной единственной целью — спрятать правду о подлинном житье-бытье Высоцкого.

В этом житье-бытье «шансонье Всея Руси» появляется очередной приятель-миллионер: как говорится, деньги к деньгам. Речь идет о ценном агенте ПГУ, разведчике и бизнесмене иранского происхождения Бабеке Серуше, с которым Высоцкий знакомится в начале 1974 года благодаря своему приятелю — композитору Анатолию Бальчеву: он играл в оркестре элитного ресторана в Архангельском.

Бабек Серуш, курд по национальности, был гражданином Ирана, сыном одного из лидеров иранской компартии ТУДЭ. В конце 30-х партия была разгромлена, и отец Бабека эмигрировал в СССР. Чуть позже следом за ним в Москву приехали и жена с маленьким Бабеком. Мальчика отдали учиться в интернат в городе Иваново, где воспитывались дети иностранных коммунистов. Закончив его, Бабек поступил в МГУ, на физический факультет. Именно там, скорее всего, его и завербовал КГБ (Первое Главное Управление — разведка) с целью в ближайшем будущем сделать из него преуспевающего западного бизнесмена. Тем более, что к тому времени родители Бабека переехали на постоянное место жительство в ФРГ — то есть место для легализации у Бабека уже было.

Приехав в ФРГ в самом начале 70-х, Серуш открывает в Кельне компанию International Processing Systems (IPS), которая занимается поставками технологического оборудования в СССР в обход эмбарго КОКОМ (Международного координационного

комитета по экспортному контролю). Эта организация возникла в 1949 году в Париже (участники — США, почти все страны НАТО, а также Япония) для того, чтобы предотвратить экспорт военных устройств и новейших военных технологий в социалистические страны. Однако меры, предпринимаемые КОКОМ в этом направлении, были малоэффективны: многие западные страны закрывали глаза на экспорт военных технологий со своих территорий, поскольку это приносило колоссальные прибыли их бюджетам. Особенно активно международный «шлюз» технологий действовал на территории ФРГ: из общего объема нелегального импорта технологий 65 % приходило из США, 10,5 % — из ФРГ, 8 % — из Франции, 7,5 % — из Великобритании, 3 % — из Японии. Фирма Серуша имела одну особенность: если большинство германских компаний не были шпионскими, то его IPS была создана непосредственно ПГУ КГБ (Управлением «Т» — научно-технической разведкой). Отметим, что до уровня управления это подразделение выросло в 1974 году, а до этого это был 10-й отдел ПГУ под руководством М. Липатова. В Управлении «Т» работало 1 000 человек, причем в Москве было сосредоточено только 300 сотрудников, а остальные трудились за рубежом.

Из аналитического отчета ЦРУ, составленного в середине 70-х: «Западное оборудование и технологии сыграли очень важную, если не решающую роль в прогрессе советской микроэлектронной промышленности. Иными словами, этот процесс можно рассматривать как результат более чем десятилетней успешной деятельности по приобретению в странах Запада сотен единиц оборудования общей стоимостью несколько миллионов долларов, ориентированных на военные нужды. Приобретение оборудования осуществляется незаконными методами, в том числе и тайно…».

К середине 70-х более 300 предприятий в трех десятках стран специализировались на импорте в СССР иностранных секретных технологий и оборудования. Этот бизнес считался сверхприбыльным. И дело было не только в сумме услуг за посредничество, порой превышающих 50 %, но и в том, что с этих доходов не нужно было платить налоги. Деньги поступали наличными или переводились на номерные счета в швейцарских банках.

Фирма Серуша действовала следующим образом. Она закупала вычислительную технику в разных странах мира (у Серуша было еще 14 дочерних компаний в разных частях света, открытых, естественно, на деньги КГБ), после чего доставляла ее в ФРГ. Оттуда эта техника, снабженная поддельными фрахтовыми

документами и накладными, переправлялась сначала в ГДР, а затем в СССР. Фирма Серуша извлекала баснословные прибыли из этого бизнеса, и эти деньги шли на разные цели: одна часть покрывала расходы ПГУ, другая шла непосредственно самому Серушу и его людям.

На деньги, вырученные на этих операциях, Серуш приобрел себе жилплощадь и на своей второй родине — в СССР. Он купил квартиру на Фестивальной улице у Речного вокзала, а также выкупил у знаменитой певицы Людмилы Зыкиной дачу в Опалихе, на 26-м километре Волоколамского шоссе. Именно там чаще всего он и будет встречаться с Высоцким, когда их пути будут пересекаться в Союзе.

Но вернемся к событиям весны 1974 года.

29 апреля Высоцкий и Влади выезжают на «железном коне» в Париж. Во время этого вояжа Высоцкий познакомился сразу с двумя своими соотечественниками: артистом балета Михаилом Барышниковым, который в те дни находился с гастролями в Париже, и художником Михаилом Шемякиным, выдворенным в 1971-м из СССР, который до этого проживал в Ленинграде. Отметим, что всего через полтора месяца Барышников тоже станет отщепенцем — сбежит на Запад. Однако это не станет для Высоцкого поводом прекратить с ним общение, когда он будет приезжать за границу. И советские власти ни словом не упрекнут в этом барда, хотя всем остальным советским гражданам общаться с отщепенцами было категорически запрещено под угрозой суровых санкций.

Вспоминает М. Шемякин: «Я прослушал несколько песен Высоцкого — и меня прежде всего потрясла «Охота на волков». Одной этой песни было достаточно для меня, чтобы понять: Володя — гений! Все, баста! В этой песне было сочетание всего. Как говорят художники: есть композиция, рисунок, ритм, цвет — перед тобой шедевр. Тоже самое было в этой песне — ни единой фальшивой интонации…».

Мы прекрасно помним эту песню 1968 года. Помним мы и строчку из нее: «Обложили меня, обложили, но остались ни с чем егеря». Действительно, «егеря», мечтавшие «сожрать» Высоцкого, ничего не могли с ним поделать ввиду мощной крыши над его головой, воздвигнутой его покровителями в советских верхах. Он мог себе позволить все, что захочет как у себя на родине, так и за рубежом, будучи в полной уверенности, что эти покровители его не сдадут.

На родину Высоцкий возвратился в начале июня 1974 года на новом «железном коне» — бежевой «БМВ-2500», которая заняла место старенького «Рено», отправленного на заслуженный покой.

Точнее будет сказать, что Высоцкий купил не одну, а целых две «бээмвухи» — бежевую и серую: последнюю доставили чуть позже. Спрашивается, на какие такие шиши наш герой приобрел себе сразу две иномарки, если сама Марина Влади некоторое время назад уверяла нас, что зарплата у ее супруга была более чем скромная? А ведь госпошлина только за одну иномарку в СССР тогда достигала 8 тысяч рублей! А тут сразу две — значит, надо было заплатить 16 тысяч!

Но мы же отмечали, что французская кинодива лукавит — деньги у Высоцкого были, причем деньги немалые. Правда, мог быть и другой вариант — советские власти разрешили Высоцкому не выплачивать госпошлину по каким-то высшим соображениям — так, например, произошло тогда же с нашим великим вратарем Владиславом Третьяком. Послушаем его рассказ:

«Желтую двухместную «Тойоту» я получил в 1976 году как приз лучшему игроку на Кубке Канады. Сидел тогда у телевизора, и вдруг объявляют: по решению жюри Третьяку — «Тойота». Представляете? Я чуть с ума не сошел. Ее прислали сюда и сначала обложили пошлиной 8 тысяч рублей. Я сказал, что не смогу. Ведь огромные деньги. Но потом Министерство внешней торговли разрешило мне взять беспошлинно с условием, что пять лет не буду продавать…».

Нечто подобное могло случиться и с Высоцким. Однако здесь возникает другой вопрос: за какие такие заслуги? С Третьяком понятно — он был знаменитым игроком, офицером Советской Армии, членом ЦК ВЛКСМ, его любил и ценил сам Брежнев, обожавший хоккей. Но Высоцкий-то был полудиссидентом, за которым к тому же тянулся длинный алкогольный шлейф. У него даже никакого официального звания не было. За что ему могли простить госпошлину на два автомобиля? Может быть, за то, что он прекрасно справлялся с деятельностью агента советского влияния за рубежом, что не могло не быть оценено либералами во власти?

Кстати, с бежевой «БМВ» потом произошла весьма неприятная история. Она окажется среди… угнанных, и Высоцкого обяжут пользоваться только одной — законной. Но наш герой, вновь следуя смыслу своей песни «Охота на волков», что называется, «забьет» на «егерей». Он будет гонять на обеих иномарках, переставляя с них номера. В итоге краденую машину все-таки отследит Интерпол и потребует вернуть ее обратно в Германию. А с Интерполом связываться Высоцкий не станет, что понятно: КГБ хоть и мощная организация, но зачем так открыто подставляться?

Пока Высоцкий рассекает по Москве и окрестностям на двух иномарках, из страны выдворяется его коллега по песенному

жанру Александр Галич. Как мы помним, давление властей на него началось еще в конце 1971 года, когда он был исключен из всех творческих Союзов (писательского и кинематографического) и остался практически без работы. После этих событий положение Галича стало катастрофическим. Еще совсем недавно он считался одним из самых преуспевающих авторов в стране, получал приличные деньги через ВААП, которые от души тратил в дорогих ресторанах и заграничных вояжах. Теперь все это в одночасье исчезло. Автоматически прекратились все репетиции, были сняты с репертуара спектакли, заморожено производство начатых фильмов.

Оставшемуся без средств к существованию Галичу приходится пуститься во все тяжкие — он потихоньку распродает свою богатую библиотеку, подрабатывает литературным «негром» (пишет за кого-то сценарии), дает платные домашние концерты (по 3–5 рублей за вход). Но денег — учитывая, что Галичу приходилось кормить не только себя и жену, но и двух мам, а также сына Гришу, который родился в 1967 году от связи с художницей по костюмам Киностудии имени Горького Софьей Войтенко, — все равно не хватало. Все эти передряги, естественно, сказываются на здоровье Галича. В апреле 72-го у него случается третий инфаркт. Так как от литфондовской больницы его отлучили, друзья пристраивают его в какую-то захудалую клинику. Врачи ставят ему инвалидность второй группы, которая обеспечивала его пенсией… в 60 рублей.

Власти не спускали глаз с Галича, причем помогали им это делать… некоторые друзья барда, о которых мы уже говорили в первой главе нашего повествования. Когда в 1974 году за рубежом вышла вторая книга песен Галича под названием «Поколение обреченных», это послужило новым сигналом для атаки на барда со стороны властей. Когда в том же году его пригласили в Норвегию на семинар по творчеству Станиславского, ОВИР отказал ему в визе. Ему заявили: «Зачем вам виза? Езжайте насовсем». При этом КГБ пообещал оперативно оформить все документы для отъезда. И Галич сдался, прекрасно понимая, что властям не угоден ни он сам, ни его песни — в отличие от того же Высоцкого, песнями которого заслушиваются все, в том числе и многие из власть предержащих. 25 июня Галич навсегда покинул Советский Союз.

Высылка из страны певца четко укладывалась в стратегию кремлевских либералов, которые, влияя на Брежнева, убедили его в том, что опасность для идеологии представляют лишь «радикальные подрывные элементы», в то время как остальные безопасны, а иные из них, как тот же Высоцкий, даже полезны.

На момент высылки Галича Высоцкий вместе с «Таганкой» был на гастролях в Набережных Челнах. И там в один из дней — 1 июля — он подбил своих коллег заехать в Елабугу, причем лично выбил катер у городского начальства, чтобы посетить дом, где в августе 1941 года свела счеты с жизнью поэтесса Марина Цветаева. Как мы помним, Цветаева была женой Сергея Эфрона — сотрудника НКВД, который выполнял секретные задания чекистов в Париже и Берлине. Учитывая, что Цветаева знала о деятельности своего супруга и даже выгораживала его перед французской полицией, можно сказать, что они были агентурной парой — почти такой же, как Владимир Высоцкий и Марина Влади. Не этим ли обстоятельством можно было объяснить и желание нашего героя съездить в Елабугу?

Тем летом Высоцкий как актер был задействован сразу в двух фильмах — «Бегство мистера Мак-Кинли» и «Единственная дорога». Роли у него там небольшие: в «Мак-Кинли» это певец Билл Сигер, в «Дороге» — советский военнопленный Солодов. Обе ленты снимались на «Мосфильме» летом 74-го. Причем в первом фильме был один характерный эпизод, о котором вспоминал режиссер Михаил Швейцер: «Во время съемок «Бегства мистера Мак-Кинли» прибежала Соня (второй режиссер и жена Швейцера Софья Милькина) и сказала: «Сейчас звонили из КГБ и просили отпустить ровно на один час Высоцкого»».

Кстати, наш герой имел шанс в том году сняться еще в одной мосфильмовской картине — комедии Георгия Данелии «Афоня», в роли главного героя сантехника Афони Борщева. Но Данелия предпочел ему Леонида Куравлева. Почему? По словам режиссера, «Остановились на Куравлеве. И не ошиблись! Есть в Куравлеве какой-то секрет. Афоне в его исполнении прощают то, чего никогда бы не простили ни Афоне Ольбрыхского, ни Афоне Высоцкого. А этого мы и добивались. Нам хотелось, чтобы зрители в конце фильма не возненавидели нашего Афоню, а пожалели…».

Натурные съемки «Мак-Кинли» и «Дороги» проходили на Балканах: в Венгрии («Мак-Кинли») и Югославии («Единственная дорога»). Вообще в те годы Высоцкого часто будет тянуть на Балканы. И вообще складывается такое впечатление, что его и пригласили в оба фильма только ради того, чтобы он посетил эти края. Ведь роли у него не только маленькие, но и бессловесные — он только песни поет. Вот и сам Высоцкий говорит об этом же: «Роль у меня (в «Единственной дороге». — *Ф. Р.*) без слов, без единого слова, но зато с песнями… Роль со смертью, чтобы так дней за пять отсняться, умереть, спеть и закончить. Я под это дело съездил в Югославию…».

Кстати, тем летом Высоцкий пытался пробить через ОВИР возможность для себя ездить за границу с помощью многократной визы, и посол СССР во Франции Червоненко вызвался быть ходатаем певца в этом деле. Однако московские власти не стали делать для Высоцкого исключения, поскольку практика многократных виз в СССР еще не была внедрена: это случится во второй половине 70-х, чем Высоцкий в итоге и воспользуется. А пока он многократно отправляется за границу под благовидным предлогом — под видом артиста, который снимается в фильмах, где есть загранпоездки.

В Венгрии, где Высоцкий помимо съемок дал серию концертов в советских воинских частях (17–25 июля 1974 года) с ним произошла любопытная история. Она случилась в городе Матиаш Фельде. Вот как его описывает высоцковед М. Цыбульский, ссылаясь на слова заведующего постановочной частью Народного театра Южной группы войск Л. Орлянского:

«Зал Дома офицеров был довольно большим, но все равно не смог вместить всех желающих, многие зрители стояли. Что Высоцкий пел, я не помню, но запомнил зато такой эпизод: начальник политотдела генерал Ищенко, его жена и несколько человек из «свиты» демонстративно встали со своих мест в первом ряду и покинули зал. Произошло это в самом начале концерта. Высоцкий вроде как и не заметил их ухода, а может не показал вида».

Далее М. Цыбульский размышляет об этом эпизоде следующим образом: «Довольна странная история, причем странно не то, что генерал ушел с концерта, а то, что он, явно будучи недоброжелателем Высоцкого, разрешил провести его выступление. Ведь начальник Дома офицеров был непосредственно подчинен начальнику политотдела и просто не мог организовать его выступление без его ведома. В Советской армии у начальства испрашивали разрешения и по куда менее значительным поводам…».

Попытаемся продолжить мысль высоцковеда. Судя по всему, о том, что Высоцкого «крышует» ведомство Андропова, фронтовик генерал Ищенко прекрасно знал. И решил выразить Высоцкому демонстративное презрение как креатуре чекистов. Ведь генерал мог вовсе не приходить на тот концерт в Доме офицеров. Однако он специально туда пришел, дождался, когда в зал набилось побольше народу, после чего покинул его на глазах у изумленной публики. Конечно же, большинство собравшихся не поняли истинного смысла этого жеста или поняли его слишком прямолинейно — дескать, политруку не нравится творчество Высоцкого, зато те, кто был посвящен, в том числе и сам

Высоцкий, прекрасно во всем разобрались.

Завершив съемки и гастроли в Венгрии, Высоцкий 26 июля уже был в соседней балканской стране — Югославии, чтобы уже отсняться в фильме «Единственная дорога» режиссера Владо Павловича. Фильм рассказывал о том, как в годы войны группа советских военнопленных, которых фашисты заставили вести колонну машин с горючим, подняла восстание. Высоцкому в ленте досталась самая короткая роль (10 съемочных дней) — роль военнопленного Солодова, который погибает в самом начале похода. Но перед этим его герой успевает спеть песню «Мы не умрем мучительною жизнью…», которая была не столько о войне, сколько подразумевала современную действительность. Высоцкий был филигранным мастером подтекста и ловко клеймил советскую реальность, надев на себя форму времен войны:

Нас обрекли на медленную жизнь —
Мы к ней для верности прикованы цепями…

Или:

Но разве это жизнь — когда в цепях,
Но разве это выбор — если скован!..

Причем в кадре Высоцкий пел эту песню, обливаясь кровью после многочисленных ударов прикладом автомата от фашистского конвоира. В подтексте этой сцены читалось следующее: вот таким же образом и советские коммунисты вроде Михаила Суслова избивают Высоцкого за его свободолюбивые песни. Судя по всему, именно ради этого нашего героя и пригласили на эту роль: чтобы он пропел с экрана о своей — и таких же как он либералов — нелегкой доле в СССР.

В Югославии Высоцкий и Влади пробыли больше месяца. Причем всего 9 дней наш герой снимался в «Единственной дороге», а съемки проходили в крупнейшем порту Черногории Баре на Адриатическом побережье — кстати, самый деловой город в этой небольшой республике. И если вся съемочная группа жила на берегу, то Высоцкий и Влади поселились отдельно — на небольшом острове, который соединяла с сушей длинная дамба, в бывшем рыбачьем становище, теперь превращенном в фешенебельную гостиницу для туристов. Высоцкий приезжал на съемки на своем автомобиле, быстро снимался (вне очереди), после чего уезжал в неизвестном направлении. То есть времени на то, чтобы заниматься агентурно-шпионскими делами, у него было более чем достаточно.

Как вспоминает актер Г. Юхтин, «Я играл немецкого

капеллана. Нас собирали отдельно от военнопленных, и поэтому с Высоцким я почти не общался. Только однажды, когда он приехал с Мариной на остров Цветов, где была последняя остановка перед отлетом на родину, у нас оказалось время для разговоров. Собралась почти вся группа. Нас фотографировали. Потом я видел некоторые снимки. Наши актеры выглядели импозантно, как иностранцы, а Высоцкий и Влади, наоборот, были одеты и очень просто и вели себя естественно…».

Во время пребывания в Югославии Влади застает врасплох неприятное известие: позвонила ее родная сестра — неизвестные воры обокрали ее парижскую квартиру. Причем украли почти все подчистую: драгоценности, серебро, меха, кинокамеры, радиоаппаратуру. Это известие вызвало у Влади… приступ смеха, в то время как Высоцкий встретил его без особой радости. По словам Влади, «Я сообщаю тебе эту новость весело, будто забавную историю. Ты же страшно расстроен. В твоих глазах все эти вещи — бесценные сокровища. Мне приходится тебя утешать…».

Расстройство Высоцкого понять можно. Он ведь наполовину был евреем, а это люди более чем прагматичные. Поэтому он и был озадачен: теперь надо снова трудиться в поте лица, чтобы побыстрее восполнить похищенное.

Отдыхая на острове, супруги находят время и для выездов на материк. Так, они приезжали в Белград, где дали два концерта: один — у приятеля Высоцкого В. Терехова (22 августа), другой — в советском посольстве в Белграде (23 августа). Оба концерта, судя по всему, были ширмой: они должны были обеспечить прикрытие суперпаре для того, чтобы встретиться с агентурой КГБ в Югославии.

Послом СССР в этой стране в ту пору был В. Степаков, который когда-то заведовал отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС и приложил руку к гонениям на Высоцкого в конце 60-х: речь идет о статьях в газетах «Советская Россия» и «Комсомольская правда» летом 1968 года; кстати, и свое письмо в ЦК КПСС наш герой направлял на имя Степакова. В иных обстоятельствах Высоцкий вряд ли бы принял предложение своего недоброжелателя выступить перед ним с концертом, но теперь ситуация была иной — Высоцкий уже был вхож в «большие кабинеты» и, видимо, хотел показать это послу.

Вообще, та поездка отняла у Высоцкого много нервов. Несмотря на то, что внешне все выглядело чинно и благородно — несложные съемки в фильме, отдых на острове, — на самом деле эта поездка почему-то негативно сказалась на самочувствии нашего героя. Как будто он не отдыхать ездил на остров, а ходил

там чуть ли не по лезвию ножа. В итоге, когда в начале сентября 1974 года он отправился с «Таганкой» на гастроли в Вильнюс, там у него случился психологический срыв. А предшествовал ему следующий эпизод, датированный 10 сентября.

В тот день актриса Театра на Таганке Алла Демидова должна была выехать из Вильнюса в Москву, чтобы там отсняться в ряде эпизодов фильмов «Бегство мистера Мак-Кинли» (в небольшой роли певца Билла Сигера в нем снимался и Высоцкий, да еще и написал к фильму целых 9 баллад) и «Выбор цели». Но, приехав на вокзал, внезапно обнаружила, что забыла в гостинице парик. Пришлось сломя голову лететь обратно. Запихнув парик в чемодан, Демидова выскочила на площадь перед гостиницей, но ни одного свободного «такси» там уже не было. А время поджимает, да и дождь хлещет вовсю. В этот миг на своем собственном новеньком «БМВ» к гостинице подруливает Высоцкий. Он только что выступал с концертами сразу в двух учреждениях — ВНИИРИПе и клубе «Заря», в руках у него охапка цветов. Демидова, естественно, к нему: «Подвези, Володя!». А он, такой безотказный до этого, на этот раз отказывает, сославшись на усталость и заверив коллегу, что такси сейчас непременно подъедет. Такси действительно подъехало, но на душе у Демидовой долго оставался муторный осадок.

Высоцкий действительно мог тогда устать после двух концертов. Но может быть и другое: у него в тот вечер могло быть назначено важное свидание, которое он никак не мог пропустить. А сказать Демидовой правду он не мог, потому и сослался на усталость. Встреча же эта ввергла Высоцкого в такую депрессию, что спустя три дня он и сорвался в «пике». Ему даже пришлось лечь в больницу, правда, пробыл он там всего лишь день, после чего попросту сбежал. Бывший при нем почти постоянно его коллега по театру Иван Дыховичный рассказывал следующее:

«Володя сидел в одной комнате гостиничного номера, я — в другой. Он что-то писал, вдруг вскочил, промчался мимо меня на балкон, я физиологически почувствовал, что будет нечто страшное. Еле успел выскочить за ним — он уже стоял по ту сторону балкона. На нем была кожаная куртка — я ухватился за нее, она выскальзывала, и тут он посмотрел мне в глаза. Конечно, я не удержал бы его силой. Я удержал его мольбой — он посмотрел на меня и из чистого человеколюбия ухватился за перила…».

Вполне вероятно, в срывах Высоцкого была виновата Марина Влади. Не случайно Валерий Золотухин в те дни записал в своем дневнике следующие строчки: «А мне сдается, он (Высоцкий. — *Ф. Р.*) рвать с ней хочет. Что-то про свободу он толковал. Раньше,

дескать, она именно давала ее. А теперь вот именно она и забирает ее…».

Впрочем, по версии самой Влади порвать с мужем хотела именно она, а не наоборот. Марина в те дни жаловалась Давиду Карапетяну: «Еще одна такая реклама в журнале — и ни один уважающий себя режиссер не захочет иметь со мной дела (Влади снималась в рекламе, чтобы обеспечить им с Высоцким достойную жизнь. — *Ф. Р.*). Все. Он меня постоянно предает, причем в самые неподходящие моменты. Я сделала все, что смогла. Пора спасать свою шкуру».

Напомним, все эти события происходят спустя две недели после того, как Высоцкий и Влади вернулись из поездки по Югославии. Внешне — феерической поездки. И вдруг — такие срывы и такие заявления! Здесь явно крылась какая-то тайна, объяснить которую звездная чета никому была не в состоянии. Однако обратим внимание на следующий факт. Вскоре после этих заявлений обоих супругов к ним начинают поступать весьма заманчивые творческие предложения — например, им пообещают выпустить диски сразу на двух звукозаписывающих фирмах — одной советской («Мелодия») и одной французской («Шан дю Монд»), которую тоже можно назвать просоветской, поскольку она была на балансе Французской компартии. Как будто кто-то свыше помогал не развалиться их браку посредством новых заманчивых предложений. Впрочем, не будем забегать вперед и вернемся к событиям октября 74-го.

Видя, в каком самочувствии находится Высоцкий, Любимов принимает решение временно отстранить его от работы в театре; вполне возможно, что кто-то свыше посоветовал режиссеру дать актеру необходимый для него отдых.

Устранившись от работы на сцене, Высоцкий не бросил концертировать — дал несколько выступлений не только в Риге, но даже одно в Москве, где он пробыл несколько дней. После этой поездки певец вернулся другим человеком — заметно повеселевшим. И даже рассказал своим коллегам по театру о том, как этим летом ездил в Югославию на съемки фильма «Единственная дорога». С гордостью сообщил, что приобрел там дорогую обновку для… своей супруги Марины Влади — дубленку.

Однако уже очень скоро настроение Высоцкого вновь подверглось перемене. Но на этот раз причина была трагическая: 2 октября, на съемках фильма «Они сражались за Родину», внезапно скончался Василий Шукшин. Было ему всего 45 лет. Большинство его коллег восприняли эту кончину как личную трагедию. Говорят, Андрей Тарковский, едва ему об этом сообщили, упал в обморок. А Владимир Высоцкий впервые в

жизни… заплакал. Позднее он сам признается в этом: «Я никогда не плакал. Вообще. Даже маленький когда был, у меня слез не было — наверное, не работали железы. Меня даже в театре просили — я играл Достоевского, и режиссер сказал: «Ну, тут, Володь, нужно, чтобы слезы были». И у меня комок в горле, я говорить не могу — а слез нету. Но когда мне сказали, что Вася Шукшин умер, у меня первый раз брызнули слезы из глаз…».

На похороны Шукшина Высоцкий специально примчался из Ленинграда (там теперь гастролировала «Таганка») в Москву, выжимая из своей «бээмвухи» предельную скорость. Гнал так, что протекторы кипели.

Случилась в те дни еще одна смерть, которая отразилась на Высоцком. Речь идет об уходе из жизни министра культуры СССР Екатерины Фурцевой (24 октября). Причем уже тогда в обществе широко обсуждалась версия о том, что смерть эта последовала не от естественных причин, а в результате суицида — якобы министр покончила с собой на почве личных и служебных переживаний. Для нашего героя эта смерть в какой-то мере стала благом, поскольку сдвинула с мертвой точки вопрос выхода в свет его первого диска-гиганта. Дело в том, что на тот момент на его счету было только три пластинки, причем все — миньоны. Как мы помним, в апреле этого года Высоцкий и Влади напели на «Мелодии» два десятка песен под клятвенное обещание руководителей фирмы грамзаписи, что большая часть этих произведений войдет в диск-гигант. Однако затем на пути этого диска возникли трудности — выход его стал торпедироваться. И одной из активных участниц этого процесса была именно Фурцева.

Когда бывший помощник Андропова Георгий Шахназаров (он тогда работал в должности заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС, а последний, как мы помним, имел непосредственное отношение к международным делам агента влияния Высоцкого) взял на себя хлопоты по «пробиванию» диска-гиганта певца, осадила его, причем достаточно резко, именно Екатерина Алексеевна. Она лично позвонила Шахназарову и спросила. «Зачем вы проталкиваете пластинку Высоцкого?». «Международник» объяснил: дескать, это талантливый человек, надо дать ему дорогу. На что Фурцева изрекла: «Не вмешивайтесь не в свои дела — вылетите!».

В итоге с должности Шахназаров не вылетел, но свои попытки помочь Высоцкому тогда оставил. Вопрос о выходе диска повис в воздухе и висел до тех пор, пока была жива Фурцева. А едва она ушла из жизни, как эта проблема легла на плечи ее преемника — нового министра культуры СССР Петра Демичева.

Но о том, как будут развиваться события в этой истории дальше, разговор впереди, а пока еще пару слов о работниках Международного отдела ЦК КПСС.

Вспоминает Р. Косолапов (в 1966–1974 годах — лектор, консультант, руководитель группы консультантов, заместитель заведующего в отделе пропаганды ЦК КПСС, в 1974–1976 годах — первый заместитель главного редактора газеты «Правда»): «В отношении ребят из Международного отдела ЦК КПСС ходили легенды. Даже частушка была такая: «А там все мальчики, румяные и левые. А в глазах у них Тольятти и Торез, и здоровый сексуальный интерес». Левыми назывались тогда, понятное дело, не левые совсем, а правые. И ориентации те проявлялись, конечно, слегка, но зоркий наблюдатель видел это хорошо. Эта тенденция сквозила во многом. Скажем, в стремлении выезжать за рубеж, на Запад по возможности, и в нелюбви к поездкам куда-то в третий мир. Резко сказывалась в отношении к войне во Вьетнаме: «Они хотят поссорить белых людей», — это нас с американцами. Такие суждения имели место. Я помню, я сам дважды ездил во Вьетнам, участвовал в войне. Естественно, был полон уважения к этому, по-настоящему серьезному, какому-то милому народу, трудолюбивому и ласковому в общении. И мне непонятно было это желание от него отмежеваться, которое шло от атмосферы в международных отделах. Не было, конечно, разделения на партии, но тенденции, настроения — протольяттинские, скажем так, в духе известного доклада Хрущева на XX съезде, там с поправками, с окультуриванием некоторых моментов, пассажей. Было сочувствие чехословацким событиям. Отдельные личности допускали известный бойкот даже намечавшимся мероприятиям. И сказать о монолитности настроений было очень сложно…».

И вновь продолжим знакомство с событиями конца 1974 года.

В дни, когда умерла Фурцева, в Москву приехала Марина Влади. Супруг встретил ее как ни в чем не бывало, даже не заикнувшись о том, что совсем недавно жаловался друзьям на свои «несвободные отношения» с женой-иностранкой. А все потому, что должен был прекрасно понимать, как может отразиться на его дальнейшем благополучии его разрыв с Влади — распад такой агентурной суперпары был чреват отрицательными последствиями по всем направлениям: как по бытовым, так и по творческим. Да и пример Александра Галича незримо маячил перед глазами: оказаться без средств к существованию, да еще и выброшенным за кордон, где его мало кто ждал, Высоцкому явно не улыбалось.

Пробыв в Москве пару недель, Влади улетела в Париж, чтобы

к Новому году снова быть в Москве. Здесь она частый гость и ни в чем не знает отказа; напомним, что в 70-е ОВИР выдаст ей 72 въездные визы в СССР — в среднем по 6 раз в год!. Кстати, прилетела Влади в роскошной норковой шубе стоимостью не в одну тысячу советских рублей. А ведь совсем недавно, летом 1974 года, ее, как мы помним, обокрали подчистую, вынеся из парижской квартиры не только драгоценности, но и меха. Однако почти все украденное быстро оказалось возмещено новыми покупками и подарками, которые ей, видимо, преподносили состоятельные люди из ближайшего окружения, вроде того же Бабека Серуша.

21 января 1975 года Высоцкий и Влади отправились на прием к новому министру культуры СССР Петру Демичеву — как мы помним, он сел в это кресло после того, как в конце октября прошлого года покончила с собой прежняя хозяйка Минкульта Екатерина Фурцева. Цель у визитеров была одна: сдвинуть с мертвой точки вопрос о выходе первого диска-гиганта Высоцкого, который должен был выйти еще в прошлом году: весной 74-го Высоцкий и Влади напели на «Мелодии» более двух десятков песен для этого «гиганта». Демичев принял гостей весьма радушно: усадил за стол и приказал своему секретарю принести чай и сушки — исконное угощение тех времен в начальственных кабинетах. Под этот чаек и полилась беседа, которая длилась около получаса. Говорили, естественно, об искусстве. Высоцкий, как бы между делом, стал сокрушаться о несчастливой судьбе спектакля Театра на Таганке «Живой»: дескать, в бытность министром культуры покойной Фурцевой ему никак не удавалось выйти в свет. Демичев спросил: «А кто играет Кузькина?». «Золотухин», — ответил Высоцкий. «Это хороший актер», — улыбнулся в ответ министр и пообещал лично посодействовать в выпуске спектакля на сцену; поскольку слово свое он не сдержит, можно сделать вывод, что ответ министра был продиктован лишь его желанием заболтать проблему.

Впрочем, лукавили тогда обе стороны. Например, со стороны Высоцкого лукавство заключалось в том, что он в те дни активно выступал с концертами, где пел песню «Старый дом» («Что за дом притих…»), где Россия-матушка, как в современном, советском, варианте, так и в дореволюционном изображалась в весьма неприглядном свете. Для представителя «русской партии», к которой принадлежал Демичев, подобный взгляд был неприемлем. А то, что Демичев слышал эту песню, сомневаться не приходилось: он внимательнейшим образом следил за творчеством Высоцкого.

Известен случай, который произойдет чуть позже, когда диск-

гигант выйдет у певца во Франции. Принимая артиста у себя, Демичев спросит: «Что же вы не привезли мне из Франции ваш диск?». Певец ответит: «А что вам стоит выпустить его здесь?». На что министр откроет сейф и продемонстрирует… ту самую французскую пластинку Высоцкого. Кое-кто из высоцковедов на этом примере делает вывод о двуличии министра: дескать, с одной стороны, он запрещает Высоцкого, а с другой — собирает его пластинки. Хотя дело может быть в ином: диски певца Демичев собирал чисто из служебных надобностей — чтобы быть в курсе того, о чем поет Высоцкий.

Диски с песнями нашего героя были и у Андропова. Впрочем, не только диски — иногда его подчиненные приносили ему и концертные выступления Высоцкого, где звучали песни, интересные шефу КГБ с точки зрения текущей политики. Так что поэтическое творчество барда председателю КГБ было хорошо известно, что вполне объяснимо: артист, который так виртуозно манипулировал миллионами людей с помощью в общем-то нехитрых приемов в виде поэтических откровений под гитару, был достоин того, чтобы им заинтересовался главный чекист страны. Андропов, будучи человеком умным и любящим поэзию, легко разгадывал большинство подтекстовых намеков в поэзии Высоцкого.

Спустя пять дней после визита Высоцкого и Влади в «Мелодию», 26 января 1975 года, из жизни ушла звезда советского кинематографа Любовь Орлова. Почему вспомнилось это событие? Дело в том, что покойная была долгие годы замужем за кинорежиссером Григорием Александровым, и их тандем воспринимался в том же контексте, что и тандем Высоцкий — Влади: он был очень популярен в народе, причем не только внутри СССР, но и далеко за его пределами. Более того, некоторые люди подозревали их в… сотрудничестве с советскими спецслужбами, в том, что этот тандем служил прикрытием для некоторых международных операций КГБ, вроде «атомного проекта» в конце 40-х. Вот как об этом писал в своих мемуарах влиятельный чекист П. Судоплатов:

«…В Западной Европе Василевский (сотрудник внешней разведки, начальник II отдела. — *Ф. Р.*) выгодно использовал очарование Любови Орловой, знаменитой киноактрисы, и ее мужа, Григория Александрова, режиссера, в качестве прикрытия для встреч с Бруно Понтекорво, Фредериком Жолио-Кюри и другими известными западными учеными…».

Поэтому, видимо, не случайно, что первые зарубежные поездки Орловой, сначала одной, затем с Александровым, в страны Западной Европы совпали с детективной охотой советских

спецслужб за секретами атомной бомбы. При этом ни один из биографов этой звездной четы почти никогда не упоминает о подобных встречах, хотя все эти биографы подробно перечисляют имена известных западных деятелей литературы и искусства, с которыми Орлова и Александров были знакомы. Весьма похожая история присутствует и в нашем случае — с Высоцким и Влади.

«Враг не ведал, дурачина…»

Окрыленные обещаниями Демичева помочь в выпуске диска, Высоцкий и Влади 24 января 1975 года выехали на автомобиле «БМВ» из Москвы, направляясь в сторону западной границы. В дороге Высоцкий встретил свое 37-летие. Благополучно миновав Польшу и Западную Германию, они приехали в Париж, где их ждало пренеприятное известие. Влади сообщили, что ее старший сын Игорь в очередной раз угодил в наркологическую клинику — как мы помним, он употреблял наркотики; та же история случится и с племянником Влади. Супруги, естественно, сразу же навестили парня, но успокоения этот визит им не принес — дело у Игоря зашло слишком далеко; забегая вперед, отметим, что в итоге он сумеет «завязать» с пагубной привычкой.

В те же дни на студии «Шан дю Монд» Высоцкий записывает свой первый французский альбом (двойной), состоящий из 22 песен. Напомним, что эта студия содержалась на деньги ФКП, то есть на советские: как уже отмечалось, Москва делала значительные денежные вливания во Французскую компартию — от одного до нескольких миллионов франков в год — и имела тесные связи как с советским Минкультом, так и с «Мелодией». Учитывая, что Марина Влади была крупным функционером ФКП, можно быть уверенным, что идея с этим диском принадлежала именно ей. Впрочем, не только. По сути, это была одна из разновидностей оплаты трудов Высоцкого на международном поприще со стороны Старой площади и Минкульта, где как раз произошла ротация министров. Вкладываясь в этот диск, советская сторона ничем не рисковала. Пока Высоцкий был «гоним» в СССР, интерес к нему в среде русской эмиграции в Париже был достаточно высок. На этот интерес и рассчитывали те, кто выпускал этот диск.

Кстати, одним диском дело не ограничилось. Тогда же во Франции было выпущено 30 аудикассет с записями песен советских бардов, среди которых был и Высоцкий. Причем его песен на этих кассетах было большинство — целых 272. Все это, видимо, было не случайно, а могло прямо вытекать из заинтересованности советских верхов в достойной оплате своего агента влияния, а попутно и распространении славы о нем в парижских интеллектуальных кругах и среди европейских еврокоммунистов.

Вообще в середине 70-х советские еврокоммунисты присутствовали во всех слоях элиты: как в политических, так в экономических и культурных. Та же «Таганка» была выразителем

именно подобных идей, о чем уже говорилось: не случайно Юрий Любимов был лично представлен одному из главных идеологов еврокоммунизма, лидеру Итальянской компартии Энрике Брелингуэру, который и явился автором этого термина — еврокоммунизм. К числу еврокоммунистов советского розлива можно было причислить и Владимира Высоцкого, который а) служил в «Таганке», почти полностью разделяя ее идеи, и б) был женат на еврокоммунистке французского розлива Марине Влади. Посредством своего творчества Высоцкий влиял на советский социум в том направлении, которое было выгодно еврокоммунистам, а в СССР — корпоратократам, то есть кремлевским глобалистам.

Кстати, именно в тот свой приезд, если мне не изменяет память, Высоцкий написал знаменитые строчки, адресованные его другу и коллеге по «Таганке» Ивану Бортнику:

> Ах! Милый Ваня — мы с тобой в Париже
> Нужны, как в бане пассатижи!..

Но давайте задумаемся вот о чем: почему это Высоцкий, считая себя в Париже столь ненужным, постоянно туда рвется? А скоро наступят такие времена, когда он будет ездить во Францию чуть ли не каждый месяц. С чего бы это? Да с того, что гнать его туда могла не только личная надобность, но и служебная — как агента влияния советских либералов. Поэтому на Западе он был вовсе не «пассатижами в бане», а «молотом в кузнице» — весьма даже нужным и незаменимым в свете того, за кого его там держали. Ведь никто и подумать не мог, что гонимый советскими властями Высоцкий на самом деле гоним только ради того, чтобы на Западе быть лучше «проданным».

В марте 1975 года Высоцкий и Влади съездили в Лондон, благо это недалеко от Парижа — надо только пересечь Ла-Манш. Эта поездка, как и все остальные, обставлена супругами как сугубо творческая: дескать, Высоцкому позарез надо набраться впечатлений, чтобы затем использовать их при работе над песнями к пластинке «Алиса в стране чудес», которую ему заказали на «Мелодии» и которую он выполнил лишь частично: часть песен была написана им некоторое время назад, другая часть — отложена.

В Лондоне супруги навестили давнего друга Высоцкого — сотрудника советского посольства Олега Халимонова. А тот вдруг уговорил Высоцкого дать концерт в советском посольстве. И хотя подобное выступление в планы нашего героя не входило, он с удовольствием согласился.

Концерт вызвал настоящий ажиотаж. Поскольку советская

колония в Лондоне была довольно большая, а зал в посольстве мог вместить только несколько десятков человек, желающим попасть на концерт пришлось тянуть жребий. Начало представления было настороженное, но стоило Высоцкому спеть несколько песен, как публика раскрепостилась, и обстановка в зале стала по-домашнему теплой.

Потом был еще один концерт, который Высоцкий дал для тех, кто не смог попасть на его выступление в посольстве. Он прошел дома у Халимоновых. Там бард исполнил практически те же песни, что и в посольстве, но были и исключения. Например, им была спета песня «Купола» из нового фильма, в котором ему только предстояло сниматься. Речь идет о ленте Александра Митты «Арап Петра Великого»: в прокате он получит другое название — «Сказ про то, как царь Петр арапа женил». Это произведение он в посольстве исполнить не решился в виду его злободневности: под «сонной державой, опухшей от сна», он имел в виду брежневский СССР. По словам О. Халимонова, «Володя спел «Купола» и еще несколько новых вещей… Они меня просто поразили: «Володя! Ты — гений!». Он перебирал струны гитары — положил на них ладонь, поднял голову: «Ну вот, наконец, и ты это признал»».

Между тем в Париже Высоцкий и Влади жили в районе Латинского квартала на улице Руслей. Напротив дома — иранский ресторанчик, где они часто обедали. Там их иногда навешал Бабек Серуш — как мы помним, тоже, кстати, иранец. Судя по всему, Серуш проворачивал в Париже очередную операцию с электроникой и между делом встречался с Высоцким. Внешне все вроде бы нормально — встретились двое старых приятелей.

19 апреля звездная чета присутствует в Париже на дне рождения фотографа из влиятельного западного журнала «Тайм» Леонида Лубяницкого. Последний, как носитель ценной информации, вполне мог в приватных разговорах с «гонимым» Высоцким не только выложить перед ним конфиденциальную информацию, но и быть «толкачом» в каких-то пиар-акциях, в которых были заинтересованы советские «верхи». По словам Лубяницкого,

«В следующий раз мы встретились с Высоцким во время выступления Михаила Барышникова. После спектакля мы все вместе поехали домой к жене Высоцкого — Марине Влади, где провели всю ночь. Примерно до 5 часов утра Володя пел, а я его записывал на магнитофон и фотографировал; кстати, снимок, на котором бородатый Володя и Марина, я снял в ту ночь. В этот вечер он посвятил мне одну песню. Зная о том, что мои друзья

называют меня Леонардо, Володя сказал: «А это для тебя, Леонардо, песня: «Про любовь в эпоху Возрождения».

Тогда же Высоцкий сообщил мне, что в Китае он объявлен персоной нон грата за цикл песен о Мао Цзэдуне и китайской культурной революции…».

Отметим, как легко было завладеть сердцем Лубяницкого — что называется, по дешевке: посвятить ему песню, которую Высоцкий, кстати, написал еще в конце 60-х по другому поводу. Видимо, это был не спонтанный порыв со стороны певца, а четко продуманная акция по расположению к себе фотографа «Тайм»; кстати, таких «посвящений нужным людям» в репертуаре Высоцкого огромное количество. За этот жест фотограф влиятельного журнала сфотографировал Высоцкого и Влади, чтобы чуть позже использовать эти фото в пиар-компании звездной четы на Западе.

Из этой же «оперы» и упоминание Высоцким своего положения персоны нон-грата в Китае за песни «китайского цикла». В этом явно читалось желание певца «набить себе цену»: дескать, смотрите, я у коммунистов везде гоним — даже в Китае. Ну, как тут не расчувствоваться. Как пел сам Высоцкий в своей «шпионской» песне про мистера Джона Ланкастера Пека:

Враг не ведал, дурачина:
Тот, кому все поручил он,
Был — чекист, майор разведки…

И вновь обратим внимание на то, о чем мы уже говорили ранее. Высоцкий присутствует на спектакле перебежчика на Запад Михаила Барышникова и даже встречается с ним. Для любого другого советского гражданина подобное поведение было чревато самыми суровыми санкциями, но только не для Высоцкого. Все это опять же ложится в русло нашей версии: советские верхи разрешают ему подобные знакомства, потому что это важнейшая часть его работы как агента влияния. Ведь тот же КГБ, как и любая спецслужба мира, был учреждением жестким, а порой и жестоким, и спускать Высоцкому подобные демарши на почве любви к его творчеству или его семейному положению как супругу французской коммунистки Марины Влади никогда бы не стал. Обязательно нашел бы пути к тому, чтобы сделать зарвавшегося артиста невыездным — ведь сидел он как миленький почти пять лет в Союзе, хотя и был мужем все той же коммунистки Влади. А тут такое попустительство, причем неоднократное! Только наивные высоцковеды до сих пор могут верить в подобные сказки. Впрочем, может быть, они не наивные, а наоборот, прожженные?

Прекрасно отдохнув во Франции, Высоцкий и Влади отправляются в Италию, где в Генуе садятся на теплоход (капитаном на нем был приятель Высоцкого Феликс Дашков) и совершают двухнедельный круиз по маршруту Генуя (Италия) — Кадис (Испания) — Касабланка (Марокко) — Канары (африканская территория Испании) — Мадейра (африканская территория Португалии) с заходом в Мексику. Эта поездка выглядит как феерическое туристическое турне двух безумно влюбленных друг в друга людей из мира артистической богемы.

Во время этого путешествия звездная чета едва не простилась с жизнью. Вот как об этом рассказывает Ф. Дашков:

«На пути от Кадиса в Севилью мы попали в автокатастрофу. Но, слава богу, у нас водитель-испанец был опытный. Получилось так, что навстречу шел автобус, и из-за него выскочил встречный лимузин. Его водитель, увидев нашу машину, растерялся — видимо, был малоопытным — и поставил машину поперек дороги. Наш водитель, заметив такую ситуацию, начал тормозить и ударил его только в бок… В общем, Марина слегка повредила ногу, потому что она спала в это время и не была готова к этому удару. А мы, так сказать, отделались легким испугом… Высоцкий на этот случай реагировал нормально. У меня с собой в багажнике была бутылка водки. Мы, значит, антистрессовую терапию и провели…».

4 мая Высоцкий и Влади вернулись в Париж, где наш герой пробыл еще десять дней перед отъездом на родину — отдыхал. А когда вернулся на родину, узнал приятную новость — здесь вышла его очередная пластинка-миньон. Правда, не обошлось без ложки дегтя.

Вспоминает В. Шехтман:

«1975 год… Вся Москва слушает и поет «Кони привередливые». Володя возвращается из Франции, я встречаю его в Шереметьево. Проезжаем Белорусский вокзал, а у лотка в лотерею разыгрывается синяя гибкая пластинка Высоцкого (стоила она тогда 60 копеек. — *Авт.*). Скрипит и хрипит на всю площадь: «Что-то кони мне попались привередливые…». (Эти гибкие пластинки — они же очень некачественные). Володю это просто взорвало: «Кто дал им право выпускать эту гадость?! Мы же договорились, что будет большой диск!». Все знают, что большая пластинка тогда так и не вышла…».

Обратим внимание на слова Высоцкого — «мы же договорились». Речь идет о его разговоре с министром культуры СССР П. Демичевым, который, как мы помним, в январе того же 75-го пообещал, что выпустит диск-гигант Высоцкого. Но вместо этого решил выпустить несколько миньонов (гибких и твердых),

куда были включены 4 песни (из трех десятков записанных): «Кони привередливые», «Скалолазка», «Москва-Одесса», «Она была в Париже». Почему же власти не выпустили диск-гигант Высоцкого, как и было обещано?

Дело в том, что выпуск подобной пластинки символизировал бы начало его официального признания, причем гораздо раньше, чем других бардов. Например, на тот момент даже у Булата Окуджавы не было диска-гиганта — он выйдет только в конце 1976 года. Поэтому в случае с Высоцким, которого советские власти не хотели делать официальным певцом из стратегических соображений, был выбран иной вариант, должный обвести вокруг пальца доверчивую публику. К 1975 году «Мелодия» выпустила в свет 7 миньонов Высоцкого (1967 — один, 1972 — два, 1974 — два, 1975 — два), в которые вошло 24 песни. По сути, было выпущено целых два (!) полновесных диска-гиганта по 12 песен в каждом. Но поскольку эти диски были «разбиты» на миньоны (по 4 песни), у публики было создано впечатление, что Высоцкий обделен диском-гигантом в свете своего полудиссидентства.

Выпуская миньоны Высоцкого у него на родине, советские власти разрешили ему записывать диски-гиганты за рубежом — во Франции, на «Шан дю Монд». Советские власти прекрасно знали, что очень скоро все французские диски обязательно достигнут СССР на магнитофонных лентах, и тем самым будут убиты сразу несколько «зайцев»: во-первых, песни Высоцкого широко разлетятся по стране — интерес к его зарубежным записям был огромный, во-вторых, в народе по-прежнему будет в ходу версия о том, что родная власть гнобит Высоцкого, вынуждая его записывать диски у господ-капиталистов, хотя делались эти диски на деньги коммунистов, просто до советских граждан эта информация не доводилась, и, наконец, в-третьих, на Западе Высоцкий по-прежнему будет восприниматься как гонимый исполнитель, обделенный «лонг-плеями» и довольствующийся только миньонами.

Тем временем подоспел еще один «подарок» — трехкомнатная квартира на Малой Грузинской улице в Москве, на 8-м этаже в доме № 28. Это был кооперативный дом Союза художников СССР, к которому Высоцкий не имел никакого отношения, но зато имел отношение к советской творческой элите, причем обладающей значительными денежными средствами. У какого-нибудь рядового советского артиста не было возможности въехать в этот роскошным дом с консьержкой в подъезде, поскольку цена квартир там была внушительной — от 7 до 10 тысяч рублей. Высоцкий такими деньгами обладал, поэтому часть взноса выплатил в прошлом году, часть — в год заселения.

Новоселье должно было состояться летом того же 75-го, но задержалось по причине недоделок: надо было заново перестилать пол, заделывать швы и т. д. Строители обещали устранить их к осени, а пока Высоцкий и Влади решили некоторое время пожить у Ивана Дыховичного, который, как мы помним, был женат на дочери члена Политбюро и министра сельского хозяйства Д. Полянского. О том житье-бытье у Влади остались самые благоприятные впечатления. По ее словам,

«…Строительные работы в нашем с тобой доме не двигаются. Зато у наших приятелей через короткое время все готово. Современная мебель привезена специально из Финляндии, расстелены великолепные ковры — свадебный подарок отца невесты, расставлены редкие книги — подарок семьи мужа. Если бы не купола старой церкви, которые видны из окна, можно было бы подумать, что мы где-нибудь на Западе…».

Если с членом Политбюро Д. Полянским у Высоцкого были прекрасные отношения, то вот с другим деятелем из высшего советского ареопага — главным идеологом партии Михаил Сусловым, наоборот, плохие. Суслов на дух не переносил ни самого Высоцкого, ни его песенного творчества. Однако в играх, которые вели с Высоцким советские верхи, Суслов вынужден был принимать участие, поскольку это касалось стратегических интересов страны. Хотя, была бы его воля, он бы с удовольствием отправил Высоцкого «за можай», как это едва не случилось в прошлом году после высылки Солженицына. Читаем у историка Р. Медведева:

«По свидетельству В. Чебрикова (будущий председатель КГБ. — Ф. Р.), вскоре после высылки Солженицына Андропов получил от высших партийных инстанций указание об аресте Владимира Высоцкого. Юрий Владимирович был крайне растерян: он хорошо помнил, какой отрицательный резонанс получило в 1966 году судебное дело писателей А. Синявского и Ю. Даниэля. А Высоцкий был гораздо более известным человеком и как бард, и как артист Театра на Таганке. Андропов вызвал к себе Чебрикова и долго совещался с ним, чтобы найти какой-то выход и избежать совершенно ненужной, по его мнению, репрессивной акции. В конечном счете им удалось переубедить Брежнева и Суслова. Думаю, что именно Суслов выступал инициатором гонений на Высоцкого, так как Брежнев иногда и сам слушал записи некоторых его песен…».

Высоцкий, судя по всему, знал о нелюбви к нему Суслова и платил ему той же монетой — ненавидел его и даже иногда вставлял в свои песни, правда, под другими именами — от греха подальше. Например, к фильму-сказке «Иван да Марья» Высоцкий

написал 14 песен, где в одной из них вывел царского придворного лизоблюда Петю, который активно пиарит царя — что делал и Суслов по адресу Брежнева средствами своего пропагандистского аппарата:

Все мы знаем Евстигнея,
Петею воспетого, —
Правда, Петя — не умнее
Евстигнея этого.
Лизоблюд придворный наспех
Сочинил царю стихи —
Получилось курам на смех,
Мухи дохнут от тоски…

В периоды, когда Влади отсутствовала в Москве, Высоцкий не упускал возможности завести краткосрочный роман с кем-нибудь из своих коллег или поклонниц, а иногда «теребил» и свои прежние связи. Так, например, случилось в истории с Галиной Бирюковой. Как мы помним, с ней у Высоцкого случилась короткая интрижка в 1970 году, после чего наш герой сам ее оборвал. Но в 74-м вспомнил об этой женщине снова. Послушаем ее собственный рассказ:

«После развода я осталась одна с сыном на руках. Мы с Высоцким не виделись несколько лет. Они с Мариной переехали в другой район, снимали квартиру в Матвеевском. Я была уверена, что между нами все кончено навсегда. Вот только забыть Володю никак не могла, как ни старалась. И вдруг ко мне в Доме моделей подходит девочка: «Галя, тебя спрашивает Высоцкий!». У меня сердце из груди чуть не выпрыгнуло. Кое-как справилась с волнением. Выхожу к нему. Смотрю, Володя тоже нервничает. Говорит: «Здравствуй, Галя!». И от его голоса у меня все внутри задрожало, как в прежние времена. А он продолжает: «Ты сказала мужу, что я был твоим любовником… Ну так давай, оправдывай! Вечером к тебе приеду». Ничего себе, думаю. Столько времени от него ни слуху ни духу, а тут заявляется и даже не спрашивает, хочу ли я этого, а просто извещает: будет так — и точка. В этой его властности, напоре было что-то очень мужское. И я бы соврала, если бы сказала, что мне это не нравилось. И все же мне не хотелось вот так просто взять и подчиниться Володе. Думаю: ах так? Ну я тебе покажу… Ответив: «Раз сам так решил — приезжай», я вернулась за кулисы. А на меня все девчонки налетают: «Откуда ты знаешь Высоцкого?». Про наш с ним роман в Доме моделей никто, кроме Ани, не знал. Придумала отмазку, что просто живем рядом, вот и общаемся по-соседски. «А кто, — спрашиваю, — сегодня вечером хочет послушать Высоцкого?».

Оказалось, что все хотят.

Девчонки пригласили своих мужей, любовников, и мы всей компанией отправились ко мне. Сидим, ждем, а его все нет и нет. Я уж было подумала, что у Володи изменились планы. Что ж! Включила его песни на магнитофоне, благо пленок с записями Высоцкого к тому времени у меня уже было предостаточно. Все развеселились, пьют вино, смеются. Далеко не сразу сквозь этот шум я расслышала, что кто-то упорно звонит в дверь, причем, видимо, довольно давно. Открываю — Высоцкий. Крайне недовольный, проходит к гостям: «Здравствуйте! Вы собрались по моему поводу, да? Извините, у меня большие неприятности, в прессе написали, что я даю «левые» концерты, так что спеть вам, к сожалению, не смогу». Берет меня за руку и уводит в прихожую. «Зачем ты их пригласила?» — «Тебе назло. А что, ты думал, меня только пальчиком поманить — и я к тебе в объятия кинусь?» — «Галя, пожалуйста, проводи их. Мне очень нужно с тобой увидеться. Я приду попозже».

Долго уговаривать меня не пришлось. Я ведь несколько лет только и мечтала, чтобы Высоцкий пришел и сказал: «Мне очень нужно с тобой увидеться…». Значит, гостей нужно выпроваживать. Но как? Всем хорошо, никто домой не собирается. Я схожу с ума, что сейчас Володя вернется, а у меня дом по-прежнему полон народу. И все же я успела всех выставить до того, как Высоцкий пришел. Говорит: «Хочешь, поехали ко мне, в Матвеевское!». Надо ли говорить, что я согласилась.

Помню, меня поразило, какая в его квартире чистота. Володя поджарил нам яичницу с беконом. Я хотела помыть посуду — не дал, сказал, что все сделает сам. А я тем временем стала бродить по квартире. В одну из комнат дверь была приоткрыта, смотрю, там на стене — портрет Марины. Ее сфотографировали в открытом черном платье, и я отметила, какая у нее длинная тонкая шея. Хотела рассмотреть поближе, но тут подошел Володя. Говорит: «Это комната Марины» — и прикрыл дверь. Не пускает туда. Меня словно ушатом холодной воды окатили. Думаю: «Ну и зачем я сюда приперлась? Здесь живет Марина, а я тут только пока она в Париж уехала». Какое уж тут романтическое свидание с таким настроением? Надо было тогда просто уехать, но я не решилась. Ведь столько надежд успело вспыхнуть у меня за несколько последних часов! Напрасных надежд…

Словом, ничего хорошего из моей поездки в Матвеевское не получилось. Мне хотелось только одного — остаться одной и поплакать. Володя не знал, как меня расшевелить. Утром он отвез меня домой. Всю дорогу мы молчали. Единственное, что он сказал: «Я недавно из Парижа, привез подарок твоему сыну», — и

протянул мне набор импортных машинок. У Павлика точно такие уже были, но не говорить же мне об этом Володе…

Больше мы не виделись…».

Тем временем, минуло всего два месяца с момента приезда Высоцкого из Парижа, как он… снова полетел туда же сроком на месяц. Как там у него в известной песне: «Мы здесь в Париже нужны как в русской бане лыжи». Однако самого от этого города щипцами не оторвешь. А все почему? Видимо, работа в качестве агента влияния подразумевает частые поездки за рубеж, чтобы это влияние расширялось.

В Париже Высоцкий уже чувствовал себя как рыба в воде и даже стал гидом для сводного брата Андрея Миронова по отцовской линии — балетмейстера Кирилла Ласкари: он приехал туда вместе с ленинградским Малым театром оперы и балета. Послушаем его рассказ об этом:

«Володя обожал кино. Был день, когда мы посмотрели с ним подряд четыре кинофильма, причем он — по второму разу из-за меня: «Ночной таксист» с Де Ниро, «Полет над гнездом кукушки» с Николсоном, вестерн с Аль Пачино и «Эммануэль» на Елисейских полях, где этот «шедевр» шел несколько лет бессменно (этот французский эротический фильм был запрещен к выходу президентом Жоржем Помпиду, но едва он в апреле 74-го скончался, как его сменщик Валери Жискар д'Эстен тут же выпустил его в прокат, поскольку исполнительница главной роли Сильвия Кристель была… его любовницей. — *Авт.*). Всю картину Володя острил, смеялся и предвосхищал события на экране. В зале, кроме нас, сидели еще несколько иногородних. Когда включили свет, лица у многих были пунцового цвета. У меня, по-видимому, тоже. Володя — само спокойствие. Ходили на Пляс Пигаль, смотреть проституток.

— Хочешь прицепиться?

— Нет, — твердо сказал я. Он подошел к одной, самой вульгарной и не самой молодой…

— Нахалка, — сказал, вернувшись ко мне, — совести вот ни на столько, — показал ноготь мизинца. — Ее цена — три пары обуви. Я вот эти, — поднял ногу, — второй год ношу. — Обернулся в сторону проститутки и пригрозил ей пальцем. — Совсем сошла с ума, фулюганка, — прокричал. — Пойдем, перекусим…».

Отметим, что в доме Влади в Мезон-Лаффите Высоцкий чувствует себя не слишком уютно и при любом удобном случае старается там не засиживаться. Так, он знакомится с болгарским музыкантом Константином Казанским (вообще у Высоцкого было много друзей среди болгар), и они для записи очередного диска

Высоцкого уезжают жить в квартиру дяди Казанского на небольшой улочке Руссле на левом берегу Сены в районе Латинских кварталов. Это была небольшая квартирка на втором этаже. Напротив дома — иранский ресторанчик, где Марина и Владимир часто обедали, причем не одни, а с «советским» иранцем… Бабеком Серушем, который, как мы помним, работал под крышей КГБ.

В середине августа 1975 года Высоцкий и Влади вернулись в СССР, причем не в Москву, а в латвийскую Юрмалу, где режиссер Александр Митта снимал натурные эпизоды фильма «Арап Петра Великого» (в прокате — «Сказ про то, как царь Петр арапа женил»). Как мы помним, у Высоцкого там главная роль — арап Ибрагим Ганнибал. Причем Госкино долгое время не хотело утверждать его на эту роль, но затем вдруг резко переменило свое мнение. Почему? Не потому ли, что за Высоцкого замолвил слово кто-то из сильных мира сего?

В начале сентября «Таганка», а с ней и Высоцкий, отправилась на свои первые гастроли за границу — в Болгарию. Организовала эти гастроли дочь тамошнего лидера Тодора Живкова Людмила, которая была министром культуры и слыла большой либералкой — поклонницей «Таганки». Тем более, что в международной политике СССР сделал очередной существенный шаг в сторону углубления разрядки: в начале августа 75-го Брежнев подписал в Хельсинки, на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе, документы так называемой «третьей корзины» — о расширении культурного сотрудничества с Западом. После этого «Таганка» стала двигаться в сторону того, чтобы стать «выездной». Однако на Запад ее выпускать пока не торопились, решив предварительно «обкатать» в Восточном блоке с двумя благонадежными спектаклями («А зори здесь тихие…», «10 дней, которые потрясли мир») и двумя фрондерскими («Добрый человек из Сезуана», «Гамлет»). Высоцкий был занят в трех последних представлениях.

Вернувшись на родину, наш герой практически сразу ушел в алкогольное «пике». И это буквально за пару дней до приезда супруги. Но Высоцкого это уже не останавливает, а даже наоборот — подстегивает. Вот как об этом вспоминает Э. Володарский:

«Я уже выходил из запоя. Вдруг появляется Володя пьяный! И все начинается сначала. Мы сидим у меня дома, пьем. Володя смотрит на часы и говорит: «Через три дня Мариночка прилетает». Продолжаем гудеть. На следующий день Володя опять смотрит на часы: «Через два дня Марина прилетает. Надо ее встретить». На третий день: «Через два часа эта сука прилетит!». Естественно, мы ее не встретили. Фарида (жена Володарского. —

Ф. Р.) отвезла Володю на Грузинскую, чтобы он был там, когда из аэропорта приедет Марина. Он вернулся к нам ночью в разорванной рубашке: «Вот, любимую рубашку порвала». Наутро появилась Марина, в леопардовой шубе, роскошная, волосы по плечам. И на пороге Фариде: «Дай мне денег, я улетаю». Фарида говорит: «Ну ты посиди, отдохни, потом полетишь». Она хотела их помирить. Марина зашла. Села на кухне. На столе стояла бутылка коньяка. Она тут же себе налила, выпила. А мы совещаемся в комнате. Володя говорит: «Я слышу, как она пьет! Она выпьет последний наш коньяк!». Он встал, пошел на кухню. Протянул руку к бутылке. Марина тоже хватает бутылку. Идет молчаливая борьба. Он все-таки вырвал, победоносно вернулся в комнату, и мы ее прикончили. Марина говорит Фариде: «Так нельзя. У Володи спектакли, фильм, его нужно выводить. Надо что-нибудь придумать».

Бутылка кончилась. Появляется Володя на пороге и говорит: «Где водка?». Фарида с Мариной молчат. Вдруг Марина говорит: «Володя, водка есть, но она не здесь». «А где?» — «Ну, там, в Склифе». Он приходит ко мне: «Эдька, они говорят, в Склифе нам водки дадут, поехали». А мы уже такие пьяные, что не соображаем, что в Склифе водку не дают, там совсем другое дают. Я даю Володьке свой пиджак, а он щупленький, рукава висят, как у сироты. Спускаемся в лифте, выходим из подъезда.

Едем. Какой-то полуподвал. Там все Володькины друзья, вся бригада реанимации, которая его всегда спасала. Они все, конечно, сразу поняли. Мы сидим, ждем, когда нам дадут водки. Володьку увели. Ну, думаю, уже дают. Вдруг его ведут. А ему уже какой-то укол сделали, и он так на меня посмотрел: «Беги отсюда, ничего здесь не дают». И его увели. А я вскочил на стол, размахивая ножом кухонным, который взял из дома, открыл окно и ушел на улицу. На следующий день пьянка уже кончилась, все тихо. Звонит Марина: «Володя уже вернулся из больницы, приезжайте, будем пить чай». Мы едем к ним. Действительно, на кухне накрыт чай. Володька сидит во-о-от с таким фингалом под глазом. Руки стерты в запястьях. Говорит: «Вот что со мной в больнице сделали, санитар мне в глаз дал».. Там жесточайшие способы. Они его раздевали догола, привязывали к цинковому столу и делали какие-то уколы. Он выворачивал руки, стер их в кровь и все время вопил, что он артист, что с ним так нельзя. И так надоел санитару, что тот дал ему в глаз. А он тогда снимался в «Арапе Петра Великого» у Митты. Вот так нас привели в чувство, и мы кроткие, аки голуби, сидели на кухне и пили чай…».

После посещения Склифа Высоцкому на какое-то время

пришлось надеть на глаза темные очки, а запястья на руках перевязать бинтами. Всем любопытным (а в народе пошли слухи, что он пытался покончить с собой — резал вены) он объяснял, что поранился во время съемок в «Арапе»: дескать, скакал на лошади, та угодила копытом в яму от старого телеграфного столба, и он вылетел из седла. Из-за этих ран было под вопросом участие Высоцкого в гастролях «Таганки» в Ростове-на-Дону, которые должны были состояться в начале октября, но актер заверил всех, что вполне работоспособен.

Именно в те осенние дни в жизнь Высоцкого войдет врач-реаниматолог Анатолий Федотов — его будущий погубитель. По словам О. Афанасьевой, «Толю привел Вадим Иванович и как бы поддерживал его своим авторитетом».

А вот что расскажет о своем знакомстве с Высоцким сам Федотов:

«С Владимиром Высоцким я познакомился в 1975 году. Помню, что дело шло к осени — конец сентября или начало октября… У Высоцкого поднялась температура, и Вадим Иванович Туманов вызвал Олега Филатова. А Олег по специальности травматолог, поэтому и попросил меня… Филатов заехал за мной — вот тогда в первый раз я попал на Малую Грузинскую…

Высоцкий был с Иваном Бортником, у них резко подскочила температура — под сорок! Температуру мы сбили… Потом я заехал еще раз, стали видеться почти каждую неделю, а чуть позже — и каждый день… И так до самой смерти…».

Той же осенью Высоцкий и Влади наконец въехали в свою новую «трешку» по адресу Малая Грузинская улица, дом 28. Место весьма удобное с точки зрения передвижения: поблизости престижный Кутузовский проспект, где, кстати, живет не только Брежнев, но и Андропов, и центр совсем близко — пять-семь минут езды на автомобиле, и ты в сердце столицы, на Красной площади.

В те дни Высоцкий продолжал сниматься в павильонах «Мосфильма» в фильме А. Митты «Арап Петра Великого». Причем иногда приезжал туда не один, а с женой. А в пятницу, 14 ноября, звездная чета приехали на квартиру фотографа Валерия Плотникова, чтобы в очередной раз позировать ему для фотографий, которые предполагалось поместить на обложку диска-гиганта — он должен был выйти на фирме «Мелодия». Супруги были в прекрасном настроении, и Плотников легко нащелкал не один десяток снимков, на которых гости были изображены в самых различных ракурсах: Высоцкий и Влади сидят на кубе, Влади обнимает Высоцкого, Высоцкий с гитарой на

кубе и т. д. и т. п. После удачно проделанной работы хозяин и гости уселись пить кофе.

Между тем на Западе интерес к творчеству Высоцкого не ослабевал. В декабре 75-го в Москву приехали австрийские телевизионщики, снимавшие фильм «Дети улицы театров». Одним из героев этого фильма был Высоцкий, которого было решено показать во всех его ипостасях — театрального актера, артиста кино (в фильм были включены отрывки из ленты «Арап Петра Великого») и автора-исполнителя своих песен. Интервью с Высоцким снималось в его квартире на Малой Грузинской улице.

12 декабря Высоцкий и Влади заехали в гости к поэтессе Бэлле Ахмадулиной. Вот как об этом вспоминает А. Макаров:

«Собралась компания близких друзей. Раздался телефонный звонок. Бэлла сказала, что сейчас приедут Володя и Марина. Вскоре они приехали. Володя спел только что написанную для ленфильмовской картины «Вторая попытка Виктора Крохина» песню «Баллада о детстве». Она произвела фурор. Потом еще что-то спел. Все сидели за столом — это было в мастерской Бориса Мессерера, мужа Ахмадулиной. Там был длинный стол, а дальше проем со ступеньками, ведущими выше, в мастерскую. Я увидел, что Бэлла сидит на этих ступеньках и что-то пишет. Володя пел, пел, пел, а когда отложил гитару, Бэлла без всякого предварения стала читать свои новые стихи. Получилось такое невольное вроде бы соревнование. Она так зажглась и в то же время так ревновала к этому вниманию, что даже не сумела дождаться, пока воцарится молчание, и своим небесным срывающимся голосом начала читать поразительные стихи…».

Тем временем на Таганке Юрий Любимов готовит замену Высоцкому в спектакле «Гамлет». На роль принца Датского режиссер первоначально хотел пригласить Ивана Бортника, но тот был близким приятелем Высоцкого и поэтому от заманчивого предложения отказался. Любимов назвал его трусом и обратил свой взор на Валерия Золотухина. Уговоры длились больше часа. По словам Золотухина, Любимов объяснял свое желание заменить Высоцкого так: «С этим господином я работать больше не могу. Он хамит походя и не замечает… Уезжает в марте во Францию. Ездит на дорогих машинах, зарабатывает бешеные деньги, — я не против… на здоровье… но не надо гадить в то гнездо, которое тебя сделало». Золотухин пытался возражать: «Мы потеряем его, когда будет найден другой исполнитель. Заменить его, может быть, и следует, но, думаю, не по-хозяйски было бы терять его совсем». Любимов: «Да он уже потерян для театра давно. Ведь в «Гамлете» я выстроил ему каждую фразу, сколько мне это мук и крови стоило, ведь артисты забывают… Нет, я тебя не тороплю.

Ты подумай». Золотухин: «А чего мне думать? Отказываться? Для меня, для любого актера, попробовать Гамлета — великая честь и счастье. Но для того, чтобы я приступил к работе, мне нужен приказ, официальное назначение. Официальное, производственное назначение, а там уж видно будет…».

Приказ о назначении Золотухина на роль Гамлета был вывешен в театре 14 декабря. Как пишет сам актер, «Труппа не прореагировала. Косые видел взгляды, зависть. Никто не поздравил, не выразил благожелательства… так, чушь какая-то. А я нервничаю. Но засучим рукава, поплюем в ладошки и с Богом…».

25 декабря Высоцкий и Влади собрали у себя на квартире на Малой Грузинской улице, дом 28, два десятка гостей, чтобы отпраздновать новоселье. Собственно, в эту квартиру новоселы въехали более двух месяцев назад, однако долгое время никак не могли это событие отпраздновать: то Высоцкий был на гастролях, то его сваливала с ног болезнь, то еще что-нибудь мешало. В итоге собраться удалось только на католическое Рождество. Поздравить новоселов пришли их наиболее близкие друзья и родственники: мать, отец, Всеволод Абдулов с женой, Станислав Говорухин, Василий Аксенов и др. Вечер получился на удивление теплым. Новоселы выглядели по-настоящему счастливыми людьми, что вполне закономерно: за семь лет совместной жизни они умудрились сменить с десяток различных съемных квартир, пока наконец не обрели удобное трехкомнатное жилье в кооперативном доме. Было произнесено множество тостов, но суть каждого из них, в общем-то, сводилась к одному: чтобы дом этот всегда был как полная чаша, чтобы новоселы прожили в нем сто лет. Как покажет время, первая часть этих пожеланий подтвердится полностью, а вот вторая нет: судьба отпустит одному из новоселов — Высоцкому — всего лишь четыре с половиной года жизни в этих стенах.

Между тем год 75-й закончился под пение Владимира Высоцкого, которое на всю страну прозвучало с телевизионного экрана. В тот день, примерно около восьми часов вечера по московскому времени, царь Иван Грозный в исполнении Юрия Яковлева неосторожно сел на кассетный магнитофон в квартире изобретателя Шурика, и из динамика захрипел голос Высоцкого: «Поговори хоть ты со мной, гитара семиструнная…». Думаю, читатель уже догадался, о чем идет речь: о фильме Леонида Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию», премьера которого на ЦТ состоялась за четыре с половиной часа до наступления Нового года.

«Кто в фонтане купается — тот богач»

Начало весны 1976 года принесло Высоцкому облегчение. В течение нескольких недель он пребывал в неизвестности относительно того, разрешит ли ему ОВИР выехать в ближайшее время во Францию. А выехать ему ох как хотелось: измученный событиями последних месяцев донельзя (скандалы на съемочной площадке «Арапа», в театре из-за роли Гамлета, болезни и прочая-прочая), он рассчитывал хотя бы за границей отдохнуть и развеяться — они с женой намечали совершить круиз на теплоходе. Но ОВИР как будто специально тянул с ответом. И вот, когда уже казалось, что положительного ответа им не дождаться, случилось чудо: 2 марта «добро» на выезд было получено. У обоих как гора с плеч свалилась.

Кроме этого, для Высоцкого начало марта ознаменовалось еще одним приятным событием: с 1 марта на экраны столичных кинотеатров вышел очередной фильм с его участием — «Единственная» Иосифа Хейфица. В нем Высоцкий играл небольшую роль руководителя хорового кружка и исполнял новую песню «Погоня» («Во хмелю слегка…»). Не будет преувеличением сказать, что во многом именно присутствие Высоцкого подогревало интерес зрителей к фильму. На многих афишах к «Единственной» имя Высоцкого специально было выведено крупными буквами. В итоге фильм собрал весьма внушительную кассу: его посмотрели 33,1 миллиона зрителей; лидер проката «Табор уходит в небо» набрал 64,9 млн.

Утром 31 марта Владимир Высоцкий и Марина Влади выехали на своей иномарке из столицы. Им предстоял долгий путь сначала до Бреста, а оттуда через Польшу и сопредельные страны во Францию. Впрочем, этот маршрут им был уже хорошо известен — двигались они по нему не в первый раз. Высоцкий был в хорошем расположении духа, несмотря на то, что последние события в родном театре вселяли в него мало оптимизма. Однако впереди его ждал полуторамесячный отпуск, во время которого он собирался совершить круиз на океанском лайнере.

В Минске супруги навестили писателя Алеся Адамовича, который вручил им в подарок свою самую многострадальную книгу — «Хатынскую повесть». Это по ней чуть позже Элем Климов задумает снять фильм «Иди и смотри», но с первого раза эта затея не удастся — цензура не допустит.

Из Кельна Высоцкий послал маме, Нине Максимовне, веселую открытку: «Мамуля! Мы тут обнаглели и шпарим по-немецки — я помню только одну фразу и везде ее употребляю. Целую. Вова». Спустя несколько дней супруги были уже в Париже, откуда вскоре должны были отправиться в круиз по маршруту Лиссабон (Португалия) — Мадейра (африканская территория Португалии) — Канары (африканская территория Испании) — Марокко (Африка).

В Монте-Карло они специально идут в казино, поскольку оба ни разу в подобных заведениях не были: у Влади отец был заядлым игроком, но сама она всегда боялась заразиться его азартом. Понаблюдав несколько минут за игрой, Высоцкий наконец решается сделать ставки. Он бросает крупье все свои жетоны и просит поставить их на цифру «три». Но поскольку говорит он с акцентом, крупье его не понимает и ставит на другую цифру — «тридцать три». Эта ошибка играет на руку Высоцкому — он выигрывает. Как пишет М. Влади, «Ты рычишь от восторга, к удивлению присутствующих. Крупье сгребает жетоны и продвигает их к тебе. Ты протягиваешь руку, чтобы поставить всю эту кучу на другой номер, но я хватаю тебя за ремень и с силой тяну назад. Рассерженный, ты отбиваешься, но сил у меня много, и я вытаскиваю тебя из зала, уговаривая, что пусть этот ход лучше будет первым и последним, что это и так слишком шикарно — сразу выиграть столько денег в первый же раз. Кассир выдает тебе пачку разноцветных купюр, и ты выходишь из казино, держа выигрыш в руке, как букет цветов. Портье тебя поздравляет, ты счастлив, у меня отлегло от сердца…».

Тем временем, пока Высоцкий отсутствует, на родине его поклонникам не дают о нем забыть. Так, в апрельском номере звукового журнала «Кругозор» (№ 4) была помещена пластинка с двумя балладами Владимира Высоцкого из фильма «Бегство мистера Мак-Кинли». Здесь же была помещена и небольшая заметка о Высоцком. Событие из разряда сенсационных: это было первое попадание нашего героя в этот популярный журнал.

Последний месяц весны тоже начался с радостного для поклонников Высоцкого события: 3 мая в прокат вышла совместная советско-югославская военная драма режиссера Владимира Павловича «Единственная дорога», где Высоцкий пусть и играл роль эпизодическую, зато в течение почти пяти минут пел с экрана свою собственную песню.

Наконец, 7 мая по ЦТ была показана «Кинопанорама», в которую был включен сюжет о фильме «Бегство мистера Мак-Кинли». В частности, был показан отрывок, где Высоцкий исполнял песню в образе уличного певца Билла Сиггера.

Однако отметим, что из девяти баллад, написанных Высоцким к этому фильму, в картину вошли всего лишь… две с половиной. Остальные вылетели, поскольку, как мы уже отмечали выше, подтекст у них был не антиамериканский, а антисоветский. В среде советской либеральной интеллигенции в те годы это было модно — держать увесистую «фигу» по адресу неповоротливой и косной власти. Однако, будучи не идеальной, дурой она все-таки не была. Поэтому, разобравшись в том, кого именно имел в виду Высоцкий в своих балладах — «кромсать все, что ваше, проклинать!», власти вырезали их из фильма. На одном из своих концертов актер так обрисует сложившуюся ситуацию:

«Я написал несколько больших баллад для фильма «Бегство мистера Мак-Кинли». Сделали большую рекламу этому, и написали, что я там играю чуть ли не главную роль, и что я там пою все баллады. Это вранье! Я там ничего не играю, потому что полностью вырезан. Вместо девяти баллад осталось полторы, и те — где-то на заднем плане. Поэтому не верьте! И на фильм-то пойдите, но совсем без ожидания того, что вы там услышите мои баллады…».

В этом монологе Высоцкий опять же лукавил, не объясняя главной сути проблемы — за что именно были вырезаны из фильма его песни. Однако сказать правду — дескать, я своими балладами хотел вдарить по этой власти со всей силы, а она, оказавшись не дурой, мне этого не разрешила, он тоже не мог — себе дороже. Поэтому в его положении можно было поступить по-разному: либо вообще промолчать об этой истории, либо рассказать ее со своих позиций. Высоцкий выбрал второй вариант, что, в общем-то, понятно: это добавляло новых симпатий ему как певцу протеста и могло повысить его реноме в глазах чекистов как суперагента КГБ, вхожего в любые (подчеркнем это) диссидентские тусовки.

Между тем 15 мая Высоцкий объявился в Москве. Выглядел он прекрасно: загоревший и посвежевший. Кроме того, на родину он вернулся на новом «железном коне» — «Мерседесе-350» цвета голубой металлик 1974 года выпуска. В те годы в столице огромной страны машин такой марки было всего несколько, и почти все — у представителей высшего света: у Генсека ЦК КПСС Леонида Брежнева, министра внутренних дел Николая Щелокова, шахматиста Анатолия Карпова и актера Арчила Гомиашвили. Однако только у двух людей «Мерседес» был именно голубого цвета: у Брежнева и Высоцкого. Судя по всему, последний знал о цвете машины Генсека и специально купил себе такой же — чтобы гаишники не цеплялись.

Но это еще не все. Юридическая уникальность этой покупки

заключалась в ее растаможке — любому другому жителю СССР за такое могли голову оторвать, но только не Высоцкому с его «крышей». Как гласит легенда, бард решил этот вопрос просто: дал несколько концертов для работников таможни. За это, якобы, ему разрешили выплачивать таможенную пошлину в рассрочку, что было нарушением советского законодательства. Но Высоцкому разрешалось совершать такого рода нарушения, причем тянулось это уже давно — с тех пор, как он стал иконой советского либерального истеблишмента.

В мае 76-го Высоцкий включился в очередной кинопроект в качестве автора песен. Вообще, заметим, что в последние три года, с момента получения загранпаспорта, наш герой все реже снимается в кино в центральных ролях. Напомним, что до получения загранпаспорта в 1973 году Высоцкий играл в кино исключительно главные роли: только в период с 1969 по 1973 год он исполнил таковые в четырех фильмах — «Хозяин тайги», 1969; «Опасные гастроли», 1970; «Плохой хороший человек», 1973; «Четвертый», 1973. Но после того, как Высоцкий стал выездным, его международная деятельность стала для страны гораздо важнее, чем творческая, поэтому ничто побочное не должно было его от нее отвлекать. Главные роли если и случались, как в «Арапе», то уже эпизодически, видимо, чтобы не мешать его заграничной представительской деятельности.

Однако в своих взаимоотношениях с кинематографом Высоцкий находит новую нишу: композиторско-поэтическо-певческую. Причем, в отличие от большинства других композиторов, работающих в кино, которые обычно вынуждены довольствоваться в фильмах одной-двумя песнями, Высоцкий пишет сразу помногу — около десятка, а то и более (!) музыкально-поэтических произведений; например, для фильма «Иван да Марья» это были 14 песен, для «Бегство мистера Мак-Кинли» — девять, для «Стрел Робин Гуда» — шесть. Правда, как мы уже говорили, большинство этих песен в картины в итоге не вошли, однако на гонорарах Высоцкого это нисколько не отразилось — он получил все сполна. Причем получил прилично — по нескольку тысяч рублей, поскольку платили ему по двойному тарифу — как композитору и поэту.

Новым кинопроектом композитора и поэта Высоцкого стал вестерн по-советски «Вооружен и очень опасен». Режиссером его был патриарх советского кино Владимир Вайншток — автор «Детей капитана Гранта», 1936; «Острова сокровищ», 1938; «Всадника без головы», 1973. Тот самый Вайншток, который был не только кинематографистом, но и чекистом еще с довоенным стажем и носил псевдоним Владимиров. Как уже отмечалось,

таких кинематографистов-чекистов, которые состояли в действующем резерве КГБ, в СССР было много, и все они были на хорошем счету. Им всегда создавались наиболее благоприятные условия для работы, их фильмы награждались различными призами, хорошо прокатывались, даже если они были слабыми с точки зрения своих художественных качеств.

Для фильма режиссера-чекиста Высоцкий написал стихи к шести песням; композитором был Г. Фиртич. Правда, исполнял эти песни наш герой не сам, но гонорар получил хороший, даже при том, что не все произведения прозвучали в фильме полностью. Обратим внимание на одну из них — «Это вовсе не френч канкан…», где Высоцкий на фоне нефтяной темы времен покорения Дикого Запада зашифровал реалии тогдашней советской действительности — куплю-продажу советской интеллигенции, а заодно и народа, за «нефтяные деньги»: «Кто в фонтане купается — тот богач».

Высоцкий хлестко бичует тех, кто купился на эту приманку, заявляя, что «куплен этот фонтан с потрохами весь, ну а брызги летят между вами здесь». И тут же предупреждает: «а ворота у входа в фонтан — как пасть, — осторожнее: можно в капкан попасть!..». Однако тех, кто увернулся от этих «брызг», в стране не так уж и много — он почти всех накрыл. Поскольку, как верно замечает Высоцкий: «Если дыры в кармане — какой расчет?! Ты утонешь в фонтане — другой всплывет».

Именно «“нефтяная игла» в скором будущем погубит СССР. Дело в том, что когда все только начиналось (а нефть стала «мировым товаром» с 1968 года), Советский Союз умудрялся и нефть на Запад гнать, и свое производство развивать. Однако именно со второй половины 70-х, ошалев от «нефтяных» прибылей, советское руководство станет все больше надеяться на них в ущерб развитию собственного производства. Тогда в высшем советском руководстве боролись две концепции экономического развития: первую отстаивал председатель Совета министров СССР Алексей Косыгин и близкие к нему деятели из «русской партии» — Кирилл Мазуров, Петр Машеров, Владимир Долгих, Константин Катушев; сутью этого пути было развитие перерабатывающих отраслей, особенно в азиатском регионе страны, то есть на базе имеющихся там природных и трудовых ресурсов. Вторую концепцию отстаивали «украинцы» — Брежнев, Подгорный, Кириленко, Черненко, Тихонов, Щербицкий, которые предлагали именно развитие сырьевых отраслей. Победили в итоге последние, поскольку этот путь давал гораздо быстрый эффект, чем косыгинский: там требовались крупные, долгосрочные капиталовложения. К чему привел этот выбор, мы

теперь знаем: к середине 80-х прибылями от нефти в СССР заменят фактически всю экономику. А ведь мировые цены на «черное золото— зависят от игры на бирже. Вот этой игрой и воспользуются американцы: в 85-м договорятся с саудовцами и обрушат цены на нефть до критической отметки. С этого момента и начнется финальный этап в деле развала СССР.

Последнего события Высоцкий уже не застанет. Но его песня «Это вовсе не френч канкан…» переживет своего создателя и окажется весьма актуальной в наши дни — в годы пресловутой путинской стабильности (2001–2008 гг.), когда шальные «нефтяные деньги» опять с головой накроют страну, снова превратив ее в нефтяного наркомана. Затем «лафа» закончится и начнется «ломка» — мировой финансовый кризис. Впрочем, это уже совсем другая история. Но начиналось это еще тогда, в середине 70-х, когда Высоцкий и писал свой «Это не френч канкан…».

Значительная доля «нефтяных денег» составила основу пресловутого «золота партии», которое советская корпоратократия переводила за рубеж и там сосредотачивала в значительных объемах в различных банках, подконтрольных советским структурам вроде Международного отдела ЦК КПСС или КГБ. Из этих денег оплачивались и тайные операции за рубежом, вроде тех, в которых могли быть задействованы — как явно, так и втемную — Высоцкий с Влади. Так что прав был наш герой, когда пел в своем «Френч канкане», что «брызги летят между вами (нами) здесь».

В июне 1976 года в Москве гостила первая жена Высоцкого Иза Жукова. В столицу она приехала из Нижнего Тагила на 60-летие отца Высоцкого Семена Владимировича, которое выпадало на 17 июня. Жила бывшая на квартире своей подруги Надежды Сталиной, дочери Светланы Аллилуевой, на Малой Тульской. Примерно в начале июня подруги уехали из столицы, перебравшись на дачу Надежды в Жуковке. Там практически каждый день собиралась шумная компания: молодые люди круглосуточно пили чай, водку, спорили на разные темы, веселились. В один из таких холодных дней, а июнь в том году выпал дождливый и стылый, Жукова позвонила Семену Владимировичу, чтобы поинтересоваться, когда будет справляться юбилей. А тот внезапно огорошил ее новостью, что через пару дней в Москву возвращается Высоцкий. «Жди звонка», — предупредил Семен Владимирович.

Высоцкий позвонил 11 июня. Несмотря на то, что с бывшей женой они не общались вот уже несколько лет, разговаривали так, будто расстались только вчера. Высоцкий называл бывшую,

как и прежде, — Волчонком. В конце разговора сообщил, что завтра утром он будет играть Гамлета. «Приедешь?» — «Приеду», — практически не думая, ответила она. А после спектакля они съездили в Коломну, где у Высоцкого был концерт. Далее послушаем ее собственный рассказ:

«Мы вернулись и ночевали на Малой Грузинской у Володи. Незадолго до этого Влади уехала из Москвы, но во всем чувствовалось присутствие женщины. Потом Семен Владимирович вел допрос — была ли я на Малой Грузинской. Разведчик. Нет, они не возражали. Меня расспрашивали, потому что… А вдруг чего-нибудь случится и наладится? Я знала, что он собирается к Влади в Париж. И еще он сказал о ней: «Она очень хороший человек, она много для меня сделала»…

Но между нами уже ничего не могло быть. Я имею в виду — мы не могли сойтись: каждый уже бежал в свою сторону. Мы были как родные, так и остались. А назавтра с утра Володе нужно было рано вставать. Я быстренько приготовила ему завтрак, накормила. А дальше у него концерты, спектакль, опять он меня встречает, отвозит в Жуковку к друзьям…».

В начале июля Высоцкий снова покинул пределы родины — уехал в Париж, хотя эта поездка далась ему не сразу. Почему? Дело в том, что еще в конце марта Высоцкий заранее обратился в московский ОВИР с просьбой отпустить его во Францию еще и летом, причем на 40 дней. Но ОВИР ответил отказом, мотивируя это следующим: «Учитывая наличие материалов, препятствующих выезду из СССР гр-ну Высоцкому В. С., <…> в выезде из СССР во Францию ОТКАЗАТЬ в связи с тем, что в соответствии с Положением о въезде в СССР и выезде из СССР, утвержденном постановлением СМ СССР от 22.09.1970 г. № 801, въезд в развивающиеся и капиталистические страны разрешается один раз в год».

Тогда Высоцкий обращается выше — в союзное МВД, к куратору ОВИРов, заму министра Б. Шумилину, где слезно просит войти в его положение: «…если я не выеду во Францию в июле, мы не сможем встретиться с женой примерно полгода. <…>… Мы построили планы относительно летних каникул детей моей жены, которые тоже могут рухнуть в случае моего неприезда». В итоге эти «слезы» возымели действие, и Высоцкого выпустили в «загранку» во второй раз.

Как выяснилось, упоминание детей Влади в запросе Высоцкого было лишь ширмой. На самом деле никакими детьми они по большому счету, судя по всему, не занимались. Тогда что же они делали?

Пробыв за границей 40 дней, Высоцкий сразу в трех (!)

разных странах осуществит три пиаровских проекта, связанных с собственным творчеством. А началось все в Париже, где герой нашего рассказа записал 13 песен для трех передач радиостанции «Франс Мюзик». После этого в середине месяца звездная чета отправилась в Монреаль, где начались летние Олимпийские игры. Жить остановились в доме подруги Влади Дианы Дюфрен. Кстати, там же оказался и Бабек Серуш, которого в Канаду привели дела служебной надобности: именно из Канады он собирался в обход эмбарго отправить очередную партию электронной техники в ФРГ, а оттуда уже в СССР.

Тогда же на одной из тамошних вечеринок, Высоцкий впервые пробует марихуану. По словам М. Влади, выглядит это следующим образом:

«Наши хозяева протягивают нам сигарету, мы сомневаемся, но друзья уверяют нас, что это совсем не противно, и что особенно приятно после нескольких затяжек послушать музыку. Мы курим по очереди, ты вздыхаешь от удовольствия, мы слушаем музыку, я различаю каждый инструмент — впечатление такое, что весь оркестр играет у меня в голове. Но очень скоро я не могу больше бороться с усталостью и засыпаю. Последнее, что я вижу, — это твое удовлетворенное лицо…».

Судя по всему, это было всего лишь разовое употребление Высоцким наркотика. Так сказать, из любопытства. Но его собственная наркомания уже не за горами.

В Канаде Высоцкий осуществляет второй пиар-проект — записывает диск-гигант, да не у кого-нибудь, а у самого Андре Перри, который считается волшебником звука, лучшим ухом Американского континента. У него в студии самое сложное оборудование, какое только есть; особенно потрясающе выглядит звукооператорский пульт с восемнадцатью дорожками. В оркестре собраны самые лучшие музыканты. Под их аккомпанемент Высоцкий записывает свои лучшие песни: «Спасите наши души», «Прерванный полет», «Погоню», «Купола», «Охоту на волков» и др. Причем записывает не бесплатно, а заплатив приличные деньги — услуги «волшебника звука» стоили дорого. Рядом с Высоцким в Канаде был Серуш, который часто был для него «денежным мешком» — так, вернувшись в Союз, он даже купил для друга Володи и коллеги по агентурной деятельности дорогостоящую аппаратуру, да и много чего еще в последующем; запись эту оплатил, видимо, именно он в качестве своеобразного чекистского бонуса.

Во время пребывания в Канаде Высоцкий и Влади иногда посещали олимпийские соревнования с участием советских спортсменов. Причем последние их приходу были рады, особенно

футболисты, а вот коллеги из актерского цеха, приехавшие в составе советской культурной делегации, особой радости не выказывали. Это, в общем-то, понятно: в то время как они вынуждены сверять каждый свой шаг за границей с прикомандированным к ним сотрудником КГБ, Высоцкий разгуливает по заграницам без всякого надзора, и делает там все, что захочет. А потом возвращается на родину и надрывно поет — «да разве это жизнь, когда в цепях». По этому поводу расскажем одну историю.

В составе советской олимпийской делегации от деятелей культуры был известный юморист Геннадий Хазанов. Он был новичок — впервые выехал в капиталистическую страну. Однако совершил оплошность: встретился с двоюродным братом своей жены, который некогда был гражданином СССР. Родственник передал Хазанову посылку для своего дяди, проживающего в Пермской области, и очень просил ее переслать. Отказать ему артист не смог, за что пострадал, едва вернулся на родину — его сделали невыездным на целых 12 лет. И это при том, что в ту пору Хазанов был уже достаточно известным артистом. А теперь вспомним, сколько подобных, а то и похлеще грехов за границей числилось за Высоцким! Однако с него как с гуся вода. Спрашивается, почему? Видимо, потому, что в отличие от Хазанова, который приехал в Канаду от «Москонцерта», Высоцкий мог работать от организаций куда более сильных и влиятельных, которые имели возможность прикрывать любые его грехи.

В Канаде с Высоцким произошла одна неприятная история. Как-то вечером вместе с женой и Серушем артист возвращался к себе в гостиницу. И у самого входа увидел… самого Чарльза Бронсона — суперпопулярного киноактера. Поскольку Влади его знала, Высоцкий попросил ее познакомить его с ним. Жена согласилась. Она сказала Бронсону: «Вот русский актер, очень известный, хотел бы с вами познакомиться». Но Бронсон даже слушать ее не стал: замахал руками и тут же ретировался. Высоцкий был очень оскорблен и сказал: «Ну, ладно… Вот приедешь в Москву, я тоже не захочу с тобой познакомиться».

Из Монреаля звездная чета в компании все того же Бабека Серуша отправилась в Нью-Йорк, где Высоцкий до этого еще ни разу не бывал. Там он участвовал в третьем пиар-проекте, связанным с его именем: дал большое интервью популярной телепрограмме «60 минут». Обратим внимание, что ведущий представит его телезрителям как диссидента. На это Высоцкий отреагировал немедленно: заявил, что он не диссидент, он — художник, что может жить и работать только в России, которую покидать никогда не собирался и не собирается. Самое

интересное, что такого рода объяснения он давал чуть ли не всем зарубежным корреспондентам в разных странах, однако те упорно продолжали причислять его к диссидентам. Почему? Да потому, что он был интересен западному обществу именно этим. Будь он официозным исполнителем, внимание к нему на Западе было бы ничтожным.

Эфир с этим интервью появится не сразу, а спустя полгода, когда в этом возникнет политическая необходимость, о чем мы обязательно еще расскажем.

Из Нью-Йорка супруги вернулись в Париж. На родину Высоцкий приехал в самом начале августа и сразу отправился на очередные гастроли — на этот раз в Узбекистан: республику, которую он любил больше всех остальных. Даже признавался: это единственное райское место в этой стране. Он дал несколько концертов в Ташкенте, во Дворце спорта, и в Газли (Бухарская область).

В начале сентября в Театре на Таганке царил аврал — через несколько дней ему предстояло лететь на 10-й международный театральный фестиваль БИТЕФ в Югославию. Это была вторая «заграница» театра после Болгарии, причем заграница куда более заграничная, поскольку эта страна, как уже говорилось выше, хоть и именовалась социалистической, однако капитализма в ней было больше всех иных стран Восточного блока, вместе взятых: в середине 70-х страна продавала иностранным капиталистам до 49 % долей на югославских предприятиях. По сути, в СФРЮ к тому времени был построен гибрид социализма с капитализмом, что было тайной целью западных стратегов: спонсируя югославский капитализм-социализм, они стремились через Югославию заставить остальные соцстраны брать пример с югославского опыта. В 90-е годы югославы сполна расплатятся за свое чрезмерное доверие Западу: тот раздербанит их страну как тузик грелку. Впрочем, бывший СССР будет ждать похожая участь, слава богу, без бомбежек натовской авиацией.

Как мы помним, Высоцкий в Югославии уже однажды побывал — в прошлом году прожил там месяц, снимаясь в советско-югославском фильме «Единственная дорога». Осенью 76-го судьба забросила его туда снова, после чего он должен посетить соседнюю страну — Венгрию; все как в 74-м — правда, тогда Высоцкий сначала посетил Венгрию, а потом приехал в Югославию. Однако поездка «Таганки» в Югославию оказалась на грани срыва. Министерство культуры РСФСР, пристанище «руссистов», внезапно обязало Любимова оставить в Москве всех актеров и актрис еврейского происхождения, поскольку не было гарантии того, что кто-то из них не решит попросить

политического убежища на Западе. А таких евреев в составе труппы было целых 16 (!) человек, среди которых был и Высоцкий, еврей по отцу. Возмущенный Любимов отправился на прием к замминистра культуры Попову и выдвинул ему ультиматум: дескать, новых исполнителей вместо старых я вводить не собираюсь — ищите и вводите их сами. В министерстве, естественно, запаниковали. А тут еще и Андропов внес свою лепту: надавил на Министерство культуры, буквально заставив его руководителей перестать «наводить тень на плетень». Буквально заявил: «Если кто-то из актеров останется на Западе, это наши проблемы, а не ваши». В итоге «Таганка» в положенные сроки (9 сентября) отправилась в Югославию.

БИТЕФ завершился 28 сентября. Три равноправных Гран-при получили следующие спектакли: «Гамлет» Театра на Таганке, «Племя Икс» парижского театра под руководством Питера Брука и «Эйнштейн на пляже» нью-йорской труппы «Хофмен фаундейшн» под руководством Роберта Вилсона. В тот же день «Таганка» переехала на гастроли в Венгрию. Там 30 сентября главрежу театра Юрию Любимову исполнилось 59 лет. Торжество происходило в гостиничном номере именинника, куда пришли не только артисты, но и советский посол в Венгрии В. Павлов. Это был тот самый человек, который в 1965–1971 годах был вторым секретарем Московского горкома КПСС и курировал в столице силовой блок — органы КГБ и МВД. В Венгрию он попал как в ссылку, не угодив Лубянке. Высоцкий об этом знал, поэтому старался вести себя с ним осторожно. И когда взялся за гитару, антисталинскую «Баньку по-белому» петь не стал — запнулся.

В те же дни в Венгрию приехала Марина Влади. Здесь ей предстоит сниматься в фильме Марты Мессарош «Их двое»; отметим, что эта женщина-режиссер с 4-х лет жила в СССР, окончила там ВГИК в 1956-м, после чего уехала работать на родину. У Влади в фильме роль Марии — комендантши женского общежития, женщины жесткой, суровой. В картине рассказывалась история двух подруг — Марии и Жюли (в роли последней снялась Лили Монори), одна из которых несчастна в благополучном браке, а другая счастлива с мужем-алкоголиком. Роль первой подруги и исполняла Влади. Причем в реальной действительности все было наоборот — именно у нее был муж-алкоголик. И внешне их брак выглядел вполне счастливым. Поэтому чуть позже и возникнет идея привлечь к съемкам и Высоцкого. Но об этом — чуть позже.

Вспоминает М. Мессарош: «Марина продолжала сниматься у меня, в то время как Володя в Париже делал пластинку, и что-то у него не ладилось. Каждый день они говорили по телефону, как-то

нервно. Он сказал, что приедет. Не приехал. Потом опять. У них были какие-то напряженные отношения… Наконец он сказал, что прилетает.

Мы сидели с Мариной в аэропорту — была неплохая, солнечная погода… но вдруг спустился туман, и самолет, не заходя на посадку, полетел дальше до Белграда. Оттуда Володя приехал поездом в шесть утра. Марина попросила, чтобы я поехала с ней его встречать. Он стоял на перроне и разговаривал с очень красивой молодой женщиной-негритянкой…

Они очень поругались… Очень плохо себя чувствовали там, в гостинице, сидели, не кушали, были в ужасном состоянии. Я решила, что нужно их помирить, чтобы он тоже поехал с нами на съемки в маленький город Цуонак, и сказала: «Володя, ты завтра будешь играть у меня в фильме». Он всегда очень хотел играть в кино и был очень рад предложению. Пришлось придумать для них совместный эпизод. В сценарии нашелся такой момент: героиня одна выходит на улицу, и кто-то проходит мимо. Он идет, она идет, они встречаются, они целуются, она уходит, он смотрит вслед. Этого не было прописано, мы все сочинили по ходу съемок. Сцена снималась на русском языке. И вся одежда на Высоцком в этом эпизоде — собственная».

Это был единственный фильм, в котором Высоцкому и Влади удалось сыграть вместе.

14 октября 1976 года «Таганка» вернулась на родину, а спустя несколько дней Высоцкий приехал на подмосковную дачу своего приятеля Бабека Серуша впоселок Опалиха, 26 км. Волоколамского шоссе. Заметим, что жил Серуш неподалеку от города-спутника Зеленограда, который стал аналогом американской «Кремниевой долины» с множеством высокотехнологических электронных производств. Учитывая, что Серуш агентурил на Управление «Т» (научно-технической разведки) ПГУ КГБ СССР, близость его проживания к Зеленограду вполне обьяснима.

Зачем же Высоцкий в течение нескольких дней ездил к Серушу? Согласно официальной версии, певец записал несколько музыкальных сессий из собственных песен. Эта ситуация была идентична той, что уже была в биографии нашего героя в начале 70-х, когда его песни записывал другой специалист — Константин Мустафиди. Как мы помним, в 1972–1974 годах именно он устроил семь музыкальных сессий для Высоцкого, в результате которых на свет появились по сути первые качественные записи песен Высоцкого — 288 произведений. По нашей версии, это делалось по прямому распоряжению Андропова, который был заинтересован в том, чтобы создать канал, который наладил бы

выпуск качественных записей песен Высоцкого; до этого по стране распространялись лишь концертные записи барда, которые в большинстве своем были не самого отменного качества.

После того как Мустафиди свое дело сделал, эстафетную палочку от него принял Серуш. Он привез из-за границы целую звукозаписывающую студию — многоканальный магнитофон, микрофоны, микшеры и т. д., специально для того, чтобы записывать на ней Высоцкого. «Добро» на провоз этой аппаратуры в СССР Серушу, судя по всему, дала Лубянка в свете все той же операции по функционированию канала по выпуску в свет качественных записей Высоцкого. Естественно, все это делалось тайно, поскольку для многомиллионной аудитории бард должен был по-прежнему оставаться гонимым. Так что те поездки Высоцкого к Серушу четко укладывались в стратегию Андропова по негласной раскрутке певца посредством техники, купленной на средства КГБ от его зарубежных операций по линии Управления «Т».

Кстати, в середине 70-х на этом направлении (научно-техническая разведка) произошли весьма существенные перемены. Так, в 1975 году начальником Управления стал Л. Зайцев. А за год до этого начальник ПГУ Федор Мортин был переведен на пост, который считался ключевым в научно-технической разведке — начальника Главного управления научно-промышленного сотрудничества в Государственном комитете СССР по науке и технике (ГКНТ). Все это было связано с активизацией деятельности КГБ на ниве НТР, с ростом его операций по этой линии по всему миру. Так что значение таких людей, как Серуш, возросло, за что ему прощалось многое, в том числе и развеселая жизнь миллионера со всеми вытекающими отсюда последствиями: кабаки, девочки и т. д.

Серуш (а в его лице и КГБ) приложит руку не только к выходу «домашних» записей Высоцкого, но и к его диску-гиганту «Натянутый канат» во Франции. Впрочем, не будем забегать вперед.

Серушевские записи Высоцкого уйдут в народ чуть позже, а пока в ноябре 1976 года фирма грамзаписи «Мелодия» выпускает в свет двойной диск с записью музыкальной сказки «Алиса в стране чудес», музыку и стихи к которой (а это почти 30 песен!) написал опять же главный герой нашего рассказа. Была среди этих детских песен и одна взрослая — «Королевское шествие»:

…Перед Королем падайте ниц, —
В слякоть и грязь — все равно!
Нет-нет, у народа не трудная роль:

Упасть на колени — какая проблема?!
За все отвечает Король,
А коль не Король — ну, тогда Королева!..

Весьма актуальные строчки, учитывая время выхода их в свет — в декабре 1976 года страна отмечала 70-летие Л. Брежнева, и вся официальная пропаганда буквально выливала на ошеломленный народ ушаты словесной патоки.

С момента выхода двойного диска-гиганта «Алиса в стране чудес» минуло чуть больше двух недель, как имя Высоцкого вновь всплыло на афишах. 6 декабря в широкий прокат вышла лента Александра Митты «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» с Владимиром Высоцким в роли сподвижника Петра I — арапа Ибрагима Ганнибала. За эту роль актер удостоился самого большого гонорара из всех присутствующих в фильме артистов — 3 540 рублей.

В эти же самые дни в другой стране социалистического блока, ГДР, были применены репрессии к барду Вольфу Бирману, которого многие называли «немецким Высоцким» за его песни оппозиционного толка. Кстати, когда в декабре прошлого года к Высоцкому приезжали австрийские журналисты и спросили у него, знает ли он Вольфа Бирмана, наш герой ответил: «Знаю, но не слишком хорошо знаком с его творчеством». Так вот, в ноябре 1976 года, когда Бирман был с гастролями в ФРГ, он позволил себе со сцены покритиковать лидера ГДР Эриха Хонеккера, после чего тут же последовали репрессии: Бирмана предупредили, что дома его ждут серьезные «разборки». И бард принял решение остаться в ФРГ. С Высоцким ничего подобного ни разу не происходило, поскольку он всегда умел держать язык за зубами. Впрочем, одна «репрессивная» легенда, связанная с его именем, все-таки существует, и я о ней уже рассказывал. Речь идет о том, как Суслов хотел арестовать Высоцкого, а Андропов пошел к Брежневу и уговорил его не трогать барда. Дескать, он нам еще пригодится на «французской» линии (кстати, эту линию в Политбюро вел лично Брежнев, испытывавший к этой стране большую симпатию) как агент влияния, внедренный в западный истеблишмент под видом гонимого советскими властями барда.

И еще одно важное событие произошло в творческой жизни Высоцкого во второй половине 1976 года. С августа месяца с ним стал работать известный концертный администратор-«ловчила» Василий Кондаков по прозвищу «Вась-Вась». Вот как о его деятельности пишет один из официозных биографов Высоцкого В. Бакин:

«Василий Васильевич Кондаков, — в прошлом балетный

танцовщик Пермского театра оперы и балета, он более 30 лет проработал рядовым администратором в Северо-Осетинской филармонии. Школьное образование Кондаков завершил в четвертом классе, но, обладая исключительными организаторскими способностями и опытом, сумел создать свою, негосударственную гастрольную систему. Способности и опыт были необходимы еще и для того, чтобы не попасть в тюрьму, т. к. на хвосте администраторов все время сидел ОБХСС. Но борцы с хищениями социалистической собственности никак не могли взять Кондакова с поличным. Кассовые отчеты и документация филармоний, с которыми «работала» кондаковская группа, были в полном порядке. Сам Кондаков всегда оставался в тени, и складывалось впечатление, что к происходящему он не имеет никакого отношения…

Артистам выплачивались гонорары по договоренности и наличными. Администраторы продавали значительно большее количество билетов, чем было указано в отчетах. К примеру, зал вместимостью 5000 зрителей заполнялся до отказа. После концерта его организаторы и представители филармонии составляли акт об уничтожении якобы не проданных 2000 билетов. Все документы при этом были в полном порядке, и немалые деньги перекочевывали из государственного кармана в частный…».

Отметим, что «левые» концерты существовали в СССР еще со сталинских времен — с 30-х годов: в них участвовали многие тогдашние «звезды», среди них — Л. Русланова, К. Шульженко, Л. Утесов, Л. Орлова и др. Однако именно со второй половины 70-х, когда в СССР широким потоком пошли «нефтяные» деньги, эти концерты обрели невиданный ранее размах. А тут еще и в союзном Минкульте произошла ротация — вместо внезапно скончавшейся Е. Фурцевой, которая всегда жестко реагировала на «леваки», в кресло министра сел более либеральный П. Демичев. В итоге «левым» концертам был дан если не зеленый свет, то значительные послабления. На самом «верху» было принято решение поднять советский социум еще на одну ступеньку в деле формирования общества всеобщего потребления. То есть, вместо хлеба, а вернее, мяса, которого тогда стало не хватать, было решено дать народу побольше зрелищ. И кумир миллионов Владимир Высоцкий должен был занять в этой кампании одно из ведущих мест. С самого «верха» было дано негласное распоряжение внедрять Высоцкого в народ, как картошку при Петре I. Так началось «дворцовоспортное» внедрение певца в широкие массы. При этом все оставались довольны: и «верхи», которым было выгодно популяризировать творчество певца-

правдолюба, и Высоцкий с администраторами, которые набивали себе карманы купюрами, и зрители, которые лицезрели и слушали своего кумира воочию.

Обычной нормой Высоцкого в то время было 25–30 концертов в течение 5–6 дней. Причем он всегда выходил на «десерт» — во втором отделении; в первом выступал какой-нибудь ВИА. Высоцкий исполнял 11–12 песен, перемежая их рассказами о театре, кино и авторской песне, и это почти всегда занимало порядка 65 минут.

«Чувствую, сам сяду на иглу…»

Тем временем, параллельно советской шла и западная популяризация Высоцкого, которая приобретала все более широкий размах. 20 февраля 1977 года в США, на телеканале CBS в эфир вышла телевизионная передача «60 минут», в которой было показано интервью с Высоцким, сделанное за полгода до этого — в августе 76-го. Однако прежде, чем коснуться этого телесюжета, следует рассказать о причинах, которые способствовали его выходу в эфир именно в тот период. Причины эти своими корнями уходили в тогдашнюю американскую политику.

Дело в том, что в ноябре прошлого года в Америке сменился очередной президент: вместо республиканца Джеральда Форда к власти пришел демократ Джимми Картер, который во главу своей внешней политики поставил проблему прав человека. Сделано это было не случайно, а прямо вытекало из той стратегической ошибки, которую допустил Леонид Брежнев в 1975 году, подписав документы хельсинкского совещания по безопасности в Европе, а конкретно — документы «третьей корзины», которые касались вопросов идеологии. Именно в этой «корзине» и решили как следует «покопаться» Картер и его команда. Кстати, в последнюю не случайно был включен наш хороший знакомый — Збигнев Бжезинский, который в новой администрации стал помощником президента по национальной безопасности.

Попасть в президентское кресло Картеру помог рокфеллеровский клан. Позднее в американской прессе промелькнет сообщение, что с Дэвидом Рокфеллером Картер впервые встретился в 1972 году благодаря стараниям сотрудника ЦРУ еврейского происхождения Мильтона Каца. А уже спустя год, после совместного ужина в Лондоне, Дэвид Рокфеллер пришел к мнению, что «новый человек» из штата Джорджия, еще не замешанный в скандалах и аферах высоких политиков, является вполне удачной кандидатурой на пост нового президента США. После той лондонской встречи Рокфеллер ввел Картера в очень влиятельную в политических кругах трехстороннюю комиссию, которая координировала отношения США с Западной Европой, Канадой и Японией. В эту комиссии, председателем которой от США являлся сам Дэвид Рокфеллер, входила политическая элита США, Западной Европы, Канады и Японии. Туда же был введен и Збигнев Бжезинский, который был не только одним из авторов «теории эволюции», то есть ползучей западнизации Восточного блока, но и специалистом по вопросам взаимодействия с

еврейскими элитами в Восточной и Западной Европах. Именно Бжезинский и стал мотором кампании по борьбе за права человека, которая ставила своей целью радикализировать не только диссидентскую среду в социалистических странах, но и либеральную элиту.

Уже спустя месяц после своей победы на выборах Картер совершил демонстративный шаг: выменял у СССР политического диссидента Владимира Буковского на лидера Компартии Чили Луиса Корвалана и вскоре с большой помпой принял его у себя в Белом доме. В январе 1977 года Картер вступил в личную переписку с лидером советских диссидентов Андреем Сахаровым, и эта переписка широко рекламировалась на Западе. В итоге в том же январе СССР воочию убедился, чем чревата для него радикализация диссидентского движения: в Москве были проведены террористические акты против мирных граждан. Сразу в трех местах в метро и на улице были взорваны бомбы, в результате чего имелись человеческие жертвы: погибли 7 человек и 37 человек получили ранения различной степени тяжести. Отметим, что это был первый случай открытого террора за последние 50 лет. Как выяснится спустя несколько месяцев, эти теракты были делом рук армянских националистов.

Естественно, что в Кремле не могли не оставить без внимания эти события. Поэтому в том же январе, сразу после взрывов, в некоторых советских республиках начались аресты наиболее видных диссидентов: например, из «хельсинкской группы» было арестовано 5 человек: Гинзбург, Щаранский, Тихий, Орлов, Руденко. В ответ западные диссиденты советского происхождения пытались воззвать к мировой общественности с тем, чтобы она осудила эти репрессии. Так, в Париже Андрей Амальрик в течение часа держал в осаде Елисейский дворец, пытаясь прорваться к президенту Франции Валери Жискар д'Эстену и, идя по стопам В. Буковского, поговорить с ним с глазу на глаз об «ужасах советского тоталитаризма». Но французский президент почин своего американского коллеги предпочел не поддерживать и от подобной встречи отказался.

Параллельно с этим в Москве А. Сахаров провел пресс-конференцию для иностранных журналистов, где обвинил во взрывах… КГБ: якобы тот их подстроил. Как и раньше, академику-диссиденту и этот демарш сошел с рук.

Именно на фоне этих событий свет и увидело интервью Высоцкого в «60 минутах». Полгода оно лежало в архиве и теперь вот пригодилось. Для чего? Чтобы показать американскому обывателю, что среди советских либералов-евреев есть не только радикалы-диссиденты, но и такие деятели, как Высоцкий,

которые находят легальные возможности для протеста — в данном случае посредством песенного творчества. Причем Высоцкому намеренно «набивали цену», представив публике следующим образом:

«Высоцкому 38 лет, и он успел отсидеть в лагере в молодости… Мы удивлены существованием человека, исполняющего песни против власти в коммунистической стране. Его зовут Владимир Высоцкий. Иногда его еще называют Бобом Диланом Советского Союза. Высоцкий — знаменитый русский кино— и театральный актер. Это общеизвестно. Но он также пишет и исполняет «кусающие» сатирические песни о жизни в Советском Союзе. Он утверждает, что то, что он пишет и исполняет, не является антипатриотичным, и он себя не позиционирует политическом бунтарем. Однако, вне всяких сомнений, Высоцкий — сильный критик общества. Похоже, советские власти понятия не имеют, что с ним делать. Они не знали, что с ним делать, когда он сел на самолет и прилетел в Нью-Йорк.

Одни из самых его сильных заявлений звучат в песне «Я не люблю «, например, «Я не люблю холодного цинизма «, «Не люблю, когда незнакомцы читают мои письма», «Не люблю, когда следят «, «Не люблю, когда стреляют в спину», «Я расстраиваюсь, когда страдают невиновные «, «Все это я не люблю и никогда не полюблю». Фактически, Высоцкий играет в опасную игру, но он знает, что делает. Он не оппозиционер, но он не из тех, кто подчиняется.

Его появление на нашей программе — уже отважный поступок…»

Как видим, Высоцкого в передаче представили как борца с режимом, этакого «Андрея Сахарова с гитарой». Даже возвели его в ранг мучеников, приписав ему несуществующую судимость. Расчет был простой: западный обыватель падок на подобного рода информацию — ему всегда симпатичен зэк, критикующий режим. Тем более, что в сознании западного обывателя любой советский зэк — это прежде всего «политический» заключенный. Так что посыл у передачи был однозначный: сделать паблисити Высоцкому как творческому диссиденту.

Обратим внимание на следующий факт: 20 февраля пиар-кампания вокруг имени Высоцкого произошла в США (выход передачи «60 минут»), а уже спустя неделю нечто подобное стало затеваться и во Франции, причем присутствие Высоцкого там оказалось обязательным.

В Париж наш герой приехал в самом конце февраля, чтобы вплотную заняться своим паблисити в Западной Европе: ему

предстояло одобрить выход на студии «Шан дю Монд» своего диска-гиганта, записанного, как мы помним, еще в 1975 году, а также записать еще один диск-гигант, причем уже не имеющий никакого отношения к Компартии Франции. Речь идет о пластинке «Натянутый канат», который был выпущен студией «Барклай», принадлежащей известной английской звукозаписывающей фирме «Полидор». Почему возникла идея этого диска?

Все объяснялось просто: слишком плотное сотрудничество со студией «Шан дю Монд», принадлежавшей ФКП, могло бросить тень на Высоцкого как на оппозиционера. Чтобы «разбавить» это ощущение у западной публики, в Москве придумали выход: выпустить диск Высоцкого непосредственно под крышей «господ капиталистов», то есть на «Полидоре». Толкачом этого проекта выступил Бабек Серуш, который имел, во-первых, обширные связи среди западной бизнес-элиты, в том числе и среди людей, близких к «Полидору», во-вторых — был сказочно богат для того, чтобы оплатить выпуск этого альбома на знаменитой фирме. Вот почему осенью 77-го, когда диск «Натянутый канат» выйдет в продажу — весьма оперативно, отметим, Высоцкий лично вручит один его экземпляр Серушу — как «толкачу» этого проекта.

В марте 1977 года Высоцкий запишет полтора десятка песен для полидоровского диска; всего в него войдет 11 композиций. Попутно он разрешит проблему и с диском на «Шан дю Монд». Как мы помним, 22 песни были записаны им еще в январе 1975 года, но так до сих пор и не вышли. Почему? Как уже отмечалось, эта парижская студия звукозаписи была в зависимости от ФКП, и выпуск пластинки Высоцкого курировался оттуда. Когда два года назад давалось «добро» на ее выход, политическая ситуация была одна — Москва шла на уступки ФКП, пытаясь удержать ее от сползания в объятия итальянских и испанских еврокоммунистов, а теперь она изменилась — ФКП в июне 76-го участвовала в конференции в Восточном Берлине и во многом поддержала позиции итало-испанских еврокоммунистов, а в марте этого года планировалась личная встреча трех лидеров западных компартий — ФКП, ИКП и КПИ, где это сближение должно было быть оформлено официально. В итоге испанские коммунисты, легализовавшись в начале 77-го, вскоре после смерти Франко, пошли по пути еще большей радикализации: они вычеркнули слово «ленинская» из определения своей партии. Лидер КПИ Каррильо написал книгу «Еврокоммунизм и государство», где говорилось, что советская система — вовсе не диктатура пролетариата и не рабочая демократия, а бюрократическая диктатура чистой воды. Да еще со всеми отличительными

чертами тоталитарного режима.

Если учесть также новый виток противостояния советских властей и диссидентов, который выпал на начало года, то становится понятным, почему в этих условиях отношение Москвы к выходу французской пластинки несколько изменилось. Нет, там ее не запретили, чтобы лишний раз не злить ФКП, а решили повторить ситуацию 72-го года, когда параллельно с гонениями на политических диссидентов диссидентам из творческой среды, наоборот, дали «зеленый свет». А тут еще в начале марта в СССР намечались торжества по случаю 106-й годовщины Французской революции: в Москве должна была пройти Неделя французских фильмов, в Большом театре планировалось выступление французских артистов, включая горячо любимую Брежневым Мирей Матье, в эфирную сетку ТВ были включены концерты звезд французской эстрады, вроде Далиды, Джо Дассена и т. д.

На фоне этих событий французский диск Высоцкого Москва выпустить разрешила — и об этом французскую общественность специально уведомили тамошние прокоммунистические СМИ, однако потребовала, чтобы он был скомпонован по московской указке; об этом французские СМИ промолчали. А именно: в нем должны были остаться только четыре песни из 22-х записанных, а место исключенных должны были занять те композиции, которые уже выходили в Советском Союзе на миньонах — в основном это были военные песни в количестве 10 штук: итого получилось 14 песен.

Высоцкий в «бутылку лезть не стал», поскольку, как он сам заявил Дану Раттелю в «60 минутах»: «Я люблю свою страну и не хочу причинять ей вред. И не причиню никогда». Трудясь на ниве агента влияния, он и в самом деле приносил неоценимую пользу своей стране — наверное, даже большую, чем на ниве творческой.

Судя по всему, эта деятельность требовала от Высоцкого напряжения все больших физических сил. Вот почему он тогда вынужден был обратиться к советским властям с письменной просьбой разрешить ему выезжать во Францию больше одного раза в год. В итоге 5 марта 1977 года он пишет письмо в МВД СССР следующего содержания:

«Я женат на гражданке Франции Де Полякофф Марине Влади — известной французской киноактрисе.

Мы состоим в браке уже 7 лет. За это время я один раз в году выезжал к жене в гости по приглашению. Моя жена имеет возможность приезжать ко мне всегда. Ей в этом содействуют Советские организации.

Приезжая ко мне, она отказывалась от работ и съемок, оставляла детей в интернатах, а когда была жива мать, то с

матерью.

Теперь положение изменилось. Моя жена должна много работать, и детей оставлять не с кем. Всякий раз, когда у нее трудное положение, естественно, необходимо мое присутствие у нее, а я должен и могу бывать у нее после длительного оформления и один раз (максимум два) в году.

Я не хочу переезжать на постоянное жительство во Францию — это вопрос окончательно решенный, а жена моя является кроме всего видным общественным деятелем — она президент общества «Франция — Россия» и приносит большую пользу обеим странам на этом посту.

Так что и она не может переехать ко мне по всем этим причинам.

Прошу разрешить мне многократно выезжать к моей жене, ибо иногда требуется мое срочное присутствие у нее и помощь, а я всякий раз должен оформляться, и это вызывает невроз и в театре, и в кино, и во всех моих других начинаниях.

Я уверен, что право неоднократного выезда решит многие наши проблемы и сохранит нашу семью».

Поскольку письмо было чистой формальностью, сомневаться в его благополучном рассмотрении было бы наивно. Но итог превзошел все возможные ожидания. Читаем документ из ОВИРа: «В соответствии с просьбой заявителя разрешаем в порядке исключения установить следующий порядок оформления документов для выезда его во Францию к семье: характеристику с места работы и анкету он должен представлять один раз в год, все последующие поездки должны разрешаться Высоцкому В.С. по его заявлению произвольной формы…».

Наконец, свою лепту вносит и Минфин, который разрешает Высоцкому платить госпошлину в размере 300 рублей только раз в год. Все остальные поездки певца за рубеж должны были оплачиваться в смехотворном размере — всего лишь 5 рублей. Мало кто из советских деятелей культуры имел тогда такие льготы. Высоцкому сделали исключение. В итоге за три последующих года (1978–1980) ему будет выдано 15 (пятнадцать) разрешений на выезд во Францию. При этом процесс оформления визы по времени сократился с месяца и более до нескольких дней. Спрашивается: за что такие льготы? Только ли за то, что у Высоцкого жена — французская коммунистка? Думается, не только за это. А за то, к примеру, что в те годы певец начинает еще более активно работать на ниве международных контактов КПСС с ФКП и другими западными компартиями. Поэтому не успел пройти месяц с момента последней поездки Высоцкого во Францию, как 20 марта 1977 года он летит туда снова. Зачем?

Чтобы принять участие в очередной шумной пиар-кампании вокруг своего имени. В эту кампанию входило: 1) выход двойного диска-гиганта «Натянутый канат» на «Шан дю Монд»; анонс пластинки появился в парижской эмигрантской газете «Русская мысль» 17 марта, а спустя неделю — и в коммунистической «Юманите» 2) выход еще одного диска-гиганта, записанного Высоцким в Канаде летом прошлого года; 3) выступление в телевизионной передаче «Бон Диманш» («В хорошее воскресенье»).

Кроме этого, имя Высоцкого вовсю «треплет» французская пресса. Причем делают это издания разных направлений: эмигрантские («Русская мысль»), коммунистические («Юманите», «Франция-СССР»), а также официальные («Экспресс», «Монд»; последняя — аналог советской «Литературной газеты», ее читателями были в основном либеральные интеллигенты). Все это явно было не просто так, а дирижировалось из Москвы и на языке спецслужб называлось «активными мероприятиями». Занимались подобными «активками» две структуры: специальное подразделение в Международном отделе ЦК КПСС и так называемый Отдел (Служба) «А» КГБ СССР. Последний было создано в Первом главном управлении (ПГУ) в 1959 году крупным специалистом по дезинформации Иваном Агаянцем, который (отметим это!) в 1946–1949 возглавлял советскую резидентуру в Париже и хорошо знал французскую специфику. Когда в 1968 году Агаянц скончался, «Службу «Д»» (в Отдел «А» ее переименовали в начале 70-х) по-прежнему продолжали возглавлять специалисты по Западной Европе: либо «французы», либо смежные с ними «англичане».

«Раскрутка» Высоцкого во Франции, судя по всему, преследовала целью еще сильнее пропиарить его имя там, а также в смежных странах, поскольку с этого года предполагалось, что он будет ездить туда гораздо чаще, чем раньше. И вот уже из Франции Высоцкий едет поездом не в Москву, а в Венгрию, где он уже был полгода назад. Предлог для поездки находится быстро: в те дни там же находится Марина Влади, которая продолжает сниматься в венгерско-французском фильме «Их двое» Марты Мессарош, которой, конечно же, совершенно случайно приходит в голову мысль снять в коротеньком эпизодике — всего одна (!) минута экранного времени в финале — и Высоцкого. Эпизод снимали пару часов, а в Венгрии Высоцкий пробыл несколько дней. Именно там происходит эпизод, который стал поворотным в жизни Высоцкого. Вот как это выглядит со слов М. Влади:

«Ровно в пять тридцать поезд подходит к вокзалу… Я вижу тебя в конце платформы — бледного, с двумя огромными

чемоданами, которые я не узнаю… У меня очень болит голова, и от твоего отсутствующего вида мне становится совсем грустно. Я на всякий случай тайком принюхиваюсь, но от тебя не пахнет водкой, и я уже ничего не понимаю. Ты смотришь как-то сквозь меня, и в твоих глазах меня пугает какая-то пустота…

Физическая боль после самой жуткой пьянки — это ничто в сравнении с психическими мучениями. Чувство провала, угрызения совести, стыд передо мной исчезают как по волшебству: морфий все стирает из памяти. Во всяком случае, в первый раз ты думал именно так. Ты даже говоришь мне по телефону с мальчишеской гордостью:

— Я больше не пью. Видишь, какой я сильный?

Я еще не знаю цены этой твоей «силы». Несколько месяцев ты будешь обманывать себя. Ты прямо переходишь к морфию, чтобы не поддаться искушению выпить. В течение некоторого времени тебе кажется, что ты нашел магическое решение. Но дозы увеличиваются и, сам того не чувствуя, ты попадаешь в еще более чудовищное рабство…».

Здесь отметим одну странность в поведении мемуаристки. У нее ведь старший сын Игорь был наркоманом — на тот момент его стаж исчислялся почти пятью годами, поэтому она должна была хорошо разбираться в симптомах наркомании. Однако ей даже в голову не пришла мысль, что ее нынешний супруг тоже употребляет наркотики. Почему? Дело в том, что тогда это была только «проба пера» — первые опыты Высоцкого с наркотиками, которые никому, кроме него, еще не известны. До этого он сидел на амфетаминах, которые стимулировали его активность. Затем он решил попробовать более сильное средство — морфий, но тогда это еще делалось эпизодически.

О том, каким образом Высоцкий приобщился к наркотикам, существует сразу несколько версий. Причем все эти версии распространял среди своих друзей и близких… сам Высоцкий. Одна версия принадлежит его юной любовнице (с 1978 года) Оксане Афанасьевой:

«Володя мне как-то рассказывал, что первый раз ему сделали наркотик в Горьком, чтобы снять синдром похмелья. Врач-женщина сказала, что у ее мужа бывают запои, и она легко выводит его из этого состояния одним уколом. Это было в 1977 году. Я точно помню, что Володя сказал, что в 1977 году…».

Другая версия принадлежит Михаилу Шемякину:

«Володя мне говорил, что до последних дней своей жизни будет недобрым словом вспоминать человека, своего друга с «Таганки», который посадил его на иглу. Вроде бы из добрых побуждений, пытаясь помочь ему освободиться от алкогольной

зависимости. Он уговорил его сделать небольшой укол. Володе стало лучше, но после укола его потянуло снова на кокаиновое похмелье. И пошло-поехало…».

А вот что заявляет администратор Высоцкого В. Янклович:

«Я много говорил с Володей на эту тему. Он мне сказал: «Вот ты не был на Западе, а там все творческие люди это делают. Это ведь стимулирует творчество. Я же не злоупотребляю, а только для поддержания формы. И мне это помогает»».

Как видим, разброс версий достаточно широк: по Янковичу, Высоцкий «сел на иглу», чтобы стимулировать свое творчество, то есть сознательно, по Афанасьевой и Шемякину — его к этому приобщили посторонние люди, причем разные. Почему же Высоцкий был заинтересован в таком разбросе версий, причем мы уверены, что ни одна из них не имеет отношения к правде? Может быть, потому, что на самом деле наркотики могли войти в его жизнь с той стороны, о которой никто не должен был догадываться и знать?

Итак, весной 1977 года наркотики хоть и вошли в жизнь Высоцкого, но отнюдь не являются для него проблемой. Зато алкоголь является. И в апреле наш герой попадает в Институт Склифосовского, где тамошние врачи ставят ему неутешительные диагнозы: больная печень, плохо функционирующая почка, отечность мозга. Когда, например, читаешь об этом в дневнике В. Золотухина, то невольно кажется — все, Высоцкому конец, не выживет. Читаем: «Врач сказал, что если выкарабкается, а когда-нибудь еще срыв, он либо умрет, либо останется умственно неполноценным…».

И что же мы видим? Не прошло и месяца после этой записи, как Высоцкий уже свеж, как огурчик, и едет на гастроли, причем не куда-нибудь поближе к Москве, а на Украину, в Донбасс. И там устраивает настоящий марафон — дает несколько десятков концертов в пяти городах. Рекорд гастролей был установлен Высоцким 20 мая, когда он дал сразу шесть (!) концертов; накануне им было дано пять выступлений. Учитывая недавний диагноз врачей о том, что внутри у Высоцкого чуть ли не все органы больные, остается только удивляться, откуда у него брались силы на такой марафон. А может, и не было вовсе никакого страшного диагноза?

Между тем в мае 1977 года в советский прокат выходит очередная французская лента с участием Марины Влади. Это фильм «В сетях мафии» (1975) режиссера Жака Руффио, который во французском прокате носил другое название — «Семь смертей по рецепту». Причем оба названия были близки к сюжету, но советский вариант — более кассовый. Сюжет у фильма был

следующий. В провинциальном французском городе частные платные кардиологи под руководством профессора Брезе (Шарль Ванель) терпят убытки от эффективной работы хирурга Пьера Лоссрэ (Мишель Пикколи), работающего по социальным расценкам. Они пытаются переманить его на свою сторону, всё более усиливая психологическое давление после каждого отказа сотрудничать. Анализируя происходящие события, Лоссрэ при помощи местного комиссара полиции Жире (Антонио Феррандис) восстанавливает причины недавней гибели семьи молодого, несколько амбициозного, но талантливого хирурга доктора Берга (Жерар Депардье). Последний узнал, что Брезе — коллаборационист, работавший мэром этого городка при режиме Виши. Однако банда Брезе использовала слабость Берга к карточной игре и публично уличила его в шулерстве. Ежедневным шантажом они довели молодого врача до отчаяния: тот убил свою жену и трёх малолетних детей, после чего застрелился сам. Пьер Лоссрэ безуспешно пытается обнародовать правду, но, не в силах противостоять заговору молчания, убивает себя и жену Мюриэль. Роль последней и исполняла Марина Влади.

Отметим, что фильм был номинирован во Франции на премию «Сезар» в категориях «За лучший фильм», «За лучшую мужскую роль» — Депардье, «За лучший оригинальный или адаптированный сценарий» — Коншон, Руффио, «За лучший монтаж». Однако победу одержал только в номинации за лучший монтаж.

Еще сообщим, что в 1975 году, помимо этого фильма, Влади снялась еще в одном — «Пусть начнётся праздник» Бертрана Тавернье. Это было уже иное кино — историческая драма времён Людовика XV, которая была удостоена сразу четырех высоких кинематографических наград «Сезар»: за лучшую режиссуру — Бертран Тавернье, за лучший оригинальный или адаптированный сценарий — Бертран Тавернье и Жан Оранш, за лучшую мужскую роль второго плана — Жан Рошфор, за лучшие декорации. Сюжет: после смерти в 1715 году короля Людовика XIV место на троне занимает его правнук, малолетний Людовик XV. Согласно завещанию регентом становится Филипп II Орлеанский (Филипп Нуаре) — человек противоречивый, за глаза обвиняемый окружающими во множестве грехов: мздоимстве, пьянстве, кровосмешении. Среди прочих придворных внимания подрастающего короля добивается Гийом Дюбуа (Жан Рошфор), священник, воспитатель придворной знати, а в скором будущем — кардинал, архиепископ Камбре и министр иностранных дел Франции. Гийом, Филипп и его фаворитка Мари-Мадлен де Ла

Вьевиль, графиня де Парабер (Марина Влади) большую часть времени проводят в плотских утехах, отдавая им предпочтение перед нарастающими экономическими и политическими проблемами.

Из-за чрезмерно высоких налогов в области Бретань растёт недовольство дворян. Надеясь на помощь короля Испании, они поднимают бунт, но из-за разобщённости интересов терпят поражение. Гийом Дюбуа, сторонник более жёсткой политики, не докладывает регенту о многочисленных прошениях бретонской знати о помиловании. Четверых лидеров бунта, включая предводителя — маркиза де Понкаллек, казнят. Филипп, придерживающийся более либеральных взглядов, испытывает нравственные страдания и отдаляет от себя Дюбуа. Картина завершается сценой сожжения крестьянами дворянской кареты, символизирующей закат «Великого века» французской истории.

Как видим, сразу два фильма, в которых снималась Влади, попали в категорию значимых: об этом говорили их награды. Хотя в ее послужном списке тогда встречались и развлекательные поделки, вроде фильма ужасов «Тайны Бермудского треугольника» (1976) режиссера Рене Кардоны-младшего по мотивам книги Чарльза Берлица, съемки которого проходят в июне 1977 года в Мексике, на острове Косумель рядом с полуостровом Юкатан. В этой поездке Влади сопровождает Высоцкий. Сюжет фильма был типичен для такого рода продукции. Береговой спасательной службой был принят сигнал бедствия от корабля, много лет числящегося в списках пропавших без вести. Это приводит в недоумение спасателей. Далее сюжет переносил зрителя в то время, когда на корабле разворачивались трагические события. Оказывается, виной всему послужила кукла, которую увидели в океане и вначале приняли за терпящего бедствие человека. На помощь была выслана шлюпка. Когда моряки рассмотрели вблизи, что это не человек, а кукла, то они повернули назад. Но в шлюпке была Дайана — девочка, лет семи, дочь капитана, которая запросила эту куклу себе в игрушки. Моряки вняли капризу девочки и подняли ей из воды эту куклу. Далее день за днём на корабле начинается череда кровавых смертей. Иногда они напоминают несчастные случаи, а иногда смерти совершенно таинственны. Когда на корабле остаётся мало людей, начинается паника. Оставшиеся в живых люди покидают корабль на шлюпке. Среди них — девочка со злополучной куклой. В итоге гибнут все, а кукла продолжает своё плавание по волнам океана.

Марина Влади исполняла роль одной из пассажирок судна — женщины по имени Ким. Роль была не самая главная, поэтому у

актрисы было не так много съемочных дней. Причем в один из таких на съемочной площадке побывал и Высоцкий, после чего он все оставшиеся дни был предоставлен самому себе. В основном он сидел на балконе отеля, и, глядя на Мексиканский залив, сочинял новые произведения: кстати, именно там родится на свет шуточная песня «Дорогая передача», где есть строчка и про Бермудский треугольник. А также строчил домой письма. Приведем отрывок из одного такого послания Высоцкого на имя его коллеги по «Таганке» Ивана Бортника:

«Здесь почти тропики. Почти — по-научному называется суб. Значит здесь субтропики. Это значит жара, мухи, фрукты, жара, рыба, жара, скука, жара и т. д. Марина неожиданно должна здесь сниматься в фильме «Дьявольский Бермудский треугольник»… Роль ей не интересная ни с какой стороны, только со стороны моря, которое, Ванечка, вот оно — прямо под окном комнаты, которая в маленьком таком отеле под названием «La Ceiba". В комнате есть кондиционер — так что из пекла прямо попадаешь в холодильник. Море удивительное, никогда нет штормов, и цвет голубой и синий, и меняется ежесекундно…

Съемки — это адский котел с киношными фонарями. Я был один раз и… баста. А жена моя, — добытчица, вкалывает до обмороков. Здоровье мое без особых изменений, несмотря на лекарства и солнце, но я купаюсь, сгораю, мажусь кремом и даже пытаюсь кое-что написать…».

После того как съемки эпизодов с участием Марины Влади закончились, звездная чета покинула гостеприимный остров и, взяв напрокат автомобиль, отправилась в столицу Мексики город Мехико. Путь был неблизкий — с полуострова Юкатан через города Мерида, Чичен-Ица, Паленка и др.

Приехав, наконец, в Мехико, звездная чета поселилась у знакомой Влади — балерины русского происхождения по имени Макка. Ее сын работал на тамошнем телевидении, и это обстоятельство явилось поводом для приглашения туда Высоцкого. Он выступил в музыкальной передаче «Musicalisimo», где рассказал о себе и спел несколько своих песен; передача вышла в эфир по 13-му каналу в 20.00 часов 9 августа.

В столице Мексики звездная чета пробыла несколько дней, после чего слетала в Перу, где еще ни разу не была. Затем они самолетом добрались до тихоокеанского острова Таити во Французской Полинезии. Там проживал бывший второй супруг Влади (в 1963–1966 годах) — летчик гражданской авиации Жан-Клод Бруйе. У них родился сын Владимир, который подолгу гостил у отца на Таити: вот и летом 77-го он был там. Именно во время той поездки Высоцкий и Бруйе познакомились. Как

вспоминает Влади, ее бывший супруг был ярым антикоммунистом, однако быстро нашел общий язык с гражданином СССР Высоцким.

Пробыв на Таити около двух недель, Высоцкий и Влади перебрались в США. Там 20 августа, в Нью-Йорке, они встретились с поэтом Иосифом Бродским, покинувшим СССР летом 1972 года. Они посидели втроем в кафе, поговорили о поэзии. На прощание Бродский подарил Высоцкому книгу своих стихов под названием «В Англии», а вторую такую же книгу попросил передать в Москве Михаилу Козакову. Самое интересное, что эту просьбу Высоцкий не выполнит — козаковская книга так и останется в его личной библиотеке до самой его смерти.

Кстати, упомянем факт, ставший известным в 2003 году со слов самого М. Козакова. Оказывается, с 1956 года она был… агентом КГБ и работал по иностранцам: театр «Современник», в котором он работал, обожали иностранцы, гостившие в Москве; еще один таким театром «под иностранцев» была «Таганка», где работал Высоцкий. Агентурная деятельность Козакова длилась более 30 лет — до конца 80-х. Артист рассказывал, что он знает имена некоторых коллег-артистов, кто, как и он работал на КГБ, но никогда их не выдаст.

Из Америки Высоцкий и Влади вскоре переехали в Канаду, в Монреаль. Цель поездки весьма серьезная: на международном кинофестивале, который проходил с 19 по 28 августа, Влади хотела познакомить Высоцкого с западными звездами. Видимо, это был своего рода «пробный шар» для последующей натурализации агента влияния Высоцкого на Западе, которая должна была произойти в ближайшие несколько лет.

На родину Высоцкий возвратился в самом начале сентября 1977 года. Отметим, что с 1973 года, с того момента, когда Высоцкий стал выездным, это была самая длительная его зарубежная одиссея — более трех (!) месяцев. Редкий представитель советской богемы мог позволить себе такие продолжительные вояжи, причем по капиталистическим странам — разве что Евгений Евтушенко или Юлиан Семенов, про которых, кстати, уже тогда многие люди в открытую говорили, что они могут быть связаны некими тайными узами с КГБ. Правда, документальных подтверждений подобным слухам нет, что вполне закономерно — спецслужбы умеют хранить свои тайны.

«Я где-то точно наследил…»

Итак, на протяжении более чем трех месяцев Высоцкий отсутствовал на родине, а спустя всего неделю (!) после возвращения туда вновь ее покинул — вылетел в Париж. Именно для этого он еще весной и писал свое письмо в МВД СССР с просьбой разрешить ему выезжать за границу чаще одного раза в год — чтобы беспрепятственно иметь возможность курсировать по миру. Причем выглядело это все как просьба на законных основаниях: дескать, моя жена иностранка, хочу видеться с ней почаще. Никакой иной причины в этом заподозрить было нельзя.

В Париже Высоцкий пробыл всего неделю. Стоило ли летать? Видимо, стоило, поскольку в те дни наш герой принял участие в важном идеологическом мероприятии, ради которого, судя по всему, он туда и приехал. Речь идет о празднике «Ситэ Интернасьонал», проводимом коммунистической газетой «Юманите». Отметим, что ее главным редактором с 1958 года был Рене Андрие, а должность политического директора с 1974 года занимал Лоран Леруа — близкий приятель Марины Влади. Именно при нем и началась «раскрутка» этим изданием певца Высоцкого во Франции; он же, как мы помним из мемуаров Влади, содействовал тому, чтобы Высоцкий стал выездным в 1973 году. Причем участие героя нашего рассказа в празднике «Ситэ Интернасьонал» было его первым публичным выступлением под эгидой ФКП. Однако никакой тени это на него, полузапрещенного певца, не бросало: ведь ФКП в своих идеологических воззрениях все сильнее дистанцировалась от Москвы.

11 сентября Высоцкий дал еще один концерт в Париже — для представителей русской эмиграции: анонс этого представления появился в той же «Юмианите». Отметим, что это был первый публичный концерт Высоцкого за границей. Именно тогда начинался путь к его будущей натурализации на Западе.

В Москву Высоцкий вернулся 14 сентября. А спустя две недели в «Таганке» чествовали Юрия Любимова — ему исполнилось 60 лет. Не остались в стороне и власти, наградившие юбиляра ни много ни мало орденом Трудового Красного Знамени. Подарок был более чем неожиданный, учитывая то, что каких-нибудь несколько месяцев назад, 29 мая, главная газета страны «Правда» в пух и прах раздолбала его последний спектакль «Мастер и Маргарита». В статье заведующего отделом газеты Н. Потапова под названием «Сеанс черной магии на Таганке» автор возмущался, что в год 60-летия Великого Октября, когда вся страна готовилась достойно

встретить юбилей и театры соревновались в спектаклях на революционную тему, режиссер «Таганки» Юрий Любимов поставил спектакль, где главным героем вывел Сатану. «Нет! — восклицал автор. — Там, где «правит бал» булгаковский Сатана, шаги реальной истории не слышны». После этого многие предрекали закат карьеры Юрия Любимова и его детища. Ан нет — заката не случилось. Более того, ситуация развернулась в обратном направлении. Любимова к юбилею собирались сделать народным артистом СССР и наградить его орденом Боевого Красного Знамени. Однако в итоге решили обойтись более скромным награждением: «народного» отменили, а вместо Боевого ордена дали Трудовой. Плюс к этому разрешили «Таганке» отправиться в ее первую западную гастроль — во Францию, причем под крылом все той же ФКП.

В этом же русле развивалась и судьба Высоцкого — ведущего актера «Таганки». У него с 11 октября начались гастроли в Казани, причем он дает концерты на самых вместительных площадках: во Дворце спорта и в Молодежном центре. Ведь где он, например, обычно выступал до этого? В Домах и Дворцах культуры, кинотеатрах и театрах, НИИ, различных учебных учреждениях — школах, институтах, училищах, редакциях газет и журналов, издательствах и т. д. Короче, в залах, где могло собраться всего лишь несколько сотен человек. Однако, как мы помним, еще со второй половины 76-го в «верхах» было принято решение расширить концертную аудиторию Высоцкого и начать его допускать до более вместительных залов. В 1977 году эта инициатива обрела свой окончательный размах — Высоцкий стал буквально не вылезать из многотысячных Дворцов спорта. Казанские выступления были в этом отношении стартом — концерты в харьковском ДС в мае 1975-го и дубненском ДС в феврале 1976-го были всего лишь эпизодами, после чего началось массовое «окучивание» Высоцким всевозможных ДС и даже цирков. Например, в январе 1978 года он даст в Северодонецке 15 концертов в местном Дворце спорта в течение всего лишь пяти дней (по четыре концерта в сутки!), собрав на них несколько десятков тысяч зрителей. В Кривом Роге он даст 12 концертов за три дня в местном цирке. Затем будут концерты во Дворцах спорта в Запорожье (13 выступлений), в Ставропольском госцирке (21 выступление за 8 дней) и т. д. Короче, якобы гонимого властями Высоцкого эти власти гнали на самые вместительные концертные площадки.

Чем же был вызван этот пиар «Таганки» и лично Высоцкого, на который осенью 77-го пошли советские власти? Ведь и театр, и его ведущий актер по-прежнему не вписывались в официальную

советскую идеологию и считались чуть ли не диссидентами от культуры. А тут вдруг такие привилегии и почести? Например, когда 1-й заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР В. Кузнецов вручал Любимову орден, то шепнул ему на ухо: «А ведь мы поначалу хотели наградить вас боевым орденом Красного Знамени». Вот ведь какая штука — почти диссиденту и боевой орден! Или Любимов к тому времени уже перестал восприниматься в верхах как диссидент? Тогда как объяснить появление статьи в «Правде»? Только одним: мнения в верхах на этот счет продолжали быть разными — одни считали Любимова и его «Таганку» вредными, а то и враждебными советской идеологии, а другие, наоборот — числили их по разряду полезных. Среди последних деятелей выделялся шеф КГБ Юрий Андропов, который входил в триумвират, по сути и руководивший тогда страной. Ведь Брежнев, после инсульта в декабре 1974 года, стремительно дряхлел, и поэтому бразды правления страной оставались в руках нескольких человек: Юрия Андропова (КГБ), Андрея Громыко (МИД), Михаила Суслова (идеология), Дмитрия Устинова (Минобороны).

Напомним, что Андропов и Громыко одновременно стали членами Политбюро — в 1973 году, а Устинов вошел в высший ареопаг тремя годами позднее, присовокупив к этому и звание Маршала Советского Союза. Андропов в том же 1976 году стал генералом армии, а за два года до этого был награжден Золотой Звездой Героя Социалистического Труда за свои успехи на ниве обеспечения государственной безопасности. Он уже нацелился на пост генсека и поэтому с каждым годом вел себя все более уверенно и независимо, подтягивая во власть (и в культуру) социально близких ему деятелей либерального толка — например, земляка Михаила Горбачева из Ставрополя.

Но вернемся к казанским выступлениям Высоцкого в октябре 1977 года.

Вел он себя на них достаточно раскованно и в паузах между песнями даже стал позволять себе рассказывать некие юморески с политическим подтекстом, чего раньше с ним не случалось. Например, 17 октября, во время концерта в Доме актера ВТО, он рассказал следующее:

«Вы знаете, ведь сейчас уже все те времена прошли, что приезжает кто-нибудь из Советского Союза, и уже говорят: «А! Интересно!». Вот сейчас поехал Владимиров из Ленинграда (Игорь Владимиров — главный режиссер Театра имени Ленсовета. — *Авт.*) в Париж и еще, кстати, — в дни визита э-э… нашего Председателя Президиума Верховного Совета, Первого секретаря… э… Леонида Ильича Брежнева. И был визит, а в это

время, значит, привезли спектакль, который написал Генрих Боровик про Чили. Ну и что? И там — человек двадцать людей. И все. Не пошли, и не загонишь. Никакая компартия не загонит, там солдат нет».

Зал встретил этот рассказ громким хохотом и аплодисментами. Самое интересное, что очень скоро «Таганка» отправится на гастроли во Францию, причем под «крышей» все той же Французской компартии. И у нее тоже возникнут проблемы с посещаемостью — на некоторых спектаклях будут полупустые залы. Но Высоцкий, вернувшись на родину, об этом в своих концертах тактично промолчит.

И еще. О тех казанских монологах Высоцкого в паузах между песнями были прекрасно осведомлены в казанском КГБ. Но относились к ним вполне благодушно. А ведь администратор Высоцкого В. Гольдман подстраховался: понимая, что за эти речи их по головке не погладят, сразу после концерта в ВТО попросил владельцев магнитофонов (а их было 12) сдать пленки. Все подчинились. Однако на следующий день выяснилось, что пленки сдали не все. Как вспоминал один из организаторов тех гастролей М. Тазетдинов, «Мне позвонили из КГБ: «Что за концерт был в ВТО?». Все нормально, говорю, пел, что положено. Уверенно так соврал, пленки же все сдали. «Ладно, ладно, — слышу в ответ, — знаем мы, что он пел, но ничего, нам понравилось». Значит, был и тринадцатый магнитофон…».

Вообще Высоцкий был отменным рассказчиком, но этот его талант не был известен широкому кругу людей — только близким друзьям. Это вполне объяснимо, учитывая тот факт, что его юмористические рассказы касались не кого-нибудь, а… самой что ни на есть верхушки КПСС. Особенно от него доставалось нескольким членам Политбюро: застегнутому на все пуговицы главному идеологу М. Суслову, министру культуры П. Демичеву, «хозяину» Москвы В. Гришину, президенту страны Н. Подгорному, «хозяину» Ленинграда Г. Романову. Вообще, как уже отмечалось, из всего состава Политбюро Высоцкий по-настоящему уважал только одного человека — шефа КГБ Юрия Андропова.

Кстати, сам Высоцкий чужую критику своих поступков воспринимал крайне болезненно. Например, он обиделся на злую пародию на себя, которую сочинил сатирик Аркадий Хайт, а озвучит Геннадий Хазанов в своем спектакле «Мелочи жизни» (1978). Выходит, про других можно, а про себя — ни-ни? Про «маразматиков из Политбюро» остри сколько хочешь, а про «злобствующую черепаху» нельзя? А почему нельзя, если кому-то из коллег, да и не только, вдруг показалось, что глаза Высоцкому буквально застит злоба на окружающую его действительность?

Ведь написал же другой известный артист следующую эпиграмму на Высоцкого: «Ему велели слогом бойким повсюду сеять гниль и плесень, и черпать из любой помойки сюжеты ядовитых песен».

В этой эпиграмме обратим внимание на слово «велели», поскольку именно такое впечатление порой складывалось у многих людей от деятельности Высоцкого: дескать, его широкая гастрольная деятельность явно поддерживается определенными силами во власти, заинтересованными в существовании такого певца-бунтаря. Это, во-первых, поднимает престиж СССР на Западе как демократического государства, во-вторых — способствует приближению долгожданных либеральных реформ.

С либеральными реформаторами Высоцкий давно на дружеской ноге. Например, с «птенцом гнезда Андропова» Львом Делюсиным он дружит уже двенадцатый год. Солидный срок для того, чтобы срастись душами. Видимо, именно Делюсин был одним из тех, кто информировал Высоцкого о ситуации в «верхах», давал советы, с кем там стоит дружить, а с кем, наоборот, не рекомендуется. Высоцкий платил ему той же монетой: периодически приезжал к нему домой и исполнял свои новые песни, всегда интересуясь: ну, как? Вот и в конце октября 1977 года Высоцкий снова приезжает к своему либеральному другу и проводит очередной «квартирник».

Однако их разговоры касаются не только внутренней политики, но и внешней. Делюсин, как мы помним, является одним из известных в стране китаеведов — с 1972 года он работал главным научным сотрудником Института востоковедения АН СССР, возглавлял там отдел Китая, поэтому консультирует Высоцкого по вопросам контактов ЕС с Китаем и рассказывает, чем это может грозить СССР. Учитывая международную направленность деятельности Высоцкого, эта информация ему не помешает. Тем более, что вскоре после «квартирника» у Делюсина он в очередной раз, в третий за последние пять месяцев, отправляется во Францию, чтобы снова принять участие в очередном мероприятии тамошних коммунистов — в празднике, который проходит 26 октября в зале «Павиньон де Пари». Вообще о ситуации вокруг еврокоммунизма, сложившейся во второй половине 70-х в Западной Европе, стоит сказать отдельно.

Истоки еврокоммунизма уходили в конец 60-х, когда у западных коммунистов наступило разочарование в советском социализме после чехословацких событий и зародились надежды, что в бурлящей Европе они сумеют перехватить инициативу у своих оппонентов из конкурирующих партий. И такие надежды действительно имели под собой основания. Так, во Франции

после двух десятилетий непрерывного правления правые потеряли доверие, и в их рядах начался раскол. Это привело к тому, что французские левые партии — ФКП и ФСП — решили объединиться в Союз левых сил летом 72-го. В соседней Италии коррупция и некомпетентность правящей Христианско-демократической партии тоже вызвали рост симпатий к коммунистам. В Испании доживала последние дни диктатура Франко, и у тамошней компартии также появились большие шансы встать во главе грядущих изменений.

Что касается участия Москвы в этом процессе, то она не имела больших возможностей вмешиваться в этот процесс, поскольку большинство западных компартий собирались прийти к власти именно на волне отрицания советского социализма. В итоге из трех ведущих западноевропейских компартий — ФКП, КПИ, ИКП, самой близкой Москве, как мы помним, оставалась французская. И когда ее руководство затеяло создать Союз левых сил; в Москве это дело одобрили, положившись на мнение аналитиков из Международного отдела ЦК КПСС, которые увидели в этом Союзе возможность победы ФКП в будущем. Но этот прогноз оказался ошибочным. К концу 77-го стало окончательно понятно, что Союз левых сил принес ФКП больше вреда, чем пользы, а лавры победителей достались их союзникам по блоку — социалистам. Благодаря Союзу, им удалось в значительной мере восстановить влияние и организацию своей партии: численность ФСП за пять лет выросла более чем вдвое и достигла 180 тысяч человек. Их лидер Франсуа Миттеран, а не вожак коммунистов Жорж Марше, стал претендовать на роль лидера всей левой оппозиции, а ФСП — на роль первой политической партии Франции. Как отметит чуть позже сам Жорж Марше,

«Политика нашей партии в период Союза левых сил привела к тому, что, по существу, мы поддержали идею, будто партия как таковая должна стушеваться, чтобы во Франции могли произойти изменения… Совместная программа породила иллюзии относительно социалистической партии, создавая впечатление, что она изменилась в такой мере, что между ФКП и ФСП исчезли различия…».

Неудача с Союзом толкнула Марше и его единомышленников в объятия еврокоммунистов Италии и Испании, которые на тот момент находились в лучшем положении — их опыт взаимодействия с соперничающими партиями оказался положительным. Как итог, в марте 77-го лидер ФКП имел личную встречу с лидерами ИКП и КПИ, где выразил согласие со многими позициями апостолов еврокоммунизма. Более того, в том же году

Марше написал книгу, где он в открытую назвал себя еврокоммунистом, хотя до этого старался всячески этого термина применительно к себе избегать.

В Москве все с большей тревогой наблюдали за тем, как ФКП дрейфует в сторону по сути антисоветской позиции, разделяемой итальянской и испанской компартиями, хотя дрейф этот был вполне закономерен и во многом явился следствием ошибок самой Москвы, которая дала свое согласие на союз ФКП с социалистами. Впрочем, было большим вопросом, какой именно характер носила эта ошибка: непреднамеренный или все же сознательный. Ведь в том же Международном отделе, который и направлял стратегию КПСС и братских компартий в международном коммунистическом движении, и раньше было много сторонников еврокоммунизма, а в пору разрядки их и вовсе стало большинство. Эти люди считали благом союз коммунистов с буржуазными партиями, поскольку видели в этом перспективу такого же поворота и в деятельности самой КПСС. Эти люди лишь на словах называли себя ленинцами, а на самом деле во многом действовали вопреки его учению. Фактически ими были похоронены его слова, что главное в оппортунизме — идея сотрудничества классов. Продолжая работать в цитадели ленинизма, эти люди на самом деле были заодно с теми же испанскими коммунистами, которые убрали определение «ленинская» из названия своей партии. Испанцы призвали мировое комдвижение искать дорогу к социализму не на пути ленинской теории социалистической революции, а на некоем третьем пути — «между социал-демократизмом и марксистским социализмом». Не случайно в среде высших советских партноменклатурщиков ходил рукописный «самиздат» — работы наиболее воинствующего ревизиониста, французского еврея Ж. Элленштейна.

В Международном отделе ЦК КПСС и КГБ прекрасно были осведомлены об этих настроениях, однако сотрудники этих ведомств палец о палец не ударили, чтобы каким-то образом вмешаться. Например, на Лубянке, как и в высшем руководстве страны, считали, что наличие различных точек зрения на развитие комдвижения в партийной среде способствует борьбе мнений и выработке на этой основе правильных решений. Однако в случае с французским просчетом «международников» свою роль сыграло ведомственное противостояние между ними и чекистами. Чтобы указать Брежневу на этот просчет, а также на то, что закоперщиком еврокоммунистической ереси в ФКП является ее лидер и личный друг советского генсека Жорж Марше, Андропов в начале 77-го заслал во Францию своего «казачка» — старого

чекиста, работавшего еще в сталинские годы в парижской резидентуре НКВД, который должен был с помощью своих прежних связей в ФКП и выявить главных тамошних смутьянов, чтобы на основе этих данных в Москве решили, как их нейтрализовать.

В итоге этой тайной экспедиции окончательно вскрылось то, о чем в Москве многие давно догадывались: что главным застрельщиком смуты являлся лидер ФКП Жорж Марше. За эту миссию, которая добавила Андропову лишних симпатий перед Брежневым, бывший энкавэдэшник был награжден орденом Красного Знамени. А шеф КГБ добился у генсека выдачи карт-бланша на операцию, целью которой была поддержка просоветских сил в руководстве ФКП. Правда, этих просоветских сил оставалось все меньше и меньше. Как итог, когда в конце июня 1977 года Брежнев был с официальным визитом во Франции и захотел встретиться с коллегами из Политбюро ФКП, чтобы поделиться с ними результатами своего визита, французы через Жоржа Марше ответили ему… отказом. При этом были названы причины этого отказа: дескать, Брежнев и К пытались расколоть ФКП и даже свергнуть нынешнее ее руководство, а отдельные руководители Международного отдела и вовсе ведут подрывную работу против ФКП в братских партиях.

Под этими руководителями в первую очередь подразумевался первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС 50-летний Вадим Загладин. Он был выпускником МГИМО (1949), потом работал там преподавателем. В 1954 году стал редактором журнала «Новое время», а в 1961 году был переведен в Прагу, в журнал «Проблемы мира и социализма». Именно тогда он и сошелся с Юрием Андроповым, который в 1964 году вернул его в Москву к себе под крыло — в Международный отдел, в сектор социалистических стран. В начале 1967 года Загладин стал его заместителем, а после того, как в мае того же года Андропов ушел в КГБ, остался в Международном в той же должности зама, но уже у Бориса Пономарева. Наконец, в октябре 1975 года Загладин дослужился до должности первого зама и отвечал за работу с западными компартиями. И французы не случайно обвиняли его в «подрывной» деятельности — именно Загладин совершал поездки по Западной Европе (Италия, ФРГ, Бельгия, Швейцария и т. д.), где подбивал тамошних коммунистов не следовать примеру ФКП.

Судя по всему, и международная деятельность Высоцкого тоже замыкалась на Загладина по линии Международного отдела ЦК КПСС. Инициатива шла от сектора, ведавшего французским направлением, а замыкалось все на первом заме, который, кстати,

с симпатией относился к творчеству Высоцкого, да и «Таганки» в целом. Как пишет его коллега-международник А. Черняев, «На нашем элитно-политическом горизонте Загладин незаурядная фигура». В июне 1977 года, к 50-летию, его даже наградили орденом Ленина.

Отметим, что именно в 1977 году заметно возросла активность Высоцкого на международном направлении. И поздней осенью 77-го он приехал в Париж, чтобы участвовать в шумной акции в поддержку промосковских сил в ФКП, приуроченной к 60-летию Великого Октября. В этом празднике, проходившем в многотысячном зале «Павийон де Пари», участвовала целая группа известных советских поэтов-либералов в лице Константина Симонова, Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, Булата Окуджавы, Олжаса Сулейменова, Виталия Коротича, Михаила Сергеева и др. Участие Высоцкого в этом поэтическом представлении предполагалось изначально и было связано все с теми же планами Старой площади по дальнейшей раскрутке его славы сначала во Франции, а далее везде.

И снова вспомним про Вадима Загладина. Это ведь он 10 октября провел неслыханное мероприятие — неформальную, закрытую встречу с наиболее либерально продвинутыми деятелями из числа консультантов Международного отдела (Галкин, Бурлацкий, Лейбзон, Делигенский, Карякин, Ардаев, Соболев, Красин, Гилилов, Тимофеев и др.). На этой встрече ее участники говорили о еврокоммунизме и пытались выработать методы и подходы, как его переиграть. В итоге пришли к выводу: надо преодолевать догматизм, в котором погрязло руководство КПСС. Как итог — подключение к празднику в Париже Высоцкого, который до этого никогда в таких мероприятиях не участвовал. Причем не только по причине того, что его не приглашали — он и сам сторонился таких мероприятий. Но теперь это отстранение закончилось.

Поэтический концерт состоялся 26 октября. Высоцкий в нем выступал последним, что тоже было показательно: именно по-настоящему значимым артистам обычно доверяли честь ставить финальные точки в подобного рода представлениях. Им были исполнены следующие песни: «Спасите наши души», «Расстрел горного эха», «Кони привередливые», «Погоня», «Прерванный полет». Отметим, что все песни были исполнены на французском языке (перевод Мишеля Форестье), чтобы присутствующие поняли не только их первый пласт, но и оппозиционный подтекст. Ведь артист не случайно выбрал именно эти песни.

В «Спасите наши души» и в «Расстреле горного эха» речь шла

о том, как задыхается в тисках несвободы либеральная интеллигенция, в первую очередь, советская. Что касается трех остальных песен, то в них Высоцкий декларировал те же самые идеи, но уже применительно к своей собственной судьбе. Например, «Погоня» была вариантом «Охоты на волков», но более облегченным: там опять речь шла о том, как волки (власть) пытаются погубить главного героя; саму «Охоту…» Высоцкий исполнить побоялся, видимо, памятуя о ее одиозном восприятии советскими властями.

В телевизионном репортаже с этого праздника, который в тот же день был показан в программе «Время»", выступление Высоцкого было безжалостно вырезано. Спрашивается, почему? Да потому, что это выступление было рассчитано не на советского зрителя, а на французского, которого надо было обаять в первую очередь, чтобы он не растерял свои симпатии к ФКП накануне предстоящих в марте 78-го выборов. Для советских телезрителей Высоцкий по-прежнему должен был оставаться гонимым певцом, дабы у него не закралось сомнение: а чего это Высоцкий выступает на французском празднике в честь Великого Октября?

Кстати, и тогдашние гастроли «Таганки» именно во Франции — первой капиталистической стране в ее гастрольном графике, тоже были не случайны и прямо вытекали из задумки Кремля помочь ФКП выиграть выборы весной будущего года и изменить соотношение сил внутри руководства ФКП в пользу просоветских деятелей. Об этом со всей очевидностью говорит то, что продюсером-организатором этих гастролей был знаменитый французский коммунист Зориа.

«Таганка» приехала во Францию 4 ноября 1977 года. С собой она привезла четыре спектакля, причем все они были поставлены по известным литературным произведениям, но с оригиналом имели мало общего, поскольку были интерпретированы Юрием Любимовым в соответствии с его либеральными воззрениями. Это были «Десять дней, которые потрясли мир» по Д. Риду, «Гамлет» по У. Шекспиру, «Мать» по М. Горькому и «Тартюф» по Мольеру.

Представления шли во дворце Шальо, этаком аналоге столичного Театра Советской Армии, и поначалу собирали очень мало зрителей — всего-то 200–300 человек при вместимости под тысячу. И это при том, что французская коммунистическая печать приложила максимум стараний, чтобы распиарить приезд «Таганки» во Францию. Но, видимо, именно этот пиар зрителей поначалу и отпугнул — у многих людей во Франции интерес к ФКП за последние годы пропал.

Понимая, что дело плохо, Юрий Любимов поступил как настоящий рыночник — решил использовать в качестве

приманки… скандал. Давая явно не случайное интервью главной газете либеральной французской интеллигенции «Монд» (аналог советской «Литературной газеты»), он сообщил, что собирается судиться с газетой «Правда», где было напечатано письмо против его постановки «Пиковой дамы». Прочитав это, парижане, охочие до скандалов, ринулись на штурм Шальо, поскольку им стало интересно взглянуть на спектакли режиссера, который собирается судиться с самой Советской властью.

Между тем, один из спектаклей — «Десять дней, которые потрясли мир» — французская критика, ориентированная на круги русской эмиграции, встретила в штыки. Она обвинила авторов постановки в антиисторизме — мол, много вранья вокруг событий октября 17-го, в легкомысленном подходе к историческим событиям. Не обратить внимание на эти упреки либерал Любимов никак не мог, поскольку прекрасно понимал, чем чревата для него обструкция со стороны эмигрантов — потерей реноме либерал-интеллигента. Поэтому он принял решение… снять спектакль с гастролей и заменить его другими («Гамлет», «Мать»). А когда возмутились организаторы гастролей, коммунисты, и заставили его восстановить в гастрольной сетке «Десять дней…», Любимов перестал появляться в театре, когда шел этот спектакль.

А что же Высоцкий? Он на тех гастролях чувствует себя не в своей тарелке. Как записал в своем дневнике в те дни В. Золотухин,

««Все это не так просто», — на что-то намекал Высоцкий. Кстати, мне показалось, особенно в первые дни, что он неловко себя чувствует среди нас в Париже. Ведь он тут никто, не более как муж Марины Влади, хотя и она уже здесь почти никто, вчерашний день… Какая может быть речь о том, чтоб он остался здесь?».

Задумаемся, почему Высоцкий чувствовал себя неловко во время тех гастролей? Не потому ли, что уши Москвы торчали в них особенно отчетливо? Однако точно также они торчали и на недавнем празднике в «Павийон де Пари», но Высоцкий тогда им значения не придал. Почему? Наверное, потому, что его участие в том празднике заняло всего-то меньше часа, а здесь речь шла о многодневных гастролях.

Обратим внимание и на последнюю фразу Золотухина: «Какая может быть речь о том, чтоб он остался здесь?». Значит, в среде таганковцев ходили разговоры о том, что Высоцкий в ближайшем будущем собирается переехать во Францию и жить на две страны. А поскольку популярность Влади здесь уже давно сошла на нет (и об этом тоже прямо пишет Золотухин), советские

верхи и предпринимали активные действия по «накачке» авторитета Высоцкого во Франции в последние несколько месяцев.

В самый разгар гастролей «Таганки» все в той же газете «Монд» (20–21 ноября) появилось сообщение о том, что во Франции вышел третий диск-гигант Владимира Высоцкого; два первых были изданы в середине марта. Опять же не случайное событие, а плотно завязанное на все ту же стратегию Москвы по раскрутке имени Высоцкого. Впрочем, он и сам старается произвести на русскую публику соответствующее впечатление, сочиняя песни о том, как тяжело ему, гонимому, сражаться с власть предержащими в одиночку. Так на свет рождается песня «Охота с вертолетов» — продолжение «Охоты на волков».

Речь в ней шла все о том же — о загоне инакомыслящих «волков» жестокими стрелками, олицетворявшими собой высшую власть. То, что охота эта велась с вертолетов, было метафорой — намеком на то, что охотой руководят те, кто *наверху*. О своей незавидной судьбе Высоцкий в песне отзывается следующими словами:

> …Я мечусь на глазах полупьяных стрелков
> И скликаю заблудшие души волков.
> Те, кто жив, затаились на том берегу.
> Что могу я один? Ничего не могу!..

А 9 декабря Высоцкий едва не сорвал «Гамлета» в Марселе. Причем виноват был в этом инциденте Любимов. Это он во время приема в некоем издательстве начал отчитывать Высоцкого. На что тот резонно огрызнулся: дескать, в вашем успехе есть и моя немалая доля — совершенно справедливое замечание. Любимов в ответ возмутился, на что Высоцкий отреагировал еще более нервно: прихватив с собой Ивана Бортника, покинул тусовку и отправился догуливать в другое место. И это за пару часов до начала спектакля!

И вот теперь представьте себе картину: полный зал зрителей, вся труппа в сборе, а Гамлета нет. Кто-то прибежал к Любимову и доложил ему, что Высоцкий послал всех на три буквы и уехал гулять в какой-то ресторан. Шефу «Таганки» едва не стало дурно, поскольку он живо себе представил, что его ждет по возвращении в Москву. Высоцкому-то что — как с гуся вода, с его-то «крышей», а он после недавнего «наезда» в «Правде», да и скандалов вокруг нынешних гастролей (конфликт из-за «Десяти дней…», а также интервью Любимова «Юманите», где он вступил в полемику с «Литературной газетой», заявив, что она лжет, когда пишет, будто он осудил фестиваль искусств «Биеннале» в Венеции, который в

том году взял своим девизом слоган «Все на поддержку советских диссидентов!») ни на какие поблажки рассчитывать уже не мог. Поэтому действовать надо было немедленно и решительно. Взяв с собой художника Давида Боровского и режиссера Марсельского театра Пьера главреж «Таганки» отправился на поиски загулявшей звезды.

Поиски длились недолго. По счастливой случайности, Высоцкого в компании Бортника удалось обнаружить в ближайшем же ресторане. Но актеры, увидев Любимова, даже не подумали поспешить ему навстречу. Вместо этого они выскочили из ресторана, тормознули такси и бросились прочь. Далее послушаем рассказ И. Бортника:

«Мы поехали в порт. Там продолжили, разумеется. Вовка стал приставать к неграм, которые там в какие-то фишки играли. Он начал подсказывать: «Не туда ходишь, падла!». Хватал их за руки. Я понял, что это уже чревато, и оттащил его. Мы выходим на площадь перед портом. Она абсолютно пустынна. И вдруг останавливается машина и из нее вылезает шеф — Юрий Любимов. Как он нас нашел? Ведь не знали Марселя ни он, ни мы. Но вот интуиция (видимо, верное направление Любимову указал режиссер Марсельского театра. — *Ф. Р.*)… Нас привели, развели по номерам… Слава Богу, все обошлось, и Володя замечательно отыграл спектакль…».

10 декабря Театр на Таганке вернулся на родину, а Высоцкий еще на некоторое время остался в Париже — у него там были назначены его вторые по счету публичные концерты, должные состоятся 15–17 декабря; первое такое выступление, как мы помним, случилось там же 11 сентября. И как раз в день первого концерта в Париже погибает Александр Галич — тот самый бард, который был выдворен советскими властями из страны летом 1974 года, чтобы не мешать Высоцкому в одиночку царить на поприще остросоциальной бардовской песни. Очутившись же на Западе, Галич какое-то время работал на радиостанции «Свободная Европа» в ФРГ, а затем в начале 77-го его хозяева из ЦРУ перебросили его в Париж, где он возглавил новый корпункт «Свободной Европы» — его культурный отдел. Но проработать там он смог недолго.

Обратим внимание, что в тот момент, когда полиция уже вовсю действовала в квартире Галича, Высоцкий давал концерт. И в самом его конце к нему из зала пришла записка, в которой сообщалось, что несколько часов назад скончался Галич. Видимо, человек, который ее написал, надеялся, что Высоцкий каким-то образом выскажет свое соболезнование по адресу покойного. Но наш герой ни словом об этом не обмолвился и спрятал записку.

Уже в наши дни весьма любопытное интервью для издания «Бульвар Гордона» дала дочь Галича — Алена Архангельская. Приведу из него небольшой отрывок, где речь идет о смерти Галича:

«Трагедия случилась сразу после того, как в Париже прошли гастроли Театра на Таганке. Я всегда знала, что из всей труппы с отцом общался один-единственный человек — артист Дмитрий Межевич. Он увидел Галича на спектакле «10 дней, которые потрясли мир» и решился подойти, хотя и очень боялся. Папа, уже постаревший, с палочкой, не ожидал этого и расчувствовался: «Милый мой!..». Они обнялись, но поговорили очень мало, потому что Ангелина Николаевна заволновалась, как бы кто из стукачей их не увидел.

И вдруг выясняется, что Высоцкий — он после возвращения театра в Москву остался, чтобы дать во Франции несколько концертов; мне говорили, что русская община приняла его песни весьма прохладно и окрестила «Галичем для бедных» — тоже встречался с моим отцом, более того — приходил к нему на улицу Маниль. Откуда я это узнала? Во время одного из вечеров в Центральном доме литераторов в 2003 году мне прислали записку: «Если вы хотите знать о причинах смерти вашего отца, позвоните мне». И номер телефона. Я воспользовалась предложением. А через день ко мне пришел человек, который, по его словам, в конце 70-х работал в одной из «заинтересованных организаций».

Он рассказал, что в то время Политбюро разделилось на два лагеря. «Ястребы» настаивали, что Александра Галича и Виктора Некрасова надо просто «убрать». «Голуби» же предлагали их вернуть в СССР, как в свое время поступили с Александром Куприным и Алексеем Толстым: мол, предложим им большие деньги, дадим хорошие квартиры, но при условии покаяния…

Выиграла вторая группировка, и во Францию в «творческую командировку», то есть с заданием уговорить Галича и Некрасова вернуться, поехал журналист-известинец Леонид Колосов; на самом деле он был сотрудником КГБ. Кстати, позднее эту информацию подтвердил и сам Колосов. В документальном фильме «Смерть изгнанника» он рассказал, как вышел из поезда на Западном вокзале Парижа и услышал: «Ты опоздал, Галича уже нет, а с одним Некрасовым дела иметь не стоит». После чего разведчик не нашел ничего лучшего, как встретиться с вдовой Ангелиной Николаевной и признаться ей в любви к песням Галича.

Итак, мой загадочный доброжелатель утверждал, что Высоцкий приходил к папе домой в день его смерти, пробыл у

него совсем недолго. А когда дверь открылась, выпуская его, в квартиру вошли двое…».

Отыграв концерты, Высоцкий сорвался в «пике». Может, чтобы заглушить в себе мысли о смерти Галича? Именно тогда и произошел тот знаменитый скандал «с черным пистолетом», когда они с Шемякиным устроили дебош в ресторане «Распутин», причем Шемякин устроил пальбу из пистолета в потолок. Потом наш герой опишет этот загул в песне «Французские бесы».

В Москву Высоцкий вернулся вместе с Влади, чтобы здесь вместе справить Новый год, как в старые добрые времена. Впрочем, наступившие времена в их отношениях уже нельзя было назвать по-настоящему добрыми — отчуждение между супругами наступило давно. Читаем в дневнике у Юрия Нагибина: «29 декабря 1977 года… Накануне Марина Влади проповедовала у нас на кухне превосходство женского онанизма над всеми остальными видами наслаждений. В разгар ее разглагольствований пришел Высоцкий, дал по роже и увел…».

Между тем наверняка недавний скандальный загул Высоцкого в Париже стал достоянием советских верхов. Оперативная информация о нем должна была дойти туда как по дипломатическим каналам, так и чекистским. Ведь Высоцкий, оформляя себе визу, должен был подписывать специальный документ, где значилось: «Обязуюсь соблюдать правила поведения советского человека за границей». Ничего себе соблюдение: сразу после гастролей советского театра во Франции его ведущий актер участвует в пьяном дебоше со стрельбой (!) в одном из ресторанов французской столицы! Короче, эта «аморалка» тянула как минимум на то, чтобы лишить Высоцкого права выезда за границу хотя бы временно, а максимум — вообще сделать его невыездным. И что же, лишили? Как пел сам Высоцкий в своей песне, написанной по следам этого дебоша (а может быть, и не только дебоша):

Я где-то точно — наследил, —
Последствия предвижу…

Но последствий не было. Почему? Видимо, понимая, что этот срыв мог быть связан с непростым психологическим состоянием Высоцкого, связанным с его международной деятельностью, Москва закрыла на это глаза. И даже более того: отдохнув в столице две недели, он 12 января 1978 года снова вылетел в Париж. Символично, что именно в эти дни в Москве в прокат вышел фильм «Вооружен и очень опасен», где звучали песни на стихи Высоцкого. В одноименной песне звучали такие строчки:

Кто там крадется вдоль стены —
Всегда в тени и со спины?
Его шаги едва слышны —
Остерегитесь!..

Пробудет Высоцкий за рубежом всего одну неделю (12–18 января). Спрашивается: стоило ли летать на такой короткий срок за тысячи километров от дома? Значит, стоило. Наверное, некая нужда вынуждала его все чаще и чаще покидать пределы родины и ездить на Запад. И делалось это, скорее, не от скуки, а от желания сделать себе карьеру за рубежом, тем более, что все это происходило с ведома и при прямой поддержке Москвы, которая не жалела на это никаких средств.

«За что мне эта злая, нелепая стезя?..»

Тем временем и на родине финансовые дела Высоцкого выходят на новый, более крутой уровень. Вернувшись в Москву, наш герой 20 января летит на Украину, в Северодонецк, чтобы дать несколько концертов в тамошнем Ледовом Дворце спорта, а также в городах Ворошиловограде и Лисичанске. Для Высоцкого эти концерты проходили по новой финансовой системе, предложенной ему администратором Владимиром Гольдманом. Система была более чем выгодной: Высоцкий давал по 4–5 концертов в день и получал за каждое выступление 300 рублей наличными вместо прежних 150–200 рублей. Судя по всему, это была не личная инициатива администратора, а идея куда более влиятельных товарищей с самого верха, которые просто обязаны были отблагодарить Высоцкого за его плодотворную деятельность за рубежом.

На тех гастролях Высоцкий дает по четыре-пять концертов в день. В общей сложности за пять дней выступлений наш герой дает 21 концерт, положив в карман 6 100 рублей — зарплата среднего советского инженера почти за четыре года!. Скажем прямо, такие гонорары власти позволяли иметь не каждому советскому артисту — только особо доверенным. А ведь Высоцкий, напомним, проходил по категории полузапрещенных исполнителей.

Положив в карман неплохой «навар», Высоцкий 9 февраля отправляется вместе с «Таганкой» в ГДР (Берлин, Росток), чтобы участвовать в театральном фестивале памяти Б. Брехта; заметим, что в нем участвовали сплошь немецкие коллективы и только один был заграничный — «Таганка». 19 февраля гастроли благополучно закончились, и «Таганка» вернулась на родину. Но Высоцкий домой не спешит: он едет в ФРГ, где проводит время в компании с Бабеком Серушем и Романом Фрумзоном. Поскольку последнего, как и первого, тоже можно отнести к людям с «двойным» дном, то расскажем о нем подробно.

Роман Фрумзон родился в Харькове. Уже в юности вступил на путь фарцовки — продавал импортные вещи, которые доставал у иностранцев. В середине 60-х он перебрался в Москву, где значительно развернул свои полукриминальные операции. Он и в жены выбрал себе такую же пронырливую девушку Жанну, которая составила ему кампанию на ниве спекуляции, а потом и вовсе его перещеголяла на этом поприще, став одной из самых

крупных столичных фарцовщиц. Источником фирменных вещей, которыми промышляли Фрумзоны, были покупки, которые известные артисты, например, из ансамблей Игоря Моисеева или «Березки», привозили из-за границы. Впрочем, Роман промышлял не только одеждой, но и другими вещами — например, иконами, которые с конца 60-х стали пользоваться большим спросом на Западе.

Развивать «иконный» бизнес Фрумзонам помогала семейная пара дипломатов — граждане Чехословакии Ладислав Галс и его жена Алла. Они взяли на себя курьерские функции, вывозя под прикрытием дипломатических паспортов иконы и церковную утварь. Так продолжалось на протяжении нескольких лет, в течение которых Фрумзоны разбогатели: купили себе автомобиль «Москвич», въехали в новую квартиру на улице Медведева. Однако в 1975 году на волне еврейской эмиграции они принимают решение уехать из страны и переезжают жить в ФРГ. Вполне вероятно, таким образом КГБ весьма активно «унавоживал» эмигрантскую среду в Европе своей агентурой. Поэтому уже очень скоро Фрумзон, видимо, и сошелся с Серушем на ниве совместного бизнеса и шпионажа.

22 февраля Высоцкий уже в Париже, где пробудет почти две недели. И опять с ним рядом Серуш.

Франция в те дни готовилась к мартовским выборам в Национальное собрание, и Марина Влади, как видный функционер ФКП, целиком была поглощена этим событием. Что касается Высоцкого, то он свою лепту уже внес — выступив осенью прошлого года на празднике в «Павийон де Пари» и прогастролировав тогда же с «Таганкой» во Франции. Как мы помним, все эти акции проводились под «крышей» Французской компартии.

Те выборы завершатся для коммунистов плачевно, а вот для их союзников по блоку левых сил, социалистов, — наоборот. Последние впервые за годы Пятой республики в целом по стране соберут больше голосов, чем коммунисты. И хотя ФКП получит 20,6 % общего числа голосов, она справедливо расценит итоги голосования как свою неудачу. В итоге ФКП примет решение выйти из Союза левых сил, который просуществовал ровно пять лет.

Тогда же потерпит неудачу, причем даже не начавшись, и попытка итальянских коммунистов заключить союз с правящей партией — христианско-демократической. Руководитель последней — премьер-министр страны Альдо Моро — вынашивал идею создать с ИКП коалиционное правительство после того, как на выборах-76 ИКП получила 33 % голосов избирателей, однако

16 марта его похитили террористы из «Красных бригад» и в начале мая казнили; при этом для казни не случайно было избрано 9 мая — день, который в Италии, в отличие от всех остальных западноевропейских стран, был праздничным. Как выяснится много позже, за этим преступлением стояло американское ЦРУ, которое таким образом сорвало союз ХДП и ИКП.

Пока Высоцкий находился за границей, на его родине режиссер Станислав Говорухин затеял на Одесской киностудии новый кинопроект с участием героя нашего рассказа: телесериал «Место встречи изменить нельзя» по книге братьев Вайнеров, где Высоцкому определена главная роль — начальника отдела по борьбе с бандитизмом послевоенного МУРа Глеба Жеглова. Повторимся, роль главная, чего с Высоцким не случалось вот уже три года — со съемок в «Арапе». О том, почему он с 1973 года стал все реже исполнять главные роли, мы уже говорили — видимо, международная деятельность не позволяла ему «разбрасываться» временем так, как это было до этого. Однако «Место встречи…» было сериалом из 5 серий и потребовало бы от него значительных временных затрат. Но Высоцкий и здесь нашел выход: ловко поставил Говорухина в такие условия, когда именно он, Высоцкий, диктовалему условия своего пребывания на съемочной площадке. Впрочем, об этом мы еще расскажем, а пока вернемся к роли Жеглова.

Ее наш герой нашел для себя сам. Еще три года назад, прочитав в толстом журнале повесть братьев Вайнеров «Эра милосердия», он загорелся идеей воплотить образ Глеба Жеглова на экране. Уж больно много общего было в этом герое с самим Высоцким. Это был жесткий, в какой-то мере жестокий человек, настоящий фанат сыскного дела. Охота на преступников была единственным смыслом его жизни: у него не было ни семьи, ни настоящих друзей. Высоцкий видел в нем родственную душу, этот герой стал его кумиром. До этого у него уже была похожая роль в кино: в фильме «Плохой хороший человек» (1973) он сыграл жесткого и принципиального зоолога фон Корена, который терпеть не может рефлексирующих интеллигентов и готов истреблять их собственноручно. Однако это был герой из далекого прошлого, да к тому же менее авантюрный. А вот Жеглов был почти стопроцентным попаданием в характер Высоцкого. В нем явственно проглядывало обаяние зла: ему хотелось симпатизировать, но в то же время душу терзало смутное беспокойство по поводу правильности этой симпатии. Не случайно один из героев фильма — Груздев, давал убийственную характеристику Жеглову: «Это страшный человек. Доведется, он и через тебя переступит».

Кстати, и в театре тогда у Высоцкого появилась роль злодея: Свидригайлов в «Преступлении и наказании». Вообще отметим, что с возрастом характер Высоцкого становился злее. Хотя в детстве он являл собой совершенно иного человека. Как говорила его матери начальник пионерлагеря НИИхиммаша, где проводил лето юный Высоцкий, Таисия Тюрина: «Он у вас шаловливый, но *не злобный*». Однако с годами его характер претерпевал существенные изменения. Причем это была не только злость на недостатки политического строя, но, судя по всему, вообще на жизнь как таковую. Даже в его творчестве это нашло свое отражение: во многих песнях он оперирует словом «зло».

Век свободы не видать из-за злой фортуны…
И природная моя злость…
За что мне эта злая, нелепая стезя?..
Ядовит и зол, ну словно кобра я…
Как черный раб, покорный злой судьбе… и т. д.

Вернувшись в начале марта на родину, Высоцкий впрягается в плотный гастрольный график: дает концерты как в Москве, так и далеко за ее пределами. В течение месяца он посещает города Шостка и Сумы (Сумская область), Кривой Рог (Днепропетровская область), Череповец (Вологодская область), Белгород (Белгородская область). Он дает около пятидесяти (!) концертов: только в Череповце их было 17 (по три-четыре в день), что принесло ему более 5 000 рублей дохода. А всего за тот месяц он заработал около 15 000 (!) полновесных советских рублей: за каждый концерт — по 300 рублей. Согласитесь, неплохая сумма по советским меркам, когда ежемесячная средняя зарплата равнялась 150 рублям. Батон белого хлеба тогда стоил 14 копеек, бутылка водки — 3 рубля 62 копейки, автомобиль «Москвич-412» — 4 936 рублей. Таким образом, наш герой за три недели заработал… три «Москвича».

Так что с «нефтяных денег», накрывших тогда страну, Высоцкий имел весьма неплохую долю. Если бы, к примеру, он рассказал об этом в передаче «60 минут», американский зритель сильно бы удивился: разве диссидентам могут так много платить? Но бард об этом промолчал, поскольку ни в его планы, ни в планы его «крышевателей» не входило рассказывать правду. Главное было — представить Высоцкого жертвой режима, чтобы доверчивые американцы рады были приютить его у себя дома и разрешить ему войти в тамошний истеблишмент. Естественно, не догадываясь, что все это может быть звеньями далеко идущего тайного плана советских верхов.

В конце апреля в Останкино состоялось утверждение

кинопроб для телефильма «Место встречи изменить нельзя». Больше всего претензий было предъявлено к кандидатуре Владимира Высоцкого. Причем в качестве возражателей выступили влиятельные люди: консультанты из МВД СССР, вечного соперника КГБ, и люди из близкого окружения самого председателя Гостелерадио СССР Сергея Лапина. Однако замом последнего был Энвер Мамедов, имевший хорошие связи в спецслужбах — в молодости он закончил курсы переводчиков при ГРУ Генштаба. Именно он, пользуясь тем, что Лапин выехал в зарубежную командировку, и утвердил Высоцкого на роль Жеглова. Когда Лапин вернулся на родину, перечить своему заму он не стал: видимо, понял, что со спецслужбами лучше не спорить.

Съемки фильма начались 10 мая. В одесском парке культуры и отдыха имени Т. Шевченко начали сниматься эпизоды «в бильярдной»: Жеглов (Владимир Высоцкий) находит там вора Копченого (Леонид Куравлев) и, гоняя с ним шары, заставляет его признаться, откуда он взял браслетик в виде змейки, принадлежавший до этого убиенной гражданке — бывшей жене Груздева. Съемки начались около десяти утра и продолжались до четырех вечера; бильярдную снимали два дня. Была там и Марина Влади. Вот как об этом вспоминает одни из участников — актер Лев Перфилов: он играл фотографа-муровца Гришу Ушивина по прозвищу «шесть-на-девять»:

«Высоцкий совершенно не умел играть в бильярд, и все забитые им на экране шары были забиты на съемках Куравлевым…

Из-за отсутствия вентиляции в бильярдной курить там было нельзя, и нам периодически предоставляли пятиминутный перерыв. Выйдя на воздух в один из таких перерывов, я увидел стоявшую неподалеку Марину Влади с какой-то женщиной.

Мы вежливо поздоровались, улыбнулись друг другу, и я, естественно, решил вернуться и позвать Высоцкого. Но он появился в дверях сам, увидел Марину и, вместо того, чтобы броситься к ней, уйти вместе от посторонних глаз… затанцевал на крыльце бильярдной. Это был какой-то непонятный, сумбурный, радостный танец, похожий и на «цыганочку», и на «яблочко», с чечеткой, криками и какими-то восторженными восклицаниями. Марина Влади улыбнулась. А я с любопытством ждал — что же дальше?

А Высоцкий эффектно закончил танец, широко раскинул руки, засмеялся и… ушел в бильярдную Марина Влади и ее спутница пошли к ближайшей скамейке, сели, о чем-то тихо заговорили…

Свидетели же этой сцены разочарованно переглянулись — так хотелось, чтобы он бросился к жене и все стали бы свидетелями их встречи «при всем честном народе».

Удивленный, я вернулся в бильярдную и увидел, что съемка продолжается, жужжит камера, Высоцкий работает… Я был убежден, что приезд Марины Влади — достаточная причина, чтобы немедленно отменить съемку. Или Говорухин ничего не знает? Неужели Высоцкий ему ничего не сказал? Надо ему сообщить — в конце концов, она прилетела из Франции, чтобы повидаться с Володей!

Я решительно направился к режиссеру, но тут он хлопнул в ладоши и громко крикнул:

— Спасибо! На сегодня все! Съемка окончена!

Ну, вот так-то лучше.

Я смотрел, как удалялись Марина Влади, Володя и незнакомая женщина по аллее парка и очень хотелось услышать, о чем они говорили…».

Как видно из этих воспоминаний, отношения Высоцкого и Влади выглядят вполне идиллически. Но так было не всегда, о чем можно судить опять же по воспоминаниям.

Стоит отметить, что 10 мая 1978 года у Марины Влади был день рождения — ей исполнилось ровно 40 лет. Отмечать это событие избранные члены съемочной группы отправились на дачу за городом, которую имениннице и ее мужу помог снять Говорухин. У всех было прекрасное настроение, но его едва не похоронила вместе с фильмом сама именинница. Вот как об этом вспоминает С. Говорухин:

«Случилась неожиданность. Марина уводит меня в другую комнату, запирает дверь, со слезами на глазах говорит:

— Сними другого актера, отпусти Володю! Он не может сниматься.

— Давай его сюда, — говорю я. Володя приходит и объявляет:

— Славик, я тебя прошу… Пойми, я не могу сниматься, ну не могу тратить год жизни на эту картину. Мне так мало осталось. (У него это предчувствие близкого конца всегда было). У нас большие планы: мне хочется на Таити поехать.

Он страшно любил путешествовать, а тут открылась такая возможность: последние три-четыре года он мотался уже по всему миру.

Ну, конечно, я тут же нажал на все педали:

— Это ж трагедия! Ты что, сумасшедший? Так хотел сниматься в «Эре милосердия», можно сказать, был зачинателем идеи — сделать фильм по роману Вайнеров, так волновался — утвердят, не утвердят на Жеглова, и вдруг… Как это так? Что ты?

Ты можешь себе представить?.. Ну, хотя бы о деньгах подумай — это бешеные деньги: остановить все производство, искать нового актера! Кто нам после этого вообще даст это кино снимать?!.

Короче, с трудом, но мне удалось их уговорить…».

Действительно, заявление Высоцкого выглядело странно: сам вдохновил Говорухина на съемки фильма, все уши прожужжал о роли Жеглова и на тебе — расхотел сниматься. Неужели дело в том, что Высоцкий уже чувствовал близость своего скорого конца и хотел успеть посмотреть на мир? Или дело было в другом? Например, ему надо было с помощью ультиматума заранее подготовить легальную почву для своих частых отлучек за рубеж. Кстати, за эти девять месяцев съемок Высоцкий четырежды съездит за границу, «украв» у фильма более 90 дней (свыше трех месяцев). Все это было не случайно: Высоцкий, видимо, уже осведомлен о задаче, которая поставлена перед ним — готовиться к натурализации на Западе, куда он должен был переехать в ближайшие год-два. Там он должен был открыть артистический клуб в Нью-Йорке, о чем уже в наши дни расскажет его приятель Василий Аксенов.

Видимо, поэтому в середине июня 78-го при посредстве высших партийных идеологических органов по стране с подключением лекторов от ЦК КПСС начинают распространяться широкомасштабные слухи о том, что Высоцкий оформляет документы для своего окончательного переезда на Запад. Это мог быть пробный шар со стороны заинтересованных лиц, которые таким образом проверяли реакцию общественности на возможный отъезд Высоцкого из страны. Так сказать, готовили почву.

Из этой же «оперы» и тогдашнее строительство Высоцким дачи под Москвой — в писательском поселке «Красная Пахра». Высоцкий вполне мог добиться выделения участка под строительство коттеджа, а он же вместо этого покупает у сценариста Эдуарда Володарского времянку на его участке, на месте которой и собирается построить небольшой дом, чтобы затем перевезти его на свой будущий участок. Однако строит он свое новое жилище без особого энтузиазма, поскольку вся эта история, видимо, всего лишь ширма: она должна была показать, что Высоцкий никуда уезжать не собирается, хотя сам он прекрасно знал, что это не так, и что его отъезд уже не за горами. Он тратит копейки на этот дом, поскольку для переезда на Запад деньги ему еще понадобятся. Кроме этого, он добивается скидок, где только возможно, подтверждая тезис о том, что когда дело касалось денег, то в нем просыпался расчетливый еврей.

Пока Высоцкий снимался в Одессе, Влади жила там же, опекаемая друзьями нашего героя — в частности, женой

Говорухина Галиной. Последняя рассказывает:

«Жить Марина должна была по категории иностранки — в гостинице, но даже для нее это были бешеные деньги. И тогда мы решили снять дачу. Это был очень красивый старинный особняк XVIII века. На берегу моря. Приехали туда с Мариной утром, видим: внутри грязь чудовищная. И Марина, французская актриса, звезда, засучила рукава, повязала косыночку, взяла таз и практически одна все выдраила. Потом мы поехали с ней на рынок, накупили вкусного, она сама приготовила ужин, накрыла стол. И вечером на веранде идеально чистой дачи с накрытым столом ждала своего Володю.

Володя на выходные уезжал в Москву играть спектакли. Как-то я готовила завтрак, а Марина пошла на море. До моря недалеко, перейти шоссе, пройти две дюны. Вдруг минут через 15 прибегает обратно. Оказывается, к ней начал кадриться какой-то мужик с одесским нахальством. Ему даже в голову не могло прийти, что на пляже лежит французская кинозвезда Марина Влади. А у Марины бикини, фигура дивная. Красотка невероятная.

А как-то ехали в электричке с нашей дачи под Одессой. Вагон переполнен, сесть некуда. Вокруг горластые тетки-одесситки. Место освободилось, и мне удалось Марину посадить. У нее на шее платочек, простое ситцевое платье. И тоже никому в голову не приходит, что это Колдунья. Был у нас такой очень популярный фильм с ее участием…».

Между тем 6 июля Высоцкий посетил Министерство Гражданской авиации в Москве с деловым визитом. Ему и его супруге надоело летать по миру втридорога, вот они и решили пользоваться услугами «Аэрофлота» со скидкой. Именно для «утряски» этой проблемы наш герой и посетил МГА. Вот как вспоминает об этом визите тогдашний начальник Центрального рекламно-информационного агентства МГА А. Гридин:

«Жаркий летний полдень. Звонок по министерской «вертушке». Голос самого Бориса Бугаева (министр гражданской авиации. — *Ф. Р.*): «Должен подойти к тебе Высоцкий, придумай, как ему помочь». Просьба министра слегка озадачила: что бы это означало? Тогда ведь к поэту отношение было неоднозначное. А вот и Высоцкий собственной персоной. Пришел в очень потертых, но аккуратных джинсах, рубашке-тенниске. Что поразило, и не только меня, — подкупающая манера держаться скромно. Естественно, все мое агентство работу бросило. Каждый норовил под разными предлогами заглянуть в кабинет. А просьба действительно была необычной. В съемках очередного фильма в Канаде участвовала Марина Влади. Киноработа могла

растянуться на месяцы, не видеться с ней далее невозможно. Надо бы слетать в Монреаль, да билеты не по карману. Как раз в это время на Владимира наложили достаточно крупный штраф за «незаконно» выпущенную за рубежом пластинку его песен. Не мог бы в какой-то степени помочь «Аэрофлот»?

Ну, кто бы на моем месте отказал? Так и появился на свет официальный повод…».

Что здесь удивляет, так это лукавство Высоцкого. Во-первых, никакой такой тоской по Влади он уже давно не страдает — их отношения носят сугубо деловой характер, о чем есть масса свидетельств, часть из которых мы уже приводили, а остальную прибережем на потом. Во-вторых, никакого штрафа из-за выхода за рубежом пластинки на Высоцкого никто не накладывал. Зачем же он вводил в заблуждение своего собеседника? Все очень просто: он не мог сказать ему правду про свои международные дела, поэтому и придумал все эти «мульки» про тоску по жене и мифические штрафы. Наш герой был хорошим актером, поэтому разыграть любого собеседника для него не составляло особого труда.

После того визита между Высоцким и ЦРИА был подписан договор, согласно которому артист обязался пропагандировать МГА в своих произведениях, предоставлять ЦРИА исключительное право на издание своих стихов и песен о гражданской авиации, участвовать в рекламных кинофотосъемках, выступать в МГА с концертами, а ЦРИА взамен обязалось предоставлять Высоцкому и его жене 50-процентную (!) скидку с основного тарифа при полетах по внутренним и международным линиям Аэрофлота. Но самое интересное, пропаганда Высоцким гражданской авиации выльется всего… в одну песню, написанную им по горячим следам этого договора; да и ту назвать панегириком достаточно сложно. А 50-процентная скидка будет в силе вплоть до его смерти — то есть ровно два года.

8 июля Высоцкий и Влади автостопом отправились в очередное заграничное путешествие. Они ехали на «Мерседесе» до Бреста, как вдруг километров через 500 от Москвы у машины внезапно взорвалось переднее колесо. В результате аварии у «мерса» были также разбиты дно и одна из фар. Супруги еле-еле дотянули до Западного Берлина, где в тамошнем автосервисе все и починили. А в следующем городе, Кельне, поставили автомобиль на двухмесячный ремонт. Причем, тамошние мастера долго цокали языками и удивлялись: мол, как это можно довести такую хорошую машину до такого безобразного состояния. Высоцкий в ответ отшучивался: «Как видите, можно, если даже не захотеть». Но когда немцы назвали сумму за ремонт, ему стало

уже не до шуток: 2 500 марок. Эти деньги у супругов имелись, но они решили сэкономить. Так на свет родилась идея дать квартирный концерт у знакомой дантистки Нэлли Белаковской в Кельне. На представление пришло 26 человек, которые скинулись на билеты по 100 марок. Вот и получилась сумма, необходимая для ремонта — 2 600 марок.

После концерта произошла одна история, которая по словам Н. Белаковски выглядела так:

«…Володя попросил у меня шприц. Я говорю:

— Да у меня тысячи шприцев, а дальше что?

— Ну, тогда чего-нибудь легкое…

— Есть только то, чем я зубы обезболиваю, а больше ничего…

Я, конечно, догадалась, в чем дело, и, честно говоря, была очень поражена…».

Итак, Высоцкому понадобился шприц, чтобы вколоть себе наркотик — морфин. Как видим, посторонний человек догадался о тайной подоплеке этой просьбы, но вышло это случайно. В целом же близкие люди, окружавшие Высоцкого, та же Марина Влади, ни о чем пока не догадываются, поскольку такие уколы еще достаточно редки и держатся в секрете.

В Кельне супруги разделились: Влади улетела в Лондон на съемки очередного фильма, а Высоцкий отправился поездом в Париж. Что же это за фильм с участием Влади? Речь идет о британско-французской телевизионной картине «Багдадский вор» английского режиссера Клайва Доннера, киностудии «Palm Films Ltd.» и «Victorine Studios». Это было приключенческое фэнтези о том, как молодой принц после смерти отца отправляется в Багдад, где влюбляется в дочь халифа. Но козни злого могущественного волшебника, пытающегося избавиться от принца, не позволяют влюбленным быть вместе. И здесь на помощь приходит вездесущий проныра — багдадский вор и… могучий джинн — раб лампы. В фильме снимались Родди Макдауэлл, Питер Устинов, Кабир Беди, Теренс Стэмп, Павла Устинов, Фрэнк Финлей и др. У Марины Влади была роль Перизады.

А что же Высоцкий? Он в Париже заводит очередное знакомство с человеком с двойным дном — болгарином Дино Диневым. Тот родился в Болгарии, однако в 1966 году переехал жить во Францию, в Париж. Причем ехал он не на пустое место — там у него обитали родственники, которые поселились во Франции еще до революции. Например, бабушка Дино работала гримером у великого певца Федора Ивановича Шаляпина, а ее сын, дядя Дино, был директором парижской студии кинохроники. Именно по стопам последнего и решил пойти Дино. Он устроился

оператором на телевидение, а потом поступил на режиссерский факультет киноинститута. В своем дипломном фильме он снял угловатого парня с перебитым носом, которого звали Жерар Депардье. Это был дебют в кино будущей звезды французского кинематографа.

Такова официальная сторона жизни Дино Динева. Но вполне вероятна еще и неофициальная. Согласно ей, во Францию Динев мог приехать не только по собственной воле, но и по воле… болгарской Държавна сегурност (Государственной безопасности). Будучи ее вероятным агентом, он мог внедриться во французское общество, чтобы на протяжении долгих лет вести двойную жизнь. Динев, судя по всему, поставлял полезную информацию ДС о сливках французского общества, а также способствовал внедрению во французскую культурную жизнь социалистических технологий в области культуры. В частности, став продюсером, стал привозить во Францию фильмы из СССР и Болгарии, устраивая недели советско-болгарского кино. Его первым подобным опытом стал советский фильм-сказка «Руслан и Людмила», привезенный им в середине 70-х. В итоге картину приобрели телевизионщики и трижды прокрутили ее в течение короткого времени.

У Высоцкого с Диневым были весьма теплые и доверительные отношения. Вот как об этом вспоминает сам болгарин:

«Мы иногда захаживали с Володей в бардачок «У Тани», который назывался так в честь хозяйки, старой московской блядушки. Сейчас-то она уже умерла. А в то время там концентрировались проститутки из Советского Союза. Таня мне всегда звонила: «Диночка, приходи вечером, украинка новая приехала!». (Отметим, что Динев был официально женат на француженке из Британи по имени Моника. — *Авт.*). Володя Высоцкий очень любил там бывать. Играл частенько до шести утра и много импровизировал. Таня даже для него купила гитару. И девушек навещать он любил. Это стоило 300 франков, примерно 60 долларов. Спросите, а как же Марина Влади? Да не любил он ее! Это же было очевидно. Впрочем, она его тоже. Каждый из них жил своей жизнью. Вот почему, приезжая во Францию, Володя оставлял чемодан у Марины Влади, а жил у меня…».

Вот вам новое подтверждение того, что брак Высоцкого и Влади представлял собой чисто деловой союз, однако не распадался. Почему? Видимо, потому что обеим сторонам был выгоден этот бизнес-проект, приносивший им неплохие дивиденды как по части имиджевой, так и материальной.

Пробыв во Франции три недели, Высоцкий и Влади

отправляются во Французскую Полинезию — на уже хорошо знакомый им остров Таити в Тихом океане, где, как мы помним, живет бывший супруг Влади Жон-Клод Бруйе.

Спустя неделю звездная чета переместилась на Гавайские острова, в Гонолулу, где по соседству расположена знаменитая военно-морская база США Перл-Харбор. Там супруги пробыли несколько дней, после чего перебрались в мировую столицу кино Голливуд в пригороде Лос-Анджелеса. Сделано это опять же не случайно — Влади, пользуясь своими связями среди американской киношной богемы, таким образом пытается сделать паблисити для своего мужа, который по задумке Москвы должен в скором времени осесть в США.

Приютил звездную чету сценарист и режиссер Бак Генри, на роскошной вилле которого Высоцкий встретился со своим давним приятелем — артистом балета Михаилом Барышниковым, который, как мы помним, он сбежал из СССР в 1974 году, а также с кинорежиссером Милошом Форманом — он тогда снимал мюзикл «Волосы» и пригласил звездную чету на его репетиции в Нью-Йорке.

Вечером следующего дня продюсер Майк Медовой устраивает специальный прием ради Высоцкого. Он приглашает на него звезд Голливуда — Пола Ньюмена, Грегори Пека, Рока Хадсона, Лайзу Минелли, Роберта де Ниро и др. — с тем, чтобы они послушали песни Высоцкого. Он представлен им как «оппозиционер из Советского Союза», что, естественно, подогревает интригу. На прием приходит не один десяток звезд. А теперь послушаем М. Влади, которая так описывает «покорение» Высоцким голливудских звезд:

«Ярко освещенный парк окружает дом в колониальном стиле. На веранде, в комнатах, возле бассейна собрался весь Голливуд. Нас поражает красота этих людей: длинноногие женщины с потрясающими волосами, золотистой кожей и крепкими телами под легкими платьями. Крупные, гибкие улыбающиеся мужчины похожи на хищников в поисках добычи. Ты меня толкаешь локтем и как мальчишка зачарованно произносишь вслух имена актеров: Рок Хадсон, Пол Ньюмен, Грегори Пек…

Хозяин дома подзывает тебя и просит тишины. Все собираются в кружок возле вас и слушают, что рассказывает Майк. Он говорит, что ты — советский актер, поэт, певец с исключительным голосом, а я вижу, как ты волнуешься. Сидя почти у твоих ног, тебе улыбается Лиза Минелли. Ободренный ее взглядом, ты с места в карьер начинаешь первую песню. И тут же вежливо-внимательные лица становятся напряженно-серьезными. Из сада, из бассейна, с террасы идут люди, словно их тянут за

невидимую ниточку. От твоего голоса их бросает в дрожь. Женщины невольно прижимаются к своим спутникам, мужчины курят. Исчезает небрежность манер. Они не понимают слов, но масок не осталось. Вместо светских полуулыбок — лица. Некоторые даже и не пытаются скрывать своих чувств и, закрыв глаза, отдались во власть твоего крика. Ты исполняешь последнюю песню, и воцаряется долгая тишина. Все недоверчиво смотрят друг на друга. Все они в плену у этого человека в голубом. Лиза Минелли и Роберт де Ниро задают тон, выкрикнув:

— Потрясающе! Невероятно!

Все хотят пожать тебе руку, обнять тебя, высказать свои чувства. Я потеряла тебя в толпе этих высоких мужчин и женщин. За час ты завоевал, может быть, самую трудную публику, состоящую лишь из профессионалов кино, избалованных славой гораздо больше тебя…».

И все же, несмотря на этот успех, покорить Голливуд песнями, да еще на русском языке, в принципе невозможно. Мекку кино надо покорять фильмами, что, собственно, и было сказано Высоцкому после его концерта. Ему посоветовали написать сценарий фильма, который смог бы удовлетворить вкусы американской публики. В его сюжете должны были присутствовать так любимые здесь атрибуты: экшн, лав-стори, война, репрессии. Высоцкий все это внимательно выслушал и практически тогда же приблизительно понял, на каком материале он сможет создать подобный сценарий — на основе рассказов друзей своего отца, таких же, как и он, фронтовиков.

На родину Высоцкий вернулся 30 августа. И вновь отметим любопытный факт: никаких объяснений по поводу того, что он нарушил правила (вместо Франции побывал еще на Таити, и в США — в Гонолулу) он в ОВИРе не давал. Да и давать не собирался, поскольку его возможные «крышеватели» обладали достаточной властью, чтобы избавить его от этих процедур, которые обязательны для всех других советских граждан. Но Высоцкий — это особая категория. Куратору ОВИРа Б. Шумилину, заместителю министра внутренних дел СССР Н. Щелокова, говорили: «Оформить без вопросов» — и ОВИР безропотно оформлял.

Пробыв в Союзе всего неделю (за это время Высоцкий отснялся в нескольких эпизодах «Места встречи изменить нельзя»), он уже в начале сентября снова улетает во Францию, причем всего лишь на неделю. На родину он возвращается 16 сентября и с ходу попадает на съемки «Места встречи изменить нельзя»: отснялся в эпизоде, где его герой — Глеб Жеглов — метким выстрелом в затылок убивает шофера бандитского

«студебеккера», и тот на полной скорости летит в Яузу, круша парапет.

20 сентября Высоцкий уже в Ставрополе, где начинаются его очередные концертные гастроли. Певец посетил 6 южных городов: Ставрополь, Кисловодск, Пятигорск, Грозный, Махачкалу, Орджоникидзе. Специально под гастроли в Грозном, столице Чечено-Ингушской АССР, Высоцкий пишет заказную песню «Летела жизнь…», посвященную событиям 45-летней давности: депортации чеченцев и ингушей войсками НКВД. Высоцкий знает, что эти события до сих пор острой занозой сидят в сердцах местных жителей, поэтому и сочиняет этот хит. И публика живо откликается на этот «заказ» — принимает песню на «ура».

В Ставрополе произошел другой любопытный эпизод. После концерта к Высоцкому в гримерку пришел первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС Михаил Горбачев. Он поблагодарил артиста за доставленное удовольствие, после чего спросил: «Мы ничего не могли бы для вас сделать? К нам на днях пришла партия шведских дубленок…». Высоцкий в ответ улыбнулся: «Спасибо… Не надо».

Здесь интересно вот что. Горбачев уже одной ногой стоит в своем будущем генсекстве — через два месяца его переведут в Москву и сделают секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству, поэтому должен блюсти свое реноме. А он предлагает помощь Высоцкому, который числится по категории полузапрещенных исполнителей. С чего бы это? Да все с того же. В партийной номенклатуре практически все были прекрасно осведомлены о том, что никакой Высоцкий не запретный, а «крышуемый» лично Андроповым. Поэтому «достать дубленку» для Высоцкого было делом не опасным, а наоборот — очень даже выгодным.

Во время тех же южных гастролей Высоцкий едва не стал… народным артистом Северо-Осетинской АССР. Причем инициативу в этом деле проявил он сам, придя на прием к министру культуры этой республики Сослану Ужегову. Тот согласился «пробить» это звание артисту. Но из этой инициативы ничего не получилось — обком партии отказал после совещания с Москвой. Почему? Любое официальное звание могло лишить Высоцкого ореола гонимого, чего «крышеватели» барда допустить никак не могли. Высоцкий и без всяких званий был достаточно обласкан властями: ездил по миру сколько хотел, получал астрономические гонорары и дорогие подарки в виде тех же иномарок.

21 октября Высоцкий снова отправился в очередной зарубежный вояж на 10 дней во Францию. Официально — якобы к супруге. На самом деле он оставляет вещи в доме у Влади, а сам

живет у Дино Динева под Версалем, о чем тот нам уже рассказывал. К тому же в Москве у Высоцкого появилось новое увлечение — студентка второго курса Текстильного института 18-летняя Оксана Афанасьева, с которой он познакомился буквально накануне своего отъезда за границу. Отметим, что у нашего героя и до этого неоднократно случались романы, но все они относились к числу мимолетных. Но в этот раз все оказалось куда как серьезно — этот роман окажется из числа долгоиграющих. Все это лишний раз доказывает, что брак с Мариной Влади давно уже превратился в чисто формальный.

Оксану на «Таганку» привел актер Вениамин Смехов, который дружил с ее тетей-еврейкой и лечил у нее зубы. По словам Оксаны,

«Володя случайно увидел меня в комнате администратора театра. Потом Яков Михайлович уверял, что специально позвал туда Высоцкого: «Володя, зайди ко мне, придут такие девочки, с такими глазами! Обалдеть!». И когда мы с подругой зашли после спектакля в администраторскую, Володя уже сидел там и беседовал с кем-то по телефону. Увидев нас, он попытался положить трубку на рычаг и несколько раз так смешно промахнулся мимо телефона, сказав при этом: «Девочки, я вас подвезу домой». Мы застеснялись, начали отказываться: ведь Веня тоже предложил меня подвезти. У служебного входа стояли их машины — Володин «Мерседес» и зелененькие «Жигули» Смехова. Они оба даже двери распахнули. Тут Смехов воскликнул: «Ну, конечно, где уж моим «Жигулям» против его «Мерседеса»!». Это было очень забавно.

Первый шаг, разумеется, сделал Высоцкий: попросил телефон и пригласил на спектакль «Десять дней, которые потрясли мир». Но мы с подругой собирались в Театр на Малой Бронной, и я отказалась. Тогда он назначил мне свидание… Мы встретились и поехали куда-то ужинать. Он стал за мной ухаживать, и ухаживал очень красиво. Так начался наш роман. Хотя до этого я уже собиралась выйти замуж. За очень красивого интеллигентного мальчика, внука известного футболиста. Он был студент иняза, будущий переводчик. Наверное, если бы не Высоцкий, нас ждала спокойная семейная жизнь, поездки за границу, но я поспешила все ему рассказать, и мы расстались навсегда…».

Пробыв в Париже неделю (23–30 октября) Высоцкий вернулся в Москву. Вообще эти поездки сроком на неделю в тот самый момент, когда у Высоцкого много работы на родине — спектакли в театре и съемки в «Место встречи изменить нельзя» — явно указывают на то, что он ездит во Францию вовсе не отдыхать, а, видимо, работать. Но какая работа его может туда гнать, если в те

дни в кино он там не снимается, пластинки не записывает, концерты не дает? Значит, это некий бизнес, о котором он никому на родине не рассказывает, стараясь держать его под секретом. Как говорится, «большие деньги любят тишину».

Кстати, заметно снизились и обороты поэтического творчества Высоцкого. Например, в 1978 году он написал чуть больше двух десятков поэтических текстов, чего с ним не случалось лет пятнадцать. Его близкие друзья, тот же Вадим Туманов, горько сетуют ему: «Опомнись, Володя, что с тобой происходит? Ты ведь стал хуже писать, чем раньше. Возьми себя в руки!». Но Высоцкому явно не до стихов — он увлечен куда более серьезным делом, которое вытягивает из него буквально все силы. Эта работа, когда ему приходится ходить «по-над пропастью», щекочет Высоцкому нервы, заставляет учащенно биться сердце, студит кровь. И хотя он по-прежнему считается поэтом, на самом деле поэзия для него отступила на второй план, а на первый вышла авантюра. Ведь это чистая авантюра — втереться в доверие к западному истеблишменту артисту из СССР. Как пел сам Высоцкий: «За что мне эта злая, нелепая стезя?..». Но есть ли у Высоцкого выбор? Вот почему Михаил Швейцер, как будто угадав его тогдашнее состояние, предлагает ему в декабре 1978 года новую роль в кино — Дон Гуана в «Маленьких трагедиях» А. Пушкина. По словам режиссера,

«Высоцкий был предназначен для роли Дона Гуана. Все, чем он владел как человек, все это есть свойства пушкинского Дон Гуана. Он поэт, и он мужчина. Я имею в виду его, Высоцкого, бесстрашие и непоколебимость, умение и желание взглянуть опасности в лицо, его огромную, собранную в пружину волю человеческую — это все в нем было. Понимаете, пушкинские герои живут «бездны мрачной на краю» и находят «неизъяснимы наслажденья» существовать в виде грозящей гибели. Дон Гуан из их числа. И Высоцкий — человек из их числа…».

11 декабря наш герой явился на первые кинопробы к предстоящей картине на «Мосфильм», а на следующий день министр культуры СССР Петр Демичев подписал приказ, согласно которому концертная ставка Высоцкого поднималась с 11 рублей 50 копеек до 18 рублей. Прибавка была существенной. Теперь за концерт из двух отделений он мог заработать месячный гонорар в 220–300 рублей, что равнялось двухмесячной зарплате рядового советского служащего. Впрочем, как уже отмечалось, певец и до этого распоряжения был не обижен деньгами, зарабатывая концертами не по нескольку сотен, а по нескольку тысяч рублей в месяц.

Этот приказ совпал с другим событием — с завершением

работы над неподцензурным литературным альманахом «“Метрополь», к которому Высоцкий имел непосредственное отношение, будучи в числе его авторов. И, судя по всему, неслучайно, если учитывать, что идея создать такой альманах пришла в голову… чекистам из 5-го Управления КГБ. Для чего? Посредством этого альманаха КГБ хотел взбаламутить общественность как в СССР, так и на Западе и на этой почве «словить рыбку в мутной воде», высветив агентов влияния по обе стороны границы. То, что за этой акцией стоял лично Андропов, указывают многие источники. Например, бывший член «русской партии», сотрудник ЦК КПСС А. Байгушев, работавший в аппарате М. Суслова, который в своих мемуарах рассказывает о том, как шеф КГБ лично просил члена Политбюро и хозяина Москвы В. Гришина помочь ему преодолеть сопротивление «руссистов» из Московской писательской организации, которые все как один встали против издания этого альманаха.

Придумав этот альманах, чекисты «доверили» его создание молодым литераторам из разряда «западников»: Василию Аксенову — Гинзбургу, отпрыску старой большевички-еврейки, и Виктору Ерофееву — отпрыску известного советского дипломата. Оба были недовольны тем, что их произведения не принимают родные издательства и взялись разрешить эту проблему с помощью независимого альманаха, в котором должна была печататься так называемая «отверженная литература». Тем более, что таких как они «отверженных» в писательском стане было предостаточно, а, значит, недостатка в авторах быть не могло. В итоге под их знамена согласились встать 23 автора: Андрей Битов, Фазиль Искандер, Инна Лиснянская, Булат Окуджава, Владимир Высоцкий, Евгений Попов, Борис Вахтин и др. Каждый из перечисленных авторов предоставил «Метрополю» несколько своих произведений, которые не имели отношения к откровенной антисоветчине, но не прошли цензуру по каким-то чиновничьим претензиям. Так, у Аксенова это была пьеса «Четыре темперамента», у Битова — рассказы, у Ахмадулиной — повесть «Много собак и собака», у Искандера — эпизод из саги об Абхазии, у Вахтина — повесть «Дубленка» и т. д. Высоцкий отдал в «Метрополь» несколько своих поэтических произведений, причем все были давнишние — «свежие» вещи он отдавать не захотел, что явно указывает на то, что главным для него в этой акции была вовсе не публикация, а «засветка» своего имени в скандальном сборнике.

Согласно легенде, альманах должен был носить нелегальный характер и подпадать под категорию запрещенного. Тому же КГБ достаточно было одного желания, чтобы прикрыть альманах,

либо, надавив на его участников разными способами, добиться его развала. Но ничего этого сделано не было, поскольку, видимо, сам КГБ его и создавал. Вот почему в самый разгар участия в нем Высоцкого без всяких проблем утверждают на главную роль в «Маленьких трагедиях», а также приказом министра культуры СССР поднимают ему концертную ставку. Незабвенный Глеб Жеглов в исполнении самого же Высоцкого в подобном случае обязательно бы сказал: «Он пакостит, а ему вместо наказания талоны на усиленное питание выдают».

Отметим, что скандал вокруг «Метрополя» заметно поднимет реноме всех его участников на Западе, что позволит тому же Аксенову очень скоро уехать из СССР и весьма легко натурализоваться в США, что тоже наводит на определенные мысли. Точно такой же шаг должен был вскоре совершить и Высоцкий, который начнет покорение Америки как раз после того, как работа над «Метрополем» будет благополучно завершена.

Покорение Америки Высоцкий, с подачи своих вероятных кураторов, собирался осуществить по нескольким направлениям. Первое из них — концертное: он должен был дать целую серию выступлений в крупных городах США, где сосредоточена русскоязычная община. Второе направление — кино: Высоцкий намеревался предложить Голливуду сценарий фильма, где он выступал одним из авторов сценария и исполнителем главной роли: разговор об этом, как мы помним, произошел у Высоцкого в августе того же 78-го во время посещения им Мекки мирового кинематографа. Наконец, в-третьих — скандал с «Метрополем» открывал перед ним прекрасную возможность обрести в глазах американских интеллектуалов дополнительную славу гонимого и на этой славе «въехать в рай», то бишь в Америку.

И вот не успели кремлевские куранты пробить наступление нового 1979 года, как Высоцкий, что называется, «берет быка за рога»: буквально наседает на сценариста Эдуарда Володарского, который пришел к нему домой на новогоднее торжество, и заставляет его встать из-за праздничного стола и незамедлительно начать писать сценарий. Эта спешка объяснялась только одним: уже через две недели Высоцкий собирался лететь в США с концертами и должен был захватить с собой готовый сценарий для показа его в Голливуде. Сюжет подсказали ему там же: он должен был строиться на материале Второй мировой войны, а его героями должны были стать люди разных национальностей — русские, американцы, поляки, французы и т. д. Короче, типичное голливудское кино, созданное руками… русско-еврейского сценарного тандема. О том, что это

был за сценарий, и в какой спешке он писался, рассказывает участник событий — Э. Володарский:

«Сценарий был основан на рассказах хорошего знакомого Высоцкого генерала Виталия Войтенко. Во время войны он угодил в плен и попал в лагерь на юге Германии. Лагерь был расположен высоко в горах, там имелся завод, где немцы производили ФАУ и первые реактивные самолеты. Был тогда Войтенко старшим лейтенантом, летчиком. Вместе с тремя солагерниками он бежал из лагеря, а война в тот момент кончилась. И вот четверо бывших военнопленных разных национальностей (русский, поляк, югослав и француз. — *Авт.*), ошалев от радости освобождения, живут в свое удовольствие на одной заброшенной вилле, потом перебираются на другую, на третью, никак не могут надышаться вольным воздухом. Но в то же время новые сложности жизни встают перед ними. Американский военный патруль принимает их за переодетых эсесовцев и пытается арестовать. В драке они убивают сержанта и скрываются. Военная полиция начинает их разыскивать. И вот Войтенко и его друзья, только успевшие ощутить вкус свободы, вновь оказываются в положении преследуемых, вновь отовсюду им грозит опасность. И в то же время в душе каждого горит желание скорее вернуться на родину…

За работу с Володей мы взялись утром 1 января 1979 года. Кое-какие сцены были уже придуманы, и мы долго обговаривали сюжетную схему, искали и находили новые детали, повороты, фантазировали по поводу биографии героев. Я думал, что на сегодня этим и ограничимся, но Володя просто не выпустил меня из кабинета, поставил на стол машинку.

— Ну напиши хоть две-три первые сценки, ну что тебе стоит, Эдька!

Я горестно вздохнул и сел за стол. В гостиной Володиной квартиры о чем-то спорили, доносились смех, музыка. А я сидел и стучал на машинке, как каторжанин. Иногда осторожно заходил Володя, говорил негромко:

— Я тут еще один поворот придумал. В сцене на вилле. Вот послушай…

Давно ушли гости, давно спали моя жена и Марина Влади, мы работали. От кофе и сигарет гудела голова. Когда я посмотрел на часы, было пять утра. Я рухнул на диван и заснул сразу. Володя разбудил меня в восемь утра, на столе уже стояла чашка горячего кофе, лежал на тарелке кусок поджаренного мяса. Володя сказал, что уезжает на репетицию, приедет днем. И уехал.

Позавтракав, я сел за работу и просидел до трех часов дня, когда приехал Володя. Он ворвался в кабинет сияющий, ни тени

усталости на лице:

— Я тут еще две сценки придумал. Дай почитать, что написал!

Он прочел написанное, потом рассказал придуманные сцены, мы поспорили. Потом я показал ему, что придумал сам и успел вчерне набросать. Володя слушал жадно, когда сцена нравилась, начинал смеяться, говорил, глядя с обожанием:

— Здорово, а? Здорово получается!

В семь часов вечера, наспех поев, он уехал на спектакль, а я снова уселся за машинку. Вставал только для того, чтобы сварить кофе… И так продолжалось на протяжении пяти дней…

Занятый работой, я даже не подумал, что Володя за это время спал меньше меня, почти все время был на ногах, ездил на репетиции, на спектакли, варил кофе, подбодрял, подталкивал меня и при всем этом был весь поглощен сценарием, который мы сочиняли. У меня раньше бывали моменты большого подъема сил, когда, так сказать, волшебное вдохновение посещает тебя, — я мог работать по двенадцать, четырнадцать часов кряду, но работать сутки напролет… не смыкая глаз… и при этом чувствовать себя как рыба в воде, быть жизнерадостным, агрессивным, напористым… Просто дьявольская работоспособность была у этого человека. Словно в один день своей жизни он умудрялся прожить пять, если не больше. Такое сумасшествие продолжалось пять суток.

Утром 6 января сценарий был закончен. Конечно, это был еще только первый вариант, конечно же, над ним еще предстояло работать, отшлифовать, «доводить», углублять, усложнять, но он был! Восемьдесят семь страниц, отпечатанных на машинке, лежали передо мной на столе. Еще громоздились везде чашки с кофейной гущей на дне, пепельницы были полны окурков, у Володи и у меня были красные от бессонницы глаза. Я упал на диван и проспал до одиннадцати вечера, а Володя в это время поехал на репетицию в театр, потом проводил Марину Влади в аэропорт Шереметьево, потом поехал на какой-то завод делать концерт, а оттуда — в театр на спектакль. И в начале двенадцатого вернулся домой. Ввалился в квартиру со словами:

— Эдька, ты меня просто потряс, за пять дней написал сценарий! Ну кто еще на такое способен, а?

И я совершенно серьезно ответил:

— Это ты, а не я…».

Как видим, сценарист ни словом не обмолвился о том, зачем же Высоцкому нужно было так спешить со сценарием? Автор этих строк эту тайну читателю открыл: Высоцкий собирался покорять США, причем в двух направлениях — музыкальном и

кинематографическом. Начнем с первого.

Высоцкий должен был впервые дать концерты для русских эмигрантов в США. Как мы помним, французских эмигрантов он уже «окучивал» давно, теперь пришла пора американских. Зачем? Об этом я уже упоминал: в ближайшее время Высоцкий собирался жить на две страны — СССР и США, о чем он неоднократно говорил некоторым из своих друзей (об этом чуть ниже). Судя по всему, те люди, которые разрешали Высоцкому такой вариант, рассчитывали на его огромную популярность в эмигрантских кругах, хотели объединить под его крылом всю эту публику от правых до левых и «стричь» с этого купоны.

Что касается версии кинематографической, то она заключалась в том, что Высоцкий собирался «пристроить» сценарий Володарского в Голливуде; перевести его на русский язык обещал Михаил Барышников. Под этот проект он собирался привлечь европейских звезд: француза Жерара Депардье, поляка Даниэля Ольбрыхского, а также себя и Влади. Написанный за рекордные сроки сценарий надо было отвезти в Америку, чтобы показать его заинтересованным лицам и начать постепенное его продвижение.

Кроме этого, Высоцкий вынашивал планы дебютировать в голливудском кино. Причем шансы на это у него были. Дело в том, что в это самое время актер и режиссер Уоррен Битти собирался снять фильм об американском журналисте Джоне Риде, авторе книги «10 дней, который потрясли мир», которая была инсценирована на «Таганке», и на главную роль хотел попробовать Высоцкого. Переговоры об этом как раз будут происходить во время поездки Высоцкого в США. Правда, из этого ничего не выйдет, но не по вине Высоцкого. Дело в том, что вскоре начнутся афганские события и все киношные проекты с обеих сторон будут заморожены. И роль Джона Рида сыграет сам Битти, причем его фильм завоюет три «Оскара». Но вернемся к Высоцкому образца января 79-го.

Итак, для подавляющего числа близких людей он тогда совершал обычный вояж к жене во Францию. И только посвященные знали, что на самом деле Франция для него лишь транзитная точка пути, а главная — США. Поэтому, оформляя в театре отпуск, Высоцкий всем говорил, что летит в Париж. Даже родителям своим он сказал то же самое. И это при том, что на руках он уже имел два паспорта: французский на имя Владимира Семеновича Высоцкого и американский на имя Владимира Семеновича Шуцмана. Естественно, оба паспорта были получены в московском ОВИРе при посредничестве «больших людей» со Старой площади и Лубянки, поэтому все было спланировано

заранее.

10 января 1979 года Высоцкий вылетел из Шереметьево в Париж. Там он встретился с Бабеком Серушем, который был одним из главных участников этой одиссеи. Компаньоны и друзья обговорили все детали предстоящей Высоцкому в Америке акции. Концерты должны были хорошенько пропиарить певца в русскоязычной, а точнее, весьма влиятельной еврейской среде США с тем, чтобы у него затем появилась легальная возможность осесть в этой самой среде после того скандала, который должна была затеять Москва.

В Париже было обговорено и прикрытие для Высоцкого: он должен был из Парижа выехать в ФРГ, где, встретившись с Шабтаем Калмановичем, при его посредничестве (а мы помним, что Шабтай выполнял еще и продюсерские функции) должен был дать один концерт для русскоязычных слушателей.

Одновременно с этим, при пересечении Высоцким границы Франции и ФРГ в американской газете «Новое русское слово» 11 января должна была выйти реклама предстоящих американских концертов Высоцкого. Была придумана и легенда для объяснения этих концертов: дескать, деньги, причем большие срочно понадобились Марине Влади для неотложной операции после перенесенной на съемках «Багдадского вора» травмы — актриса упала с большой высоты. А в качестве личного поручителя за Высоцкого и человека, который якобы и помог организовать его концерты, должен был выступить профессор русской словесности Альберт Тодд из «Клинс колледжа», близкий друг Евгения Евтушенко, который, как мы помним, проходил по многим источникам как советский агент влияния.

Операция прошла как по нотам. Пробыв пару дней в Париже, Высоцкий выехал в ФРГ, в Мюнхен, где его встретил Калманович, который приехал в эту страну как легальный бизнесмен — он закупал у Серуша строительные машины для Африки. В тот же день Высоцкий дал концерт во Франкфурте-на-Майне (причем ехать туда он не мог — не было отметки в паспорте, но Калманович уговорил пограничников отпустить его в залог своего дипломатического удостоверения), а утром следующего они вылетели в Нью-Йорк. Позднее Калманович будет уверять всех в своих интервью, что лететь с Высоцким никуда не собирался, но подпал под его обаяние и резко поменял все свои планы. На самом деле, это была всего лишь уловка: данная совместная поездка было обговорена заранее, поскольку именно Калманович, имея связи в Нью-Йорке, должен был помочь Высоцкому адаптироваться там и находиться при нем все дни гастролей.

За организационную сторону американских гастролей

Высоцкого отвечал тамошний импресарио — бывший гражданин СССР, еврей Валерий Шульман, с которым был хорошо знаком Калманович; как мы помним, тот тоже был импресарио, правда, в Израиле.

Свое пребывание в Америке Высоцкий начал с концерта 17 января, который он дал в нью-йорском Бруклин колледже в 20.30. Зал, вмещающий три с половиной тысячи человек, был переполнен. Как уверяют очевидцы, это было что-то невероятное. В тот же день Высоцкий совершил на первый взгляд смелый, но, с другой стороны — тайной, где главной целью было понравиться американцам, вполне закономерный поступок: дал интервью радиостанции «Голос Америки» и спел в эфире три песни: антироссийскую «Что за дом притих…» (а не продержавные «Купола») и две шуточные «А ну отдай мой каменный топор…» и «Песенку про слухи».

В Нью-Йорке Высоцкий наконец-то навестил своего родственника — бывшего советского гражданина, поэта-песенника Павла Леонидова; до этого они находились в ссоре, которая тянулась с момента отъезда последнего из СССР в 1974 году. Именно во время этой встречи Высоцкий признался в том, что собирается в скором времени приехать жить в США; он назовет дату — 1982 год, хотя уже вскоре ее придется сместить на два года раньше. Отметим, что почти никому в Союзе Высоцкий об этом не говорил, даже родителям, а Леонидову признался. Зачем? Он хотел, чтобы это выглядело естественно, не как побег, а как желание жить на две страны и заниматься здесь любимым делом — творчеством. Судя по всему, Леонидов должен был распространить эту легенду среди русскоязычной диаспоры в Нью-Йорке.

Вспоминает П. Леонидов: «Подошли к углу Третьей Авеню и 72-й улицы. Тут Володя остановился возле дома, который строился и вырос уже наполовину. Он поглядел на недостроенный дом и сказал: «Здесь хочу жить! Знаешь, я много ездил. Шарик круглый и безуглый. По-моему, без балды, мир — провинция, а Нью-Йорк — столица. Сумасшедший город! Потрясающий город! Жди меня насовсем в восемьдесят втором. Только не трепи. А Марина тебя еще с Москвы не любит…». Я спросил: «Может, оттого, что она, хоть и французская, но коммунистка?».

«Нет, — сказал он, — не потому, а потому, что — собственница. А потом: птицам плевать на корни. Им нужны плоды и черви. На худой конец, — кора. Глубина и нутро не для птиц…

Он замолчал. Стало еще жарче. Мы пошли назад. Он сказал:

«Хочу и буду жить в Нью-Йорке. Как? Не знаю, но догадываюсь. Деньги? Деньги у нас найдутся… Ты говоришь, какая из двух моих половин хочет в Нью-Йорк, а какая боится порвать с Россией. Да обе хотят сюда, и обе хотят забредать туда. Раз в пять лет. Нет, раз в год. Приехать из Нью-Йорка на пароходе и подгадать рейсом прямо в Одессу. Мой город. Первый фильм, первые песни в кино, опять же женщины жгучие, да!.. Но эмигрировать — нет!..»».

19 января Высоцкий дал очередной концерт в Нью-Йорке — на этот раз в Квинс колледже, в 20.30. На него явились генеральный консул СССР в США и атташе посольства СССР, которые разыграли спектакль при свидетелях: поинтересовались, каким образом Высоцкий оказался в Нью-Йорке, когда должен быть в Париже. Тот ответилсогласно разработанной еще в Москве легенде: мол, жена здесь лечиться, а я при ней. «Но концерты?» — последовал новый вопрос. Тут на помощь артисту пришел тот самый профессор-славянист Альберт Тодд (в его доме наш герой дал «квартирник»), который взял всю вину на себя: сказал, что это он пригласил Высоцкого выступить перед студентами славянских факультетов.

Консул резонно поинтересовался, почему эти концерты организовал Виктор Шульман — недавний эмигрант из СССР. Но Тодд и здесь нашелся, что ответить: «Мы ведь славянский факультет, а не контора импресарио. Мы не можем сами это дело организовать: у нас ни денег нет, ни связей, ни опыта, поэтому и пригласили Шульмана, у которого все перечисленное в избытке».

Зал Квинс колледжа, который был рассчитан на 2 600 зрителей, в тот вечер был заполнен до отказа; стоит отметить, что в этом же зале вскоре будут выступать еще два глашатая советского либерализма — Булат Окуджава и Евгений Евтушенко, причем на выступление первого придут 1 600 зрителей, на второго… всего 260, что было закономерно: к тому времени среди евреев уже было широко распространено мнение, что этот поэт — вероятный агент КГБ. Высоцкого пришли послушать представители трех поколений русско-еврейской эмиграции, а также американцы. Вел концерт еврей американского происхождения Барри Рубин, он же переводил песни на английский язык — вернее, не переводил, а лишь передавал их краткое содержание. Всего в тот вечер Высоцкий исполнил 24 песни. Среди них: «Марафон», «Прыгун в высоту», «Милицейский протокол», «Инструкция перед поездкой за рубеж», «Письмо с Канатчиковой дачи» («Дорогая передача…»), «Кони привередливые», «Старый дом», «Моя цыганская», «Охота на волков» и др.

В те же дни Высоцкий встречается с людьми, близкими к Голливуду, опять же из еврейской ветви, пытаясь через них пристроить свой сценарий «Каникулы после войны». Сценарий у него забирают, но никаких гарантий относительно него, естественно, не дают — это дело не одного дня и даже не одного месяца. Хотя общие прогнозы относительно его судьбы все же благоприятные, поскольку само время на стороне Высоцкого.

Дело в том, что американская администрация во главе с Д. Картером в те дни была крайне заинтересована в развитии американо-советских отношений, в том числе и в области культуры. Например, как раз в те самые дни, когда Высоцкий был в США и «пробивал» там свой сценарий, Картер встретился со знаменитым кинорежиссером Фрэнсисом Фордом Копполой на предмет совместного американско-советского кинопроекта. Коппола должен был начать продвигать от лица своей фирмы «Зоотроп фильм» художественную ленту, посвященную проблемам разоружения. Речь в ней должна была идти о том, как американские и советские политики ищут взаимопонимание на этом скользком поприще.

В то же время в Москве другой знаменитый кинорежиссер — Сергей Герасимов — должен был взяться за создание фильма «Мост», где в основу сюжета была положена история о совместном советско-американском строительстве моста через Берингов пролив. Короче, Высоцкий со своим фильмом появился очень даже кстати — потому-то он и спешил со сценарием, чтобы успеть со своей «ложкой» к этому американо-советскому «обеду».

В ходе той поездки наш герой совершает еще один шаг: посещает одну из лучших нью-йоркских клиник. Для чего? Он решает пройти полное обследование на предмет выявления возможных проблем своего здоровья. Самое интересное, что американские врачи, проведя его через специальный томограф (в СССР таких еще не было), никаких серьезных изъянов у певца не обнаруживают. Эта информация чрезвычайно радует Высоцкого, которого советские врачи буквально застращали своими страшными диагнозами: дескать, отдельные органы у него изношены настолько, что жить ему осталось всего ничего. А американские врачи все эти диагнозы опровергли с помощью ультрасовременного томографа.

А гастроли Высоцкого в Америке продолжаются. 20 января он дал два концерта: днем в Бостоне (в еврейском центре Темпл Охабей Шолом, 14.00), а вечером — в Нью-Джерси (в Хэмилтон Миддл Скул, 20.30). 21 января он выступил в Филадельфии (на Анрах Авеню, 20.30), а на следующий день — в Детройте (в Лазруп Хай Скул, 20.00). Присутствовавший на последнем

концерте Л. Шмидт рассказывал: «Я пришел к нему за кулисы во время перерыва, и меня поразили его синие губы. Я к тому времени уже перенес инфаркт и знал, что означают такие губы». За день до этого Высоцкий и сам жаловался: «Что-то мотор пошаливает…».

У Высоцкого в те дни и в самом деле стало пошаливать сердце — сказывался не только ускоренный ритм гастролей, но и, видимо, психологическое напряжение от его тайной миссии, про которую знали немногие. Такого плотного соприкосновения одного дела с другим у Высоцкого еще не было.

23 января он дал концерт в Чикаго, на Норт Шеридан Роуд в 20.00. Вспоминает В. Азбель:

«Зал был переполнен. Высоцкий вышел, спел две-три песни, а потом внезапно ушел за кулисы. Не было его минут пятнадцать, люди не понимали, что происходит. Наконец, объявили, что концерта не будет, но тут вышел Высоцкий и сказал, что он продолжит концерт, но он хочет, чтобы деньги, полученные от продажи билетов, пошли в какой-то детский фонд. Потом он действительно пел, но как-то без желания, без души…».

Первоначально Высоцкий предполагал дать в США 10 концертов. Однако два из них не состоялись — в Торонто (его он даст в апреле этого же года) и в Балтиморе (туда Высоцкий не смог попасть из-за снежных заносов). Последний, восьмой по счету, концерт певец дал в Филадельфии 24 января.

На следующий день наш герой справил свой 41-й день рождения. В тот день он выступил с концертом в Лос-Анджелесе, в Файярфэкс Хай Скул в 20.00. Это было его последнее выступление в том американском турне. За него он заработал, согласно официальной информации, 35 000 долларов.

Тем временем, 26 января в 5-м творческом объединении «Мосфильма» состоялось обсуждение кинопроб для фильма Михаила Швейцера «Маленькие трагедии». Как мы помним, у Высоцкого там была главная роль — Дон Гуан. Для недоброжелателей нашего героя это был последний шанс «зарубить» распоясавшемуся актеру его роль-мечту. Ведь к тому времени стало очевидно, что Высоцкий вышел из-под контроля: обманув власти, уехал с гастролями в США, да еще имел наглость выступить на радиостанции «Голос Америки». Учитывая возмущение советского генконсульства в Нью-Йорке, которое бомбардировало Москву своими телеграммами по поводу возмутительного поведения Высоцкого, власти в Москве просто обязаны были наказать зарвавшегося артиста. Однако не наказали — даже пальцем не пошевелили. И это в разгар еще одного скандала с участием Высоцкого — с альманахом «Метрополь».

Спрашивается, почему? Видимо, по той же причине, о которой мы неоднократно здесь упоминали: за неуязвимостью барда могла стоять Старая площадь и ее внешнеполитические задачи, для выполнения которых Высоцкий и мог быть отряжен в Америку. Поэтому была лишь имитация возмущения поведением артиста со стороны тех же дипломатов в США и не более того.

Высоцкий вернулся из Америки 27 января, чтобы успеть к дню рождения своей юной любовницы Оксаны Афанасьевой: два дня спустя ей исполнилось 19 лет. Но поскольку на родине у некоторых людей имелись к нему вопросы, он взялся за их разрешение, согласно придуманной заранее легенде. И 22 января из-под его пера рождается документ следующего содержания, адресованный руководству «Таганки»:

«22 января я должен был играть спектакль «Гамлет». Мною послана телеграмма из Парижа с просьбой разрешить мне задержаться на несколько дней, вернее, с сообщением о необходимости остаться до 26 января за рубежом, т. к. моя жена именно 22 января легла на трехдневное исследование в Нью-Йорке по поводу травмы, полученной ею на съемках. Я находился с нею там же и не мог оставить ее, не узнав результатов… (и эти слова Высоцкий адресует людям, которые прекрасно осведомлены о его любовном романе с юной прелестницей. — *Авт.*)».

Но «спектакль» на этом не заканчивается. Поскольку на «художества» Высоцкого в Америке должен был отреагировать КГБ (иначе было бы очень странно), он сообщает друзьям, что его вызвали в гостиницу «Белград» для дачи объяснений чекистам. И Высоцкий отправляется туда, прихватив с собой своего концертного администратора Валерия Янкловича. И уже тот после смерти Высоцкого поведает общественности о том, что же произошло на той встрече — естественно, ссылаясь на слова самого Высоцкого. Итак, вот этот рассказ.

В номере артиста встретили двое сотрудников «пятерки» — пятого Управления КГБ, курировавшего идеологию. Первое, о чем спросили гостя — как он решился без официального разрешения вылететь в США. Ответ последовал хорошо нам известный: дескать, жена там лечилась, а я ее сопровождал. А когда этот ответ чекистов не удовлетворил и они попытались приструнить артиста, тот неожиданно резко сказал: «Я сам знаю, что мне можно и что нельзя. И что вы можете мне сделать? Я всего достиг сам».

Следующей темой, которой коснулись чекисты, было участие Высоцкого в альманахе «Метрополь». Но артист и здесь нашел, что ответить: сказал, что готов обсуждать эту тему только в присутствии остальных участников альманаха. Тогда чекисты

задали ему следующий вопрос, ради которого, как понял артист, его сюда и позвали: дескать, не он ли переправил оригинал альманаха в Америку? Уж больно, мол, подозрительное совпадение: Высоцкий приезжает в Штаты, и тут же издатель Карл Проффер заявляет о том, что у него имеется оригинал сборника, и что он немедленно готов приступить к изданию альманаха.

Высоцкий ответил честно: «Нет, не я. Это простое совпадение». И так уверенно это произнес, что у чекистов не осталось сомнений — не врет. Тогда последовал еще один вопрос: где деньги за американские концерты — как мы помним, Высоцкий заработал 35 тысяч долларов? Артист ответил вопросом на вопрос: «А вы знаете, сколько стоит лечение в Америке?». Больше вопросов ему не задавали. Вернее, автор этой книги о них ничего не знает.

А вот вам другой пример с другим известным в СССР и в мире человеком — вратарем хоккейного ЦСКА и сборной СССР Владиславом Третьяком. Один раз в этой книге я уже его вспоминал, сделаю это еще раз, благо в его жизни были случаи, похожие не те, что происходили и с Высоцким. Итак, в самом начале 80-х Третьяк снялся в рекламе на Западе и заработал за это 50 тысяч долларов — чуть больше, чем Высоцкий за нью-йоркские концерты. Так вот, почти всю эту сумму у Третьяка забрало его родное государство, оставив ему всего лишь несколько сот долларов. А ведь, напомним, Третьяк был любимчиком самого Брежнева, ходил под «крышей» Минобороны. Спрашивается: к кому же лучше относились советские верха в те годы — к полудиссиденту Высоцкому или олимпийскому чемпиону Третьяку? И за что, интересно, такие почести выпадали на долю Высоцкого? Может быть, за то, что на самом деле он должен был быть таковым в глазах широкой общественности, а для «верхов» он был очень полезным кадром? Ведь это нонсенс для советской системы — человек (Высоцкий) в открытую игнорирует ее законы, внаглую вертит на одном месте «верхи», а они с ним ничего не могут поделать. Ни Брежнев, ни Суслов, ни Андропов — никто. Прощают ему всяческие закидоны за рубежом, где советские граждане должны вести себя исключительно правильно, в противном случае, как пел сам Высоцкий, «Это, значит, не увижу я ни Риму, ни Парижу». Однако Высоцкий эти законы в открытую нарушает, да еще с неимоверной наглостью, как это было в Нью-Йорке. А его не могут даже приструнить, будто он — сын генерального секретаря ЦК КПСС или, на худой конец, министра иностранных дел. Ах да, забыли — он же всенародно любимый певец, за которого советский народ (сам Высоцкий иронично называл его «совейским») готов был лечь

костьми, или, на худой конец, выйти на массовые демонстрации. Поэтому, якобы, власть предержащие и боялись трогать певца, чтобы не разжигать пламя народного бунта. Большего бреда, чем этот, представить себе невозможно.

Есть куда более правдоподобная «отмазка». Высоцкий — муж Марины Влади, влиятельного функционера ФКП. Но если признать эту «броню» Высоцкого, тогда стоит задаться вопросом: а что имели с этого советские «верхи»? Ведь если они прощали многочисленные грехи Высоцкому как мужу видного члена ФКП, значит, он (или она) должны были делать нечто такое важное для Москвы, что могло бы компенсировать их лояльность по отношению к грехам певца, как за рубежом, так и на родине. Так сказать, баш на баш. В противном случае надо было держать советских руководителей за полных идиотов, которые прощают Высоцкому его наглое поведение почти за бесплатно — только в обмен на его песни. Дескать, вы, Владимир Семенович, сочиняете такие отличные произведения, что мы просто не имеем права вас наказывать — рука не поднимается. При этом напомним, что песни Высоцкого любили далеко не все власть предержащие. Например, второй человек в Политбюро — Михаил Суслов, который отвечал, кстати, за всю советскую идеологию — эти песни терпеть не мог, считая их чрезвычайно вредными для общества. Но и этот всесильный человек ничего не мог поделать с бардом, у которого даже никакого официального звания не было. Почему? И снова повторимся: Высоцкий был именно полезным кадром для либерального крыла в советских верхах, того самого крыла, которое со второй половины 70-х фактически начало править страной, готовя ее к будущим либеральным реформам. Как говорится, либерал либералу глаз не выклюет. Кстати, эта поговорка актуальна и поныне.

«Я из дела ушел, из такого хорошего дела…»

12 февраля 1979 года в Театре на Таганке была показана премьера спектакля «Преступление и наказание» по Ф. Достоевскому, где Высоцкому досталась роль Аркадия Ивановича Свидригайлова. Мы уже упоминали об этой роли в свете характера самого Высоцкого — во многом он был похож на Свидригайлова. А именно — закулисной стороной своей биографии, которую он тщательно скрывал от окружающих. Но она буквально рвалась наружу, поэтому Высоцкий позволял себе обнаруживать ее либо в песнях, либо в своих кино— и театральных ролях.

Еще в конце 60-х Высоцкий сыграл в кино двух большевистских агентов, действовавших под носом у охранки — в ильмах «Интервенция», 1968 и «Опасные гастроли», 1970. А в «Четвертом» (1973) он исполнил роль человека, которого мучают угрызения совести в связи с тем, что он предал память своих погибших в концлагере товарищей. Они перед смертью обязали его жить по совести, а он не смог выполнить этот наказ. Не мучили ли порой и Высоцкого муки совести в связи с тем, что он согласился участвовать в закулисных играх с власть предержащими, что многие его друзья вряд ли бы ему простили?

Здесь на память приходит история с Левоном Кочаряном — близким другом Высоцкого еще по жизни в Большом Каретном. Когда в сентябре 1970 года Кочарян скончался от рака, Высоцкий не пришел к нему на похороны; впрочем, он ни разу не навестил его и в больнице. Наш герой потом объяснял это тем, что не мог видеть сильно обезображенного болезнью друга. Но, может быть, дело было в другом — Кочарян уже догадывался о неких связях Высоцкого с «верхами», хотел с ним поговорить об этом, но тот счел за благо прервать с ним всяческие отношения? И Кочарян унес эту тайну с собой в могилу.

Что касается роли Свидригайлова, то здесь Высоцкий играл двойника убийцы Раскольникова, его «оборотную» сторону. Оба они, пусть по разным мотивам, сочли возможным «перешагнуть через кровь».

Несмотря на то, что в Америке у Высоцкого пошаливало сердце, домой он вернулся вполне здоровым. Давно уже нет уходов в «пике», нет еще и наркотической зависимости. По словам О. Афанасьевой:

«Я познакомилась с Высоцким в довольно благоприятный

момент: он целый год (то есть до конца 1979 года. — *Авт.*) не пил совсем или пил очень мало — глоток или два шампанского и больше ничего! — неплохо себя чувствовал, все в его жизни стабилизировалось. Это был, наверное один из самых светлых периодов его жизни. Наркотики тогда употреблял редко, только после спектаклей. Чаще всего после «Гамлета», потому что «Гамлет» его выматывал совершенно. И Володя делал себе укол, просто чтобы восстановить силы. И никаких таких эффектов, как у наркоманов, у него не было…».

А что же Марина Влади? Она, судя по всему, по-прежнему ни о чем не догадывается — ни про наркотики, ни про любовницу. Впрочем, определенный холод в отношениях между звездными супругами уже присутствует. Об этом говорит хотя бы то, что Влади уже не так часто приезжает в СССР, чтобы навестить здесь своего супруга. В основном «гоняет» во Францию Высоцкий, причем иногда эти поездки длятся всего лишь неделю. Но зато делает он это гораздо чаще, чем раньше.

В феврале 1979 года он закончил сниматься в сериале «Место встречи изменить нельзя» и занялся озвучиванием роли Жеглова. А также давал концерты. Обычно они длились чуть больше часа, а в «сборниках» он выступал всего лишь по полчаса. Однако на последние народ валил исключительно ради Высоцкого. И на этой почве порой возникали недоразумения. Например, когда в середине марта 1979 года Высоцкий приехал с короткими гастролями в Ташкент, в сборном концерте с ним выступал известный певец Полад Бюль-Бюль оглы. Согласно первоначально сверстанной программе, последний должен был заканчивать первое отделение, а Высоцкий — весь концерт. Но перед концертом Бюль-Бюль оглы внезапно передумал и уговорил организаторов поменять его местами с Высоцким. В итоге зрители, послушав выступление Высоцкого, попросту стали покидать зал. И Бюль-Бюль оглы вынужден был выступать перед полупустым залом. Поэтому на следующий день обескураженный артист вынужден был вернуть себя на прежнее место — закрывающим первое отделение. Как вспоминает администратор Н. Томразов,

«Конечно, с Высоцким любому артисту было трудно работать, очень трудно. Люди хотели не только слышать, но и видеть Володю, потому что по разговорам он раз двадцать разбивался на машине и раз пятнадцать умирал…».

Скандальная слава Высоцкого, конечно, играла свою роль в его невероятной популярности, однако не главную. Главным было то, что в те «застойные» годы, когда официальная идеология как будто специально «мертвила» все вокруг, борясь с любой

неординарной мыслью, его песни воспринимались большинством людей как глоток свежего воздуха. Только одно странно: почему власть, часто не дававшая продыху другим, к Высоцкому была в основном благосклонна, особенно во второй половине 70-х, разрешая ему не только концертировать по стране, выступая в многотысячных Дворцах спорта, но и концерты его записывать на магнитофонных лентах, чтобы они потом распространялись по стране со скоростью пожара? Впрочем, в силу особых отношений Высоцкого с сильными мира сего, о которых на страницах этой книги уже неоднократно говорилось, этот вопрос должен звучать неуместно. Власти специально «лепили» из героя нашего рассказа полузапрещенного певца, имея с этого неплохие дивиденды как внутри страны, так и далеко за ее пределами.

26 марта, во время выступления в МВТУ имени Баумана, Высоцкий исполнил очередную свою «нетленку» с длиннющим названием «Впечатление от лекции о международном положении человека, который получил 15 суток за мелкое хулиганство» («Я вам, ребята, на мозги не капаю…»). В ней обратим внимание на два эпизода. О первом говорят следующие строчки:

Следите за больными и умершими.
Уйдет вдова Онассиса — Жаклин.
Я буду мил и смел с миллиардершами,
Лишь дайте только волю, мужики!

Это был явный намек Высоцкого на свадьбу дочери греческого миллиардера Аристотеля Онассиса Кристины и гражданина СССР Сергея Каузова, которая случилась 1 августа 1978 года в Москве. Уже в ту пору люди шептались о том, что Каузов — агент КГБ и специально охмурил не блещущую красотой, но зато при миллиардном состоянии женщину с тайной целью — чтобы у советского правительства появилась возможность владеть богатствами семейства Онассис. У Высоцкого была похожая история: он, женившись на Марине Влади, тоже принес существенные дивиденды не только лично себе, но и своему государству, став неким мостиком между советскими либералами и западными еврокоммунистами.

В начале апреля 79-го Высоцкий отправляется в очередной зарубежный вояж, причем достаточно продолжительный — почти на три недели. Учитывая, что эта поездка подразумевала под собой концерты сразу в двух капиталистических странах, ФРГ и Канаде, зададимся вопросом: почему советские власти, которых Высоцкий совсем недавно столь беззастенчиво обманул с концертами в США, вдруг взяли и отпустили его в новое турне? Видимо, потому же, почему это делалось и раньше — вес

Высоцкого в тайной политике Кремля по-прежнему оставался высоким как внутри страны, так и за ее пределами. Направлений, которые были закреплены за Высоцким, по-прежнему было два: французское и американское. И на обоих в те дни происходили весьма значимые для Кремля события.

Во-первых, в том же апреле Москву с официальным визитом должен был посетить президент Франции Валери Жискар д'Эстен. Во-вторых, Кремль был крайне обеспокоен желанием югославского лидера Иосипа Броз Тито возглавить еврокоммунистическое движение в Европе, объединившись с ФКП, КПИ и ИКП. Поскольку Высоцкий по-прежнему являлся мужем еврокоммунистки Марины Влади, которая была симпатизантом просоветских сил в ФКП, обижать его Кремлю, видимо, было несподручно.

Отметим, что к концу 70-х такое явление как браки советских граждан с иностранцами стало более частым, чем это было десятилетие назад. Так, если в конце 60-х в год в СССР заключалось порядка 30–40 смешанных браков с иностранцами из капиталистических и развивающихся стран, то в 1979 году их число достигло 258; браки с представителями соцстран в их число не входили. При этом достаточно много было браков элитарных — таких, где советскую сторону представляли деятели высшего советского истэблишмента.

Например, в конце 70-х среди таковых значились кинорежиссер Андрей Кончаловский, поэт Евгений Евтушенко, сценарист Александр Шлепянов, киноактрисы Майя Булгакова и Людмила Максакова, пианист Андрей Гаврилов, шахматист Борис Спасский, композитор Александр Зацепин, солист балета ГАБТ В. Деревянко и др. Кроме этого, в этот список входили и отпрыски знаменитых людей: сыновья писателя В. Катаева, кинокритика Е. Суркова, дочери поэтов М. Алигер и А. Кешокова, концертмейстера Д. Ашкенази, композиторов М. Фрадкина, О. Фельцмана, А. Николаева, заместителя директора киностудии «Мосфильм» Н. Иванова и др.

В этом же списке значился и наш герой — Владимир Высоцкий. Однако он проходил в нем как персона особенная, поскольку таких браков, как у него, в СССР практически не было. Разве что брак Сергея Каузова с греческой миллионершей Кристиной Онассис, о котором я уже упоминал. Однако случай Высоцкого все равно проходил по категории особенных, поскольку его жена хоть и не была миллионершей, но для советских властей представляла не меньший, а даже больший интерес, поскольку была видным деятелем международного коммунистического движения, президентом просоветского

общества «Франция — СССР».

Что касается американского направления, то там происходило следующее. В конце марта американское издательство «Хэркорт, Брейс, Джованович» выпустило в свет книгу Л. Брежнева под названием «О мире, разрядке и советско-американских отношениях». Сделано это было не случайно, а как один из очередных этапов операции Белого дома по «удушению СССР в объятиях»: не случайно в самих США к пиару этой книги приложил руку сенатор Юджин Маккарти, который несколько лет назад баллотировался на пост президента страны. Американцам нужна была эта книга как собаке пятая нога, но им необходимо было умаслить советского генсека перед намечаемой на июнь встречей с Картером в Вене — это была первая за последние 5 лет встреча лидеров двух сверхдержав, где должны были решаться принципиальные вопросы внешней политики, в том числе и проблема нарушений прав человека.

Поскольку советский генсек тоже возлагал на эту встречу большие надежды, в преддверии ее делались определенные поблажки как инакомыслящим типа Высоцкого, так и политическим диссидентам — пятерых из них через месяц обменяют на двух советских разведчиков, а также отъезжантам — в первой половине 79-го было резко увеличено число виз, выдаваемых евреям. Так что можно смело сказать, что по обоим направлениям тылы Высоцкого тогда были надежно прикрыты.

Выступив во Франкфурте-на-Майне и Кельне, Высоцкий на несколько часов заезжает в столицу Голландии, город Амстердам — 40 минут на авто от Кельна. Сопровождает его в этой поездке немецкий приятель Л. Бабушкин. А на обратном пути с ними произошла оказия. Немецкий пограничник на пропускном пункте обнаружил, что у Высоцкого в паспорте голландской визы нет, а немецкая — просрочена. И не захотел его впускать. Приятель артиста бросился уговаривать пограничника. И самым весомым аргументом в его устах стало заявление о том, что Высоцкого знает весь Советский Союз. Услышав это, пограничник с недоверием посмотрел на Высоцкого, но все-таки поверил в услышанное и разрешил им проехать. По словам Бабушкина, «Когда Володя понял, что все закончилось благополучно, и обошлось даже без штрафа, его это страшно поразило: ««Нет, ты можешь себе представить, чтобы кто-то въехал без визы в Советский Союз?!». И мы оба нервно засмеялись…».

Из Западной Германии Высоцкий самолетом перелетел через Атлантику и очутился в Канаде. 12 апреля в Торонто, в оздоровительном центре «Амбассадор клаб» он дает концерт для русскоязычной публики, примерно около 50 человек. А на

следующий день следует еще одно выступление — в гостинице «Инн он зе Парк», в которой он остановился. Однако в огромный зал, рассчитанный на почти полторы тысячи человек, пришло всего лишь человек 600; в январе в Нью-Йорке Высоцкий собирал до трех с половиной тысяч зрителей)

Вспоминает Л. Шмидт: «Перед выступлением Высоцкого мне позвонил представитель туристического агентства и сказал, что группа советских туристов с «Беларусьтрактора» хотела попасть на концерт. Я сказал об этом Высоцкому и спросил, должны ли они брать билеты. Он сказал: «Никаких билетов! Проводи их в зал, а после концерта пригласи ко мне». А в антракте он мне говорит: «Ты видел, — там один сидит и все записывает?». А там, правда, сидел человек и все, что Володя говорил, на бумажку записывал. Кончился концерт, привел я к нему эту группу с «Беларусьтрактора». Высоцкий их ласково так встречает: «Заходите, товарищи! Я тут проездом из Москвы на Ямайку, там Марина с детьми ждет. Так вот, местный университет попросил дать несколько концертов». Я к двери пячусь, чтоб не расхохотаться, а потом и говорю: «Ты бы хоть предупредил, что такое скажешь!». А он мне: «Это ж завтра все доложено будет. Они ж там все из КГБ».

Рассказывая эту историю, мемуарист даже не подозревает, что за нос Высоцкий водил не туристов из «Беларусьтрактора», а конкретно его самого. Ведь если бы кто-то из туристов действительно «заложил» Высоцкого, КГБ не стоило труда узнать подлинную правду. Тогда зачем же Высоцкий «ломал дурочку»? Он просто показывал Шмидту, как он якобы ловко водит за нос КГБ, разъезжая по свету как ему заблагорассудится. Дескать, я нашим туристам «впариваю» всякие байки, а они вместе с КГБ в них простодушно верят.

Последний концерт Высоцкого в Канаде должен был состояться в Монреале. Но он был отменен. Почему? Большого числа желающих послушать его песни среди тамошней русскоязычной публики не нашлось. А петь для двух-трех десятков слушателей Высоцкий не собирался. Тем более, что приехал он туда не столько ради концертов, сколько ради другого — все того же шпионажа. С ним он благополучно справился, а все остальное было уже побочным. Поэтому на родину артист вернулся вполне довольный своей поездкой.

Впрочем, была и «ложка дегтя». Именно тогда Высоцкий узнал, что во Франции арестовали его приятеля с «двойным дном» — болгарина Дино Динева. Его обвинили в шпионаже в пользу СССР и Болгарии и «впаяли» три года тюрьмы. Во всяком случае, так об этом рассказывает сам Динев.

В Москву Высоцкий вернулся в середине апреля, а спустя несколько дней (19-го) произошло ЧП в союзном МВД: застрелился заместитель министра внутренних дел, начальник Академии МВД генерал-лейтенант Сергей Крылов. Покойный был хорошим другом Высоцкого и частенько выручал его в разного рода сложных ситуациях. В том числе и во взаимоотношениях с органами милиции.

23 апреля Театр на Таганке справлял свой 15-й день рождения. Как всегда в таких случаях, состоялся веселый капустник, поставленный самими актерами театра-юбиляра. Выступал на нем и Владимир Высоцкий, прилетевший на днях из-за границы: он спел несколько куплетов, которые написал специально по этому случаю. Кроме этого им были исполнены две песни: «Охота с вертолетов» и «Лекция о международном положении». Все действо снималось на любительскую кинокамеру, чтобы потом быть показанным участникам капустника.

Через день в театре состоялся просмотр пленки с этой записью. Пришли все «таганковцы», в том числе и Высоцкий. Однако ему этот просмотр ничего хорошего не принес. Все актеры громко реагировали на появление друг друга на экране — смеялись, шутили, но как только появлялся Высоцкий, их как будто отрезало: в зале устанавливалась гробовая тишина. Придя после просмотра домой, Высоцкий пожаловался гостившему у него Вадиму Туманову: «За что они меня так? Я у них что, Луну украл?». Луну — не Луну, но коллеги по театру завидовали Высоцкому дико: причем не только его славе, но и удивительной способности выходить сухим из воды при сохранении ореола гонимого. Многие понимали, что дело здесь явно нечисто, но поймать Высоцкого за руку было невозможно — конспиратором он был хорошим, благо в КГБ этому делу учили на славу. В итоге коллеги мстили ему своим молчаливым презрением.

26 апреля Высоцкий в компании своих коллег по «Таганке» Валерия Золотухина и Дмитрия Межевича приехал в Ижевск, чтобы в течение нескольких дней выступить со спектаклем-концертом «В поисках жанра». За выступление в Ледовом дворце спорта им пообещали заплатить 1 200 рублей наличными. Было также обговорено, что Высоцкий отработает в этом спектакле, а потом еще пять дней будет выступать с концертами один как в Ижевске, так и в других городах. Именно эти выступления и лягут в основу уголовного дела против Высоцкого — так называемого «ижевского дела». Впрочем, не будем забегать вперед.

Тем временем, в конце апреля в США издательством «Ардис» был выпущен литературный альманах «Метрополь». Сразу после

этого к некоторым его авторам были применены новые репрессии. Так, Белла Ахмадулина не получила разрешения выехать за рубеж для участия в поэтических концертах, у Андрея Битова был снят с экрана фильм по его сценарию. Собирались не выпустить из страны в США и Андрея Вознесенского, но он оперативно связался со своими американскими друзьями и те через семью Кеннеди добились его выпуска из страны. Что касается Высоцкого, то к нему никаких санкций применено не было: 4 мая он благополучно начал сниматься в «Маленьких трагедиях» на «Мосфильме». Более того, в конце июня он вновь уезжает к жене во Францию. Вернее, в Италию, поскольку Влади в те дни снималась в Риме в фильме «Мнимый больной» с Альберто Сорди в главной роли.

Кстати, в том году Влади запишет на свой счет еще один фильм — комедию «Дуэт на диване» режиссера Марка Камолетти. В этой картине, где речь идет о том, как разведенные люди все еще живут в одной квартире, но у каждого из них начался новый увлекательный роман, Влади играла одну из разведенок; роль второй исполнила Лорейн Бракко.

Прибыв в Рим в качестве супруга французской кинодивы, Высоцкий 2 июля дал концерт в ресторане «Да Отелло», расположенном на маленькой улочке возле площади Испании. Это было любимое место Марины Влади — каждый раз, когда она снималась в Риме, она приходила сюда обедать. Три дочери старика Отелло, хозяина ресторана (между прочим, коммуниста, как и Влади), были ее подругами и всегда были рады видеть ее у себя. Как вспоминает сама М. Влади, «…я выбрала маленькую гостиницу на улице Марио дей Фьери, в двух шагах от знаменитой лестницы на площади Испании и от нашего ресторана с внутренним двориком, увитым виноградными лозами. Здесь снуют ловкие официанты — словно из итальянских комедий. Вино подают легкое, макароны — пальчики оближешь. Вокруг семейного стола уселись хозяйки, их дети, друзья, а за ними и все посетители ресторана потянулись к этому столу. Американские и японские туристы, пожилые обитатели квартала, отдыхающие в свежести вечера от почти тропической июльской жары, местные торговцы, врачи и санитары из ближайшей больницы — около двухсот пятидесяти человек больше двух часов стоят, прижавшись друг к другу, и слушают, как поет «русский». Поскольку старый Отелло — коммунист, большинство людей здесь, за исключением иностранных туристов, доброжелательно настроены по отношению к тебе, тем более что тебя представили как «оппозиционера», а итальянские коммунисты дальше всех отстоят от «линии Москвы». Еще здесь много киношников,

которые кое-что слышали о тебе, о твоем театре, о Любимове. Я с грехом пополам перевожу им слова твоих песен. Иногда наступает полная тишина, потом раздается взрыв смеха. В такт песне люди начинают хлопать в ладоши, официанты то и дело разливают вино в стаканы. Сам собой получается праздник…».

Влади не знает, что у ее мужа в Советском Союзе осталась любовница — Оксана Афанасьева. И он находит время, даже будучи в Италии, посылать ей подарки. Девушка в те дни находилась на учебной практике в Ленинграде, и у нее там пропали солнцезащитные очки. В телефонном разговоре она посетовала на это. Каково же было ее удивление, когда на следующий день дежурная по этажу в гостинице передала ей пакет, а в нем — очки и ласковая записка. Высоцкий умудрился уговорить летчиков «Аэрофлота» доставить эту посылку в Ленинград.

К слову, в городе на Неве Оксану попытались завербовать в… осведомители КГБ. Судя по всему, это была инициатива ленинградских властей, которые в лице Григория Романова весьма плохо относились к Высоцкому и просто захотели иметь подле него своего человека. Девушку Высоцкого пытались взять «в оборот» по всем классическим законам вербовки.

Оксана как-то расплатилась в баре долларами за бутылку джин-тоника, гэбисты сообщили об этом администрации гостиницы, и девушку немедленно выселили. Тут же к ней подошел молодой человек, назвавшийся Русланом, и показал «корочки» госбезопасности. После чего стал запугивать Оксану «валютной» статьей: дескать, сядете, как миленькая, если не поможете нам. Но благоразумная девушка мягко, но решительно дала чекисту от ворот поворот. В гостиницу ее потом вернули, а назойливый Руслан еще целый месяц ходил за ней по пятам и все пытался склонить к сотрудничеству. Между прочим, то ли в шутку, то ли серьез даже предложил ей руку и сердце. Когда Оксана потом рассказала об этом Высоцкому, тот долго смеялся. Хотя в душе ему, видимо, было не до смеха.

На родину Высоцкий вернулся в начале июля. В аэропорту Шереметьево с ним произошла история, которая едва не выдала его с головой перед общественностью как человека, ведущего некую закулисную деятельность. На пограничном контроле он сунул руку в карман и машинально достал… сразу два своих паспорта. Для СССР это было немыслимо. Там несколько паспортов могли иметь только две категории граждан: преступники, находящиеся во всесоюзном розыске, и сотрудники спецслужб — например, из числа представителей внешней разведки. Как два паспорта оказалось у Высоцкого, можно только

предполагать. Версий может быть множество, но рассмотрим только две. Первая: вторым был паспорт, который Высоцкий забыл сдать в паспортный стол после обмена в СССР паспортов в 1976 году. Правда, здесь возникает вопрос: как милиция могла «прошляпить» эту несдачу певцом старого паспорта?

Версия вторая: лишний паспорт Высоцкому помогли сделать те люди из советских «верхов», на которых он трудился на международном направлении. Он же в аэропорту расслабился и извлек на свет сразу оба документа. Пограничники, естественно, на него «наехали»: как? почему? Доложили начальству, которое сразу же обо всем догадалось (или ему помогли догадаться), но виду не подало. В итоге нарушителя отпустили восвояси, а один из паспортов забрали, оформив, как положено, рапорт. Естественно, до широкой общественности эту историю доводить не стали — она стала известна много лет спустя, причем без комментариев.

С 19 по 27 июля 1979 года Высоцкий находился с гастролями в Узбекистане. Это были те самые знаменитые гастроли, во время которых Высоцкий якобы едва не скончался, пережив клиническую смерть. Между тем, у многих людей, кто знаком с описанием этой «смерти», есть большие сомнения относительно нее, хотя официальная версия до сих пор гласит, что это была «клиника», да еще связанная с «передозом», на основе чего даже был снят художественный фильм «Высоцкий. Спасибо, что живой» (2011). В нем показано, как КГБ пытается шантажировать Высоцкого, обнаружив, что он наркоман; наркотики из Москвы ему якобы везла Оксана Афанасьева, которая и попала в поле зрения органов. Но это все выдумки: про то, что КГБ следил за концертами Высоцкого (это было уделом ОБХСС) и что поймал его на наркотиках еще летом 79-го. Если бы последнее действительно произошло, то никогда бы Высоцкий не смог с такой легкостью ездить за рубеж. Наркотики — это вам не алкоголь.

В конце лета новый резонанс получил скандал с альманахом «Метрополь»: 12 августа числа целая группа известных американских писателей (Воннегут, Стайрон, Миллер, Олби, Апдайк — последний по приглашению В. Аксенова участвовал в альманахе) опубликовали в «Нью-Йорк Таймс» телеграмму с требованием восстановить исключенных из Союза писателей СССР организаторов «Метрополя» — Виктора Ерофеева и Евгения Попова. В противном случае американские писатели грозили отказаться печататься в СССР.

По сути, это были все серьезные репрессии в отношении участников «Метрополя» — исключение Ерофеева и Попова из СП.

Других «метрополевцев» кара властей не коснулась, в том числе и Высоцкого. Но с ним была другая история: его было решено провести по другому делу, чтобы выставить жертвой не идеологических, а куда более серьезных гонений — уголовных. Так на свет родилось «ижевское дело». А поводом к нему стала серия «левых» концертов Высоцкого в Ижевске в конце апреля 1979 года.

Отметим, что Высоцкий, как и многие советские эстрадные исполнители, с конца 60-х дал не одну сотню «левых» концертов, то есть, концертов, которые не проходили по официальным документам, и прибыль от которых делилась между организаторами таких выступлений и артистами. Несколько раз Высоцкого «ловили за руку» и однажды даже «пропесочили» в прессе и заставили заплатить штраф в 900 рублей. Это было, как мы помним, в начале 1973 года, накануне его первого отъезда за рубеж.

Ижевские концерты тоже стали поводом к возникновению уголовного дела, причем резонанс от него был куда более громким. Почему? Судя по всему, посредством этого дела Высоцкого хотели вывести на уровень уголовно преследуемого с тем, чтобы подготовить ему почву для возможного скорого отъезда на Запад. То есть на протяжении долгих лет Высоцкий давал сотни таких «левых» концертов по всей стране, однако только теперь подоспело время сделать его настоящей жертвой — чтобы легче было найти сочувствие на Западе. Короче, это могла быть совместная акция КГБ и МВД. Причем «вписались» в нее далеко не все. Например, именно накануне операции был смещен со своего поста начальник ОБХСС МВД СССР П. Перевозник, возглавлявший это ведомство 13 лет — с 1966 года, с момента прихода Щелокова, которого отправили подальше от родины — в Чехословакию. А в его кресло сел Борис Заботин. При нем «ижевское дело» и случилось.

Оно было заведено в конце июня, после того как бригада известного ушлого администратора Василия Кондакова (тот самый «Вась-Вась», который начал работать с Высоцким с августа 1976 года) влезла в «левые» концерты по уши и позволила удмуртскому ОБХСС «нарыть» на себя убойный компромат — хищение сотен (!) тысяч рублей. А началась эта операция именно с концертов Высоцкого, которые прошли в Удмуртии в конце апреля. В частности, он выступал в Ледовом дворце спорта в Ижевске, где вместо реально проданных 5 тысяч билетов организаторы концертов оставляли в наличии около 3 тысяч, а остальные уничтожали как якобы непроданные и всю выручку с них клали себе в карман (так называемый «съем денег»), а также

выплачивали завышенные гонорары артистам: например, с Высоцким выступали его коллеги-таганковцы, а также ВИА из Осетии «Поющие электрины». Как оказалось, сотрудники ОБХСС приходили на эти концерты и подсчитывали количество пустых мест в зале — а их практически не было, после чего составляли соответствующий акт, который должен был послужить средством изобличения ушлых аферистов. Та же система была применена и во время последующих концертов в Ижевске Геннадия Хазанова и Валентины Толкуновой.

Нашлось место в этом деле и для КГБ: его сотрудники прослушивали междугородные телефонные переговоры, ведшиеся из гостиничных номеров московских администраторов. Так что дело это вели два силовых ведомства совместно. Информация ложилась на стол как Щелокову, так и Андропову, поскольку по делу проходили весьма известные фигуранты: Высоцкий, Хазанов, Толкунова.

В течение июля Высоцкому неоднократно присылали повестки из Удмуртии с тем, чтобы он явился к следователю и дал показания по «ижевскому» делу. Но артист эти вызовы игнорировал и даже более того — съездил в Белоруссию, Узбекистан и Грузию, где, судя по всему, помимо официальных концертов продолжал давать и «левые».

Именно во время гастролей в Тбилиси в сентябре 79-го туда из Ижевска приехал следователь — старший лейтенант милиции Михаил Воробьев (в наши дни он дорос до поста 1-го заместителя министра внутренних дел Удмуртии), чтобы допросить Высоцкого в качестве свидетеля, а не обвиняемого, по «ижевскому» делу. Он приехал в Грузию 25 сентября и уже на следующий день допросил Высоцкого и Янковича на предмет апрельских концертов в Ижевске. Бард категорически отрицал получение незаконных 5 тысяч рублей, хотя это утверждал М. Абаев — один из организаторов концертов, который, по его собственным словам, лично передал Высоцкому эту сумму. Именно после этой встречи бард понял, что без помощи грамотного адвоката ему не обойтись и вспомнил про одного из них — Генриха Падву. Ему и предстояло «отмазать» Высоцкого.

Сам адвокат утверждает, что все вышло случайно: он якобы путешествовал автостопом вместе с другом по Грузии и случайно натолкнулся на афиши «Таганки». Зашел в театр и столкнулся там с Высоцким, который и выложил перед ним свою проблему. Но есть в этой случайности некая подозрительная составляющая: уж больно все вовремя произошло — одновременный приезд в Тбилиси следователя из Ижевска и видного адвоката из Москвы. Это наводит на определенную мысль: а не стояли ли за адвокатом

силы, «крышующие» Высоцкого?

Отметим, что защищать барда выделили не только одного Падву. На первоначальном этапе следствия к делу был подключен один из самых видных адвокатов СССР — Кисинежский, участник Нюрнбергского процесса. Согласно «легенде», он был адвокатом Кондакова, но потом проговорился следователю: дескать, по большому счету, я прилетел в Ижевск, чтобы поинтересоваться судьбой Высоцкого. Следователь его успокоил: в отношении певца уголовное дело будет прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. «Это деликатное и мудрое решение», — сказал Кисинежский. Он улетел в столицу, а вместо себя прислал Генриха Падву.

Слухи об «ижевском» деле широко распространились в артистическом мире страны, однако были абсолютно неизвестны рядовым гражданам. И только те из них, кто темными ночами ловил «вражьи голоса», были осведомлены о том, что на Высоцкого опять «наехали». Это, естественно, добавляло ему авторитета в глазах поклонников. А также резонировало и на Западе, чего, видимо, и добивались закулисные разработчики этого «дела», готовившие скорую натурализацию Высоцкого в США. Как мы помним, певец должен был осесть в Нью-Йорке и открыть там с помощью местных евреев (не зря же он давал им концерты в январе 79-го) артистический «Русский клуб» — некий аналог салона Лили Брик в Москве.

Переезд в США не должен был сделать из Высоцкого изменника родины, отщепенца. «Ижевское дело» должно было создать видимость уголовных гонений на него, но не привести к серьезным последствиям — к судебному преследованию. Это была история из разряда «на экспорт», то есть рассчитанная исключительно на западного обывателя. Миллионам советских людей отъезд Высоцкого должен был быть преподнесен как попытка творческого поиска за пределами родного Отечества. Здесь предполагался почти тот же вариант, что и в случае с кинорежиссером Андреем Михалковым-Кончаловским.

Весной 1979 года он заседал в жюри Каннского кинофестиваля, после чего якобы решил поработать во Франции. Целый год он обитал в Париже, а затем в 1980 году переехал в США с целью покорить Голливуд. Там он сошелся с известной американской актрисой Ширли Маклейн и с ее помощью приобрел широкие связи в Голливуде. При этом в Советском Союзе власти не объявили невозвращенца изменником родины, отщепенцем, как это было в случаях с другими советскими деятелями культуры. В итоге уже в 1983 году, как только в Кремле воцарился бывший главный чекист Юрий Андропов,

Михалков-Кончаловский сумел снять в США свой первый фильм — «Любовники Марии», после чего и начала развиваться его успешная карьера в Голливуде. В СССР он впервые приедет в 1987 году в ореоле единственного советского кинематографиста, сумевшего сделать хорошую карьеру в Мекке мирового кинематографа.

Но вернемся к Высоцкому.

В начале ноября 1979 года он взял в театре недельный отпуск и уехал в Париж. И это в тот момент, когда он проходил свидетелем по уголовному делу! В компетенции того же МВД, которому подчинялся ОВИР (это направление, как мы помним, курировал замминистра внутренних дел страны генерал Борис Шумилин), было не разрешать ему выезжать за границу. Но ему разрешили по уже неоднократно упомянутой нами причине. Как пел сам Высоцкий в песне 78-го «Реальней сновидения и бреда»: «Я вхож куда угодно — в терема и закрома…». Другое дело, что впускали его в эти «терема и закрома»", видимо, не просто так, а как одного из активных участников тайной дипломатии, которую вел Кремль. До тех пор, пока он добросовестно воевал на этом «фронте», ему было многое позволено. Но очень скоро ситуация изменится из-за наркотиков, что в итоге и приведет к трагедии. Но не будем забегать вперед.

В той поездке во Францию Высоцкий обзавелся новым «железным конем» — новеньким спортивным «Мерседесом-С107». Причем за эту машину бард не заплатил ни копейки — ему ее подарил Бабек Серуш. А легенду с покупкой запустили как прикрытие. А когда Высоцкого не стало, регистрационную карточка этого автомобиля из архива московской ГАИ изъяли.

Кстати, в ФРГ, где бард якобы купил свой спортивный «мерс», подобная модель просто так не продавалась. Чтобы ее купить, необходимо было встать в очередь, так как эта марка выпускалась в ограниченном количестве. Согласно советским законам, за ввоз автомобиля такого класса в СССР нужно было заплатить бешеную пошлину. Но Высоцкий и здесь нашел, чем крыть: у него на руках было письменное разрешение на беспошлинный ввоз такого «Мерседеса» от самого заместителя министра внешней торговли СССР Журавлева.

На родину Высоцкий вернулся как раз чтобы успеть к премьере пятисерийного телефильма «Место встречи изменить нельзя» (11–16 ноября), где он играл главную роль — муровца Глеба Жеглова. Этот герой добавил к славе Высоцкого не просто изрядную, а поистине огромную порцию любви и почитания со стороны восторженных поклонников. Даже те из советских граждан, кто терпеть не мог песни Высоцкого, в этой роли были

покорены его бьющей через край харизмой. Причем вот что удивительно: назвать Глеба Жеглова очень уж положительным героем, как, например, его напарника — Володю Шарапова, было нельзя, но симпатии он вызывал даже большие. Про таких героев обычно говорят: носитель доброго зла.

По следам сериала многие журналисты бросились к Высоцкому, чтобы он дал им интервью о своем герое — Глебе Жеглове. Но Высоцкий никому ничего не сказал. Вернее, почти не сказал. Было одно интервью, которое интересно не тем, что в нем наш герой рассказал кто такой Глеб Жеглов, а тем, что в нем явственно проглядывает кто такой сам Владимир Высоцкий. Приведем из него небольшой отрывок:

«Теперь очень интересно и важно вообще исследовать эту тему: как вообще нужно бороться с террором? Таким же точно способом, как в двадцатые годы, или все-таки терпеть и находить какие-то гуманные способы борьбы с насилием? Никто на этот вопрос ответить не может. Я и согласился сниматься в картине, чтобы этот вопрос поставить. От имени своего персонажа я утверждаю, что нужно так с ними поступать: давить от начала до конца, если ты уверен на сто процентов, что перед тобой преступник… (выделено мной. — *Ф. Р.*).

Шарапов — это розовый герой, который призывает к милосердию, к тому, чтобы идти в сторону смягчения, а не ужесточения мер по борьбе с преступностью, он утверждает, что нужно действовать честно даже с нечестными людьми. Это все, в общем-то, на словах. Но если сейчас кругом посмотреть, поглядеть, что делается в мире — терроризм и «красные бригады», стреляют по ногам детей, а потом на их глазах убивают учителя, — начинаешь сомневаться, кто из двух героев прав…».

Сериал закончился 16 ноября, а на следующий день Высоцкий отправился на день рождения к своему приятелю — врачу-реаниматологу Анатолию Федотову, которому исполнилось 40 лет. Артист подарил имениннику картину «Пиратский бриг», после чего пел для гостей свои новые и старые песни. Пел от души, поскольку считал Федотова своим спасителем: это именно он во время узбекских гастролей Высоцкого в июле этого года якобы сумел «откачать» его после «смертельного» обморока. Никто из присутствующих, в том числе и наш герой, не может даже представить себе, что именно Федотов очень скоро станет для Высоцкого не спасителем, а погубителем. Впрочем, не будем забегать вперед.

Со дня последнего заграничного вояжа Высоцкого минуло всего три недели (!), как он уже вновь собрался улетать. На этот раз они с Влади должны были посетить остров Таити, чтобы

присутствовать на свадьбе бывшего супруга Марины Жана-Клода Бруйе. Но в этот раз наш герой до Таити не добрался. Он должен был вылететь на Таити из Лос-Анджелеса чуть позже Влади. Однако, добравшись до Америки и поселившись на квартире певца и композитора Майкла Миша, он внезапно сорвался вместе с ним в кокаиновое «пике». В итоге его поездка не состоялась. А чтобы Влади ни о чем не догадалась, для нее была выдумана версия о том, что Высоцкому не выдали въездную визу на Таити.

Самое интересное, Влади вскоре прилетела в Лос-Анджелес и застала там мужа. Как пишет В. Перевозчиков, «Высоцкий ведет себя более чем странно, но Марина еще ни о чем не догадывается…».

То есть согласно распространенной легенде Влади, у которой старший сын Игорь был наркоманом с многолетним стажем, даже не понимает, что ее супруг тоже сидит на кокаине. Можно ли в это поверить? Конечно же, нет. Судя по всему, Влади прекрасно поняла истинную причину неприлета Высоцкого на Таити. Для нее это, видимо, стало шоком, впрочем, как и для тех людей, которые отвечали в Москве за его загранпоездки.

На родину наш герой вернулся 12 декабря в состоянии, далеком от идеального.

20 декабря в Театре на Таганке состоялась очередная премьера: был показан спектакль «Турандот, или Конгресс обелителей» по Б. Брехту. Спектакль нес в себе явно антибрежневский посыл. Как писал таганковед А. Гершкович,

«В нем театр зло разыграл фарс коллективного руководства неким вымышленным государством, где фарисеи всем ошибкам и благоглупостям правителей находят законное оправдание, соревнуются в славословии и награждают один другого всевозможными орденами и званиями…».

Скажем прямо, тема спектакля была и в самом деле актуальная. К тому времени советский режим выглядел весьма непрезентабельно: больной и старый Брежнев в окружении не менее больных и старых соратников, которые только и делают, что награждают друг друга орденами и медалями по любому поводу — от собственных дней рождений до великих праздников. В стране процветали коррупция наверху и всеобщая апатия внизу, несмотря на победные реляции средств массовой информации. Еще несколько лет назад ситуацию можно было выправить, если бы Брежнев уступил место более молодому и энергичному руководителю — на эту роль претендовал хозяин Ленинграда, симпатизант «русской партии» Григорий Романов. Но люди, толпившиеся у трона генсека, не позволили этого сделать, уговорив Брежнева остаться на своем посту, так как при

сохранении «статус кво» — при больном и безвольном Леониде Ильиче, который все чаще подыгрывал либералам — их будущее выглядело более предпочтительно.

Руку к этому спектаклю приложил и наш герой — Высоцкий. Правда, не как актер — он в нем не играл, а как поэт, написавший «Песню Гогера-Могера». От лица героя песни в ней заявлялось следующее:

На нашу власть — то плачу я, то ржу:
Что может дать она? — по носу даст вам!
Доверьте мне — я поруковожу
Запутавшимся нашим государством!..
…Отдайте мне ослабшие бразды —
Я натяну, не будь я Гогер-Могер!..

Своей песней Высоцкий отдавал дань той распространенной идее, которой на протяжении долгих лет буквально бредили либералы — посадить в кресло генсека образованного и интеллигентного руководителя вроде Юрия Андропова, с которым он, кстати, был знаком лично, имея с ним несколько конфиденциальных встреч. Не случайно этот самый Гогер-Могер признается, что сам он «от сохи», то есть рабоче-крестьянских кровей, а в руководство нахально рвутся «те, кто умеют сочинять стихи»: в кругах советской элиты почти все знали, что из всех членов Политбюро стихами балуется именно шеф КГБ. Так что не Григория Романова, человека от сохи чаяли либералы увидеть у власти, а его антипода — умника Юрия Андропова.

Эти мечты вскоре сбудутся, правда, Высоцкий до этого момента не дотянет каких-то два с половиной года. Причем Андропов по-настоящему уважал Высоцкого как человека и ценил как поэта и артиста: песни его он всегда с интересом слушал, а фильм «Место встречи изменить нельзя» назвал «лучшим милицейским сериалом» во многом именно из-за участия в нем Высоцкого. Кстати, после этого именно Андропов дал команду Юлиану Семенову создать литературную основу для такого же сериала, но уже про чекистов — так на свет появится не менее достойный фильм, но уже 10-серийный — «ТАСС уполномочен заявить». Поэтому, узнав о наркомании Высоцкого, Андропов наверняка расстроился. И чуть позже даже пытался ему помочь. Однако…

«Я когда-то умру…»

25 декабря 1979 года грянули «афганские события». Именно в тот день ограниченный контингент советских войск вошел в Афганистан, чтобы поддержать просоветское правительство Бабрака Кармаля. До сих пор существуют разные точки зрения на это событие: кто-то считает его вынужденной мерой советского руководства, опасавшегося потерять этот регион в пользу американцев, кто-то — хитроумной операцией ЦРУ, кто-то — происками агентов влияния Запада в высшем советском руководстве, которые тем самым заводили свою страну в капкан, подыгрывая своим заокеанским единомышленникам и ссоря СССР с мусульманским миром. Эта ссора в итоге приведет к тому, что в 85-м Саудовская Аравия легко уступит уговорам США и обрушит цены на нефть, лишив советскую экономику огромных доходов — порядка 10 миллиардов долларов.

Ввод войск в Афганистан настроил против СССР не только часть мусульманского мира, но и значительную часть западных компартий, в том числе и французскую. Впрочем, там и официальные власти были настроены к этому вводу резко враждебно, что было видно по тем же СМИ: за годы правления В. Жискар д'Эстена в 1974–1980 годах из системы радио и телевидения было уволено около 300 журналистов, заподозренных в симпатиях к левым. Кроме этого, буквально накануне афганских событий во Франции прошла очередная «зачистка» в рядах просоветских изданий. Так, в июле 79-го тамошняя контрразведка (УОТ) арестовала главного редактора журнала «Синтезис» Пьера Шарля Пате — кстати, сына знаменитого кинопромышленника, который был уличен в связях с Москвой; вместе с его арестом из страны был выслан советский дипломат-чекист Игорь Кузнецов. Журнал «Синтезис» был закрыт.

Резко негативно отнеслась к афганским событиям и советская либеральная общественность, в том числе и Высоцкий, который проклинал в разговорах со своими друзьями бездарное брежневское руководство — «запутавшееся наше государство». А ведь совсем недавно он вел себя совершенно иначе. Шабтай Калманович в одном из своих интервью, описывая пребывание Высоцкого в Нью-Йорке в январе 1979 года, рассказывал следующее:

«У Володи был удивительный патриотизм: когда вдвоем шли по магазинам — мог критиковать Советскую власть. Но стоило оказаться в компании — доказывал, что СССР лучше всех…».

После «афганских» событий Высоцкий преимущества СССР

уже никому не доказывал, хотя это могла быть и ловкая игра на публику. Ведь глупо было рассчитывать на натурализацию в США, будучи публичным апологетом ввода советских войск в Афганистан. Здесь как раз требовалась обратная реакция, что, собственно, Высоцкий и демонстрировал, кляня «запутавшееся брежневское руководство».

Однако путь к натурализации преградила проблема наркотиков, о которой мы уже говорили. И нервная система Высоцкого все заметнее становилась ни к черту. Отсюда и тот случай в первый день Нового 1980 года — вечером 1 января. Но расскажем обо всем по порядку.

30 декабря в Москву прилетает Влади, которая намерена серьезно поговорить с мужем об их дальнейших отношениях. К тому времени их брак давно превратился в чисто формальный, поскольку каждый живет своей жизнью. Например, Влади уже редко приезжает в СССР, причем не только к мужу, но и по делам общества «Франция — СССР», где она, как мы помним, является вице-президентом. Влади, являясь откровенной еврокоммунисткой, не одобряет брежневскую политику, особенно афганские события, поэтому в СССР ее, как раньше, уже не тянет. Высоцкому это только на руку, поскольку это позволяет ему вести достаточно вольный образ жизни: приглашать в дом кого ему захочется, держать рядом с собой молодую любовницу. Однако и рвать с Влади он пока не готов, для чего в конце декабря 79-го, накануне приезда жены в Москву, идет на хитрость — просит врача Олега Филатова имитировать вшивку «эсперали». Врач это делает, «наградив» Высоцкого рубцом, который тот должен был показать своей благоверной.

31 декабря Высоцкий должен был ехать на дачу Эдуарда Володарского, чтобы там встретить наступление Нового года. Однако отправив туда Влади раньше себя, он поехал навестить свою молодую любовницу Оксану Афанасьеву. Последняя вспоминает:

«Володя заехал ко мне вечером, перед дачей. К Новому году он подарил мне телевизор: его уже привезли, поставили, и он у меня работал. Приехал Володя, и я кормила его пельменями. Вид у него был какой-то несчастный, пуговица на рубашке оторвана…

— Ну, давай я тебе хоть пуговицу пришью…

И вот сижу я, с грустью пришиваю эту пуговицу, — Володя ест пельмени, смотрит телевизор. И вдруг спрашивает:

— Да, кстати, а телевизор ты куда поставила?

— Володя, да ты же его смотришь!

Потом он говорит:

— Может, поедешь со мной?

— Нет уж, Володя, у тебя — своя компания, у меня — своя…

Вот в таком безрадостном настроении он поехал встречать Новый год…».

Интересно, если бы девушка согласилась отправиться с ним на ту вечеринку, как бы он ее представил Марине Влади? Может быть, он уже был готов к тому, чтобы расставить все точки над «i» в своем браке с ней? Или, может, Влади уже знала об этом романе и терпела его ради каких-то высших целей? По словам некоторых людей из окружения Высоцкого известно, что именно тогда жена писателя Э. Володарского Фарида поведала Влади о том, что у Высоцкого есть молодая любовница. Но Влади, чрезвычайно ревнивая женщина, почему-то не разорвала отношения с мужем. Что же ее удерживало от этого шага — любовь к Высоцкому или нечто иное?

Итак, последний в земной своей жизни год герой нашего рассказа встретил на даче у Эдуарда Володарского под Москвой. Среди приглашенных, кроме Высоцкого и Влади, также были Всеволод Абдулов, Валерий Янклович, писатели Василий Аксенов, кинорежиссер Андрей Тарковский с женой Ларисой, Юрий Трифонов с женой Ольгой. Последняя позже будет вспоминать: «Этот прошедший нелепо и невесело праздник, как и считается по поверью, определил весь год. Что-то разделяло всех. Теперь понимаю что — роскошь и большая жратва. Мне кажется, что и Тарковский, и Высоцкий, и Юра чувствовали себя униженными этой немыслимой гомерической жратвой… Все было непонятно, все нелепо и нехорошо…».

После обильного застолья Высоцкий внезапно «заводится»: у него кончились наркотики, и он решает срочно ехать в Москву. Но рядом находится жена, которая пока не догадывается (или все-таки знает, но ловко это скрывает?) о болезни мужа. И Высоцкий в очередной раз идет на обман: просит Янковича придумать подходящую причину для отъезда. Тот придумывает: мол, ему надо успеть в театр на утренний спектакль. Влади отпускает Высоцкого отвезти Янковича на своей машине, но только до ближайшей трассы в сторону Москвы. В. Янклович вспоминает:

«Мы садимся в машину (Сева Абдулов тоже поехал) — и Володя гонит на скорости двести километров, не обращая внимания ни на светофоры, ни на перекрестки…

На Ленинском проспекте, прямо напротив Первой Градской больницы, машина врезается в троллейбус. Сева ломает руку, у меня сотрясение мозга. Подъезжает «скорая», Володя пересаживает нас туда, а сам на десять минут уезжает на такси. Вскоре появляется в больнице — поднимает на ноги всех врачей! Мне делают уколы, Севе вправляют руку. Первого января вся

Москва гудела, что Высоцкий насмерть разбился на своей машине».

И вновь отметим фантастическое везение Высоцкого: сколько раз он попадал в различные автомобильные аварии, и как с гуся вода — лишь одни царапины. Вот и тогда оба его пассажира пострадали, а он нет. Может, потому что вовремя сумел вывернуть руль, и машина ударилась той стороной, где сидели его друзья?

Несмотря на то, что в тот же день Высоцкий съездил в ГАИ и подарил ее начальнику свою пластинку с автографом, дело об аварии все-таки завели. И еще потребовали возместить троллейбусному парку ущерб в размере… 27 рублей 25 копеек.

Так, со всенародных слухов о его смерти, начинался для Владимира Высоцкого год 1980-й — год високосный, по восточному гороскопу — год Обезьяны, тот самый, про который древние астрологи говорили: «Обезьяна умирает в год Тигра, а Тигр умирает в год Обезьяны». Владимир Высоцкий по своему гороскопу родился на стыке года Быка и Тигра.

Несмотря на то, что у нашего героя было сильно поцарапано лицо, отгулов театре ему никто не дал. И уже 3 января он вышел на сцену в роли Лопахина в «Вишневом саде». Еще он каждый день бывает в больнице, навещая своих друзей, и следит за ремонтом своего «мерседеса», который находится на 7-й станции техобслуживания. Но то, как движется ремонт, его не удовлетворяет. Ему заявляют, что обслужат в порядке общей очереди, а Высоцкому хочется, чтобы это произошло быстрее — без машины он как без рук, а пока его возит на своем авто Владимир Шехтман. Он пытается припугнуть начальника станции своими высокими связями, но тот на угрозы не поддается.

4 января Марина Влади решает навестить в больнице Всеволода Абдулова. В качестве ее спутника выступает Шехтман. Однако до больничной палаты дойти им было так и не суждено. Как только Влади вошла в главный корпус больницы (а этому зданию было свыше ста лет) и увидела обшарпанные стены, она тут же повернула назад. Шехтману же объяснила, что у них во Франции в таких больницах лежат самые бедные. «Я туда не пойду! — заявила Влади. — У меня испортится настроение на весь приезд».

В эти самые дни из Ижевска прилетел полковник Кравец, который вел дело о прошлогодних незаконных концертах Высоцкого. Первым делом он едет в больницу к Янкловичу для обстоятельного допроса, хотя не имеет на руках никакой законной санкции на это. Из-за этого между ним и приехавшим в больницу Высоцким происходит серьезная словесная перепалка.

Кравец тут же составляет бумагу на артиста с обвинениями его в том, что он сознательно устроил аварию, чтобы укрыть в больнице свидетеля по делу — Янкловича. Высоцкий предпринимает ответные шаги: жалуется на Кравца генералу МВД В. Илларионову, который был консультантом на фильме «Место встречи изменить нельзя». Тот звонит следователю и требует объяснений. На это Кравец отвечает: мол, вас ввели в заблуждение, и вообще Высоцкий все время козырял вашим именем и говорил, что сгноит нас в тюрьме. Генерал этим объяснениям поверил и приказал своим помощникам Высоцкого к себе больше не пускать.

7 января Высоцкий кладет на стол Любимову заявление с просьбой дать ему годичный отпуск в театре, объясняя это тем, что он хочет заняться кинорежиссурой. Причем речь идет вовсе не о фильме «Каникулы после войны» («Венские каникулы») — международном проекте, с которым Высоцкий хотел покорить Запад и Голливуд. Этот проект заглох еще во второй половине прошлого года по независящим от Высоцкого причинам — из-за ухудшения советско-американских отношений. После того как администрация Д. Картера дала «добро» на создание новой самой мощной американской ракеты «МХ» в конце июня 1979 года, советская сторона выступила с резким заявлением — ведь теперь надо было тратить миллионы рублей на идентичный ответ, и хрупкое равновесие было нарушено. И все кинопроекты, начатые в начале 79-го — фильмы Ф. Копполы, С. Герасимова, В. Высоцкого — были заморожены. А когда в декабре того же 79-го грянули афганские события, про них и вовсе благополучно забыли.

Поэтому Высоцкий задумал новый кинопроект — уже у себя на родине: решил снять на телевидении, в объединении «Экран», фильм «Зеленый фургон» по одноименной книге Е. Казачинского. Еще в 1971 году он участвовал в радиопостановке по этой книге — озвучивал роль Красавчика, и с тех пор загорелся желанием сыграть эту же роль в собственной экранизации.

9 января из Москвы во Францию улетает Марина Влади. Заметим — улетает одна, без Высоцкого. Хотя до этого на протяжении последних нескольких лет он почти ежегодно в начале года выезжал вместе с ней. Так было в 1975 году (отъезд 24 января), в 1977-м (отъезд в конце февраля), в 1978-м (отъезд 12 января), в 1979-м (отъезд 10 января). Но в 1980 году все уже было иначе. Обнаружилось, что Высоцкий употребляет наркотики, и его высокие покровители решили «умыть руки» — отреклись от Высоцкого, что могло было быть воспринято им болезненно. А тут еще и отношение коллег к нему становилось

все хуже и хуже. Я уже упоминал о том, что эстрадники сделали на него несколько злых пародий — А. Дольский, А. Хайт и Г. Хазанов, назвавшие его «злой черепахой, клевещущей на свое болото»; коллеги таганковцы мстят молчаливым презрением, а в начале 1980 года к этому сонму добавились еще и столичные литераторы. У последних к Высоцкому те же претензии, что и у остальных: слишком много благ перепадает «гонимому» Высоцкому от власть предержащих. Причем в глаза Высоцкому эти претензии стараются не высказывать, опасаясь не только его гневной реакции, но и тех, кто его «крышует», а делают ему больно исподтишка.

Например, 20 января Высоцкий должен был присутствовать в Центральном доме литераторов на творческом вечере братьев-детективщиков — писателей Аркадия и Георгия Вайнеров. Наш герой решает ехать туда не один, а со своими друзьями — Вадимом Тумановым и его сыном. Однако последних в зал не пустили под предлогом того, что в пригласительном билете значится только одна фамилия — Высоцкого. Наш герой пытался добиться разрешения ситуации мирным путем, но билетеры были непреклонны. Тогда барда прорвало: он разразился такой руганью, что задрожали стены старинного особняка. В итоге, исполнив со сцены всего одну песню — сделать это его заставило чувство уважение к Вайнерам, Высоцкий развернулся и покинул высокое собрание, возмущенный происшедшим до глубины души.

Два дня спустя, 22 января, Высоцкий впервые в своей жизни записывается с собственными песнями на Центральном телевидении, в передаче «Кинопанорама». Здесь стоит отдельно поговорить о взаимоотношениях Высоцкого с советским ТВ, поскольку в этом вопросе тоже существует множество мифов. И главный из них озвучило руководство Музея В. Высоцкого в Москве. Дословно это звучит так: «Высоцкий занял в рейтинге исторических личностей России XX века второе место после Юрия Гагарина без поддержки государственных СМИ». В этом утверждении невольно противопоставляются друг другу два советских кумира: с одной стороны — активно распиаренный всеми советскими СМИ первый космонавт Земли, с другой стороны — якобы всячески затираемый советскими СМИ этакий изгой Владимир Высоцкий. Конечно, последнего не пиарили так же активно, как Юрия Гагарина (что, кстати, шло барду во благо), однако и утверждать, что советские СМИ не поддерживали Высоцкого, тоже нельзя. Взять, к примеру, то же телевидение.

Бытует мнение, что Высоцкого советское ТВ всячески игнорировало. Но тут нужно внести ясность — какого Высоцкого? Например, Высоцкого-певца, действительно, увидеть было почти

невозможно. Но здесь была вина не столько ТВ, сколько самого Высоцкого. Из воспоминаний очевидцев известно, что певцу неоднократно предлагалось участвовать в различных телепередачах вроде «По вашим письмам». Это была передача, выходившая каждую неделю, причем не один раз, а несколько, в которой известные артисты — эстрадные исполнители из разных стран — были представлены одной песней. Но Высоцкий каждый раз отказывался, мотивируя это тем, что неинтересно быть представленным на ТВ одной песней. И требовал разрешить ему снять целый концерт. Что было, мягко говоря, наглостью с его стороны. Дело в том, что на советском ТВ не было сегодняшней практики, когда отдельные артисты выступали с полноценными концертами. Исключение составляли лишь некоторые артисты, вроде Софии Ротару или ВИА «Песняры», да и то их концерты представляли собой документальные фильмы, которые проходили по категории «фильмы-концерты» продолжительностью 25–30 минут, где звучало 6–7 песен. Полноценных концертов на полтора часа ни у кого почти не было — даже у Аллы Пугачевой, которая тоже была представлена в самом конце 70-х 40-минутным фильмом-концертом, снятом в Эстонии. Хотя исключения, конечно, были. Например, Клавдия Шульженко с юбилейным представлением в Колонном зале Дома Союзов весной 1976 года. Но то Шульженко — патриарх советской песни!

Совсем иная картина была с представительством на советском ТВ Высоцкого-артиста. Здесь он был представлен в полной красе фильмами, в которых снимался в разные годы. В этом случае государственные СМИ в лице ТВ поддерживали его даже посильнее, чем отдельных народных артистов. И начался этот пиар во второй половине 60-х. Так, в 1969 году на широкий экран вышла лента «Хозяин тайги», где у Высоцкого была одна из главных ролей (Иван Рябой). В прокате ленту посмотрели 26 миллионов 800 тысяч человек. Но уже спустя год состоялась премьера этого фильма по Центральному телевидению — по Первой программе, и эту трансляцию уже посмотрели порядка 150 миллионов человек. Чем не популяризация Владимира Высоцкого?

В 1971 году по ЦТ показали три фильма с участием Высоцкого, причем один фильм дважды — «Карьера Димы Горина». А в 1972 году было показано уже семь (!) «высоцких» фильмов: «Увольнение на берег» (эпизод), «Ждите писем» (эпизод), «Сверстницы» (эпизод), «Стряпуха» (роль второго плана), «Живые и мертвые» (эпизод), «Хозяин тайги» (главная роль), «Карьера Димы Горина» (роль второго плана).

В 1973 году — два фильма: «Служили два товарища» (главная

роль), «713-й просит посадку» (роль второго плана); в 1974 году — три фильма: «Сверстницы» (эпизод), «Увольнение на берег» (эпизод), снова «Хозяин тайги» (главная роль); в 1975 году — пять фильмов: «Служили два товарища» (главная роль), «Живые и мертвые» (эпизод), «Карьера Димы Горина» (роль второго плана), «Плохой хороший человек» (премьера на ЦТ, главная роль), «713-й просит посадку» (роль второго плана), а в фильме «Иван Васильевич меняет профессию», премьера которого на ЦТ прошла 31 декабря, звучала песня в исполнение Высоцкого «Моя цыганская»; в 1976 году — три фильма: «Стряпуха» (роль второго плана), «Увольнение на берег» (эпизод), «Ждите писем» (эпизод). 7 мая 1976 года по ЦТ была показана «Кинопанорама», в которую был включен сюжет все о том же фильме «Бегство мистера Мак-Кинли» — в частности, был показан отрывок, где Высоцкий исполнял песню в образе уличного певца Билла Сигера; в 1977 году — шесть фильмов: «Служили два товарища» (главная роль), «Хозяин тайги» (главная роль), «Вертикаль» (роль второго плана, в фильме также звучали четыре песни Высоцкого в его же исполнении), «Живые и мертвые» (эпизод), «Карьера Димы Горина» (роль второго плана), «Ждите писем» (эпизод). В 1978 году на экраны вышли четыре фильма, причем три из них в одном месяце — в августе: «Увольнение на берег» (эпизод), «Наш дом» (эпизод), «Сверстницы» (эпизод), «Стряпуха» (роль второго плана); в 1979 году — три фильма (вернее семь, поскольку среди них был 5-серийный сериал, растянувшийся почти на шесть часов показа): «Служили два товарища» (главная роль), «Бегство мистера Мак-Кинли» (роль второго плана, в фильме звучало несколько песен Высоцкого), 5-серийный сериал «Место встречи изменить нельзя» (главная роль).

Подведем итоги. За целое десятилетие (1970–1979 годы) по советскому ТВ было показано 37 фильмов с участием Высоцкого, в 9 из них он играл главные роли, в среднем получается по 3,5 фильма в год — весьма неплохой показатель для «жертвы режима». Из этих фильмов чаще всего показывали: «Карьеру Димы Горина» (5 раз; роль второго плана), «Хозяина тайги» (4 раза; главная роль), «Служили два товарища» (4 раза, главная роль), «Увольнение на берег» (4 раза, эпизод), «Стряпуху» (3 раза, роль второго плана).

В 1980 году по ЦТ состоялась еще одна большая премьера — сериал «Маленькие трагедии», где у Высоцкого была главная роль. Таким образом, из 10 фильмов, где у Высоцкого были главные роли (один из них, «Интервенция», долго лежал на полке), по советскому ТВ при его жизни были показаны 5 — ровно половина.

На основе этих фактов разве можно сделать вывод, что советское телевидение не популяризировало актера Высоцкого? На советском ТВ даже был снят 55-минутный фильм о нем — «Парень с Таганки», 1973 год, Эстонское телевидение.

Кроме этого, в печатных СМИ СССР при жизни Высоцкого вышло несколько десятков статей, где речь шла о его киноролях. Ведь актер за два десятка лет своей работы в кино снялся в 31 фильме. Отметим, что все они снимались не на частных киностудиях — таковых в СССР, опять же, не было, а на государственных. Это были главная киностудия страны «Мосфильм» (там вышло 14 фильмов с участием Высоцкого), Одесская киностудия (5 фильмов), «Ленфильм» (4 фильма), «Беларусьфильм» (3 фильма), Киностудия имени Горького (2 фильма). В этих лентах Высоцкий исполнил 10 главных ролей — то есть ровно треть из 31 фильма, в которых он снимался.

Не обижало советское ТВ и жену Высоцкого — Марину Влади. Правда, только в период с 1971 по 1974 год, когда фильм «Сюжет для небольшого рассказа», где у нее была главная роль, показали в «ящике» 5 раз: в 1971 году — один раз (премьера), в 1972-м — два раза, в 1973-м и 1974-м — по одному разу.

Или возьмем другое советское СМИ — радио. За десять лет (1970–1980) свет увидели 11 радиоспектаклей с участием Высоцкого, в которых он играл как эпизодические, так и главные роли. Кроме этого, по советскому радио в разных передачах неоднократно крутились песни Высоцкого, вышедшие на пяти его миньонах; всего при жизни певца вышло 14 его грампластинок, которые, кстати, выпускала государственная организация — фирма грамзаписи «Мелодия».

Таким образом, поддержка советских государственных СМИ у Высоцкого была, как бы кто ни пытался доказать обратное. Просто Музею Высоцкого вместе с его руководством выгодно представлять В. С. Высоцкого в роли жертвы режима, вечно гонимого советскими властями артиста, поскольку все это четко укладывается в тот либеральный миф, который вот уже более 30 лет культивируется у нас в отношении Высоцкого. Им невыгодно рассказывать о том, как советское государство посредством своих СМИ популяризировало Высоцкого. Им гораздо важнее показать, что оно его всячески гнобило и преследовало.

Но вернемся к событиям начала 1980 года, когда наш герой впервые снялся с концертом передаче «Кинопанорама». Эта запись была фактом знаменательным, имеющим прямое отношение к разным граням взаимоотношений советских властей с Высоцким.

Грань первая — политическая, имеющая отношение к

афганской проблеме. Как мы помним, ввод советских войск в Афганистан в конце декабря прошлого года активизировал радикальные настроения как в диссидентском движении в СССР, так и в среде либеральной интеллигенции. В итоге советские власти в середине января 80-го приняли решение отправить в ссылку в город Горький главного «смутьяна» среди советских диссидентов — академика Андрея Сахарова.

Об этом решении весьма оперативно стало известно всем диссидентам и либералам, что еще больше наэлектризовало эту среду. Чтобы сбить этот накал и умаслить наиболее активных инакомыслящих из среды творческой интеллигенции, определенные силы во власти, не все, конечно, и приняли решение сделать поблажки тому же Высоцкому.

Грань вторая — психологическая. Скорее всего, она была вызвана желанием кураторов Высоцкого по международной линии умаслить артиста после свертывания его активной зарубежной деятельности, связанной с тем, что вскрылось пристрастие Высоцкого к наркотикам. Ему было разрешено записать студийный концерт для показа по ЦТ (эта запись совпадет с днем высылки Сахарова), а также в ускоренном темпе начала решаться проблема с присвоением ему звания Заслуженного артиста РСФСР. Однако оба проекта сорвутся по вине самого Высоцкого. Начнем с «Кинопанорамы»

Ее съемка проходила ночью, когда все высокое начальство давно уже разъехалось по домам (но наверняка знало о предстоящей записи), и кроме съемочной бригады в студии никого не было. И хотя Высоцкий чувствовал себя неважно — в кадре это прекрасно видно, однако желание оставить свои записи для потомков пересилило все сомнения. Запись продолжалась в течение нескольких часов. Могли бы уложиться и раньше, но Высоцкий ближе к концу записи стал забывать текст: кончилось действие наркотика, ему надо было вколоть новую дозу, но сделать это в студии, сами понимаете, было невозможно. В ту ночь были исполнены следующие песни: «Мы вращаем Землю», «Парус», «Жираф», «Песня о Земле», «Утренняя гимнастика», «Дорогая передача», «Про Кука», «Баллада о любви» и др.

После съемки Высоцкий пришел в аппаратную и попросил показать всю запись. Отказать ему, естественно, не посмели. Увиденным он остался доволен: «Как я рад, что мы это сняли и что это теперь останется на пленке». Однако уже на следующий день его мнение изменилось. Тот же И. Шевцов вспоминает слова Высоцкого:

«Ну, сделали запись. Я час с лишним, как полный… выкладывался. А потом она (ведущая «Кинопанорамы» Ксения

Маринина. — *Ф. Р.*) подходит и говорит: «Владимир Семенович, вы не могли бы организовать звонок к Михаилу Андреевичу Суслову?». Я аж взвился: «Да идите вы!.. Стану я звонить! Вы же сказали, что все разрешено?» — «Нет, но…»».

На следующий день (23 января) Высоцкий должен был вновь появиться в Останкино, чтобы принять участие в съемках сюжета для той же «Кинопанорамы», где речь должна была идти о сериале «Место встречи изменить нельзя»; вместе с ним в кадре должны были также выступать режиссер Станислав Говорухин и его партнер по фильму Владимир Конкин. Однако Высоцкий на этой съемке так и не объявился, по сути, обманув Маринину: пообещал ей приехать чуть позже — дескать, надену другой костюм, но так в студии и не объявился. Спрашивается, почему? Судя по всему, дело было все в той же политике. В тот день стало известно, что накануне власти выслали в Горький Андрея Сахарова, и Высоцкий был настолько возмущен этим событием, что даже собирался ехать к академику, чтобы выразить ему публичную поддержку. Присутствовавшему здесь же Вадиму Туманову с трудом удалось отговорить друга от этого рискованного шага. Тогда Высоцкий «кинул» телевизионщиков, поскольку догадывался, что нынешний его допуск на ЦТ мог быть хитрым ходом властей по выпусканию пара из диссидентского котла. Кстати, именно этим отказом Высоцкого можно объяснить тот факт, что его часовой концерт для «Кинопанорамы» был в итоге положен на полку.

Что касается присвоения звания заслуженного артиста РСФСР, то Высоцкий сам отказался оформлять на него документы. Так и заявил заведующей отделом кадров «Таганки»: мол, я еще не заработал. Лукавил, конечно, — просто понимал откуда «дует ветер» и расценил это как подачку. Будучи человеком гордым, он решил доказать ИМ, что способен справиться со своей проблемой и без подачек. А тут еще некоторые друзья начали от него уходить. Например, Всеволод Абдулов так и сказал: «Володя, смотреть на то, как ты умираешь, я не могу. И не буду. Поэтому я ухожу. Если понадобится — звони, я появлюсь и все сделаю. Но просто присутствовать при твоем умирании — не буду».

В итоге Высоцкий делает отчаянный шаг, чтобы побороть болезнь и вернуть себе доверие не только близких друзей, но и своих недавних патронов по международной деятельности. Он надеется, что там еще не все потеряно, что ему зачтутся его прошлые заслуги. И сразу после своего дня рождения (25 января ему исполнилось 42 года) вместе с врачом Анатолием Федотовым закрывается на несколько дней у себя на квартире. А. Федотов

рассказывает:

«В январе 1980 года мы с Высоцким закрылись на неделю в квартире на Малой Грузинской. Я поставил капельницу — абстинентный синдром мы сняли. Но от алкоголя и наркотиков развивается физиологическая и психологическая зависимость. Физиологическую мы могли снять, а вот психологическую… Это сейчас есть более эффективные препараты. Да, сила воли у него была, но ее не всегда хватало…».

Об этом же слова В. Янкловича: «Высоцкий запирается вместе с врачом. Врач пытается что-то сделать. День, два… На третий день — срыв. Ничего не помогает — так делать нельзя. Даже врачи уже не верили в успех…».

Высоцкий продолжает концертировать, однако дальше Москвы и области власти (КГБ) его не выпускают — как говорится, на всякий случай. Вот он и курсирует между столицей и ближайшими городами вроде Жуковского, Долгопрудного, Троицка.

Между тем, на Высоцкого продолжают сыпаться дары от власть предержащих. В начале февраля 1980 года состоялся суд по факту автоаварии от 1 января с участием Высоцкого. Он отнесся к артисту весьма снисходительно и вынес ему наказание мягче не бывает — общественное порицание плюс обязал его… быть особо внимательным за рулем.

Чуть позже будет поставлена и финальная точка и в «ижевском деле». В столице Удмуртии состоится суд, который закончится для Высоцкого благополучным исходом: к нему никаких претензий нет, зато нескольких администраторов, проводивших его концерты в Ижевске в апреле 1979 года, приговаривают к различным срокам заключения. Один из осужденных в сердцах даже обещает приехать в Москву и… взорвать Высоцкого вместе с его «Мерседесом».

Судя по всему, благополучные приговоры двух судов в отношении Высоцкого явились актом благодарности со стороны его патронов-международников за его прошлые заслуги. Задача сделать из Высоцкого гонимого (а в этом случае тот же ижевский суд мог бы вынести более суровый приговор — например, назначить ему большой денежный штраф, а пресса могла бы вынести это дело на суд широкой общественности) перед Старой площадью уже не стоит, поскольку отправлять в США наркомана никто, естественно, не собирается.

Однако в разгар ижевского суда, 24 марта, Высоцкий наконец-то выезжает за границу. Но не в США, а в Италию, где в фильме Катрин Бине «Игры графини Долинген де Грац» по «Дракуле» Б. Стокера снимается Влади. Почему же его все-таки

выпустили? Судя по всему, советские верхи решили пойти ему навстречу в желании побороть наркоманию, но не у себя на родине, а во Франции, где гораздо больше специалистов, чем в СССР, где эта проблема еще не столь актуальна. Правда, перед самым отлетом был разыгран спектакль, где Высоцкий предстал не в лучшем свете.

В качестве провожающих с ним были двое: Иван Бортник и Валерий Янклович. Далее послушаем их рассказ, опубликованный в книге В. Перевозчикова «Правда смертного часа» (1998).

В. Янклович: «Обычно Высоцкого не досматривали, во всяком случае, при мне это было в первый раз (что лишний раз говорит о то, каким доверием пользовался Высоцкий у власть предержащих. — *Ф. Р.*). Таможенник спросил:

— Владимир Семенович, Вы везете что-нибудь, не внесенное в декларацию?

Володя ответил:

— Нет.

— Вы точно это знаете?

— Да.

Таможенник вздохнул и сказал:

— Откройте чемодан.

Володя открывает чемодан. Наверху лежала шкурка соболя и картина, кажется, Тышлера. Кроме того, он вез Марине кольцо ленинградской работы. Шкурку он смог отдать мне. А картину и кольцо конфисковали. Еще у Володи в кармане был наркотик в пузырьке из-под сердечных капель… Его отправляют на личный досмотр и он рукой прямо в кармане раздавил этот пузырек. Порезался, потекла кровь…»

И. Бортник: «Володя открыл чемодан, там — соболя… Стоим у барьера, и вдруг — три особиста! Таможенник — раз! — этих соболей мне под пиджак! Вовка стоит белый как полотно… Пузырек раздавил в кармане, осколки впились в руку… Кровь… А они там стали что-то искать — «Метрополь», что ли? У Володи отобрали тогда какое-то золотое изделие и еще что-то…».

Итак, что это было — почему в прошлые разы Высоцкий улетал за границу без досмотра, а в марте 80-го его решили досмотреть? Изменилась ситуация. Если раньше Высоцкий вылетал по линии международных акций Старой площади и мог чувствовать себя более свободно, то теперь его целью должно было стать лечение. А какое, к черту, лечение, если Высоцкий пытался провезти с собой наркотики и «наверху», судя по всему, об этом прекрасно знали? Значит, наркотики за рубеж утечь не должны были. Что, собственно, и произошло.

Однако Высоцкий был возмущен произошедшим, а именно —

конфискацией у него вещей, которые были определены как контрабанда. Но была ли это действительно контрабанда — например, культурных ценностей (картина), товаров животного и растительного происхождения, относящихся к категории объектов фауны и флоры (шкурки)? Что, например, по этому поводу говорил советский Уголовный кодекс? Читаем выдержку из статьи 78-ю УК РСФСР: «Контрабанда, то есть перемещение через таможенную границу Российской Федерации, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля, либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации, либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием, наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, радиоактивных и взрывчатых веществ, вооружения, взрывных устройств, огнестрельного оружия, боеприпасов к нему (кроме гладкоствольного охотничьего оружия, патронов к нему), ядерного, химического, биологического и других видов оружия массового поражения, материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения и в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу Российской Федерации, стратегически важных сырьевых товаров, в отношении которых установлены соответствующие правила вывоза из Российской Федерации, а также предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран, — наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет с конфискацией имущества…».

Кстати, в феврале 1978 года в эту статью было внесено добавление: «Разъяснить судам, что: а) под незаконным перемещением товаров или иных ценностей через государственную границу СССР надлежит признавать перемещение, совершенное помимо таможенных учреждений без соответствующего на то разрешения, т. е. вне мест и времени, определенных этими учреждениями, либо с сокрытием от таможенного контроля этих предметов. В частности, заведомое несообщение таможенному контролю сведений о предметах, подлежащих обязательному объявлению или предъявлению; перемещение предметов способами, затрудняющими их обозрение и обнаружение; предъявление предметов не своим наименованием и т. п…».

Еще за пять лет до этого, в 1975-м, из-под пера Высоцкого появилась песня «Случай на таможне», где есть строчки:

Как хорошо, что бдительнее стало, —

Таможня ищет ценный капитал —
Чтоб золотинки с нимба не пропало,
Чтобы гвоздок с распятья не пропал!..

Отметим, что московский художник Александр Тышлер, картину которого Высоцкий не задекларировал, умрет чуть раньше певца — 23 июня 1980 года. Его картины за рубежом стоили больших денег. Разброс цен был следующий: в том же 80-м одну картину Тышлера на Западе продали за 80 тысяч долларов, другую — за 120 тысяч. В наши дни эти суммы многократно возросли. Что, впрочем, не останавливает людей от их вывоза за границу. Вот, например, что сообщала лента новостей 24 августа 2009:

«В столичном аэропорту Домодедово один из пассажиров пытался вывезти из России картины русских художников. Об этом, как передает ИТАР-ТАСС, сообщили в пресс-службе Федеральной таможенной службы (ФТС) РФ. При оформлении пассажирского рейса в Вену таможенники досмотрели чемодан одного из пассажиров, в нем были обнаружены картины известных художников конца XIX — середины XX веков, в том числе Бенуа, Васнецова и Тышлера, а также предметы декоративно-прикладного искусства, быта и столового обихода в количестве 18 штук. Эксперты Россвязьохранкультуры заключили, что данные предметы являются культурными ценностями.

«В действиях пассажира усматриваются признаки преступления, предусмотренного статьей 188 УК РФ — «Контрабанда», — добавил представитель ФТС»».

Но вернемся к Высоцкому.

В тот же день, когда с ним случился скандал в аэропорту, он позвонил одному из своих «крышевателей» — высокому чиновнику из министерства внешней торговли: заместителем министра там был родной брат генсека Юрий Брежнев, с которым наш герой тоже был знаком. Тот посоветовал написать объяснительную на имя министра Патоличева. Высоцкий так и сделал. В итоге вещи ему вернули, что было логично: видимо, целью было припугнуть певца и лишить наркотиков, но отнюдь не препятствовать его вылету к Влади, которой было дано слово, что супруга к ней выпустят. Тем более в свете того, что именно в марте 80-го Жорж Марше загорелся идеей провести конференцию компартий, и в Париж отправился Вадим Загладин.

В Венеции, где снималась Влади, между нею и Высоцким состоялся серьезный разговор. Влади в своих мемуарах пишет, что именно тогда впервые узнала о наркотиках в жизни мужа. Но в это верится с трудом, учитывая, что Влади была «в теме» — у

нее старший сын был наркоманом. Влади пишет:

«…Ты говоришь мне, что обязательно поправишься, и чувствуешь сам, что это — конец.

— Я возьму себя в руки. Как только приеду в Париж, мы начнем соблюдать режим, мы будем делать гимнастику, вся жизнь еще впереди.

В конце концов нам всего по сорок два года! Ты обещаешь, что к моему дню рождения в мае «все будет в порядке»…».

Высоцкий и в самом деле надеется, что сумеет взять себя в руки, поскольку от этого зависит его благополучие в дальнейшем. Он еще не догадывается, что наркотики превратили его в безвольного человека: он мог дать слово и через день уже об этом обещании забыть. Поэтому, вернувшись в Москву 21 марта, он уже очень скоро снова начинает «колоться». Колет не в вены, а в мышцы, чтобы не было особо заметно. Причем никого уже не стесняется. Так, будучи в Ленинграде у Кирилла Ласкари, попросил у его жены шприц. К. Ласкари пишет:

«Такового в доме не было. На ее вопрос «зачем?» — сослался на горло: плохо со связками. Пошли с Ирой на бульвар Профсоюзов, в косметическую поликлинику. Одна из сестер его узнала и дала шприц. Дома ушел в ванную комнату и плотно закрыл дверь. Оттуда до Иры доносился его хрип. Потом поцеловал ее и умчался обратно в Москву…».

Причем умчался, оставив на столе записку со своими стихами, в конце которых значилось:

А я теперь на выручку
К Мариночке лечу…

Какая там Мариночка, когда шприцы опять идут в дело? Хотя остатки воли еще остаются. Как и надежда на то, что бывшие патроны со Старой площади вернут его в дело, поскольку без него, без постоянного риска, жизнь ему кажется никчемной и постылой. Как говорил Володя Шарапов из «Места встречи…», имея в виду бандита Фокса, мол, жизнь без риска для него, что еда без соли. Вот и Высоцкий по-настоящему страдал без риска и приключений. И вовсе не друзья заставили его лечиться, а отсутствие смысла в жизни. Настоящих друзей у него и не было вовсе — такие люди всегда одиноки. Вот и В. Янклович говорит о том же:

«Практически ни с кем из нас Володя не чувствовал себя свободным, даже с нами — ближним кругом…».

Действительно, какая может быть свобода, когда надо все время таиться и скрывать свои мысли даже от ближнего круга людей!

В конце апреля Высоцкий предпринимает еще одну попытку вылечиться. Рассказывает врач Института скорой помощи имени Склифосовского Леонид Сульповар:

«И я начал искать, что можно еще сделать. Единственный человек, который этим тогда занимался, был профессор Лужников. К нему я и обратился… У меня была надежда большая — и я Володю в этом убедил, что мы его из этого состояния выведем. Лужников разрабатывал новый метод — гемосорбцию (очистка крови). Я договорился…».

Вспоминает В. Янклович: «В Москве Володе впервые в Союзе делают гемосорбцию. Сульповар договорился с профессором, который занимался этим. Профессор попросил Володю обо всем рассказать откровенно, иначе не имеет смысла пробовать… Володя рассказал все: когда, сколько и как… Когда он может бороться, а когда нет… Решили попробовать. Володя остался в больнице — гемосорбцию сделали…» (Это произошло 23–24 апреля. — *Авт.*).

Свидетель тех событий врач А. Федотов продолжает рассказ:

«Кровь несколько раз «прогнали» через активированный уголь». Это мучительная операция, но он пошел на это. Но гемосорбция не улучшила, а ухудшила его состояние. Мы зашли к нему в больницу на следующий день. Он был весь синий.

— Немедленно увезите меня отсюда!».

После этой неудачи руки у Высоцкого опустились окончательно. И ситуация стремительно покатилась к своей трагической развязке. У безвольного и больного человека и дом превращается в проходной двор, в «неродящий пустырь» по Высоцкому — новых произведений он уже давно не пишет, а если и берется за ручку, то урывками. В этом доме двери (а они были снабжены множеством сложных замков) уже открыты настежь, там куролесят гулящие девки, а шприцы разбросаны по полу. Вспоминает О. Афанасьева:

«2 мая Володя должен был приехать за мной. Жду его дома на Яблочкова. Нет. Звоню, подходит Янклович. «Не волнуйся, все нормально, мы тебе позвоним». — «А где Володя?» — «Он не может подойти» — «Я сейчас приеду» — «Нет-нет, не вздумай».

Беру такси, через 10 минут вхожу в квартиру, там — е-мое: столы грязные, посуда, бутылки — настоящее гулялово. Захожу в спальню. Там Даль спит с какой-то бабой. Кошмар, вертеп, воронья слободка. Я хочу войти в кабинет, и вдруг оттуда выходит девка, мне знакомая, — в рубашке, босая. Я зову ее на кухню: «Ира, значит так: я сейчас уезжаю. Я приеду в половине третьего. В половине третьего в квартире должна быть идеальная чистота, и помойка вынесена, и вас, блядей, не должно быть здесь

даже духу». И уезжаю. Пошла на рынок. Через полтора часа звоню: «Все убрали?» — «Да» — «Хорошо. Можете спускаться».

Я приехала — девственная чистота в квартире, девственно на кровати спит Володя, в другой комнате спит одинокий Даль. Он проснулся, вышел, и я первый раз в жизни видела, как у человека трясутся руки, и он пьет, держа стакан водки через шею на полотенце (в спектакле БДТ «Энергичные люди» по В. Шукшину это с блеском показывал актер Евгений Лебедев. — *Авт.*). У Володи такого не было. Я Володе потом ни слова не сказала, он извинялся. Еще потом был такой же неприятный эпизод — вот и все за два наших года…».

10 мая Высоцкий вылетает в Париж, хотя уже почти не верит в удачу. Сильные мира сего снова отпускают его в эту поездку, поскольку Влади приступает ко второй стадии своего плана: хочет уложить мужа в парижскую клинику «Шарантон». Там несколько лет назад лежал ее старший сын Игорь, и это лечение благотворно сказалось на его самочувствии. То же самое теперь предполагалось проделать и с Высоцким. Но поскольку воли у него уже не осталось, он опять «начудил».

Позвонил Влади и сказал, что встречать его не надо, мол, доеду сам. И не доехал — прямо из аэропорта Орли завис в ресторане «Распутин» со случайными знакомыми. Влади, которая безуспешно прождала его несколько часов дома, взяла с собой своего среднего сына Петю и отправилась на поиски мужа. Нашли они его в «разобранном» состоянии и на следующий день отвезли в «Шарантон».

Тем временем, Театр на Таганке готовился к майским выступлениям в Варшаве на смотре театров мира — фестивале «Варшавские встречи». На нем должен был быть представлен спектакль «Гамлет». И в это самое время из Парижа звонит Марина Влади и сообщает, что Высоцкий лег в клинику и приехать в Варшаву не сможет. По словам Валерия Янковича после этого звонка в театре поднялся невообразимый шум. «Из-за какого-то Высоцкого нас не пустят в Польшу!» — возмущенно говорили многие. Однако из страны их выпустили. Иначе и быть не могло: Польша тогда стояла на пороге больших социальных волнений, и в Кремле не хотели лишний раз злить тамошних либералов.

17 мая начались гастроли в Польше. Два дня спустя пришлось отменить «Гамлета» — нет Высоцкого. Однако дальнейшие отмены означали бы срыв всех гастролей, поэтому Любимов связался с Влади. И та разрешила Высоцкому лететь в Польшу. На календаре 22 мая. В аэропорт Высоцкого провожал Михаил Шемякин.

Приехав в Польшу, Высоцкий благополучно отыграл в своих спектаклях. После одного из представлений в варшавском Театре оперетты с ним встретился журналист польской газеты «Штандарт млодых» В. Сверч. Он попросил у Высоцкого интервью, но тот отказался из-за плохого самочувствия. А в конце беседы сказал фразу, которая станет для него роковой: «Приезжай в Москву! Сделаем такое интервью, что и Польша, и весь мир вздрогнут…». Спустя какое-то время перипетии этого разговора станут известны в КГБ — видимо, от варшавских коллег. И на Лубянке было от чего схватиться за голову. Ведь дело касалось большой политики: журналист-то был польский, а Польша в те дни была самым взрывоопасным местом в социалистической системе. Если бы Высоцкий «запел», польские оппозиционеры и стоявшее за ними американское ЦРУ не преминули бы воспользоваться этой удачей — извлекли бы из нее максимум выгоды.

30 мая Высоцкий возвращается в Париж, где он при поддержке все той же Влади предпринимает еще одну попытку «соскочить с иглы» — только на этот раз без помощи врачей, а полагаясь исключительно на собственную силу воли. Супруги уезжают на юг Франции, в маленький дом сестры Марины Одиль Версуа на берегу моря (сама сестра тоже смертельно больна, но только раком, и жить ей остается чуть больше трех недель. — *Ф. Р.*). Все спиртное из дома вынесено и спрятано в саду, Высоцкий сидит на пилюлях. Но сил его хватает ненадолго — как уже отмечалось, силы воли уже практически не осталось. В итоге — очередное поражение. Как пишет М. Влади, «И моя сила воли изнашивается как тряпка, меня охватывает усталость, и отчаяние заставляет меня отступить. Мы уезжаем…».

11 июня Высоцкий покидает Париж. Фактически Влади выставила супруга, поскольку он не оправдал ее ожиданий. Однако она находит в себе силы обнять мужа и произносит напутственные слова: «Береги себя. Будь осторожен. Не делай глупостей». Только они вдвоем понимают истинный смысл этого напутствия: их семья давно уже развалилась, но Влади совсем не хочется, чтобы один из них в результате этого потерял осторожность. Но Высоцкий уже потерял — еще в Польше. По словам Влади, «Мы уже далеко друг от друга. Последний поцелуй, я медленно глажу тебя по небритой щеке — и эскалатор уносит тебя вверх. Мы смотрим друг на друга. Я даже наклоняюсь, чтобы увидеть, как ты исчезаешь. Ты в последний раз машешь мне рукой. Я больше не увижу тебя. Это конец…».

Между тем Высоцкий летит не в Москву, а в Бонн, где живет его давний приятель Роман Фрумзон. У него он проводит сутки,

причем занимается тем, что накупает подарков своей любовнице Оксане Афанасьевой. По ее словам,

«И вот представьте меня во всех этих «диорах» и «ив-сен-лоранах» во времена жутчайшего дефицита, когда пара приличной обуви была проблемой. У меня было восемнадцать пар сапог, меня подружки так и представляли: «Знакомьтесь, это Оксана, у нее восемнадцать пар сапог»».

Из Бонна Высоцкий отправляется на родину. На Белорусском вокзале его встречали Оксана, Абдулов, Янклович и Шехтман: им позвонили из Бреста таможенники, с которыми Высоцкий в те часы выпивал и которым по пьяни раздарил много из тех вещей, которые он вез из загранки. Высоцкий приехал «никакой». Проводник, выскочивший на перрон и заметивший встречающих, тут же затараторил: «Быстро-быстро, забирайте его». Они забрали.

Спустя несколько часов из Парижа позвонила Влади, чтобы узнать, как добрался до дома Высоцкий. В квартире была супруга Янковича Барбара Немчик, которая даже не знала, что ответить. Пришлось соврать, что все нормально, и Высоцкий в данный момент спит. Но спустя какое-то время Влади опять позвонила и потребовала, чтобы муж взял трубку. На этот раз с ней разговаривал Янклович, он тоже попытался что-то соврать, но Влади была непреклонна: «Пусть он возьмет трубку!». Трубку Высоцкий так и не взял. Тогда Влади жестко произнесла: «Мне все ясно. Скажи ему, что между нами все кончено».

На следующий день они с Янковичем отправились в Склиф за «лекарством». Вспоминает врач С. Щербаков:

«У нас был такой «предбанник» — там стоял стол, за которым мы писали истории болезни, сюда же, в «предбанник», закатывали каталки. В ту ночь было полно больных. И вот открывается дверь, заходят Высоцкий и Янклович… Таким Высоцкого я никогда не видел. Он же всегда подтянутый, аккуратный, а тут… Небритый, помятый, неряшливо одетый — в полной депрессии.

Он вошел, сел на стул. Я — за столом, писал историю болезни. Высоцкий даже глаз не поднимал. Но раз приехал — ясно, зачем. Но уже было лето восьмидесятого, приближалась Олимпиада, и мы знали, что нас «пасут»… И договорились: «Все, больше не даем!». И Высоцкий знал об этом. Я ему говорю:

— Володя — все. Мы же договорились, что — все.

— Стас, в последний раз.

— Нет, уходи. Валера, забирай его.

А у Высоцкого чуть ли не слезы на глазах… И тут бригада «взорвалась» на меня!

— Стас! Ты что! Зачем заставляешь человека унижаться?!

А я говорю:

— А-а… Что хотите, то и делайте.

Повернулся и ушел. Со мной вышел Валера Янклович. И пока ребята оказывали «помощь», он мне сказал, что Володя в подавленном состоянии, что его выгнала Марина… Да, Высоцкий сказал мне, уже вслед:

— Стас, это в последний раз…».

Помня напутствие жены, Высоцкий становится крайне подозрителен. 13 июня он вдрызг разругался с одним из друзей — врачом Анатолием Федотовым. Что-то в поведении последнего ему показалось неуместным, и он выгнал его из дома. Однако спустя несколько дней Федотов был возвращен, поскольку он безропотно доставал Высоцкому наркотики, и другого такого безотказного человека надо было еще поискать. Наш герой сам позвонил врачу и извинился за грубость. И тот вновь стал вхож в его дом, что ускорило приближение трагической развязки.

18-22 июня Высоцкий дает серию концертов в подмосковном Калининграде. Выступает по четыре-пять раз в день, как в добрые старые времена. В один из тех дней он пытается дозвониться до Парижа, ему это удается, но Влади быстро прерывает разговор — у нее тяжело больна сестра Одиль, поэтому ей не до сантиментов.

Во время тех гастролей произошел случай, который вновь заставил друзей Высоцкого предпринять серьезные меры по его спасению из наркотического омута. На те концерты пришла женщина, у которой муж был врачом. Она каким-то образом знала о проблемах Высоцкого с наркотиками и предложила ему пройти обследование у ее мужа. И тот вынес убийственный вердикт: «Он живой мертвец. Ему жить осталось максимум два месяца». Вот почему 22 июня, когда Высоцкий был еще в Калининграде, Янклович отправился в Москву, где встретился с отцом Высоцкого Семеном Владимировичем. И уговорил его дать свое согласие на помещение сына в специальную больницу, где лечили наркоманов. Однако едва наш герой узнал об этом предприятии, он немедленно пресек его буквально на корню. Янковичу так и сказал: «Валера, если ты когда-нибудь подумаешь сдать меня в больницу, считай, что я твой враг на всю жизнь. Сева попытался однажды это сделать. Я его простил, потому что — по незнанию—.

23 июня Высоцкий вернулся в Москву, заработав на концертах около 6 тысяч рублей. В тот же день из Франции пришло горестное сообщение — умерла сестра Марины Влади Одиль Версуа. Влади попросила мужа приехать на похороны. Он пообещал, но так и не вылетел. Почему? Видимо, его просто не выпустили из страны, помня его поведение в Польше. За границу его теперь вообще больше не выпустят.

Конец июня не принес ни Высоцкому, ни его друзьям никакого успокоения. Высоцкий пил, иной раз мог вылить бутылку водки в фужер и залпом его осушить, ссорился с друзьями, которые пытались хоть как-то отвадить его от выпивки. Случится и серьезная «разборка» с Оксаной, правда, чуть позже. В Москву тогда прихала Марина из Калининграда — жена врача, который обследовал Высоцкого, и Оксане донесли, что у нее с Высоцким в Калининграде был роман. Оксана высказала возлюбленному все, что она о нем думает. Но Высоцкий сумел убедить ее, что никакого романа не было и в помине.

1-3 июля по ЦТ состоялась премьера фильма Михаила Швейцера «Маленькие трагедии». Высоцкий играл в нем Дон Гуана, который погибал после рукопожатия каменного Командора. Для Высоцкого это была символическая премьера, поскольку и в реальной жизни за его спиной маячила тень «каменного Командора» то ли со Старой площади, то ли с Лубянки.

Последние три недели жизни Высоцкого прошли для него как в угаре. Он уже мало был похож на того подтянутого, жесткого и волевого человека, каким был совсем недавно: например, когда проходил обследование на американском томографе в январе 1979 года. Теперь это был уже полутруп: безвольный, истеричный. В начале июля он должен был улететь к Вадиму Туманову, чтобы предпринять еще одну попытку «соскочить», но вместо этого ночью перед отлетом стал требовать у друзей наркотики, а когда те отказались, отправился за ними сам. Вернулся уже с пустой ампулой. А утром устроил в доме новый скандал, требуя очередную дозу. Вел себя безобразно: швырял книги, перевернул вещи вверх дном в поисках наркотика. И лететь к Туманову отказался.

11 июля В. Золотухин оставляет в своем дневнике следующие строчки: «…Высоцкий мечется в горячке, 24 часа в сутки орет диким голосом, за квартал слыхать. Так страшно, говорят очевидцы, не было еще у него. Врачи отказываются брать, а если брать — в психиатрическую; переругались между собой…».

В субботу, 12 июля, в краткий период своего просветления, Высоцкий везет свою юную возлюбленную Оксану Афанасьеву в ювелирный магазан «Самоцветы», что на Арбате, где они покупают обручальные кольца. Вот как об этом вспоминает администратор магазина Э. Костинецкая:

«Накануне прихода Высоцкий позвонил мне: «Элеонора Васильевна, я могу завтра прийти?». Интересно, что он решил явиться в субботу, когда директор и его зам были выходными. А ведь с нашим заместителем, Ольгой Борисовной, он был в

дружеских отношениях. Из этого я заключила, что он хотел как можно меньше привлечь внимания к своему визиту.

Пришел Высоцкий в сопровождении молоденькой девочки лет 18–19. Помню, она была одета в розовый костюм. И, глядя на нее, я тогда почувствовала жгучую ревность! Не женскую, нет. Просто для меня Высоцкий был этаким драгоценным камнем, к которому не надо было прикасаться. Выглядел он не очень… Я еще его спросила: «Володя, у вас, наверное, был вчера веселый вечер. Не желаете ли рюмочку коньячку?». Но его спутница твердо сказала, что, если он выпьет, она с ним никуда не поедет. Тогда я принесла бутылку минералки, которую Высоцкий и выпил. После чего сказал: «Мне нужно купить обручальные кольца для одного приятеля и его невесты». Я поинтересовалась размерами. «Точно не знаю, — сказал Владимир Семенович. — Но примерно как на меня и вот на нее…».

Я промолчала, лишь многозначительно посмотрела на него и позвонила в секцию, попросив принести лотки с обручальными кольцами. По моему совету, он выбрал обычные тоненькие колечки, без всяких наворотов. После чего пригласил меня на концерт: «Я вам позже сообщу, где он состоится, — сказал Володя. — Но обещаю, то это будет лучшее выступление в моей жизни!». Однако меньше через две недели его не стало…».

Желание Высоцкого обвенчаться было столь велико, что он полдня потратил на то, чтобы отыскать церковь, где бы согласились провести это мероприятие. Но везде им было отказано. Причина — в паспорте Высоцкого была отметка о регистрации законного брака.

Что это была за акция со стороны Высоцкого, до сих пор неясно. То ли он уже окончательно определился в своем выборе между Мариной и Оксаной, остановив выбор на последней, то ли просто хотел ее умаслить — ведь она уже почти два года была его любовницей и, видимо, уже тяготилась этой «должностью». Но если он действительно хотел порвать с Мариной, то должен был понимать, что этот поступок мог навсегда закрыть ему дорогу на Запад. Впрочем, эта дорога, ее активная сторона, как мы помним, по сути закрылась для него еще в конце 79-го, когда вскрылось его пристрастие к наркотикам.

18 июля Федотов достал Высоцкому очередную дозу наркотика. Отметим — в последний раз. Перед этим Федотов провел беседу с Высоцким и объяснил ему, что можно выйти из зависимости, перейдя на алкоголь, а про наркотики надо забыть. Высоцкий с этим согласился и на следующий день, досмотрев торжественное открытие в Москве 22-х летних Олимпийских игр, сорвался в запой. По словам А. Федотова,

«19 июля Володя ушел в такое «пике»! Таким я его никогда не видел. Что-то хотел заглушить? От чего-то уйти? Или ему надоело быть в лекарственной зависимости? Хотели положить его в больницу, уговаривали. Бесполезно! Теперь-то понятно, что надо было силой увезти…».

Здесь врач явно лукавил, поскольку есть масса свидетельств того, что именно он в первую очередь и не хотел, чтобы Высоцкого забрали в больницу. И эти свидетельства чуть ниже будут приведены.

20 июля Высоцкого навестил его сын Аркадий. Он в те дни поступал на физтех, у него неудачно складывались экзамены (две четверки), и он хотел попросить помощи у отца. Но та встреча оставила у парня не самые приятные впечатления. Вот его собственный рассказ:

«В середине дня отец проснулся. Он вышел из кабинета, увидел меня — очень удивился. Я сразу понял, что он действительно сейчас не в состоянии разговаривать…

На нем была рубашка с коротким рукавом, и в общем было видно, что дело там не только в алкоголе… А мама мне уже говорила, что с отцом происходит что-то странное, но я сам таким его ни разу не видел. Он стал говорить, что очень плохо себя чувствует, а я:

— Пап, давай подождем, пока придет Валерий Павлович…

Он прилег. Потом стал делать себе какие-то уколы — на коробках было написано что-то вроде «седуксена»… Он не мог попасть… Все это было ужасно… Ужасно. И настолько отец был тяжелый, что я стал звонить всем, чтобы хоть кто-то пришел!

И я могу сказать, что я звонил практически всем. Всем, чьи фамилии я знал. Взял телефонную книжку и звонил. Не помню, что сказали Смехов и Золотухин, но приехать они отказались.

Нина Максимовна сказала:

— Почему ты там находишься?! Тебе надо оттуда уйти!

Семен Владимирович крепко ругнулся. И тоже нашел, что мне нечего там делать:

— Уезжай оттуда!..».

21 июля Высоцкий почти весь день безвылазно провел дома. Вечером отправился в театр, где должен был играть в «Преступлении и наказании», но на сцену не вышел — уговорил Любимова его заменить. Очевидцы рассказывают, что в тот день только и твердил, что скоро умрет. Все хотел вернуть людям, у которых что-то брал, долги. Из театра он заехал к Ивану Бортнику. Тот вспоминает:

«Володя зашел в шикарном вельветовом костюме с ключами от «мерседеса». Увидел у меня бутылку водки «Зверобой» и сразу:

«Давай, наливай!». Я говорю тихо жене Тане: «Спрячь ключ от машины». Выпили, он захорошел. «Поехали, — говорит, — ко мне продолжать! Возьмем у Нисанова спирту». Потом спохватился: «Где ключи-то от машины?». Я говорю: «Спрятали, лучше возьмем такси». Отправились к его девушке Оксане на Грузинскую. Там Володя достал спирт, выпили, говорили допоздна.

Утром он меня будит: «Ванятка, надо похмелиться». Я сбегал в магазин, принес две бутылки «Столичной» по 0,75. Оксана устроила скандал и одну разбила в раковине на кухне. Но мы все-таки похмелились из оставшейся бутылки. Я попрощался с Володей, взял такси, уехал домой, отключил телефон и лег спать, потому что через день у меня был важный спектакль — «Десять дней, которые потрясли мир». Как потом рассказала Таня, вечером Володя пришел совершенно трезвый, взял у нее ключи от машины и уехал. Меня будить не стал…».

В тот день Высоцкий заехал в московский ОВИР, чтобы получить загранпаспорт. Однако удалось ему это далеко не сразу. Почему? Дело в том, что за некоторое время до этого в ОВИРе произошла смена руководства: вместо доброго приятеля Высоцкого Сергея Фадеева в кресло начальника сел другой человек — генерал МВД. Сделано это было не случайно. Таким способом КГБ убрал из ОВИРа человека Высоцкого, чтобы отсечь последнему возможность выезда за границу. В тот день артисту было заявлено, что получить документы быстро не удастся — надо заново их переоформлять, поскольку в последний раз Высоцкий это делал год назад, а на дворе уже 80-й. Видимо, разработчики этой акции надеялись на то, что бард не станет вдаваться в детали и сделает так, как ему скажут. Но Высоцкий поломал этот план.

Он вспомнил, что оформлял разрешение на год в июле 1979 года, а сейчас на календаре июль 80-го и до его конца есть еще несколько дней — больше недели. «Так что в июле я еще могу выехать», — сказал Высоцкий. Работник ОВИРа стушевался и стал ссылаться на нового начальника: дескать, решать ему. А когда наш герой попросил его связать с ним, ему ответили отказом. Тогда именитый гость ответил, что сам разыщет телефон начальника ОВИРа. И уехал домой.

Эта история немедленно была доведена до начальника ОВИРа, который в свою очередь доложил о ней «наверх». И там, видимо, была дана команда: документы Высоцкому оформить. Там поняли, что его ни в коем случае нельзя вспугнуть, а оформление документов усыпит его бдительность. Так, собственно, и произойдет.

Вечером 22-го Высоцкий позвонил жене в Париж и сообщил

дату своего приезда. Вспоминает М. Влади:

«Вечером двадцать второго июля — наш последний разговор: «Я завязал. У меня билет и виза на двадцать девятое. Скажи, ты еще примешь меня?».

— Приезжай. Ты же знаешь, я всегда тебя жду.

— Спасибо, любимая моя.

Как часто я слышала эти слова раньше… Как долго ты не повторял их мне… Я верю. Я чувствую твою искренность…».

И вновь отметим: если сказанное Влади правда, то в поступках Высоцкого не было никакой логики — несколько дней назад он ездил с Оксаной покупать обручальные кольца, а теперь звонит жене, говорит, что любит ее и просит его принять. Между тем, по словам Оксаны, Высоцкий в те дни заявил ей, что хочет порвать с женой и даже написал ей прощальные стихи. Он передал их Оксане вместе с адресом же, чтобы та отослала их в Париж. Но она этого не сделала — оставила открытку на телевизоре в квартире Высоцкого. Те стихи теперь известны всем:

Лед надо мною — надломись и тресни!
Я весь в поту, как пахарь от сохи.
Вернусь к тебе, как корабли из песни,
Все помня, даже старые стихи.
Мне меньше полувека — сорок с лишним.
Я жив, двенадцать лет тобой храним.
Мне есть что спеть, представ перед Всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед ним.

Утром 23 июля Высоцкому позвонили из ОВИРа и коротко сообщили: «Владимир Семенович, зайдите за паспортом». Тот так и сделал. После чего заехал в авиакассу и приобрел билет до Парижа на 29 июля. Еще он заехал в аптеку, где у него работали знакомые, и выпросил у них несколько ампул «лекарства» — табу, наложенное Федотовым, он все-таки нарушал. Хотя той же Влади врал, что он с наркотиками покончил.

Но в Париж Высоцкий так и не попал. Как он сам пел в одной из своих последних песен:

Я когда-то умру — мы когда-то всегда умираем, —
Как бы так угадать, чтоб не сам — чтобы в спину ножом…

Угадал… Правда, не нож был использован в реальности, а другое средство. Впрочем, у Высоцкого и на этот счет есть четверостишие:

Сколько великих выбыло —
Их выбивали нож и отрава.
Что же, на право выбора
Каждый имеет право…

Тем же утром 23 июля Федотов и Янклович заехали в Институт имени Склифосовского, где Федотов попросил у врача Леонида Сульповара хлоралгидрат для Высоцкого — видимо, получение препарата легальным путем должно было обеспечить алиби Федотову. Это довольно токсичное лекарство назначают при перевозбуждениях, однако оно противопоказано больным с нарушениями функций печени и почек, а также при заболеваниях сердечно-сосудистой системы. У Высоцкого эти болезни были. Вот почему Сульповар и его коллега С. Щербаков поначалу отказались выдавать лекарство. Однако просителям удалось-таки их уговорить, поскольку их все знали как лучших друзей Высоцкого. Ведь никто не мог предположить, что они хотят сознательно навредить больному!

Однако методы лечения, которые применял Федотов, у людей, бывших рядом с Высоцким, продолжали вызывать удивление. Например, Оксана Афанасьева вспоминает следующее:

«Я Федотову говорила:

— Толя, ты мне объясни, как может реагировать организм на два совершенно противоположных препарата?!

С одной стороны, он колол успокаивающее, снотворное, а с другой — вводил тонизирующие препараты. Он делал настолько странные вещи, что даже я удивлялась:

— По-моему, происходит разлад нервной системы, — ведь ей непонятно, какую команду выполнять: не то отдыхать, не то бодрствовать…

— Да нет, — говорил Толя, — это специально так… Он как бы отдыхает, и в то же время он — в тонусе…

— Ну, не знаю…

А Володя уже никак не реагировал…».

Ночью 23 июля Высоцкий должен был замолчать навсегда, но этого не случилось. Причем по случайности.

Дело в том, что сосед Высоцкого по подъезду Валерий Нисанов (он жил двумя этажами выше — на десятом) тоже не доверял Федотову. Поэтому вечером 23 июля он позвонил все тому же врачу Склифа Л. Сульповару и попросил его приехать к Высоцкому. Тот согласился и взял с собой еще и Станислава Щербакова. Именно эти двое и предотвратили в тот день возможное убийство Высоцкого. Вот как об этом вспоминает С.

Щербаков:

«Когда мы узнали, в каких дозах и в каких смесях хлоралгидрат будет применяться, мы с Леней стали на дыбы! Решили сами поехать на Малую Грузинскую. Реанимобиль был на вызове, мы сели в такси.

Приезжаем, открывает дверь какая-то девушка. В нестандартном большом холле горит одна лампочка — полумрак. На диване под одеялом лежит человек и вроде слегка похрапывает. Я прохожу первым, смотрю: человек в очках… Понимаю, что не Высоцкий. Это был Федотов — тогда я в первый раз с ним столкнулся…».

Прервем рассказ для небольшой ремарки. Судя по всему, Федотов должен был накачать Высоцкого хлоралгидраиом и оставить одного. После чего врач должен был лечь спать, чтобы обеспечить себе алиби на момент смерти больного: дескать, все произошло без его ведома. А подтвердить это должен был свидетель — Оксана Афанасьева, та самая девушка, которая открыла нежданным гостям дверь. Именно такая ситуация и произойдет два дня спустя, когда Высоцкий все же умрет.

И вновь вернемся к рассказу С. Щербакова:

«Спрашиваю:

— Где Высоцкий?

— Там, в спальне.

Проходим туда и видим: Высоцкий, как говорят медики, в асфикции — Федотов накачал его большими дозами всяких седативов. Он лежал практически без рефлексов… У него уже заваливается язык! То есть он сам может себя задушить (и это, судя по всему, должно было произойти, не приди вовремя нежданные гости. — *Авт.*). Мы с Леней придали ему положение, которое и положено наркотизированному больному, рефлексы чуть-чуть появились. Мы с Леней анестезиологи, но и реаниматоры тоже, — видим, что дело очень плохо. Но ведь и Федотов — реаниматолог-профессионал! Я даже не знаю, как это назвать — это не просто халатность или безграмотность!..».

Естественно, увидев такую картину — асфикцию у больного и полное бездействие его лечащего врача, приехавшие стали настаивать на немедленной госпитализации Высоцкого. Но Федотов встал на дыбы — категорически отказался это делать. Впрочем, послушаем рассказ все того же С. Щербакова:

«Я однозначно настаивал, чтобы немедленно забрать Высоцкого. И не только потому, что тяжелое состояние, но и потому, что Высоцкому здесь просто нельзя быть. Нельзя!

Федотов сказал, что это нужно согласовать с родителями — хотя зачем в такой ситуации согласовывать с родителями?!

Сульповар позвонил. По-моему, он говорил с Ниной Максимовной (мама Высоцкого. — *Авт.*), она сказала:

— Ребята, если нужно, конечно, забирайте!..».

Однако и здесь Федотов нашел что сказать: сообщил, что забирать Высоцкого нельзя, что у него уже куплен билет в Париж, а вылет — через несколько дней.

И снова — слова С. Щербакова:

«Федотов вел себя почему-то очень агрессивно, — он вообще не хотел госпитализации. Вначале ссылался на родителей, а потом говорил, что справится сам…».

Поведение Федотова можно расценить следующим образом: нежданные гости помешали осуществиться его плану, а своей госпитализацией и вовсе могли пустить его под откос. Короче, Высоцкого требовалось во что бы то ни стало оставить дома. И это сделать удалось.

Поскольку вариант с длительным лечением отпадал из-за скорого отъезда Высоцкого, было предложено попытаться запереть больного на даче на пару-тройку дней и подключить к аппаратам. Но Федотов и этот вариант отмел.

С. Щербаков: «…Мы хотели привезти аппарат на дачу, но все поломал Федотов:

— Да вы что! На даче! Нас же всех посадят, если что…

Короче говоря, все время чувствовалось, что он не хочет, чтобы забирали Высоцкого. Не хочет! И даже непонятно — почему?.. Что, он считал себя профессиональнее нас? Об этом и речи не могло быть после того, что мы увидели в спальне. Мы пытались у него узнать: что он делает, по какой схеме… Федотов не очень-то распространялся, но мы поняли, что от промедола он хочет перейти к седативным препаратам — седуксен, реланиум, хлоралгидрат… В общем, через всю «седативу», минуя наркотики. Но это неправильная позиция! И теперь абсолютно ясно, что Высоцкого просто «проспали», как мы говорим. Да Федотов и сам рассказал об этом…».

От себя заметим: Высоцкого, скорее всего, «проспали» не случайно, а целенаправленно, выдав его смерть за естественную.

Но почему же, спросит читатель, двое врачей не смогли справиться с Федотовым и не уговорили его немедленно увезти Высоцкого подальше от дома, где его поджидала верная смерть? Объяснение находим у того же С. Щербакова:

«Я тогда сказал все и, по-моему, в достаточно грубой форме. Леня Сульповар… Мне тогда не очень понравилась его позиция, — он немного пошел на поводу у Федотова…».

Короче, Щербаков остался в одиночестве в том споре, и судьба Высоцкого была предрешена. Причем тогда же

определилась и точная дата, когда это должно было произойти. Врачебный консилиум пришел к мнению, что Высоцкого в тот день забирать не стоит, а надо это сделать утром 25 июля. Больного предполагалось отвезти в Склиф и там лечить в течение нескольких дней. Но ничего этого уже не понадобится, поскольку до утра 25 июля Высоцкий должен был умереть.

Отметим, что в ночь с 23 на 24 июля Федотова возле Высоцкого не было — он уехал домой, а рядом с нашим героем остался Янклович. А вот уже на следующую ночь, как раз перед отправкой Высоцкого в Склиф, ночевать в квартире на Малой Грузинской останется Федотов.

Последние несколько часов жизни Высоцкого в рассказах очевидцев выглядят следующим образом.

Ю. Емельяненко: «24 июля мы приехали на Малую Грузинскую поддатые, веселые… Володя спел пару песен. Знаете, мы его никогда не просили петь, он не любил, чтобы его просили. Он вдруг сам, ни с того, ни с сего, брал гитару и пел. Это возникало спонтанно… Он сам высовывался со своими предложениями по этому поводу и не принимал чужих рекомендаций и просьб. А вот когда подходило у него, припирало, он говорил: «Так, спою чего-то новое сейчас или прокатаю новую песню…». А мы уже знали все эти механизмы у него и сами не просили петь.

Так вот, он спел пару песен, сейчас уже не помню, какие. Еще Вадим говорил: «Володя, ну что ты орешь, как сумасшедший, как резанный, мы же здесь рядом все?!».

— А я иначе не могу, — и пошел… Орет, а мы рядом кружком сидим возле дивана, у нас перепонки лопаются… Спел он пару песен и еще в кайф вошел, он до этого укололся, видимо… Потом, после песен, он стал требовать выпить. Схитрил. Он действительно был парень с хитрецой. Сходил на кухню, потом скользнул мимо нас сразу в дверь и наверх. А там, по-моему, художник Налбандян жил или кто-то другой, где он всегда водку добывал, но уже и там не оказалось. Он говорит: «Ну, могут друзья мои съездить, достать мне водки, мне хочется выпить». Никто не смог достать… Володя вроде бы затих. — Затих, смирившись с обстановкой, что нигде ничего не достанешь, ну куда же — час ночи… Я поднялся, мне было неудобно, пора уже было уходить. Вадим — со мной, мы взяли машину и уехали…».

А. Федотов: «24 июля я работал… Часов в восемь вчера заскочил на Малую Грузинскую. Володе было очень плохо, он метался по комнатам. Стонал, хватался за сердце. Вот тогда он при мне сказал матери Нине Максимовне:

— Мама, я сегодня умру…

Я уехал по неотложным делам на некоторое время. Где-то после двенадцати звонит Валера Янклович:

— Толя, приезжай, побудь с Володей. Мне надо побриться, отдохнуть.

Я приехал. Он метался по квартире. Стонал…».

В. Нисанов: «Двадцать четвертое… Вечером мы сидели у меня (как мы помним, он жил на два этажа выше квартиры Высоцкого — на 10-м. — *Авт.*), примерно до половины первого ночи. Потом спустились вниз, я их оставил, поднялся к себе. По-моему, все разошлись… Я так понял, что Янклович уехал домой. Примерно в два часа ночи позвонил Федотов: «Принеси немного шампанского. Володе нужно». Я принес шампанское и ушел спать».

О. Афанасьева: «Я все эти ночи не спала! И какие это были ночи! То я с балкона его вытаскивала — сейчас он бросится… То в туалет водила, то в ванную… То бегала к таксистам шампанское покупать, если ему нужно было…

И вот я пошла спать, говорю Толе:

— Толя, ты не будешь спать?

— Я посижу, ты иди поспи…

И я пошла… А тут прекратились всякие звуки — поэтому я и заснула. Потому что мертвая тишина! Ну, думаю, — Володя заснул, и я могу поспать…».

Наступила роковая ночь с 24 на 25 июля 1980 года.

А. Федотов: «Эта ночь для Володи была очень тяжелой. Я сделал укол снотворного. Он все маялся. Потом затих. Он уснул на маленькой тахте, которая тогда стояла в большой комнате.

А я был со смены — уставший, измотанный. Прилег и уснул — наверное, часа в три.

Проснулся от какой-то зловещей тишины — как будто меня кто-то дернул. И к Володе! Зрачки расширены, реакции на свет нет. Я давай дышать, а губы уже холодные. Поздно.

Между тремя и половиной пятого наступила остановка сердца на фоне инфаркта. Судя по клинике — был острый инфаркт миокарда. А когда точно остановилось сердце — трудно сказать. В свидетельстве о смерти потом мы записали: «Смерть наступила в результате острой сердечной недостаточности, которая развилась на фоне абстинентного синдрома…»».

Рассказывает М. Влади: «В четыре часа утра двадцать пятого июля я просыпаюсь в поту, зажигаю свет, сажусь на кровати. На подушке — красный след, я раздавила огромного комара. Я не отрываясь смотрю на подушку — меня словно заколдовало это яркое пятно. Проходит довольно много времени, и, когда звонит телефон, я знаю, что услышу не твой голос. «Володя умер». Вот и

все, два коротких слова, сказанных незнакомым голосом. Тебя придавил лед, тебе не удалось разбить его…».

А теперь послушаем соседа Высоцкого по лестничной площадке — известного писателя Теодора Гладкова; он является автором множества книг про советских разведчиков:

«Наступает ночь 25 июля… Люди, которые были при Володиной кончине, потом говорили, что он умер тихо и мирно во сне. Это не так…

Было жаркое лето, окна открыты… Слышу — Володя буйствует. Потом смотрю — он выбегает на лестничную площадку, а его компания, эти сукины дети — тот самый мастер восточных единоборств с нунчаками да еще фельдшер Игорек, его скручивают и снова заталкивают в квартиру. Ему надо было просто налить полстакана водки. А они его привязывали к дивану — на руках даже кожа была ободрана…

Опять слышу шум — компания выводит в лифт бесчувственную Оксану. Мне стало не по себе. Володя уже не кричит, во дворе стоит «скорая»… Я вышел на лестничную площадку — там огромный санитар, почему-то, несмотря на жару, в меховой шапке. Я спрашиваю: «С Володей что-то?». Он: «Экзордиус мортале, что по-русски означает смертельный исход».

А потом произошло и вовсе странное: из Володиной квартиры вышел один из его друзей-мерзавцев с двумя кейсами в руках! Доказательств у меня никаких нет. Но Марина потом говорила, что пропала их с Володей переписка (кстати, весьма ценная вещь в свете изучения международной деятельности Высоцкого. — *Ф. Р.*), проза, кассеты. И еще с Володи была снята цепочка, которую подарил Шемякин. Потом выяснилось, что у одного из этих друзей жена была сотрудницей посольства, американка, она вывезла эти вещи и там их загнали…».

В. Нисанов: «В половине пятого утра мне в дверь позвонили. Выхожу в трусах. Стоит Янклович: «Володя умер». Как мог я быстренько оделся, спустился вниз, захожу в квартиру. И вижу его лежащим в большой комнате на топчане с завязанными руками. Топчан очень узкий, и руки связали, чтобы они не сваливались в стороны.

«Как это могло произойти?» — ошарашено спрашиваю у Толи Федотова… Он признался, что спал и не углядел. Когда подошел к Володе, тот был уже холодный. Ксюша тоже, оказывается, спала…».

Вспомним слова С. Щербакова: «Высоцкого проспали». Причем, «проспать» его должны были еще 23-го, но тогда сорвалось. Два дня спустя все прошло без запинки. Вот и Нисанов о том же:

«Федотова уже нет в живых (он покончит с собой в 1992 году. — *Авт.*). Все мои мысли почему-то сводятся к одному — Володя был умерщвлен. Утверждение не категоричное. Прямых доказательств нет. Но все предпосылки говорят именно об этом. Встречаясь с друзьями, откровенно говорю: «Федотов мог убить Володю по заказу моей любимой Родины»… События той ночи развивались так…

Я принес Володе шампанское и сразу ушел спать. Как мне потом рассказали, Федотов положил какую-то таблетку в это шампанское. По признанию самого Федотова, якобы это было успокоительное — бром. Что там было на самом деле, никто не знает…

Заметим, что все, кого ни пытался лечить Толя, через какое-то время погибали. Это очень настораживало. Такое произошло с сыном Нейгауза — очень выпивающим человеком. Прямых доказательств опять же нет…».

С. Щербаков: «Если 25-го был аналог ситуации 23-го, — а судя по всему, аналог был полный, — Высоцкий умер от асфиксии. Запал язык, и он просто не смог дышать. Ведь он был полностью релаксирован — расслаблен — за счет больших доз седактивных препаратов… А ведь Федотов его «лечил» этим методом не день и не два — по крайней мере, две недели…

Что касается диагноза — якобы инфаркт миокарда, он всех устроил. Все с радостью за него ухватились. А ведь все это делается очень просто: берется одна кардиограмма… Я могу вам показать с десяток кардиограмм с инфарктом… Все дело в том, чтобы убрать предыдущие, — тогда не с чем сравнивать. О том, что подсунули кардиограмму, мне говорили Годяев, Сульповар и еще кто-то из фельдшеров наших…».

26 июля в Москву прилетает Марина Влади. По ее словам, «Я вхожу в твой кабинет. Единственное место, оставшееся нетронутым, — это рабочий стол. Все остальное перерыто, переставлено, переложено. Не осмелились только прикоснуться к рукописям (как ясно из воспоминаний Т. Гладкова, это не так. — *Ф. Р.*). И когда я машинально укладываю в чемодан сотни листочков и передаю его одному из друзей, чтобы он спрятал, я еще не знаю, что просто спасаю твои стихи…

В комнате с закрытыми окнами лежит твое тело. Ты одет в черный свитер и черные брюки. Волосы зачесаны назад, лоб открыт, лицо застыло в напряженном, почти сердитом выражении. Длинные белые руки вяло сложены на груди. Лишь в них видится покой. Из тебя выкачали кровь и вкололи в вены специальную жидкость, потому что в России с покойными прощаются, прежде чем хоронить. Я одна с тобой, я говорю с

тобой, я прикасаюсь к твоему лицу, рукам, я долго плачу. Больше никогда — эти два слова душат меня. Гнев сжимает мне сердце. Как могли исчезнуть столько таланта, щедрости, силы? Почему это тело, такое послушное, отвечающее каждой мышцей на любое из твоих желаний, лежит неподвижно? Где этот голос, неистовство которого потрясало толпу? Как и ты, я не верю в жизнь на том свете, как и ты, я знаю, что все заканчивается с последней судорогой, что мы больше никогда не увидимся. Я ненавижу эту уверенность. Уже ночь. Я включаю нашу настольную лампу. Золотистый свет смягчает твое лицо. Я впускаю скульптора, который поможет мне снять посмертную маску. Это очень верующий пожилой человек. Его размеренные движения меня успокаивают. Пока он разводит гипс, я мажу твое лицо вазелином, и мне кажется, что оно разглаживается у меня под пальцами. Последняя ласка — как последнее успокоение. Потом мы молча работаем. Я несколько лет занималась скульптурой, я знаю как делаются слепки, я вспоминаю почти забытые движения, эта работа вновь окунает меня в простоту жизни…».

Скульптор, о котором упоминает Влади, — Юрий Васильев — был знаком с Высоцким, оформлял многие спектакли Таганки. Делать посмертную маску с Высоцкого его пригласил Юрий Любимов. В тот день, 27 июля, кроме Марины Влади ему помогал и его сын Михаил. Как рассказывал позднее Ю. Васильев, во время этой скорбной работы случилась неожиданная сложность. Он по всем правилам наложил маску, как это делал всегда. Когда же он попытался ее снять, — это оказалось невозможным. Как будто какая-то сила ее прижала к лицу усопшего. Тогда Васильев обратился к Высоцкому: «Володенька, отпусти». После этого неожиданно легко маска снялась. Тогда же, вместе с маской, был сделан и слепок с руки Высоцкого.

По этому поводу самое время вспомнить пророческую песню Высоцкого «Памятник», написанную им за семь лет до смерти:

И с меня, когда взял я да умер,
Живо маску посмертную сняли
Расторопные члены семьи, —
И не знаю, кто их надоумил…

Похороны Высоцкого прошли 28 июля. И снова — воспоминания М. Влади: «Приходят друзья, чтобы положить тебя в гроб. Накатывает горе — волна за волной. Плач, крики, шепот, тишина и сорванные от волнения голоса, повторяющие твое имя. Пришли все. Некоторые приехали с другого конца страны, другие не уходили с вечера. Дом наполняется, и, как в большие

праздники, балконы, коридор, лестничная площадка полны людей. Только все это в необычной, давящей тишине. Приносят гроб, обитый белым. Тебя осторожно поднимают, укладывают, я поправляю подушку у тебя под головой. Твой врач Игорек спрашивает меня, может ли он положить тебе в руки ладанку. Я отказываюсь, зная, что ты не веришь в Бога. Видя его отчаяние, я беру ее у него из рук и прячу тебе под свитер. Гроб ставят в большом холле дома, чтобы все могли с тобой проститься.

В пять часов утра начинается долгая церемония прощания. Среди наших соседей много артистов и людей, связанных с театром. Они идут поклониться тебе. И еще — никому не известные люди, пришедшие с улицы, которые уже все знали. Москва пуста. Олимпийские игры в самом разгаре. Ни пресса, ни радио ничего не сообщили. Только четыре строчки в «Вечерке» отметили твой уход…».

Отметим, что руку к похоронам самым активным образом приложил Юрий Андропов. Когда решался вопрос о месте захоронения, «хозяин» Москвы В. Гришин не стал брать на себя ответственность и передресовал этот вопрос Андропову, видимо, прекрасно зная отношение последнего к покойному. Шеф КГБ распорядился: похоронить барда на самом «народном» кладбище — на Ваганьковском; документы были оформлены в течение получаса. Более того, хоронили Высоцкого в гробу № 6 («шестерка»), который был положен только покойным из числа высшей гос— и партноменклатуры: спустя два года в таком гробу похоронят Л. Брежнева. Чтобы артиста, не имеющего никаких официальных званий, да еще имевшего имидж полуподпольного, похоронили в таком же гробу, что и Генсека, надо было иметь не просто особенные, а какие-то выдающиеся заслуги. У Высоцкого они, судя по всему, были — он долгие годы мог работать на международном направлении как агент влияния советских либералов во власти. В таком случае правительственный гроб был ему просто положен по статусу. По идее, ему должны были отдать и воинские почести (залпы салюта и т. д.), однако это было бы уже слишком — полная расшифровка перед общественностью как агента влияния. Старая площадь на это пойти не могла — тайна Высоцкого должна была умереть вместе с ним, а на слуху должна была остаться легенда о «жертве режима». С этой легендой мы до сих пор и живем.

Использованная литература

Книги:
• В. Высоцкий. Сочинения
• М. Влади. Владимир, или Прерванный полет»
• В. Перевозчиков. Правда смертного часа
• Д. Карапетян. Владимир Высоцкий
• В. Бакин. Высоцкий без мифов и легенд
• А. Черняев. Совместный исход
Журналы
• «Караван историй»